П-Ж. Прудонъ.

ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ?

1-й МЕМУАРЪ.

ИЗЛѢДОВАНІЕ ПРИНЦИПА ПРАВА И ПРАВИТЕЛЬСТ

2-й МЕМУАРЪ.

ПИСЬМО КЪ БЛАНКИ О СОБСТВЕННОСТИ.

Переводъ съ новѣйш. франц. изд. **Θ. Капелюша.**

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ“.
А. МИЛЛЕРЪ, ЛЕЙПЦИГЪ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

ЦАБ "Автограф"

Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингофскій. пр., 10—19.

ЦАБ "Автограф"

П.-Ж. Прудонъ.

ЦАБ "Автограф"

Оглавленіе.

Стран.

Предисловіе.

Первый мемуаръ.

Глава первая. Методъ, которому мы слѣдуемъ въ нашемъ трудѣ. Идея революціи 9

Глава вторая. Собственность, какъ естественное право. О захватѣ и гражданскомъ правѣ, какъ источникахъ собственности. Опредѣленія 28
§ 1. Собственность, какъ естественное право 29
§ 2. Захватъ, какъ основаніе собственности 34
§ 3. Гражданское право, какъ основаніе собственности . . 42

Глава третья. Трудъ, какъ источникъ собственности 49
§ 1. Земля не можетъ быть предметомъ собственности . . 51
§ 2. Всеобщее согласіе не оправдываетъ собственности . . 54
§ 3. Собственность никогда не можетъ получить право давности 55
§ 4. О трудѣ. Трудъ самъ-по-себѣ не можетъ вести къ присвоенію предметовъ природы 60
§ 5. Трудъ ведетъ къ равенству собственности 63
§ 6. Въ обществѣ всѣ должны получать одинаковую плату за трудъ 69
§ 7. Неравенство способностей есть необходимое условіе равенства имуществъ 73
§ 8. При справедливомъ режимѣ трудъ уничтожаетъ собственность 84

Глава четвертая. Собственность не возможна. Доказательство.—Аксіома 87
Первое положеніе.—Собственность не возможна, потому что она требуетъ нѣчто отъ ничего 90
Второе положеніе.—Собственность не возможна, потому что, при режимѣ собственности, производство дороже своей стоимости 95
Третье положеніе.—Собственность не возможна, потому что, при данномъ капиталѣ, производство опредѣляется трудомъ, а не собственностью 97
Четвертое положеніе.—Собственность не возможна, потому что несетъ намъ смерть 100
Пятое положеніе.—Собственность не возможна, потому что, благодаря ей, общество губитъ себя 103

ЦАБ "Автограф"

Приложеніе къ пятому положенію: объ организаціи труда, неравенствѣ заработной платы и пауперизмѣ. 110

Шестое положеніе.—Собственность не возможна, потому что она мать тираніи. 116
Седьмое положеніе. — Собственность не возможна, потому что, потребляя получаемое ею, она уничтожаетъ его, сберегая, аннулируетъ его, а капитализируя обращаетъ его противъ производства 118
Восьмое положеніе.—Собственность не возможна, потому что ей присуща безконечная тенденція къ накопленію, а между тѣмъ примѣняется эта тенденція только къ конечнымъ величинамъ 121
Девятое положеніе.—Собственность не возможна, потому что она безсильна противъ собственности 122
Десятое положеніе. — Собственность не возможна, потому что она является отрицаніемъ равенства 125

Глава пятая. Психологическій разборъ идеи справедливаго и несправедливаго и опредѣленіе принципа правительства и права 125

Часть первая.— § 1. О нравственномъ чувствѣ у человѣка и животныхъ 126
§ 2. Первая и вторая ступень общественности 129
§ 3. Третья ступень общественности 134

Часть вторая. § 1. Причина нашихъ заблужденій. Происхожденіе собственности 140
§ 2. Отличительныя черты коммунизма и собственности . . 145
§ 3. Опредѣленіе общественныхъ формъ. Заключенія . . . 156

ЦАБ "Автограф"

Что такое собственность?

ЦАБ "Автограф"

ЦАБ "Автограф"

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предисловіемъ къ первому изданію этого мемуара служило нижеслѣдующее письмо.

Господамъ Членамъ Безансонской Академіи

Парижъ
30-го Іюня 1840 г.

Милостивые Государи.

Въ Вашемъ засѣданіи 9-го мая 1833 г. по вопросу о трехгодичной субсидіи, основанной госпожей Сюаръ, Вы выразили слѣдующее желаніе:

„Академія приглашаетъ поименованнаго посылать ей ежегодно, въ первую половину іюля мѣсяца, краткій и систематическій отчетъ о научныхъ занятіяхъ его въ теченіе истекшаго года".

Исполняю, милостивые государи, эту обязанность.

Когда я обратился къ Вамъ, я изложилъ Вамъ, въ какомъ направленіи я намѣренъ работать; я гордо заявилъ, что намѣренъ работать надъ изысканіемъ средствъ къ *улучшенію физическаго, моральнаго и интеллектуальнаго положенія самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса населенія*. Хотя эта мысль могла показаться неподходящей къ объекту моей кандидатуры, Вы благосклонно приняли ее. Удостоивъ меня цѣннаго отличія, Вы сдѣлали это условіе моимъ ненарушимымъ святымъ долгомъ передъ Вами. Я зналъ отнынѣ, съ какой достойной и почтенной корпораціей имѣю дѣло; мое преклоненіе передъ ея корифеями, моя благодарность за ея благодѣянія, мои старанія во славу ея — не знали границъ.

Прежде всего я былъ убѣжденъ, что для того, чтобы выйти изъ торной дороги всякихъ мнѣній и системъ, необходимо внесть въ изученіе человѣка и общества научные пріемы и строгій методъ; я посвятилъ годъ филологіи и грамматикѣ; лингвистика, или естественная исторія языка, болѣе всѣхъ другихъ наукъ отвѣчала моимъ природнымъ склонностямъ, она казалась мнѣ въ самой тѣсной связи съ предпринимаемымъ мною изслѣдованіемъ. Въ это время я написалъ книгу объ одномъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ сравнительной грамматики *); если она и не произвела сенсаціи, то во всякомъ случаѣ доказала солидность моихъ трудовъ.

*) *Recherches sur les catégories grammaticales*, par P.-J. Proudhon: mémoire mentionné honorablement par l'Academie des inscriptions, le 4 mai 1839. Inédit.

ЦАБ "Автограф"

Затѣмъ я занялся исключительно метафизикой и моралью, при этомъ я на опытѣ убѣдился, что эти науки допускаютъ несомнѣнныя доказательства, хотя объектъ ихъ до сихъ поръ не установленъ съ точностью; уже одинъ этотъ результатъ былъ достаточнымъ вознагражденіемъ за мои труды.

Но, милостивые государи, изъ всѣхъ моихъ учителей я больше всего обязанъ вамъ. Ваши конкурсы, ваши программы, ваши указанія, рядомъ съ моими собственными сокровенными желаніями и излюбленными надеждами, постоянно освѣщали мнѣ мой путь; этотъ мемуаръ о собственности есть плодъ Вашихъ думъ.

Въ 1838 г. Безансонская Академія поставила слѣдующій вопросъ: *Въ чемъ заключается причина все растущаго числа самоубійствъ, и какія средства въ состояніи остановить дѣйствіе этой моральной заразы?*

Этотъ вопросъ выражаетъ лишь въ болѣе конкретной формѣ другую проблему: гдѣ лежитъ причина соціальнаго зла, и гдѣ лекарство противъ него? Вы сами признали это въ лицѣ Вашей комиссіи, которая объявила, что конкурренты полностью перечислили непосредственныя и частныя причины самоубійства, а также и средства противъ каждой изъ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ констатировала, что эти болѣе или менѣе талантливые перечни не даютъ намъ никакой положительной доктрины относительно первой причины зла и средства противъ него.

Въ 1839 г. Ваша программа, всегда заманчивая и варіирующая въ своей академической формѣ, приняла болѣе точную форму. Конкурсъ 1838 года обозначаетъ въ качествѣ причинъ или лучше діагностическихъ признаковъ общественнаго недуга забвеніе религіозныхъ и нравственныхъ принциповъ, стремленіе къ богатству, жажду наслажденій, политическую агитацію; всѣ эти данныя Вы соединили въ одномъ положеніи: *О пользѣ празднованія воскреснаго дня, съ точки зрѣнія гигіены, морали, семейныхъ и гражданскихъ отношеній.*

Вы спрашивали, милостивые государи, на языкѣ христіанства, въ чемъ заключается истинная система общества. Одинъ изъ конкурентовъ *) позволилъ себѣ утверждать (и полагаетъ, что ему удалось доказать свой тезисъ), что учрежденіе еженедѣльнаго отдыха необходимо связано съ политической системой, построенной на равенствѣ условій; что безъ равенства это учрежденіе является аномаліей, не возможно; что только равенство можетъ воскресить, оживить это древнее и таинственное празднованіе седьмого дня недѣли. Это разсужденіе не удостоилось Вашего одобренія, потому что, не отрицая связи, отмѣченной конкуррентомъ, Вы полагали и совершенно справедливо, что разъ самый принципъ равенства условій не доказанъ еще, то идеи автора не выходятъ изъ области гипотезъ.

Наконецъ, милостивые государи, Вы выбрали темой для конкурса самый этотъ фундаментальный принципъ равенства, причемъ формулировали ее слѣдующимъ образомъ: *Объ экономическихъ и моральныхъ результатахъ, которые вытекали до сихъ поръ у насъ во Франціи и, вѣроятно, будутъ вытекать впослѣдствіи изъ закона о равномъ распредѣленіи наслѣдства между дѣтьми.*

Если не ограничиваться общими мѣстами безъ ширины и полета мысли, вотъ какъ слѣдуетъ понимать по-моему Вашу тему:

Если законъ могъ дать всѣмъ дѣтямъ одного отца равное право на наслѣдство, то не можетъ ли онъ сдѣлать то-же для всѣхъ его внуковъ и правнуковъ?

*) *De l'utilité de la célébration du dimanche*, etc., par P.-J. Proudhon. Besançon, 1839, in-12; 2-me édition, Paris, 1841, in-18.

ЦАБ "Автограф"

Если законъ не признаетъ болѣе права первенства въ семьѣ, то не можетъ ли это наслѣдственное право повести къ тому, чтобъ исчезло всякое старшинство во всей расѣ, племени, націи?

Можетъ ли наслѣдственное право сохранить равенство между всѣми гражданами точно такъ же, какъ между братьями и кузенами? Однимъ словомъ, можетъ ли принципъ наслѣдственнаго права стать принципомъ равенства?

Резюмируя все это: въ чемъ заключается принципъ наслѣдственнаго права? основанія неравенства? собственность?

Таково, милостивые государи, содержаніе мемуара, который я сегодня преподношу Вамъ.

Если я правильно уловилъ Вашу мысль, если я предаю гласности неоспоримую истину, которая долгое время оставалась неизвѣстной по причинамъ—смѣю думать—достаточно выясненнымъ мною; если мнѣ удалось съ помощью безошибочнаго метода установить догматъ о равенствѣ состояній; если я опредѣлилъ начало гражданскаго права, сущность справедливости и истинную форму общественнаго устройства; если я навсегда разбилъ собственность—то вся слава этого принадлежитъ Вамъ, милостивые государи, всѣмъ этимъ я обязанъ Вашей поддержкѣ и Вашимъ указаніямъ.

Идея этого труда—методическая разработка философскихъ проблемъ; мнѣ чуждо и даже обидно всякое иное намѣреніе.

Я не очень лестно отзываюсь здѣсь о юриспруденціи; я имѣлъ на это право, но былъ бы неправъ, если-бъ смѣшалъ въ одну кучу эту мнимую науку и людей, работающихъ въ ней. Отдавшись тяжелому и суровому труду, во всѣхъ отношеніяхъ достойные уваженія своихъ согражданъ, заслужившіе его своимъ краснорѣчіемъ и своими знаніями, наши юристы заслуживаютъ только слѣдующаго упрека: они чрезвычайно податливы по отношенію къ чисто произвольнымъ законамъ.

Я преслѣдую политико-экономовъ своей неумолимой критикой; что касается этихъ господъ, то признаюсь, я вообще не люблю ихъ. Меня возмущаютъ безсодержательность и бѣднота ихъ сочиненій, ихъ дерзкая заносчивость и неквалифицируемые промахи. Кто, зная ихъ, можетъ извинить имъ это, тотъ пусть читаетъ ихъ.

Я сдѣлалъ тяжелый упрекъ христіанской церкви и ея проповѣди; я долженъ былъ сдѣлать это. Этотъ упрекъ построенъ на фактахъ, доказанныхъ мною; почему церковь высказывала свои сужденія по вопросамъ, которыхъ она не понимала? Церковь заблуждалась какъ въ области догмы, такъ и въ области морали; физическая и математическая очевидность свидѣтельствуетъ противъ нея. Быть можетъ, съ моей стороны ошибка говорить это; но несомнѣнно, несчастье христіанскаго міра, что это такъ. Для того, чтобы возстановить религію, милостивые государи, необходимо осудить церковь.

Быть можетъ, милостивые государи, Вы выразите сожалѣніе, что, сосредоточивъ все свое вниманіе на методѣ и ясности аргументаціи, я слишкомъ неглижировалъ формой и стилемъ; я напрасно старался бы исправить этотъ недостатокъ. Мнѣ недостаетъ литературная самоувѣренность. Девятнадцатый вѣкъ является, на мой взглядъ, эпохой генезиса, въ которой возникаютъ новые принципы; но все, что пишется въ эту эпоху, осуждено на погибель. Этимъ, я думаю, объясняется, что, при всѣхъ своихъ талантахъ, нынѣшняя Франція не имѣетъ ни одного великаго писателя. Мнѣ кажется анахронизмомъ искать литературной славы въ такомъ обществѣ, какъ наше. Стоитъ ли играть роль старой Сивиллы, когда вотъ-вотъ должна родиться юная муза! Жалкіе актеры въ подошедшей къ концу трагедіи, самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать,—это

ЦАБ "Автограф"

ускоритьразвязку. Кто изъ насъ лучше всего справится съ этой задачей-тотъ заслуживаетъ наибольшей похвалы; но меня не манитъ эта печальная слава.

Отчего мнѣ не сознаться въ этомъ, милостивые государи? Когда я ставилъ передъ Вами свою кандидатуру на званіе Вашего стипендіата, въ душѣ моей жила ненависть ко всему существующему и всякаго рода разрушительные проэкты; но я закончу свой курсъ ученія въ кроткомъ, философскомъ настроеніи. Чувство гнета вызвало во мнѣ гнѣвъ и негодованіе, но зато еще больше внушило мнѣ хладнокровія лицезрѣніе истины. Самымъ цѣннымъ результатомъ моего труда было бы для меня, если бъ мнѣ удалось внушить читателямъ этого мемуара то душевное спокойствіе, которое дается яснымъ пониманіемъ добра и зла, и которое гораздо ближе къ силѣ, нежели страсть и энтузіазмъ. Моя ненависть къ привиллегіямъ и власти человѣка надъ человѣкомъ не знала предѣловъ; быть можетъ, я провинился тѣмъ, что дѣлалъ иногда отвѣтственными не факты, а личности; теперь же я могу лишь презирать и сожалѣть; мнѣ достаточно было узнать истину, чтобъ перестать ненавидѣть.

Теперь за Вами, милостивые государи, за Вами, которые призваны возвѣщать истину,—просвѣтить народъ, сказать ему, на что ему слѣдуетъ надѣяться, и чего ему слѣдуетъ бояться. Народъ не способенъ еще къ здравымъ сужденіямъ о томъ, что ему полезно; онъ одинаково рукоплещетъ самымъ противоположнымъ доктринамъ, если только видитъ, что авторы ихъ льстятъ ему; въ этомъ отношеніи законы мышленія являются для него словно границами возможнаго—онъ не различаетъ ученаго отъ софиста, какъ не различалъ прежде физика отъ колдуна. „Онъ склоненъ вѣрить всякой новости, все принимаетъ за чистую монету; онъ бѣжитъ на шумъ новизны, какъ мошки слетаются надъ журчащимъ ручьемъ“ *).

О, если бы въ Вашихъ душахъ, милостивые государи, жило такое же стремленіе къ равенству, какъ въ моей; если бы Вы, для вѣчнаго блага нашей родины, стали его пропагандистами и герольдами; если бы я былъ послѣднимъ Вашимъ стипендіатомъ! Это изъ всѣхъ моихъ пожеланій самое достойное Васъ и самое почетное для меня.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и благодарностью

Вашъ стипендіатъ

П.-Ж. Прудонъ.

Два мѣсяца послѣ полученія этого письма, Академія (въ засѣданіи отъ 24-го августа) отвѣтила своему стипендіату слѣдующей нотой, которую мы приводимъ здѣсь дословно:

„Одинъ изъ членовъ обращаетъ вниманіе Академіи на брошюру, опубликованную въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года стипендіатомъ имени г-жи Сюаръ подъ заглавіемъ „*Что такое собственность?*“ и посвященную авторомъ Академіи. Онъ того мнѣнія, что корпорація должна въ интересахъ справедливости и собственнаго достоинства, а также для того, чтобъ подать примѣръ, публично сложить съ себя всякую отвѣтственность за антисоціальныя доктрины этого произведенія. Исходя изъ этихъ соображеній, онъ предлагаетъ:

1) Чтобы Академія самымъ формальнымъ образомъ отвергла и отказалась отъ произведенія стипендіата имени Сюаръ, такъ какъ оно было

*) Charron, *de la Sagesse*, chap. 18.

ЦАБ "Автограф"

обнародовано безъ согласія Академіи и приписываетъ ей взгляды, совершенно противоположные взглядамъ каждаго изъ ея членовъ.

2) Внушить стипендіату, на случай если книга эта выйдетъ вторымъ изданіемъ, опустить посвященіе;

3) Помѣстить постановленіе Академіи на этотъ счетъ въ ея печатныхъ протоколахъ.

При голосованіи всѣ три предложенія были приняты".

Послѣ этого крикливаго постановленія, которое авторы его для вящей важности облекли въ форму опроверженія, мнѣ остается только просить читателя не судить объ умѣ моихъ соотечественниковъ по нашей Академіи.

Въ то время, какъ мои патроны въ соціальныхъ и политическихъ наукахъ обрушились съ анаѳемой противъ моей *брошюры*, за меня вступился человѣкъ, чужой въ Франшъ-Конте, не знавшій меня, могущій даже считать себя задѣтымъ моей слишкомъ рѣзкой критикой по адресу политико-экономовъ, ученый, но нисколько не зазнающійся публицистъ, любимый народомъ, съ которымъ онъ переживаетъ всѣ его страданія, отличенный властью, которую онъ старается наставить на путь истины, не прибѣгая къ лести и самоуниженію; г. Бланки, членъ Института, профессоръ политической экономіи, сторонникъ собственности, взялъ на себя мою защиту передъ своими собратьями и министромъ и спасъ меня отъ преслѣдованія всегда слѣпого, ибо всегда невѣжественнаго, правосудія.

Я думаю, читатель съ удовольствіемъ прочтетъ здѣсь письмо, которымъ г. Бланки почтилъ меня послѣ обнародованія моего второго мемуара, письмо, столь-же почетное для его автора, сколь лестное для того, кто послужилъ объектомъ его.

„Милостивый Государь!

Спѣшу выразить Вамъ свою благодарность за любезно пересланный мнѣ второй мемуаръ Вашъ о собственности. Я прочелъ его со всѣмъ интересомъ, естественно внушеннымъ мнѣ знакомствомъ съ первымъ мемуаромъ. Я очень радъ, что Вы измѣнили нѣсколько рѣзкость изложенія, которая придавала этому столь важному произведенію аллюры и видъ памфлета; вѣдь Вы, милостивый государь, вызвали во мнѣ серьезныя опасенія, и понадобилось не болѣе, не менѣе, какъ Вашъ талантъ, чтобъ успокоить меня относительно Вашихъ намѣреній. Человѣкъ не расходуетъ столько дѣйствительныхъ знаній, чтобъ зажечь пожаръ въ своей странѣ. Этотъ колючій тезисъ: „*Собственность есть воровство*" въ состояніи былъ-бы оттолкнуть отъ Вашей книги даже серьезные умы, которые не судятъ по ярлычку, если-бы Вы настаивали на немъ въ его дикой примитивности. Вы смягчили форму, но не измѣнили своей доктринѣ; и хотя Вы сдѣлали мнѣ честь и выставили меня соучастникомъ Вашего грознаго пророчества, я не могу принять этой солидарности, которая безспорно почетна для моего таланта, но компрометируетъ меня во всемъ остальномъ.

Я согласенъ съ Вами только въ томъ, что у насъ слишкомъ часто злоупотребляютъ всякаго рода собственностью. Но изъ злоупотребленій я не заключаю о необходимости полной отмѣны, героическое средство, очень подобное смерти, которая тоже избавляетъ отъ всѣхъ болѣзней. Я пойду еще дальше: скажу Вамъ, что злоупотребленія собственностью кажутся мнѣ самыми недостойными злоупотребленіями; но, повторяю, можно найти средства противъ нихъ, не прибѣгая къ нарушенію, а тѣмъ паче къ уничтоженію собственности. Если наши законы плохо

ЦАБ "Автограф

регулируютъ пользованіе собственностью, то можно вѣдь ихъ передѣлать. Наше гражданское уложеніе не Коранъ; мы не преминули доказать это. Итакъ, измѣните законы, но избѣгайте анаѳемъ; потому что, если быть логичнымъ, кто-же совершенно чистъ? Неужели Вы думаете, что можно быть воромъ, не зная, не желая, не подозрѣвая этого? Вѣдь Вы согласны, что нынѣшнее общество имѣетъ въ себѣ, какъ каждый человѣкъ, всѣ роды добродѣтелей и пороковъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ. Считаете ли Вы собственность такой простой и абстрактной вещью, что ее можно, такъ сказать, точить на станкѣ метафизики, пускать въ ея прокатные валы? Въ обоихъ Вашихъ прекрасныхъ и пародоксальныхъ импровизаціяхъ имѣется слишкомъ много превосходныхъ практическихъ мыслей, чтобъ можно было считать Васъ непреклоннымъ утопистомъ чистой воды. Вы слишкомъ хорошо знакомы съ языкомъ политической экономіи и науки, чтобы играть громкими и зловѣщими словами. Поэтому я полагаю, что Вы сдѣлали съ *собственностью* то, что восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ Руссо съ *литературой*: великолѣпный, поэтическій дебошъ ума и науки. Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе.

Такъ я и сказалъ въ Институтѣ, въ своемъ докладѣ о Вашей книгѣ. Я зналъ, что ее хотѣли преслѣдовать по суду; Вы, быть можетъ, никогда не узнаете, какая счастливая случайность дала мнѣ возможность помѣшать этому *).

Я не могъ-бы утѣшиться, если-бы послѣ меня и какъ-бы по моимъ слѣдамъ выступилъ на сцену королевскій прокуроръ, т. е., палачъ въ области духа и набросился на Вашу книгу, схватилъ-бы Васъ въ свои лапы! Я провелъ двѣ страшныхъ ночи, клянусь Вамъ, и мнѣ удалось удержать руку правосудія лишь указаніемъ на то, что Ваша книга — академическая диссертація, а не манифестъ петролейщика. Вашъ стиль слишкомъ высокъ, чтобъ могъ когда либо служить безумцамъ, которые рѣшаютъ самые всеобъемлющіе вопросы нашего общественнаго порядка бросаніемъ камней на улицахъ. Но смотрите, милостивый государь, какъ бы они вопреки Вамъ не стали въ скоромъ времени искать для себя матеріала въ Вашемъ грозномъ арсеналѣ, какъ бы Ваша могучая метафизика не попала въ руки какого-нибудь уличнаго софиста, который станетъ комментировать ее передъ своей голодной аудиторіей — финаломъ будетъ грабежъ и буйство.

Я такъ-же, какъ и Вы, Милостивый Государь, возмущенъ указываемыми Вами злоупотребленіями; но я такъ крѣпко люблю порядокъ — не тотъ банальный порядокъ, для котораго достаточно полицейскихъ агентовъ, но величественный, импозантный порядокъ человѣческихъ обществъ, — что я въ нѣкоторомъ родѣ стѣсняюсь нападать на извѣстныя злоупотребленія. Я хотѣлъ-бы одной рукой возстановить все то, что я вынужденъ потрясти другой. Намъ такъ приходится бояться за плодовыя почки, когда мы срубаемъ старое дерево! Вы знаете это лучше вся-

---

*) Прежде чѣлъ дать распоряженіе о судебномъ преслѣдованіи противъ Мемуара о собственности, г-нъ Вивіанъ, министръ юстиціи, хотѣлъ услышать мнѣніе Бланки; возраженія этого почтеннаго академика заставили его пощадить книгу, надъ которой уже занесенъ былъ мечъ правосудія. Г-нъ Вивіанъ не единственный администраторъ, который оказалъ мнѣ помощь и покровительство со времени моей первой публикаціи; но подобное благородство такъ рѣдко въ политическихъ сферахъ, что я съ радостью и безъ оговорокъ воздаю ему должную дань. Я лично всегда былъ того мнѣнія, что плохія учрежденія рождаютъ плохихъ администраторовъ, точно такъ-же какъ трусость и ханжество извѣстныхъ корпорацій проистекаютъ исключительно изъ господствующаго въ нихъ духа. Почему, напримѣръ, академіи, несмотря на красующіяся въ нихъ добродѣтели и таланты, являются въ общемъ центрами интеллектуальнаго гнета, глупости и низкихъ интригъ? Этотъ вопросъ заслуживаетъ того, чтобъ какая-нибудь академія выбрала его темой для конкурса; охотники нашлись-бы.

ЦАБ "Автограф"

каго другого. Вы серьезный, образованный человѣкъ, съ умомъ созерцательнымъ; вы достаточно рѣзко выражаетесь о нашихъ современныхъ маніакахъ, такъ что самые недовѣрчивые умы должны быть успокоены насчетъ Вашихъ намѣреній; но въ концѣ концовъ Вы все-таки требуете уничтоженія собственности! Вы хотите уничтожить самый сильный рычагъ умственной жизни человѣка, вы нападаете на отцовское чувство въ самыхъ нѣжныхъ его иллюзіяхъ, вы останавливаете однимъ словомъ образованіе капиталовъ, отнынѣ намъ придется строить на пескѣ вмѣсто гранита. Вотъ съ чѣмъ я не могу согласиться, вотъ почему я критикую вашу книгу, хотя она изобилуетъ прекрасными страницами и такъ и блещетъ энтузіазмомъ и эрудиціей!

Я хотѣлъ-бы, милостивый государь, чтобъ мое, къ сожалѣнію, расшатанное, здоровье позволило мнѣ пройти съ вами страницу за страницей мемуаръ, который вы изволили публично и лично преподнесть мнѣ; я думаю, что могъ-бы сдѣлать вамъ вѣскія возраженія. Но пока я долженъ ограничиться благодарностью за ваши лестные отзывы обо мнѣ. Мы оба искренни, скорѣе уже не достаетъ мнѣ ума, нежели искренности. Вы знаете, какъ тяжко страдаетъ рабочій классъ; я знаю, сколько благородныхъ сердецъ бьется подъ рубищами, и въ душѣ моей живетъ непоборимая братская симпатія къ этимъ людямъ, которые подымаются съ зарей на работу, чтобы быть въ состояніи уплатить подати—это сила нашего отечества. Я стараюсь служить имъ, просвѣтить ихъ, тогда какъ другіе хотятъ ввести ихъ въ заблужденіе. Вы не обращались прямо къ нимъ. Вы написали два великолѣпныхъ манифеста, изъ которыхъ второй составленъ въ болѣе умѣренныхъ выраженіяхъ, нежели первый; напишите-же еще третій, болѣе умѣренный, чѣмъ второй, и вы займете мѣсто въ наукѣ, первый долгъ которой —спокойствіе и безпартійность.

Прощайте, милостивый государь! Нельзя питать къ человѣку большее уваженіе, чѣмъ питаю его я къ Вамъ.

Парижъ, 1 Мая 1841 г. *Бланки.*

Конечно, я могъ бы кое-что возразить противъ этого благороднаго и краснорѣчиваго письма; но, признаться, мнѣ важнѣе осуществить заключающееся въ немъ предсказаніе, чѣмъ ни за что, ни про что увеличивать число моихъ антагонистовъ. Эти вѣчные споры утомляютъ и раздражаютъ меня. Умственная энергія, которую тратишь на эти словопренія, такъ-же безусловно потеряна, какъ и усилія разума на войнѣ. Г-нъ Бланки согласенъ съ тѣмъ, что въ области собственности имѣется много злоупотребленій, и возмутительныхъ злоупотребленій; съ своей стороны я называю *собственностью* исключительно ансамбль этихъ злоупотребленій. Для насъ обоихъ собственность—многоугольникъ, въ которомъ требуется усѣчь углы; но Бланки находитъ, что послѣ этой операціи наша фигура все-же останется многоугольникомъ (гипотеза эта, хотя и не доказанная, допускается въ математикѣ), тогда какъ я утверждаю, что она превратится въ кругъ. Честные люди съумѣютъ, по крайней мѣрѣ, столковаться между собой.

Впрочемъ, я допускаю, что при нынѣшнемъ положеніи вопроса, умы имѣютъ право колебаться передъ уничтоженіемъ собственности. Въ самомъ дѣлѣ, надо разбить общепризнанный принципъ, который имѣетъ за собой ту неоспоримую заслугу, что является квинтэссенціей всѣхъ нашихъ политическихъ вѣрованій; для того чтобъ имѣть пользу отъ этого, надо выдвинуть противоположный принципъ и формулировать

ЦАБ "Автограф"

ту новую систему, которая вытекаетъ изъ него. Далѣе, надо показать, что эта новая система удовлетворитъ всѣ тѣ моральныя и политическія нужды, которыя обусловили появленіе ея предшественницы. Итакъ вотъ каковы условія, отъ которыхъ я самъ дѣлаю зависимой вѣрность моей аргументаціи:

— Найти систему абсолютнаго равенства, въ которой могутъ найти мѣсто всѣ нынѣшнія учрежденія, за исключеніемъ собственности (или суммы ея злоупотребленій)—въ то-же время они сами будутъ въ ней орудіями равенства. Это—свобода личности, раздѣленіе властей, общественное министерство, судъ присяжныхъ, организація суда и администраціи, единое и цѣльное народное обученіе, бракъ, семейство. наслѣдованіе по прямой и побочной линіи, право продажи и обмѣна, право завѣщанія и даже первородства. Систему, которая лучше собственности обезпечиваетъ образованіе капиталовъ и общее усердіе; которая съ болѣе высокой точки зрѣнія объясняетъ, исправляетъ и дополняетъ всѣ предложенныя до сихъ поръ теоріи ассоціаціи, начиная отъ Платона и Пиѳагора и кончая Бабефомъ, Сен-Симономъ и Фурье. Систему, наконецъ, которая сама себѣ служитъ переходной ступенью и можетъ быть непосредственно реализована.

Я знаю, такой всеобъемлющій трудъ требуетъ работы двадцати Монтескье; однако, если одному человѣку не дано довести его до конца, онъ все-же можетъ заложить фундаментъ его. Сдѣланнаго имъ достаточно, чтобъ выяснить цѣль и обезпечить результатъ.

ЦАБ "Автограф"

ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ

или изслѣдованіе принципа права и правительства.

Первый мемуаръ.

Adversus hostem aeterna auctoritas esto
(Врагу—вѣчная месть)
Законъ двѣнадцати таблицъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Методъ, которому мы слѣдуемъ.—Идея революціи.

Если бъ мнѣ поставленъ былъ вопросъ: *Что такое рабство?* и я отвѣтилъ на него однимъ словомъ: *Убійство*, мысль моя была бы для всѣхъ ясной. Мнѣ не надо было бы прибѣгать къ длиннымъ разсужденіямъ и доказывать, что отымать у человѣка его мысль, его волю, его личность, значитъ распоряжаться надъ его жизнью и смертью: обращать человѣка въ рабство значитъ убивать его. Почему же мнѣ не отвѣтить и на другой вопросъ: *Что такое собственность?* точно также: *Собственность—воровство*, и не быть увѣреннымъ при этомъ, что я останусь непонятымъ? Вѣдь второй тезисъ есть только видоизмѣненный первый. Я берусь за изслѣдованіе самаго принципа нашихъ учрежденій: собственности и правительства. Имѣю на это полное право. Я могу придти къ ошибочнымъ заключеніямъ въ этомъ изслѣдованіи. Это тоже мое право. Мнѣ угодно привесть въ самомъ началѣ книги ея послѣдній выводъ. Опять таки, я имѣю на это полное право.

Одни авторы заявляютъ намъ, что собственность есть гражданское право, возникшее на почвѣ первоначальнаго захвата (занятія) вещи и освященное закономъ, другіе находятъ, что собственность—естественное право, родившееся на почвѣ труда. При всей видимой противуположности этихъ доктринъ, обѣ онѣ находятъ сочувствіе и одобреніе. Я утверждаю, что ни трудъ, ни захватъ, ни законъ не могутъ создать собственности, она на-лицо безъ причины. Неужели это такое прегрѣшеніе съ моей стороны? Какой шумъ подымутъ мои слова!

— *Собственность — воровство!* Вѣдь это набатъ 93-го года! ураганъ революціи!

Читатель, успокойтесь: я вовсе не апостолъ раздора, не слуга мятежа. Я лишь предвосхищаю на нѣсколько времени ходъ исторіи, излагаю истину, которая осуществится неминуемо, мы напрасно пытаемся воспрепятствовать этому; я пишу предисловіе къ нашей будущей конституціи. Мое опредѣленіе: Собственность—воровство, кажется вамъ кощунственнымъ, но оно можетъ сыграть роль громоотвода, если только злобо-

ЦАБ "Автограф"

дневная сутолока позволитъ намъ вникнуть въ него; но сколько интересовъ, сколько предразсудковъ возстаютъ противъ него!.. Увы, философія не въ состояніи измѣнить хода событій; судьбы народовъ будутъ совершаться независимо отъ ея предсказаній; да и не слѣдуетъ ли, въ концѣ концовъ, чтобъ справедливость совершилась, и закончилось наше воспитаніе?

— *Собственность—воровство!..* Какой переворотъ въ идеяхъ человѣчества! Испоконъ вѣку слова: собственникъ и воръ означали собой совершенно противорѣчивыя понятія, точно такъ же какъ носители ихъ были двумя противуположными крайностями, всѣ языки санкціонировали эту антилогію. На какой же авторитетъ можете вы сослаться, объявляя войну всеобщему мнѣнію и опровергая родъ человѣческій? Кто вы, осмѣливающійся отрицать мудрость народовъ и вѣковъ?

— Что вамъ, читатель, до моей жалкой особы? Я, какъ и вы, принадлежу къ столѣтію, въ которомъ разумъ подчиняется только фактамъ и доказательствамъ; мое имя, также какъ и ваше, есть искатель истины *), моя задача опредѣляется словами Писанія: *Говори безъ страха и злобы, говори то, что ты знаешь.* Наша цѣль — воздвигнуть храмъ науки, — науки, которая охватываетъ одинаково человѣка и природу. Но истина можетъ открыться каждому, сегодня Ньютону и Паскалю, завтра пастуху въ деревнѣ и рабочему въ мастерской. Каждый вноситъ свою лепту и затѣмъ сходитъ со сцены. Вѣчность позади насъ, вѣчность — впереди; что такое бренный человѣкъ между этими двумя безконечностями, и какой интересъ можетъ представлять онъ для своего столѣтія? Оставьте поэтому въ сторонѣ мое званіе и профессію, читатель, и займитесь исключительно моими доводами. Я хочу исправить всеобщую ошибку, но исхожу при этомъ изъ того, съ чѣмъ всѣ согласны; отъ мнѣнія всего человѣчества я аппелирую къ вѣрѣ всего человѣчества. Имѣйте храбрость послѣдовать за мной и, если ваша воля свободна, ваша совѣсть чиста, если умъ вашъ въ состояніи связать двѣ посылки и извлечь изъ нихъ заключеніе, то мои идеи неминуемо станутъ вашими. Бросая вамъ на первой же страницѣ свое послѣднее слово, я желалъ лишь предупредить васъ, читатель, вовсе не бравировалъ этимъ, потому что я убѣжденъ: если вы прочтете мою книгу, она заставитъ васъ согласиться со мною. То, о чемъ я говорю въ ней, такъ просто, такъ ясно, что вы удивитесь, что не замѣчали этого раньше, и скажете себѣ: „Я никогда не останавливался на этомъ". Пусть другіе являютъ вамъ зрѣлище генія, проникающаго въ тайны природы и провозглашающаго высокія откровенія; у меня вы найдете только рядъ опытныхъ данныхъ о *справедливости* и *правѣ*, такъ сказать, провѣрку единицъ мѣры въ вашей совѣсти. Операціи мои будутъ производиться на вашихъ глазахъ, и вы сами оцѣните мои выводы.

Впрочемъ, я не строю никакой системы: я требую отмѣны привилегій и рабства, требую равенства правъ, царства закона. Справедливости, не болѣе какъ справедливости. Вотъ содержаніе моего труда; я предоставляю другимъ заботу о дисциплинированіи умовъ.

Однажды я спросилъ себя: Почему въ человѣческомъ обществѣ столько горя и несчастья? Неужели человѣкъ осужденъ на вѣчныя страданія? Меня не удовлетворяли наши реформаторы, которые обвиняютъ въ народныхъ бѣдствіяхъ то слабость и неопытность правительства, то заговорщиковъ и мятежниковъ, то всеобщую темноту и испорченность; уставши отъ безконечныхъ преній въ парламентѣ и прессѣ, я рѣшилъ самъ углубиться въ этотъ вопросъ. Я обратился къ свѣтиламъ науки, прочелъ

*) По Гречески Skepticos, изслѣдующій. философъ, ставящій себѣ цѣлью допытываться истины.

ЦАБ "Автограф"

сотню томовъ по философіи, юриспруденціи, политической экономіи и исторіи; ахъ, если бы Богу угодно было, чтобъ я жилъ въ столѣтіи, когда все это чтеніе оказалось бы ненужнымъ! Я употребилъ всѣ усилія, чтобъ добиться точныхъ знаній, я сравнивалъ различныя доктрины, сопоставлялъ возраженія съ отвѣтами на нихъ, безъ устали сличалъ аргументы, взвѣшивалъ тысячи силлогизмовъ на вѣсахъ самой требовательной логики. На этомъ крестномъ пути своемъ я собралъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, которыми подѣлюсь съ моими друзьями и публикой, какъ только буду имѣть время для этого. Но я долженъ сказать это: мнѣ съ самаго начала стало казаться, что мы никогда не понимали смысла столь обыденныхъ и священныхъ словъ, какъ *справедливость*, *равенство*, *свобода*, что наши идеи на этотъ счетъ были совершенно безпомощны, и эта темнота наша была единственной причиной и терзающаго насъ пауперизма, и всѣхъ тѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ страдалъ родъ человѣческій.

Умъ мой ужаснулся, придя къ такому странному результату; я сталъ сомнѣваться въ моемъ разсудкѣ. Какъ — сказалъ я себѣ — ты открылъ то, чего не видѣлъ ничей глазъ, не слышало ничье ухо, что осталось недоступнымъ ни одному уму до тебя! Побойся Бога, несчастный, и не принимай галлюцинацій твоего больного мозга за откровеніе науки! Развѣ ты не знаешь: великіе философы говорятъ, что въ практической морали не можетъ быть общей ошибки?

Я рѣшилъ поэтому подвергнуть свои выводы обратной провѣркѣ, и вотъ какіе вопросы я задалъ себѣ при этомъ: возможно ли, что человѣчество такъ долго и универсально заблуждалось въ области практической морали? Какимъ образомъ и почему оно заблуждалось? И возможно ли, чтобъ такое всеобщее заблужденіе человѣчества оказалось поправимымъ?

Отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ зависѣла для меня вѣрность моихъ наблюденій. Анализъ скоро справился съ этими трудностями. Въ 5-ой главѣ этой книги мы увидимъ, что въ морали, какъ и во всякой прочей области знанія, самыя тяжкія заблужденія являются для насъ лишь ступенями въ поступательномъ ходѣ науки, и что вплоть до самой области правосудія, ошибки всегда оказываются привиллегіей, облагораживающей человѣка. Что касается философской заслуги, могущей выпасть на мою долю, читатель увидитъ, что она безконечно ничтожна. Назвать предметы своими именами—не велика вещь, удивительно было бы, если бъ мы знали ихъ до появленія ихъ на свѣтъ. Высказывая идею, для которой настало время, идею, которая владѣетъ всѣми умами, которая будетъ завтра провозглашена другимъ, если я не возвѣщу ее сегодня, я могу претендовать лишь на починъ ея формулировки. Развѣ поютъ диѳирамбы тому, кто первый видитъ нарожденіе утренней зари?

Да, всѣ люди вѣрятъ и повторяютъ, что равенство условій тождественно съ равенствомъ правъ, что *собственность* и *кража*—синонимы; что всякое соціальное преимущество, пріобрѣтенное или вѣрнѣй узурпированное подъ предлогомъ особаго таланта или заслугъ, есть неравенство и разбой; всѣ люди, повторяю, подтверждаютъ эти истины своимъ собственнымъ разумѣніемъ—надо только открыть имъ глаза на это.

Прежде чѣмъ перейти къ нашей темѣ, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ пути, которому я намѣренъ слѣдовать—въ этомъ трудѣ. Приступая къ какой-нибудь геометрической проблемѣ, Паскаль сначала создавалъ себѣ методъ для разрѣшенія ея, для разрѣшенія философской проблемы тоже необходимъ извѣстный методъ. А вѣдь проблемы философіи ведутъ къ куда болѣе важнымъ результатамъ, чѣмъ проблемы геометріи. Тѣмъ настоятельнѣй потребность въ глубокомъ и серьезномъ анализѣ для ихъ разрѣшенія.

ЦАБ "Автограф"

Новѣйшіе психологи считаютъ фактомъ, находящимся внѣ всякаго сомнѣнія, что всякое воспріятіе нашего ума перерабатывается по извѣстнымъ общимъ законамъ этого послѣдняго, формулируется, такъ сказать, по извѣстнымъ типамъ, даннымъ уже заранѣе въ нашемъ познаніи и являющимся какъ бы его формальнымъ укладомъ. Такъ что, говорятъ они, если разумъ человѣка и не имѣетъ прирожденныхъ *идей,* то зато имѣетъ по меньшей мѣрѣ прирожденныя *формы.* Такъ, напримѣръ, всякое явленіе необходимо воспринимается нами во времени и пространствѣ; заставляетъ насъ предполагать причину, вызвавшую ее на свѣтъ. Все существующее заключаетъ въ себѣ идеи *субстанціи, вида, числа, отношенія* и т. д.; однимъ словомъ, каждая мысль наша находится въ связи съ тѣмъ или другимъ общимъ принципомъ нашего разума, внѣ этихъ принциповъ не существуетъ ничего.

Эти аксіомы познанія—прибавляютъ психологи,—эти основные типы, къ которымъ неизбѣжно сводятся всѣ наши сужденія и идеи и которыя сказываются во всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ, извѣстны въ школѣ подъ именемъ *категорій,* ихъ первичное существованіе въ разумѣ доказано теперь; рѣчь идетъ только о томъ, что-бъ дать перѣчень ихъ и привести ихъ въ систему. Аристотель насчитывалъ десять категорій; Кантъ довелъ число ихъ до пятнадцати, Кузенъ уменьшаетъ ихъ до трехъ, двухъ, одной, и неоспоримой заслугой этого профессора останется то, что, если онъ и не открылъ истинной теоріи категорій, то, по крайней мѣрѣ, яснѣй, чѣмъ кто иной, понялъ всю важность этой проблемы, самой великой и, быть можетъ, единой проблемы во всей метафизикѣ.

Признаюсь, я не вѣрю въ прирожденность не только *идей,* но также и *формъ* или законовъ нашего познанія, и считаю метафизику Рейда и Канта еще болѣе далекой отъ истины, нежели метафизику Аристотеля. Но такъ какъ я не собираюсь писать здѣсь критику нашего разума — вещь, которая потребовала бы много труда и нисколько не интересуетъ публику, то я приму въ видѣ гипотезы, что самыя общія и самыя необходимыя наши идеи, напримѣръ: идея времени, пространства, субстанціи и причины, заложены первоначально въ нашемъ разумѣ или, по крайней мѣрѣ, непосредственно вытекаютъ изъ его устройства.

Но укажу на другой, не менѣе вѣрный психологическій фактъ, которымъ философы, быть можетъ, слишкомъ пренебрегали до сихъ поръ: привычка, наша вторая природа, можетъ вносить въ познаніе новыя категорическія формы, которыя взяты съ поражающей насъ внѣшности и именно поэтому, въ большинствѣ случаевъ лишены объективной реальности; тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ на наши сужденія не менѣе сильно, чѣмъ вліяніе вышеупомянутыхъ категорій. Такъ что мы въ одно и тоже время разсуждаемъ согласно вѣчнымъ и абсолютнымъ законамъ нашего разума, а также вторичнымъ, обыкновенно ложнымъ, нормамъ, внушеннымъ намъ недостаточнымъ наблюденіемъ внѣшняго міра. Это самая благодарная почва для ложныхъ предразсудковъ и постоянный источникъ множества заблужденій. Мы въ такой степени находимся во власти этихъ предразсудковъ, что часто, возставая противъ какого-нибудь принципа, который нашъ разсудокъ считаетъ ложнымъ, нашъ разумъ отвергаетъ, наша совѣсть порицаетъ, мы въ сущности, сами того не замѣчая, защищаемъ его; мы разсуждаемъ согласно ему, слѣдуемъ ему въ то самое время, когда нападаемъ на него. Нашъ умъ вертится словно въ заколдованномъ кругу, пока какое-нибудь новое наблюденіе не вызоветъ въ насъ новыя идеи и не откроетъ намъ внѣшній принципъ, сокрушающій фантомъ нашей фантазіи.

Такъ, мы теперь знаемъ, что по законамъ мірового магнетизма, причина котораго остается для насъ неизвѣстной, два тѣла, при отсутствіи

ЦАБ "Автограф"

препятствій, стремятся соединиться другъ съ другомъ—эту силу ускореннаго притяженія мы называемъ *тяготѣніемъ*. Сила тяготѣнія (тяжести) заставляетъ падать на землю тѣла, лишенныя поддержки, она проявляется въ давленіи ихъ на чашку вѣсовъ, она привязываетъ насъ къ почвѣ, на которой мы живемъ и двигаемся. Только потому, что древніе не знали этой силы, они не вѣрили въ антиподовъ. „Какъ это вы не видите—говоритъ, по словамъ Лактанція, бл. Августинъ,—что, если-бъ подъ нашими ногами существовали люди, голова ихъ очутилась бы внизу, и они упали бы на небо?“ Епископъ Гиппонскій, считавшій землю плоской, потому что она казалась ему такой, полагалъ, что если съ зенита къ надиру различныхъ мѣстностей провести прямыя линіи, онѣ должны быть параллѣльны другъ другу; всякое движеніе сверху внизъ происходитъ, по его мнѣнію, въ направленіи этихъ линій. Отсюда онъ естественнымъ образомъ долженъ былъ заключить, что звѣзды прикрѣплены къ небесному своду на подобіе факеловъ; что, если-бы онѣ были предоставлены самимъ себѣ, онѣ упали бы на землю огненнымъ дождемъ; что земля есть гигантская площадь, образующая нижнюю часть міра, и т. д. Если-бъ его спросили, на чемъ-же покоится наша земля, онъ отвѣтилъ-бы, что не знаетъ этого, но что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Таковы были взгляды бл. Августина на пространство и движеніе; эти взгляды вытекали у него изъ предразсудка, созданнаго обманомъ чувствъ и ставшаго для него общимъ и непреложнымъ правиломъ сужденія. Что касается самой причины паденія вещей, то на этотъ счетъ въ умѣ его была пустота, онъ могъ сказать о ней развѣ то, что тѣло падаетъ потому, что оно падаетъ.

Для насъ идея паденія болѣе сложна: она вызываетъ въ насъ общія идеи пространства и движенія, кромѣ того идею притяженія или направленія къ центру, которая вытекаетъ изъ высшей идеи причины. Но хотя физика радикально исправила наши взгляды на этотъ предметъ, мы по прежнему прибѣгаемъ въ обиходѣ къ предразсудку бл. Августина; когда мы говоримъ, что какой-нибудь предметъ *упалъ*, мы понимаемъ подъ этимъ не простое дѣйствіе притяженія, а спеціально движеніе *сверху внизъ*, по направленію къ землѣ. Какъ ни просвѣщай нашъ разумъ, воображеніе всегда одерживаетъ верхъ, и языкъ нашъ навсегда остается непоправимымъ. *Упасть съ неба*—выраженіе столь же неправдоподобное, какъ *подняться на небо;* тѣмъ не менѣе оно сохранится, пока будетъ существовать языкъ.

Всѣ эти образныя выраженія: *сверху внизъ, упасть съ неба, упасть съ облаковъ* и т. д. не представляютъ теперь никакой опасности, потому что мы знаемъ, какъ ихъ слѣдуетъ брать на самомъ дѣлѣ; но подумайте, читатель, какой задержкой они должны были быть для прогресса науки.

Пусть статистика, механика, гидродинамика, баллистика мало выигрываютъ отъ того, извѣстна-ли намъ истинная причина паденія вещей и имѣемъ ли мы вѣрное понятіе объ общемъ направленіи пространства; совершенно иначе обстоитъ дѣло, когда рѣчь идетъ объ объясненіи системы міра, о причинѣ приливовъ и отливовъ, о формѣ земли и положеніи ея во вселенной; здѣсь необходимо эмансипироваться отъ иллюзіи, создаваемой нашими чувствами. Уже съ самой глубокой древности имѣлись геніальные механики, блестящіе архитектора, искусные артиллеристы; заблужденія ихъ относительно формы земли и закона тяготѣнія нисколько не вредили развитію ихъ искусства; прочность построекъ и правильность прицѣла нисколько не теряли отъ этого. Но рано или поздно человѣчество должно было открыть феномены, которые оказываются необъяснимыми при предположеніи параллелизма всѣхъ перпендикуляровъ, воздвигнутыхъ на различныхъ точкахъ земной поверхности; тогда должна была начаться

ЦАБ "Автограф"

борьба между предразсудками, которые въ теченіи вѣковъ удовлетворяли потребностямъ повседневнаго обихода, и новыми мнѣніями, которыя, повидимому, шли наперекоръ свидѣтельству нашихъ собственныхъ глазъ.

Итакъ, съ одной стороны самыя ошибочныя сужденія, основываясь на отдѣльныхъ фактахъ или на внѣшности, всегда содержатъ нѣкоторыя реальныя указанія, но тамъ, гдѣ кончаются эти послѣднія, мы попадаемъ въ абсурдъ. Такъ, напримѣръ, въ идеяхъ бл. Августина вѣрно было то, что тѣла падаютъ на землю, что паденіе ихъ происходитъ по прямой линіи, что движется солнце или земля, вращается небо или земля и т. д. Эти общіе факты вполнѣ правильны; наша наука ничего къ нимъ не добавила. Но съ другой стороны, необходимость отдать себѣ отчетъ во всемъ, заставляетъ насъ прибѣгать къ другимъ, болѣе всеобъемлющимъ принципамъ: поэтому пришлось постепенно отказаться отъ мысли, что земля плоска, покинуть теорію, что земля есть неподвижный центръ міра, и т. д.

Но не только въ области физической природы—въ области морали мы встрѣчаемъ тоже вліяніе привычки и предвзятыхъ мнѣній, заблужденія на почвѣ обманчивой внѣшности. Эта область нашихъ знаній отличается однако тѣми добрыми или злыми послѣдствіями, которыя вытекаютъ для насъ изъ нашихъ взглядовъ; кромѣ того – упорствомъ, съ которымъ мы отстаиваемъ въ ней предразсудокъ, мучащій, убивающій насъ.

Будемъ ли мы держаться той или другой системы въ вопросѣ о тяжести и формѣ земли, физика земного шара нисколько не страдаетъ отъ этого; что касается насъ, наша соціальная экономія не можетъ имѣть отъ этого ни пользы, ни ущерба. Но законы нашей нравственной природы совершаются въ насъ самихъ и черезъ насъ самихъ; они невозможны безъ нашего сознательнаго участія, безъ того, чтобъ мы знали ихъ. Поэтому если наши знанія нравственныхъ законовъ ложны, то ясно, что при всемъ нашемъ желаніи добиваться только добра для себя, мы будемъ приносить себѣ только вредъ; если эти знанія несовершенны, они могутъ еще въ извѣстный періодъ служить соціальному прогрессу, но въ дальнѣйшемъ времени они поведутъ насъ на ложную дорогу и въ концѣ концовъ ввергнутъ насъ въ бездну несчастій.

Тогда потребность въ болѣе совершенныхъ познаніяхъ становится для насъ безотлагательной, и—надо сказать это въ нашу славу,—не было примѣра, что-бъ они не явились по зову этой необходимости, но зато тогда-же начинается ожесточенная борьба между старыми предразсудками и новыми идеями. Дни тревоги и страха! Люди вспоминаютъ времена, когда, казалось, весь свѣтъ былъ счастливъ со своими старыми вѣрованіями и старыми учрежденіями: какъ же обвинять эти вѣрованія, забраковать эти учрежденія? Они не хотятъ понять, что именно въ этотъ періодъ расцвѣта созрѣлъ уже принципъ зла, который былъ скрытъ въ лонѣ общества, они обвиняютъ людей и боговъ, сильныхъ міра сего и стихіи природы. Вмѣсто того, что-бъ искать корень зла въ собственномъ разумѣ и сердцѣ, человѣкъ набрасывается на своихъ руководителей, соперниковъ и сосѣдей, на себя самого. Націи вооружаются, убиваютъ, истребляютъ другъ друга, пока путемъ обильнаго кровопусканія не возстановится равновѣсіе. Въ такой степени человѣчеству тяжело наложить руку на обычаи предковъ, измѣнить законы, установленные основателями государствъ и освященные вѣковой традиціей.

Nihil motum ex antiquo probabile est: Остерегайтесь всякаго новшества, восклицаетъ Титъ Ливій. Несомнѣнно, человѣку лучше было-бы, если-бы никогда не приходилось ничего измѣнять. Но если онъ рождается на свѣтъ несвѣдущимъ, если онъ въ состояніи развиваться лишь шагъ

ЦАБ "Автограф"

за шагомъ, неужели изъ этого слѣдуетъ, что онъ долженъ отвергнуть свѣтъ, отказаться отъ своего разума и предоставить себя волѣ случая? Полное здоровье лучше, чѣмъ состояніе выздоравливающаго; развѣ это основаніе для больного отказываться отъ излеченія? Реформа, реформа! былъ кличъ Іоанна Крестителя и Іисуса Христа; реформа, реформа! восклицали отцы наши пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и мы тоже долго еще будемъ восклицать это.

Свидѣтель бѣдствій моего вѣка, я сказалъ себѣ: между принципами, на которыхъ покоится общество, имѣется одинъ, котораго оно не понимаетъ, который оно исказило въ своемъ невѣдѣніи и который является виновникомъ всѣхъ золъ. Это самый древній принципъ, потому что революціямъ свойственно разбивать новые принципы и оставлять въ силѣ старые; такимъ образомъ зло, терзающее насъ, древнѣе, чѣмъ всѣ революціи. Этотъ принципъ, въ томъ видѣ, въ какомъ его создало наше невѣдѣніе, пользуется почетомъ и признаніемъ; въ самомъ дѣлѣ, если-бъ его не желали, онъ никому не приносилъ бы вреда и не имѣлъ бы никакого вліянія.

Что-же это за принципъ, истинный самъ по себѣ, но ложный въ нашемъ пониманіи, принципъ столь же древній, какъ и само человѣчество? Не религія-ли это?

Всѣ люди вѣрятъ въ Бога; этотъ догматъ—достояніе ихъ совѣсти и разума. Богъ является для человѣчества такимъ же первичнымъ фактомъ, такой-же роковой идеей и необходимымъ принципомъ, какъ для нашего познанія идей—категоріи причины, субстанціи, времени и пространства. Наша совѣсть свидѣтельствуетъ намъ о Богѣ еще до первой индукціи нашего разсудка, точно также, какъ наши чувства свидѣтельствуютъ намъ о существованіи солнца еще до всякихъ аргументовъ физической науки. Съ помощью наблюденія и опыта мы открываемъ явленія и законы, но только внутреннее чувство открываетъ намъ самый фактъ существованія. Человѣчество вѣритъ, что Богъ есть; но во что оно вѣритъ, вѣря въ Бога? Однимъ словомъ, что есть Богъ?

Разуму человѣка не удалось еще опредѣлить этого понятія Божества, понятія примитивнаго, единодушнаго, врожденнаго всему роду человѣческому. Съ каждымъ шагомъ впередъ въ нашемъ познаніи природы и дѣйствующихъ въ ней причинъ, передъ нами встаетъ идея Божества; чѣмъ дальше подвигаются впередъ наши знанія, тѣмъ болѣе растетъ Божество и отодвигается отъ насъ. Антропоморфизмъ и идолопоклонство были необходимымъ слѣдствіемъ юности умовъ—теологія дѣтей и поэтовъ. Невинное заблужденіе, если-бы его не превозгласили мѣриломъ нашего поведенія, еслибъ съумѣли уважать свободу мнѣній. Но сотворивъ Бога по образу и подобію своему, человѣкъ захотѣлъ также присвоить его себѣ; недовольный тѣмъ, что исказилъ великое существо, онъ обращается съ нимъ, какъ съ своимъ достояніемъ, своимъ добромъ, своей вещью; изображаемый въ безобразныхъ формахъ, Богъ вездѣ становится собственностью человѣка и государства. Такъ положено было начало коррупціи нравовъ на почвѣ религіи; здѣсь источникъ религіозной вражды и священныхъ войнъ. Благодареніе Богу, мы научились теперь предоставлять каждому свободу вѣры, мы ищемъ теперь критерія нравовъ внѣ области культа, мы разумно выжидаемъ, пока наука скажетъ намъ, что мы должны откинуть и во что мы должны вѣрить въ вопросахъ о природѣ Божества и его аттрибутахъ, о теологическихъ догматахъ, о судьбѣ нашихъ душъ. Богъ, душа, религія—вѣчные объекты нашихъ неустанныхъ размышленій и печальныхъ заблужденій, страшныя проблемы, къ которымъ мы каждый разъ подходимъ сызнова и каждый разъ безъ успѣха; относительно этихъ

ЦАБ "Автограф"

вещей мы еще можетъ колебаться, но теперь наши ошибки остаются по крайней мѣрѣ, безъ дальнѣйшаго вліянія. Съ свободой вѣроисповѣданія и отдѣленіемъ церкви отъ государства, вліяніе религіозныхъ идей на эволюцію общества стало чисто отрицательнымъ, такъ какъ ни одинъ законъ, ни одно политическое или гражданское учрежденіе не вытекаетъ изъ религіи. Пренебреженіе обязанностями, налагаемыми религіей, можетъ благопріятствовать общему упадку нравовъ, но не является безусловной причиной его, оно лишь побочная причина или слѣдствіе его. Въ особенности-же — а въ занимающемъ насъ вопросѣ это соображеніе играетъ рѣшающую роль—теперь не могутъ быть поставлены въ вину религіи неравенство, пауперизмъ, народныя страданія и правительственная путаница. Надо идти дальше, копать глубже.

Но что-же въ человѣкѣ глубже и старѣе, чѣмъ религіозное чувство? Самъ человѣкъ, т. е. его воля и совѣсть, свобода воли и законъ, находящіеся въ вѣчномъ антагонизмѣ между собой. Человѣкъ воюетъ съ самимъ собой: почему?

„Человѣкъ,—говорятъ теологи,—согрѣшилъ въ началѣ; весь родъ нашъ отвѣчаетъ за древнее прегрѣшеніе. Первородный грѣхъ былъ паденіемъ человѣчества: удѣломъ послѣдняго стали заблужденіе и невѣдѣніе. Читайте исторію, вы найдете доказательства этой неизбѣжности ала въ постоянныхъ злосчастіяхъ народовъ. Человѣкъ терпитъ и будетъ терпѣть всегда: его болѣзнь—болѣзнь наслѣдственная и органическая. Употребляйте палліативы, смягчайте боль, но радикальнаго излѣченія не ждите, оно невозможно".

Такъ разсуждаютъ не только теологи, подобные же доводы мы находимъ въ сочиненіяхъ философовъ — матеріалистовъ, считающихъ человѣчество способнымъ къ безконечному совершенствованію. Дестю-де-Траси категорически заявляетъ, что пауперизмъ, преступленія, война — неизбѣжныя условія нашего соціальнаго строя, необходимое зло, съ которымъ безумно вступать въ борьбу. И такъ, *необходимость зла и изначальная испорченность человѣка*—это въ сущности одна и та-же философія.

„Первый человѣкъ согрѣшилъ". Если-бы сектанты Библіи толковали ее правильно, они сказали-бы: Человѣкъ въ началѣ грѣшитъ, другими словами, ошибается, потому что грѣшить, заблуждаться, ошибаться—одно и то же.

„Послѣдствія грѣха Адама передаются по наслѣдству во всемъ его потомствѣ; главное изъ нихъ,—это—невѣдѣніе". Дѣйствительно, невѣдѣніе—удѣлъ какъ всего рода человѣческаго, такъ и отдѣльнаго индивидуума; но человѣчество освободилось уже отъ этого невѣдѣнія въ массѣ вопросовъ, въ томъ числѣ также вопросовъ морали и политики; почемъ же знать, что это невѣдѣніе не будетъ со временемъ окончательно побѣждено человѣчествомъ?! Человѣчество безпрерывно двигается впередъ къ истинѣ, свѣтъ постоянно торжествуетъ надъ тьмой. Значитъ наше зло не абсолютно неизлечимо, и объясненіе теологовъ болѣе, чѣмъ не достаточно: оно смѣшно, потому что сводится къ слѣдующей тавтологіи: „Человѣкъ ошибается, потому что онъ ошибается. Тогда какъ слѣдовало бы сказать: „Человѣкъ ошибается потому, что онъ учится". Когда человѣкъ достигнетъ той стадіи, на которой онъ будетъ знать все, что ему нужно, то надо полагать, онъ перестанетъ страдать, такъ какъ перестанетъ ошибаться.

Намъ говорятъ. что этотъ законъ запечатлѣнъ въ сердцѣ человѣка, но, если мы разспросимъ о немъ его глашатаевъ, мы скоро убѣдимся, что они разсуждаютъ о немъ, не зная, что онъ собственно собой представляетъ: что относительно самыхъ важныхъ вопросовъ суще-

ЦАБ "Автограф"

ствуетъ почти столько же мнѣній, сколько спорщиковъ, что нѣтъ двухъ лицъ, согласныхъ между собой относительно лучшей формы правительства, относительно принципа авторитета и сущности права; что всѣ они носятся по волѣ случая по бездонному и безбрежному морю, предоставленные вдохновенію своихъ субъективныхъ чувствъ, которыя они по скромности своей принимаютъ за воплощеніе разума. Лицомъ къ лицу съ этимъ хаосомъ противорѣчивыхъ мнѣній, мы заявляемъ: „Объектъ нашихъ изслѣдованій есть законъ, опредѣленіе соціальнаго принципа; политики, т. е. люди общественной науки, не согласны другъ съ другомъ; слѣдовательно, ошибка въ нихъ-же; а такъ какъ всякое заблужденіе имѣетъ реальное ядро, то въ ихъ книгахъ должна имѣться истина, которую они вложили туда, сами того не зная".

Итакъ, о чемъ разсуждаютъ наши юристы и публицисты? *О справедливости, равенствѣ, свободѣ, естественномъ и положительномъ правѣ* и т. д. Но что такое справедливость? Каковъ ея цринципъ, характеръ, формула? Ясно, что на этотъ вопросъ наши ученые не имѣютъ отвѣта, иначе наука ихъ построена была-бы на ясномъ и опредѣленномъ принципѣ и вышла-бы изъ состоянія вѣчныхъ догадокъ, всѣ споры прекратились-бы.

Что такое справедливость? Теологи отвѣчаютъ намъ: всякая справедливость исходитъ отъ Бога. Это вѣрно, но ничего не говоритъ намъ.

Философы должны быть лучше оріентированы на этотъ счетъ: они столько толковали о спрaведливомъ и несправедливомъ! Къ несчастью, на самомъ дѣлѣ ихъ знанія сводятся къ нулю; они, какъ тѣ дикари, которые вмѣсто всякой молитвы обращались къ солнцу со словами: О! О! съ крикомъ восхищенія, любви, энтузіазма; на вопросъ, что такое солнце, это междометіе О! проливаетъ очень мало свѣта. Въ такомъ же точно положеніи находимся мы съ нашими философами, если хотимъ узнать у нихъ что-нибудь по вопросу о справедливости. Справедливость, говорятъ они, дщерь неба, свѣтъ, осѣняющій всякаго пришельца въ этомъ мірѣ, самая благодатная прерогатива нашей природы, отличающая насъ отъ животныхъ и уподобляющая насъ Богу, и тысяча другихъ подобныхъ вещей. Къ чему сводятся, спрашиваю я, всѣ эти благочестивые псалмы? Къ молитвѣ дикарей: О!

Самое разумное, къ чему пришла человѣческая мудрость въ этой области, заключается въ слѣдующей знаменитой тирадѣ: Поступай съ другими такъ, какъ хотѣлъ-бы, чтобъ другіе поступали съ тобой; не дѣлай другимъ того, чего не хотѣлъ-бы потерпѣть самъ!

Но это правило практической морали не годится для науки; какое право я имѣю желать, чтобъ со мной поступали такъ, а не иначе? То, что у меня равныя права и обязанности, ничего не говоритъ намъ, пока мы не выяснимъ, въ чемъ заключаются эти права?

Попытаемся придти къ чему-нибудь болѣе осязательному и положительному

Справедливость — это центральное свѣтило, управляющее обществами, полюсъ, вокругъ котораго вращается политическій міръ, принципъ и масштабъ всѣхъ нашихъ поступковъ. Всѣ дѣла совершаются людьми во имя права и справедливости. Справедливость не есть продуктъ закона; напротивъ, законъ всегда лишь провозглашаетъ и примѣняетъ *справедливость* во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ людей на почвѣ ихъ интересовъ. Итакъ, если мы плохо опредѣлили понятіе права и справедливости, если наше опредѣленіе неполно, а тѣмъ паче ложно, ясно, что все наше практическое законодательство никуда негодно, наши учрежденія плохи, наша политика ложна; а отсюда непорядокъ и соціальныя бѣдствія.

ЦАБ "Автограф"

Эта гипотеза объ уродованіи справедливости въ нашемъ пониманіи, а, слѣдовательно, и въ нашихъ поступкахъ, была-бы установленнымъ фактомъ, если-бы взгляды людей на понятіе справедливости и на ея примѣненія не подверглись перемѣнамъ въ разныя эпохи; другими словами, если-бы не было прогресса идей. Но исторія даетъ намъ очевидныя доказательства этого прогресса.

Тысяча восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, міръ подъ эгидой Цезарей погибалъ въ оковахъ рабства, суевѣрія и сладострастія. Опьяненный и словно оглушенный безконечными вакханаліями, народъ потерялъ самое понятіе права и долга; война и оргіи въ перемежку дѣлали среди него свое истребительное дѣло; ростовщичество и рабочія машины, т. е. рабы, лишали его средствъ существованія и не давали ему возможности продолжать свой родъ.

Этотъ позорный упадокъ нравовъ возвращалъ Римъ къ отвратительнѣйшему варварству, которое, какъ злая чума, надвигалось на обезлюдѣвшія провинціи.

Мудрые люди предвидѣли, что наступаетъ конецъ имперіи, но не знали, чѣмъ помочь дѣлу? И что, въ самомъ дѣлѣ, могли они придумать? Чтобы спасти это одряхлѣвшее общество, необходимо было измѣнить объекты общественнаго почитанія и поклоненія, уничтожить права, освященныя тысячелѣтней традиціей. Люди говорили тогда: „Римъ побѣждалъ, благодаря своей политикѣ и своимъ богамъ. Всякая реформа въ области культа и публичнаго права была-бы безуміемъ и святотатствомъ. Римъ былъ милостивъ по отношенію къ побѣжденнымъ народамъ: онъ налагалъ на нихъ цѣпи, но зато дарилъ имъ жизнь; рабы самый плодотворный источникъ его богатства; освобожденіе народовъ было-бы отрицаніемъ правъ Рима и гибелью для его финансовъ. Наконецъ, Римъ, купающійся въ наслажденіяхъ и захлебывающійся въ богатствахъ всего міра, пользуется плодами своихъ побѣдъ и управленія; его роскошь и наслажденія—плодъ его побѣдъ; онъ не можетъ отказаться отъ нихъ". Такимъ образомъ Римъ имѣлъ на своей сторонѣ факты и право. Его притязанія основывались на всѣхъ тогдашнихъ обычаяхъ и на международномъ правѣ. Тогдашній режимъ былъ построенъ на идолопоклонствѣ въ религіи, на рабствѣ въ государственной жизни и эпикуреизмѣ въ личной жизни; коснуться всего этого, значило потрясти общество до самыхъ его основаній и, какъ гласитъ наше современное выраженіе, броситься въ пучину революціи. Никому и не приходило это въ голову; а тѣмъ временемъ умирало человѣчество въ оргіяхъ разврата и крови.

Вдругъ является человѣкъ, именующій себя *Словомъ Божьимъ*; мы до сихъ поръ не знаемъ кто онъ былъ, откуда онъ пришелъ, кто могъ внушить ему его идеи. Онъ заявляетъ во всеуслышаніе, что общество отжило свое время, что міръ наканунѣ своего обновленія; что священники—ехидны, адвокаты—невѣжды, философы—лгуны и лицемѣры; что хозяинъ и рабъ братья, что лихва и все подобное—воровство, что собственники и прожигатели жизни будутъ горѣть на вѣчномъ огнѣ, тогда какъ нищіе и чистые духомъ попадутъ въ рай. Къ этому онъ присовокуплялъ еще много другихъ не менѣе странныхъ вещей.

На этого человѣка, *Слово Божье,* былъ сдѣланъ доносъ, и его арестовали, какъ врага общества, священники и законослужители, которые ухитрились даже заставить народъ требовать его смерти. Но это юридическое убійство, переполнивъ мѣру ихъ злодѣяній, не уничтожило доктрины, посѣянной *Словомъ Божьимъ*. Ученики Христа разбрелись послѣ его смерти по всѣмъ странамъ, всюду проповѣдуя то, что они называли *благой вѣстью* (Евангеліе), создавая на своемъ пути милліон-

ЦАБ "Автограф"

ныя арміи миссіонеровъ; когда задача ихъ казалась исполненной, они умирали подъ мечомъ римскаго правосудія. Эта упорная пропаганда, война между палачами и мучениками, продолжалась почти три столѣтія, по истеченіи которыхъ міръ оказывается обращеннымъ въ новую вѣру. Идолопоклонство было разбито, рабство уничтожено, развратъ смѣняется болѣе строгими нравами, презрѣніе къ богатству доходитъ иногда до полнѣйшаго воздержанія. Общество было спасено путемъ отрицанія его принциповъ, переворота въ области религіи и нарушенія самыхъ священныхъ правъ. Идея справедливости получаетъ въ этой революціи неслыханное дотолѣ распространеніе, которое такъ и осталось единственнымъ въ своемъ родѣ. Справедливость существовала прежде только для господъ *) отнынѣ она стала существовать и для слугъ.

Однако, новая религія далеко не принесла всѣхъ своихъ плодовъ. Произошло нѣкоторое улучшеніе общественныхъ нравовъ, нѣкоторое ослабленіе гнета; но, въ концѣ концовъ, сѣмя, посѣянное Сыномъ Человѣческимъ, упало въ сердца идолопоклонниковъ и родило въ нихъ только quasi-поэтическую миѳологію и безчисленные раздоры.

Вмѣсто того, чтобъ сдѣлать практическіе выводы изъ тѣхъ принциповъ морали и управленія, которые провозглашены были *Словомъ Божьимъ*, люди занялись спекуляціями о его рожденіи и происхожденіи, о его личности и дѣяніяхъ; занялись толкованіемъ его притчъ, и изъ столкновенія самыхъ экстравагантныхъ теорій о неразрѣшимыхъ проблемахъ и текстахъ, которыхъ никто не понималъ, возникла теологія, которую можно опредѣлить, какъ *науку о безконечно нелѣпомъ*.

Христіанская истина не пережила эпохи апостоловъ; Евангеліе, обогащенное греческими и латинскими комментаріями и символистикой, загроможденное языческими небылицами, стало буквально катехизисомъ противорѣчій; по сію пору господство непогрѣшимой церкви представляло собой ничто иное, какъ одинъ сплошной кошмаръ. Говорятъ, что *врата адовы* не будутъ торжествовать вѣчно, что Слово Божье вернется, и люди узнаютъ, наконецъ, истину и справедливость; но это будетъ концомъ греческаго и римскаго католицизма, точно такъ же какъ при свѣтѣ науки исчезаютъ фантомы нашихъ заблужденій.

Чудовища, которыхъ предстояло уничтожить преемникамъ апостоловъ, были на мгновеніе устранены, но мало по малу снова стали появляться на свѣтъ Божій, благодаря жалкому фанатизму, а иногда и сознательному потворству со стороны священнослужителей и теологовъ. Исторія освобожденія коммунъ во Франціи свидѣтельствуетъ, какъ въ народѣ безпрерывно беретъ верхъ справедливость и свобода, несмотря на совмѣстныя усилія королей, знати и духовенства.

Въ 1789 году послѣ Рождества Христова французская нація, раздѣленная на касты, нищая и угнетенная, бьется въ тройныхъ сѣтяхъ королевскаго абсолютизма, тиранiи феодаловъ и парламентовъ и церковной нетерпимости. Это время знало право короля и право духовныхъ лицъ, право благородныхъ и право простолюдина; тогда существовали привиллегіи крови, провинцій, коммунъ, корпорацій и ремеслъ; а на фонѣ всего этого—насиліе, безнравственность и нищета. Въ теченіи нѣкотораго времени говорили уже о реформѣ; тѣ, кто казались самыми горячими ея приверженцами, желали ея только ради собственной выгоды, а народъ, которому она должна была дать все, не ожидалъ отъ нея многаго и

*) Религія, законы, бракъ были привиллегіями свободныхъ людей, а въ древнѣйшія времена только благородныхъ. *Die majorum gentium*, боги патриціанскихъ фамилій; *jus gentium*, право gens'a т. е. родовъ или благородныхъ. Рабъ и плебей не имѣли семей; на ихъ дѣтей смотрѣли, какъ на приростъ животныхъ. Они рождались въ качествѣ животныхъ и жить должны были, какъ животныя.

ЦАБ "Автограф"

безмольствовалъ. Долгое время этотъ бѣдный народъ не рѣшался требовать своихъ правъ, подавленный отчаяніемъ, а, можетъ быть, изъ недовѣрія и скептицизма; можно было сказать, что привычка быть слугой отняла всякій куражъ у этихъ старыхъ коммунъ, когда то столь гордыхъ въ средніе вѣка.

Наконецъ вышла въ свѣтъ книга, содержаніе которой заключалось въ слѣдующихъ двухъ тезисахъ: *Что такое третье сословіе? Ничего.— Чѣмъ оно должно быть? Всѣмъ!* Нѣкто добавилъ къ этому въ видѣ комментарія слѣдующее: *Что такое король? Это чиновникъ народа.*

Это было словно внезапное откровеніе: разорвалась огромная завѣса густая пелена спала со всѣхъ глазъ. Народъ принялся разсуждать:

Если король нашъ уполномоченный, онъ обязанъ отдавать намъ отчетъ;

Если онъ обязанъ давать отчетъ, онъ подлежитъ контролю;

Если его можно контролировать, значитъ, онъ отвѣтственъ;

Если онъ отвѣтственъ, значитъ, онъ наказуемъ;

Если онъ наказуемъ, то наказуемъ по заслугамъ;

Если онъ наказуемъ по заслугамъ, значитъ, его можно предать смертной казни.

Пять лѣтъ послѣ обнародованія брошюры Сійеса, третье сословіе было всѣмъ; король, знать, духовенство перестали существовать. Въ 1793 году народъ, не останавливаясь передъ конституціонной фикціей о неприкосновенности монарха, отправилъ Людовика XVI-го на эшафотъ; въ 1830 г. онъ проводилъ Карла X въ Шербургъ. Если онъ и могъ ошибаться въ томъ или другомъ случаѣ въ оцѣнкѣ преступленія, во всякомъ случаѣ это было бы только фактической ошибкой; но что касается права, то логика народа была безукоризненна. Наказывая монарха, народъ совершаетъ именно то, въ упущеніи чего обвиняли іюльское правительство (по поводу Страсбурской фанфаронады Луи Бонапарта) — онъ наказываетъ дѣйствительнаго виновника. Это примѣненіе общаго права, торжественное исполненіе правосудія въ области наказанія *).

Движеніе 89-го года было вызвано духомъ противорѣчія. Уже изъ одного этого ясно, что новый порядокъ, смѣнившій собой старый режимъ, не имѣлъ въ себѣ ничего методическаго и продуманнаго; что, плодъ гнѣва и ненависти, отъ него нельзя было ожидать результатовъ, возможныхъ только на почвѣ науки, на почвѣ тщательнаго наблюденія и изученія фактовъ; однимъ словомъ, что основы его не были построены на глубокомъ знаніи законовъ природы и общества. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ soi-disant новыхъ учрежденіяхъ республика проводила тѣ самыя начала, противъ которыхъ велась борьба, она сохранила всѣ тѣ предразсудки, которые должны были быть уничтожены. Мы съ легкой руки восторгаемся славной французской революціей, возрожденіемъ 1789 года, великими реформами того времени, перемѣной учрежденій, а между тѣмъ все это ложь, ложь!

Когда подъ вліяніемъ данныхъ опыта мы радикально измѣняемъ наши взгляды на какой-нибудь фактъ въ физической, духовной или соціальной области, я называю это умственное движеніе *революціей*. Если же передъ нами только расширеніе или перемѣна взглядовъ, это *прогрессъ*. Такъ, напримѣръ, система Птоломея была прогрессомъ въ астрономіи, система же Коперника произвела революцію. Точно такъ-же въ 1789 году

*) Если глава исполнительной власти отвѣтственъ, депутаты тоже должны быть отвѣтственными. Удивительно, что эта мысль никогда никому не приходила въ голову; это очень интересная тема. Но я заявляю, что ни за что на свѣтѣ я не взялся бы защищать ее; въ народѣ слишкомъ еще много логики, что-бы я доставлялъ ему матеріалъ для извѣстныхъ выводовъ.

ЦАБ "Автограф"

была на лицо борьба и прогрессъ; революціи не было. Мы убѣдимся въ этомъ, вникнувъ въ реформы, которыя пытались тогда провести.

Народъ, такъ долго бывшій жертвой монархическаго эгоизма, думалъ, что навсегда освободится отъ него, объявивъ себя единственнымъ сувереномъ. Но что была монархія? Суверенитетъ одного человѣка, а не закона, суверенитетъ воли, а не разума, однимъ словомъ, страстей, а не права. Несомнѣнно, переходъ народа отъ монархическаго строя къ демократическому, есть прогрессъ, потому что, умножая число сувереновъ, онъ представляетъ болѣе шансовъ, что на мѣсто воли станетъ разумъ; но въ управленіи страной не произошло революціи, принципъ его остался тотъ же самый. Въ настоящее время у насъ есть примѣры, что въ самой современной демократіи можно все же не быть свободнымъ *).

Это еще не все: народъ-король не въ состояніи взять въ свои руки бразды правленія; онъ долженъ отдавать ее въ руки своихъ чиновниковъ. Это ему настойчиво повторяютъ люди, ищущіе его благорасположенія. Пусть этихъ чиновниковъ будетъ пять, десять, сто, тысяча — что нужды въ числѣ, и что намъ имя? Передъ нами все же правительство личности, царство воли и произвола. Спрашивается, что же революціонизировала здѣсь такъ званая революція?

Мы знаемъ, впрочемъ, какъ проводился въ жизнь этотъ народный суверенитетъ, сначала Конвентомъ, затѣмъ Директоріей, знаемъ, какъ онъ былъ позднѣе конфискованъ консуломъ. Императоръ, человѣкъ силы, такъ обожаемый и оплакиваемый народомъ, никогда не признавалъ въ немъ своего господина; и словно для того, чтобъ посмѣяться надъ народнымъ суверенитетомъ, онъ дерзнулъ потребовать у народа его мнѣнія, другими словами, отреченія отъ своего неотъемлемаго суверенитета, — и достигъ этого.

Въ концѣ концовъ, что такое этотъ суверенитетъ? Это, говорятъ намъ, *власть издавать законы* **). Еще одинъ абсурдъ деспотизма. Народъ видѣлъ, что короли мотивируютъ свои указы формулой: *такъ намъ угодно*, и вотъ ему, въ свою очередь, захотѣлось вкусить удовольствіе издавать законы. За пятьдесятъ лѣтъ онъ народилъ міріады законовъ, конечно, всегда черезъ посредство своихъ представителей. Конца этому дивертиссементу пока еще не предвидится.

Впрочемъ, опредѣленіе суверенитета само построено было на опредѣленіи закона. Законъ считался *выраженіемъ воли суверена*; слѣдовательно, въ монархіи законъ воплощаетъ волю короля, въ республикѣ — волю народа. Если не считать разницу въ количествѣ субъектовъ воли, обѣ системы совершенно тождественны; въ обѣихъ ихъ одинаковая ошибка: онѣ считаютъ законъ выраженіемъ той или иной воли, тогда какъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ выраженіемъ факта. Впрочемъ все это опиралось на надежный авторитетъ: Женевскій гражданинъ былъ объявленъ пророкомъ, а его Общественный Договоръ Алькораномъ.

Въ риторикѣ новыхъ законодателей на каждомъ шагу сказывались предразсудки и предвзятыя мнѣнія. Народъ терпѣлъ прежде отъ множества исключеній и привиллегій. Его представители составили слѣдующую декларацію: *Всѣ люди равны по природѣ и передъ закономъ*, декларація двусмысленная и словообильная. *Люди равны по природѣ*, значитъ ли

---

*) См. Tocqueville, *de la Democratie aux Etats-Unis*, и Michel Chevalier, *Letres sur l'Amerique du Nord*. Мы читаемъ у Плутарха (Жизнь Перикла), что въ Аѳинахъ честные люди вынуждены были учитьтя тайкомъ, изъ боязни навлечь на себя подозрѣніе въ стремленіи къ тираніи.

**) „Суверенитетъ, говоритъ Toullier, есть всемогущество человѣка". Это матеріалистическое опредѣленіе: если суверенитетъ ужъ есть что нибудь, то — п р а в о, а не с и л а и л и с п о с о б н о с т ь. И что такое человѣческое могущество?

ЦАБ "Автограф"

это, что они всѣ одинаковаго роста, красоты, ума, добродѣтели? Нѣтъ стало быть, рѣчь шла о равенствѣ политическомъ и гражданскомъ. Въ такомъ случаѣ достаточно было бы сказать: *Всѣ люди равны передъ лицомъ закона.*

Но что такое равенство передъ закономъ? Это не съумѣли опредѣлить ни конституція 1790 г., ни конституція 1793, ни октроированная хартія 1814 года, ни принятая королемъ хартія 1830 г.

Всѣ онѣ предполагаютъ неравенство состояній и положенія, а рядомъ съ этимъ нѣтъ возможности найти хоть тѣнь какого то равенства правъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что всѣ наши конституціи были вѣрнымъ выраженіемъ народной воли. Я сейчасъ докажу это.

Въ прежнее время народъ не имѣлъ доступа къ военнымъ и гражданскимъ должностямъ. И вотъ въ Декларацію правъ помѣщаютъ слѣдующую высокопарную тираду: „Всѣ граждане имѣютъ одинаковый доступъ къ должностямъ, свободные народы руководятся въ своемъ выборѣ только добродѣтелями и талантами кандидата". — Авторы ея думали, что сотворили Богъ вѣсть какое чудо.

Конечно, надо было восхищаться такой прекрасной вещью; на самомъ дѣлѣ восхищались глупостью. Какъ? Державный народъ, законодатель и реформаторъ, видитъ въ общественныхъ должностяхъ ничто иное, какъ награду, какъ — будемъ откровенны — теплое мѣстечко! Считая ихъ источникомъ дохода, онъ декретируетъ доступность ихъ для всѣхъ гражданъ! Иначе для чего же эти предисловія, если тутъ нечего заработать? Вѣдь не вздумаемъ же мы декретировать, что никто не можетъ стать лоцманомъ, если не знаетъ астрономіи и географіи, или запретить заикамъ выступать въ драмѣ и оперѣ. Народъ и здѣсь, какъ обезьяна, подражалъ королямъ: какъ и они, онъ хотѣлъ раздавать прибыльныя мѣста своимъ друзьямъ и льстецамъ; къ несчастью, — и эта послѣдняя черта завершаетъ сходство, — народъ не распоряжается самъ этими подачками, это дѣло его уполномоченныхъ и представителей. Они точно также не боялись нарушать волю своего добродушнаго суверена.

Эта поучительная статья Декларації правъ, сохраненная Хартіями 1814 и 1830 гг., предполагаетъ нѣсколько родовъ гражданскаго неравенства, что, въ свою очередь, равносильно неравенству передъ лицомъ закона: неравенство въ рангахъ, такъ какъ общественныя должности представляютъ выгоду, только благодаря связанному съ ними почету и положенію; неравенство состояній, такъ какъ, если-бъ имѣлось въ виду равенство имуществъ, общественныя должности должны были бы быть обязанностью, а не вознагражденіемъ; неравенство въ милостяхъ, такъ какъ законъ не опредѣляетъ, что онъ понимаетъ подъ *талантами и добродѣтелями.* Во время Имперіи добродѣтель и талантъ были ничѣмъ инымъ, какъ воинской храбростью и преданностью императору; это сказалось, когда Наполеонъ создалъ свою аристократію и сдѣлалъ попытку связать ее со старой знатью. Въ наше время добродѣтеленъ человѣкъ, платящій двѣсти тысячъ франковъ налоговъ; человѣкъ способный — честный воръ; это теперь тривіальныя истины.

Наконецъ, народъ санкціонировалъ собственность... Да проститъ ему Богъ, такъ какъ онъ не вѣдалъ, что творилъ. Вотъ ужъ пятьдесятъ лѣтъ онъ терпитъ мзду за это несчастное недоразумѣніе. Но какимъ образомъ народъ вообще могъ ошибаться? Вѣдь гласъ народа, какъ говорится, есть гласъ Божій, и народная совѣсть не въ состояніи ошибаться. Какимъ образомъ на пути къ свободѣ и равенству онъ снова попалъ на тропу привиллегій и гнета? Только благодаря подражанію старому режиму!

Въ прежнее время дворянство и духовенство несли государственныя

ЦАБ "Автограф"

тяготы только въ видѣ добровольныхъ пожертвованій и даровъ; ихъ имѣнія были неотчужлаемы даже за долги; тогда какъ крестьянина, изнемогающаго подъ бременемъ барщины, безжалостно сосали королевскіе сборщики податей и агенты сеньоровъ и духовенство. Принадлежавшій къ „мертвой рукѣ" былъ сравненъ съ вещью, онъ не имѣлъ права ни завѣщать, ни наслѣдовать; онъ былъ на положеніи животныхъ, работа и приростъ которыхъ принадлежитъ хозяину. Народъ желалъ, чтобъ всѣ одинаково могли быть *собственниками*, чтобъ каждый *могъ распоряжаться своимъ добромъ, своими доходами, плодами своего труда и промышленности*. Народъ не изобрѣлъ собственности; но она не существовала для него на такихъ же условіяхъ, какъ для благородныхъ и поповъ, поэтому онъ требовалъ теперь равнаго права для всѣхъ. Послѣ 1789 года исчезли суровыя формы собственности: барщина, мертвая рука, исключеніе отъ общественныхъ должностей; измѣненъ былъ способъ пользованія, но сущность дѣла осталась та-же. Произошелъ прогрессъ въ пользованіи правомъ; но это не была революція.

Итакъ вотъ три основныхъ принципа современнаго общества, которые одно за другимъ санкціонировало движеніе 1789 и 1830 года: 1) *Суверенитетъ воли человѣка*, другими словами, деспотизмъ. 2) *Неравенство имуществъ и положеній*. 3) *Собственность*; а на самомъ верху *справедливость*, которая всегда у всѣхъ на устахъ, ангелъ-хранитель сувереновъ, благородныхъ собственниковъ; Справедливость,—общій, примитивный категорическій законъ всѣхъ обществъ.

Вопросъ въ томъ, уживаются ли понятія *деспотизма*, гражданскаго неравенства и *собственности* съ примитивнымъ понятіемъ *справедливости*, являются ли они необходимымъ выводомъ изъ этого понятія справедливости, которое принимаетъ различную форму, смотря по обстоятельствамъ? Или же они, напротивъ, нелегитимный продуктъ смѣшенія разнородныхъ вещей, роковой ассоціаціи идей. Справедливость заключается главнымъ образомъ въ способѣ правленія, въ положеніи личности и въ условіяхъ обладанія вещами; поэтому мы должны, оставаясь въ согласіи съ общимъ мнѣніемъ и тенденціей прогресса, рѣшить вопросъ, при какихъ условіяхъ управленія страной, положеніе гражданъ, нормы владѣнія могутъ считаться справедливыми? Исключивши все, что не подходитъ подъ эти условія, мы будемъ знать, какимъ должно быть дѣйствительно легитимное правительство, легитимное положеніе гражданина и легитимныя условія владѣнія, и, въ послѣднемъ счетѣ, въ чемъ заключается справедливость?

Справедлива ли власть человѣка надъ человѣкомъ?

Всѣ отвѣчаютъ: Нѣтъ, власть человѣка можетъ быть лишь властью закона, который, въ свою очередь, долженъ воплощать справедливость и истину. Частная воля не играетъ никакой роли въ управленіи страной; задача управленія заключается, съ одной стороны, въ открытіи истины, справедливости и въ кодификаціи ихъ въ законодательствѣ, съ другой стороны—въ организаціи контроля надъ исполненіемъ этого законодательства.—Я не буду разбирать теперь, соотвѣтствуетъ ли наша конституція этимъ условіямъ: не случается ли, напримѣръ, что личная воля министровъ вмѣшиваетя въ декларацію и интерпретацію закона: предпочитаютъ ли наши депутаты побѣждать въ своихъ преніяхъ доводами разсудка или численностью; для меня достаточно, что общепринятое представленіе о хорошемъ правительствѣ согласно съ моимъ опредѣленіемъ. Вполнѣ опредѣленное представленіе; однако, мы видимъ, что восточные народы считаютъ деспотизмъ и сувереновъ верхомъ справедливости; что древніе и даже ихъ философы оправдывали рабство; что въ средніе вѣка благородные, аббаты и епископы находили согласнымъ со справедливостью имѣть крѣпостныхъ. Что Людовикъ XIV считалъ себя въ полномъ правѣ,

ЦАБ "Автограф"

когда заявилъ: *Государство—это я,* что Наполеонъ считалъ государственнымъ преступленіемъ неповиновеніе его приказаніямъ. Значитъ, идея справедливости, влагаемая въ понятіе суверена и правительства, не всегда имѣла то содержаніе, какъ въ наше время; она постоянно развивалась, принимала все болѣе опредѣленныя формы, пока не пришла къ той стадіи, на которой мы ее застаемъ теперь. Но будетъ ли это послѣдняя стадія? Не думаю. Намъ остается преодолѣть еще одно послѣднее препятствіе, чтобы закончить реформу правительства и осуществить революцію. Это препятствіе воплощено въ правѣ собственности, которое было сохранено нами; поэтому необходимо теперь взяться за самое учрежденіе собственности.

Справедливо ли политическое и гражданское неравенство?

Одни отвѣчаютъ: да, другіе: нѣтъ. Первымъ я напомню, что, когда народъ уничтожилъ всѣ привиллегіи рожденія и касты, это имъ понравилось, вѣроятно потому, что было въ ихъ интересахъ; почему же они противъ того, чтобы имущественныя привиллегіи были отмѣнены такъ-же, какъ привиллегіи ранга и крови? Потому, что—говорятъ они—политическое неравенство неразрывно связано съ собственностью, а безъ собственности невозможно никакое общество.

Итакъ вопросъ, поставленный нами, сводится къ вопросу о собственности.—Что касается вторыхъ, то я ограничусь слѣдующимъ замѣчаніемъ по ихъ адресу: Если вы желаете политическаго равенства, уничтожьте собственность; иначе, на что же вы жалуетесь?

Справедлива ли собственность?

Всѣ, не колеблясь, отвѣчаютъ: да, собственность справедлива. Я говорю: всѣ, потому что до сихъ поръ никто, кажется, не отвѣтилъ на этотъ вопросъ съ полнымъ сознаніемъ: нѣтъ. Мотивированный отвѣтъ на этотъ вопросъ дѣйствительно нелегкая вещь; только время и опытъ могутъ привести къ рѣшенію его. Въ настоящее время оно уже имѣется, намъ надо только выслушать его. Попытаемся же изложить его.

При этомъ мы будемъ держаться слѣдующихъ принциповъ.

Мы не споримъ, не отрицаемъ, не отвергаемъ; мы соглашаемся со всѣми доводами, приводимыми въ пользу собственности, и стараемся лишь установить ихъ принципъ, чтобы затѣмъ прослѣдить: покрывается ли онъ, на самомъ дѣлѣ, собственностью? Защищать собственность можно только на основаніи ея правоты; значитъ, всѣ аргументы въ пользу собственности должны быть построены на справедливости или, по крайней мѣрѣ, на стремленіи къ ней. Съ другой стороны, такъ какъ собственность простирается только на предметы матеріальной стоимости, справедливость здѣсь, такъ сказать, объективируется, должна явиться намъ въ видѣ чисто-алгебраической формулы. Поступая такимъ образомъ, мы увидимъ, что всѣ аргументы, придуманные въ пользу собственности, *каковы бы они ни были,* всегда и неизбѣжно ведутъ къ равенству, т.-е. къ отрицанію собственности.

Эта первая часть нашего труда распадается на двѣ главы: одна разсматриваетъ вопросъ о первоначальномъ занятіи (захватѣ), какъ основѣ нашего права, другая, трактуетъ о трудѣ и талантѣ, какъ о причинахъ собственности и общественнаго неравенства.

Эти главы приведутъ насъ къ тому выводу, что право захвата *препятствуетъ* собственности, а право труда *уничтожаетъ* ее.

II. Итакъ, мы понимаемъ собственность только подъ категорическимъ условіемъ равенства; спрашивается, почему же въ такомъ случаѣ, несмотря на эту логическую необходимость, равенство не существуетъ на самомъ дѣлѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы тоже дѣлимъ на двѣ части: въ первой мы говоримъ о самомъ фактѣ собственности, о томъ, реаленъ ли

ЦАБ "Автограф"

этотъ фактъ, существуетъ ли онъ, возможенъ ли онъ? Вѣдь было бы противорѣчіемъ, если бы обѣ эти противуположныя формы, равенство и неравенство, были одинаково возможны. При этомъ мы приходимъ, странное дѣло, къ открытію, что собственность можетъ существовать, какъ случайный фактъ, но, какъ учрежденіе, какъ принципъ, математически не возможна. Такъ что въ области собственности невѣрной оказывается школьная аксіома: ab actu ad posse valet consecutio (заключеніе отъ факта къ возможности вполнѣ правильно).

Наконецъ, въ послѣдней главѣ мы прибѣгаемъ къ помощи психолог и, проникаемъ вглубь человѣческой природы и излагаемъ принципъ *справедливости*, ея формулу и характеръ; мы формулируемъ органическій законъ общественной жизни, объясняемъ происхожденіе собственности, причины ея введенія, ея долгой исторической жизни и предстоящаго исчезновенія; мы окончательно установимъ здѣсь ея тождество съ кражей. Доказавши, что всѣ эти три предразсудка: *суверенитетъ человѣка, неравенство и собственность* сводятся на одно и то-же, что они взаимно переходятъ другъ въ друга, замѣняютъ одинъ другой, мы безъ труда, по закону контрастовъ, придемъ къ основному началу управленія и права. На этомъ мы остановимся, оставляя за собой продолженіе нашего изслѣдованія въ слѣдующихъ мемуарахъ.

Всѣ умы охвачены важностью занимающей насъ темы.

„Собственность, говоритъ Геннекэнъ, есть творческій и охранительный принципъ гражданскаго общества... Собственность есть одно изъ тѣхъ основныхъ положеній, относительно которыхъ всякое „новое“ объясненіе всегда у мѣста; не слѣдуетъ забывать и необходимо, чтобы публицистъ и государственный дѣятель были глубоко убѣждены въ этомъ: вся мораль, стало быть, и весь авторитетъ человѣческихъ учрежденій зависитъ отъ того, есть-ли собственность начало или результатъ соціальнаго строя, надо-ли считать ее причиной его или слѣдствіемъ“.

Эти слова являются вызовомъ для всѣхъ людей вѣры и надежды; но какъ ни прекрасно дѣло равенства, никто еще не поднялъ перчатки, брошенной адвокатами собственности, никто еще не чувствовалъ себя въ силахъ принять бой. Ложная наука зазнающейся юриспруденціи и нелѣпые афоризмы политической экономіи, какъ она расцвѣла въ лагерѣ собственности, внесли смуту въ самые благородные умы; у вліятельнѣйшихъ друзей свободы и народныхъ интересовъ стало своего рода ходячимъ лозунгомъ, что равенство есть химера! Въ такой степени пустѣйшія аналогіи и фальшивыя теоріи владѣютъ умами, во всѣхъ отношеніяхъ выдающимися, но безсознательно для себя же находящимися во власти всеобщаго предразсудка. Равенство стучится къ намъ, fit aequalitas; солдаты свободы, неужели мы покинемъ свое знамя наканунѣ побѣды?

Защитникъ равенства, я буду говорить безъ гнѣва и ненависти съ независимостью философа, со спокойствіемъ и твердостью свободнаго человѣка. О, если бы я могъ въ этой святой борьбѣ внести во всѣ сердца осѣнившій меня свѣтъ; о, если бы успѣхъ моей книги показалъ, что если равенство не въ состояніи было побѣдить мечомъ, то побѣдитъ убѣжденіемъ.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Собственность, разсматриваемая, какъ естественное право. — О первоначальномъ захватѣ и гражданскомъ правѣ, какъ источникахъ собственности.

Опредѣленія.

Римское право опредѣляетъ собственность, какъ jus utendi et abutendi re sua, quatenus juris ratio patitur, право употреблять и злоупотреблять, пользоваться вещью и портить ее, посколько это согласно съ духомъ права. Для слова *портить* старались найти оправданіе, заявляли, что оно означаетъ не безсмысленную и безнравственную порчу предмета, а только безусловное распоряженіе вещью. Пустое различіе, придуманное для оправданія собственности; оно не въ состояніи ни предупредить, ни уничтожить оргій собственности. Собственникъ воленъ сгноить свои плоды на землѣ, засѣять поле солью, доить своихъ коровъ на пескѣ, превратить виноградникъ въ пустыню, а изъ парка сдѣлать огородъ; будетъ ли все это злоупотребленіе своей вещью, да или нѣтъ. Въ области собственности употребленіе и злоупотребленіе необходимо сливаются другъ съ другомъ.

Согласно деклараціи правъ, обнародованной во главѣ конституціи 93 года, собственность есть „право пользоваться и распоряжаться по собственному желанію своимъ добромъ и доходами, плодами своего труда и промышленности".

Кодексъ Наполеона, ст. 544: „собственность есть право самаго безграничнаго пользованія и распоряженія предметомъ, за исключеніемъ тѣхъ видовъ пользованія, которые запрещены закономъ".

Оба эти опредѣленія возвращаются къ опредѣленію римскаго права: оба признаютъ за собственникомъ абсолютное право на его вещь; а что касается ограниченія, устанавлимаего кодексомъ: „за исключеніемъ тѣхъ видовъ пользованія, которые запрещены закономъ", то оно имѣетъ цѣлью не ограниченіе собственности, а предупрежденіе столкновенія между собственностью одного собственника и другого; это утвержденіе, а не ограниченіе приципа.

Въ собственности различаютъ: 1) чистую, простую собственность, господское, сеньоральное право надъ вещью или, какъ это называется, голую собственность; 2) владѣніе вещью. „Владѣніе, говоритъ Дюрантонъ, есть фактъ, а не право". Туллье: „Собственность есть право, легальное полномочіе; владѣніе—фактъ". Наниматель, арендаторъ, коммандиторъ, узуфруктъ—все это владѣльцы; хозяинъ, который сдаетъ въ наемъ, сдаетъ въ пользованіе, наслѣдникъ, который ждетъ только смерти узуфруктора, что-бъ взять вещь въ свои руки—собственники. Если позволено прибѣгнуть къ этому сравненію, любовникъ есть владѣлецъ, мужъ—собственникъ.

Это двойная роль собственности, какъ власти и владѣнія, имѣетъ крайне важное значеніе; необходимо хорошо освоиться съ этимъ опредѣленіемъ собственности, что-бъ понять послѣдующее изложеніе.

На почвѣ различія между владѣніемъ и собственностью возникли два рода правъ: *jus in re*—право, благодаря которому я могу требовать пріобрѣтенную мою собственность, въ чьихъ-бы рукахъ она ни находилась, и *jus ad rem*, на основаніи котораго я требую, что-бъ меня признали собственникомъ. Такъ, право двухъ супруговъ другъ на друга есть *jus in re*; право двухъ помолвленныхъ—только *jus ad rem*. Въ пер-

ЦАБ "Автограф"

вомъ случаѣ владѣніе и собственность сливаются; во второмъ имѣется на лицо только голая собственность. Какъ человѣкъ труда, я имѣю право на обладаніе благами природы и промышленности, но, какъ пролетарій, я не имѣю ничего,—я требую на основаніи *jus ad rem*, чтобъ былъ введенъ въ *jus in re*.

Это дѣленіе на *jus in re* и *jus ad rem*, право *надъ* вещью и право *на* вещь, служитъ основаніемъ знаменитаго дѣленія на *possessorium* и *petitorium*; это въ полномъ смыслѣ слова категоріи юриспруденціи, онѣ охватываютъ всю область ее! Petitorium это—все, что имѣетъ отношеніе къ собственности; possessorium—къ владѣнію. Печатая мою книгу противъ собственности, я выступаю противъ всего общества, какъ истецъ petitor; я доказываю, что тѣ, которые теперь не обладаютъ ничѣмъ, являются собственниками съ такимъ-же правомъ, какъ и другіе, владѣющее; но вмѣсто того, чтобы заключать изъ этого, что собственность должна быть подѣлена между всѣми, я требую, чтобы, въ интересахъ общей безопасности, она была уничтожена для всѣхъ. Если требованіе мое не увѣнчается успѣхомъ, намъ не остается ничего болѣе, всѣмъ вамъ, пролетаріи, и мнѣ, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ; намъ нечего ждать болѣе отъ національной справедливости; ибо, какъ выражается въ своемъ энергическомъ стилѣ Code de procedure, ст. 26, истецъ, проигравшій свое дѣло въ качествѣ *petitor*'а, не можетъ болѣе вчинить тотъ-же искъ въ качествѣ *possessor*'а. Если-же, напротивъ, я выиграю свой процессъ, намъ надо будетъ продолжать его въ поссессорномъ порядкѣ и добиваться введенія насъ во владѣніе благами, которыя отымаетъ у насъ собственность. Я надѣюсь, что намъ не придется дойти до этого; но мы не можемъ вести оба эти процесса разомъ; какъ гласитъ тотъ-же *Code de procedure*, possessorium и petitorium *никогда не должны быть смѣшиваемы*.

Прежде чѣмъ войти въ разсмотрѣніе вопроса по существу, не безполезно будетъ предпослать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

§ 1. *О собственности, какъ естественномъ правѣ.*

Декларація правъ помѣстила собственность между естественными и неотъемлемыми правами человѣка, которыхъ она насчитываетъ четыре: *свобода*, *равенство*, *собственность*, *безопасность*. Какому методу слѣдовали законодатели 93 года въ этомъ перечнѣ? Никакому: они устанавливали принципы точно такъ-же, какъ разсуждали о суверенитетѣ и законѣ, съ общей точки зрѣнія и по своему благоусмотрѣнію. Они все дѣлали ощупью или нахрапомъ.

Если послушать Гуллье: „Абсолютныя права можно свести на три: *безопасность*, *свободу*, *собственность*". Равенство исключено Реннскимъ профессоромъ; почему? Потому-ли, что оно содержится уже въ *свободѣ*, или потому, что ея не допускаетъ собственность? Авторъ „Droit civil expliqué" умалчиваетъ объ этомъ; онъ даже не подозрѣваетъ возможности этого вопроса.

Однако, если сравнить между собой всѣ эти три или четыре права, мы видимъ, что собственность совсѣмъ не походитъ на остальныя: что для большей части гражданъ она существуетъ только въ возможности, какъ спящая, мертвая сила; у другихъ-же, фактически пользующихся ею, она допускаетъ извѣстныя измѣненія и модификаціи, несовмѣстимыя съ понятіемъ естественнаго права; что въ фактической жизни правительство, суды и законы съ нею не считаются; наконецъ, что весь свѣтъ инстинктивно и въ одинъ голосъ считаетъ ее призракомъ.

Свобода ненарушима. Я не могу продавать и отчуждать свою сво-

ЦАБ "Автограф"

боду; всякій контрактъ, всякій договоръ, имѣющій предметомъ отчужденіе или лишеніе свободы, недѣйствителенъ; рабъ, ступавшій одной ногой на почву свободы, въ тотъ-же моментъ становится свободнымъ. Когда общество схватываетъ злоумышленника и лишаетъ его свободы, оно находится въ положеніи законной обороны. Преступникъ нарушаетъ общественный договоръ и объявляетъ себя врагомъ общества; нападая на свободу другихъ, онъ заставляетъ ихъ отнять у него его свободу. Свобода—это первое условіе человѣческой жизни; отказаться отъ свободы значитъ отказаться отъ своего достоинства человѣка; развѣ можно безъ нея быть еще человѣкомъ?

Точно также равенство передъ закономъ не допускаетъ никакихъ ограниченій и исключеній. Всѣ французы имѣютъ одинаковый доступъ къ должностямъ; поэтому вопросъ такъ часто рѣшается жеребьемъ или по старшинству лѣтъ. Самый бѣдный гражданинъ можетъ потребовать къ суду самую важную особу и получить удовлетвореніе. Пусть милліонеръ Ахавъ строитъ себѣ дворецъ на виноградникѣ Навуѳаила; судъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ, приказать разрушить дворецъ, хоть-бы онъ стоилъ милліоны; привести виноградникъ въ его прежнее состояніе; кромѣ того присудить узурпатора къ судебнымъ издержкамъ. Законъ охраняетъ всякую благопріобрѣтенную собственность внѣ зависимости отъ ея стоимости и личности собственника.

Правда, для пользованія извѣстными политическими правами хартія требуетъ извѣстнаго имущественнаго положенія и извѣстныхъ способностей; но всякому публицисту извѣстно, что намѣреніе законодателя было здѣсь создать не привиллегію, а гарантію. При наличности требуемыхъ закономъ условій, всякій гражданинъ можетъ быть избирателемъ и всякій избиратель можетъ быть выбранъ; разъ пріобрѣтенное право одинаково во всѣхъ случаяхъ; законъ не дѣлаетъ различія между отдѣльными личностями и голосами. Я не буду судить теперь о томъ, является-ли эта система самой совершенной; для меня достаточно, что по духу хартіи и по общему мнѣнію равенство передъ лицомъ закона носитъ абсолютный характеръ и точно также, какъ свобода, не можетъ быть предметомъ никакихъ сдѣлокъ.

Точно такъ-же обстоитъ дѣло съ правомъ на безопасность. Общество не обѣщаетъ своимъ членамъ половинчатой охраны, фиктивной защиты; оно принимаетъ на себя по отношенію къ нимъ безусловное обязательство, точно такъ-же какъ и они по отношенію къ нему. Оно не говоритъ имъ: Я гарантирую вамъ, если это мнѣ ничего не стоитъ; или я буду охранять васъ, если ничѣмъ не рискую при этомъ. Оно говоритъ: я буду защищать васъ, вездѣ и всегда; я спасу васъ и отомщу за васъ, или само погибну при этомъ. Государство предоставляетъ всѣ свои силы для блага каждаго гражданина; обязательство, связывающее ихъ, абсолютно.

Какъ это все разнится отъ собственности! Всѣ восхищаются ею, но никто не признаетъ ея; законы, нравы, обычаи, общественная и частная совѣсть—все готовитъ ей смерть и погибель.

Чтобы дать правительству возможность содержать арміи, производить общественныя работы и платить жалованье чиновникамъ, необходимо платить налоги. Всѣ должны участвовать въ этихъ издержкахъ—отлично; но отчего богатому платить больше, чѣмъ бѣдному? Это справедливо,—говорятъ намъ, потому что богатый человѣкъ имѣетъ больше.—Признаюсь, я не понимаю этой справедливости.

Для чего вообще платятъ налоги? Чтобъ обезпечить каждому возможность пользоваться его естественными правами: свободой, равенствомъ, безопасностью, собственностью; чтобъ поддержать порядокъ въ

ЦАБ "Автограф"

государствѣ; чтобъ создать объекты общественной пользы и удовольствія.

А развѣ защищать жизнь и свободу богача стоитъ дороже, чѣмъ защита жизни и свободы бѣдняка? Во время чужеземнаго нашествія, голода или эпидеміи, кто причиняетъ больше заботъ государству: крупный собственникъ, который бѣжитъ отъ опасности, не дожидаясь помощи отъ государства, или земледѣлецъ, который остается въ своей хижинѣ мишенью для всѣхъ невзгодъ и ударовъ судьбы?

Развѣ благонамѣренный буржуа опаснѣе для порядка, чѣмъ ремесленникъ и подмастерье? Вѣдь полиціи больше работы съ нѣсколькими стами безработныхъ, чѣмъ съ двумя стами тысячъ избирателей.

Наконецъ, развѣ тучный рантье болѣе бѣдняка наслаждается народными празднествами, чистотой улицъ, красотой памятниковъ?.. Да, вѣдь онъ предпочитаетъ свою дачу всѣмъ народнымъ гуляньямъ; онъ не идетъ для своего увеселенія глазѣть на балаганы.

Одно изъ двухъ: пропорціональный налогъ или гарантируетъ и санкціонируетъ привиллегіи въ пользу крупныхъ плательщиковъ налоговъ, или же является несправедливостью. Если собственность единственное право, какъ провозглашаетъ Декларація 93-го года, то все, что принадлежитъ мнѣ въ силу этого права, такъ-же священно, какъ и моя личность; это кровь моя, жизнь моя, я самъ; кто посягаетъ на нее, тотъ поражаетъ меня не въ бровь, а въ глазъ.

Мои 100.000 франковъ дохода такъ-же неприкосновенны, какъ и 75 сантимовъ средняго заработка гризетки, мои покои тоже, что ея мансарда. Высота налога не сообразуется съ физической силой, ростомъ и способностями плательщика; она не можетъ также сообразоваться съ его собственностью.

Итакъ, если государство беретъ у меня больше, пусть оно даетъ мнѣ больше или же перестанетъ твердить мнѣ о равенствѣ правъ; иначе общество не служитъ болѣе для охраны собственности, а, напротивъ, для разрушенія ея. Вводя пропорціональный налогъ, государство превращается въ атамана разбойниковъ; оно даетъ примѣръ регламентированаго грабежа; его мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, во главѣ тѣхъ отвратительныхъ бродягъ, той мерзкой братіи, которую оно предаетъ казни изъ проффессіональной конкурренціи.

Но—скажутъ намъ—суды и солдаты нужны именно для того, чтобъ держать въ рукахъ эту братію: правительство не есть страховое общество въ полномъ смыслѣ слова, потому что оно ни отъ чего не застраховываетъ, а общество мщенія и респрессіи. Такса, взимаемая этимъ обществомъ, налогъ, распредѣляется по суммѣ собственности, т. е. сообразно съ тѣмъ трудомъ, который каждая собственность причиняетъ своимъ мстителямъ и тюремщикамъ, состоящимъ на жалованьи у правительства.

Итакъ, мы порядкомъ удалились отъ абсолютнаго и неотчуждаемаго права собственности.

Бѣдный и богатый находятся между собой въ состояніи войны и недовѣрія! Но почему они воюютъ другъ съ другомъ? Изъ за собственности; значитъ необходимымъ коррелативомъ собственности является война противъ собственности!.. Свободѣ и безопасности богача не угрожаетъ свобода и безопасность бѣдняка; ничего подобнаго; онѣ лишь способствуютъ другъ другу; другое дѣло собственность: здѣсь, напротивъ, право собственности богача вѣчно нуждается въ защитѣ отъ инстинкта собственности у бѣдняка. Какое противорѣчіе!

Въ Англіи существуетъ налогъ для бѣдныхъ: отъ меня требуютъ уплаты этого налога.

ЦАБ "Автограф"

Но какая связь между моимъ естественнымъ и неотъемлемымъ правомъ собственности и голодомъ, изводящимъ десять милліоновъ несчастныхъ? Предписывая намъ помогать ближнему, религія не устанавливаетъ законодательнаго принципа, она прибѣгаетъ къ предлогу милосердія. Благотворительность, къ которой меня обязываетъ христіанская мораль, не можетъ создать въ пользу кого нибудь право противъ меня, а тѣмъ паче институцію нищенства. Я даю милостыню, если это доставляетъ мнѣ удовольствіе, если страданія другого вызываютъ во мнѣ чувство состраданія, о которомъ говорятъ философы и въ которое я, между прочимъ, вовсе не вѣрю. Я не желаю, чтобъ меня принуждали къ этому. Никто не можетъ быть вынужденъ быть справедливымъ за предѣлы слѣдующей формулы: *Пользуйся своимъ правомъ такъ, чтобъ отъ этого не страдало право другого,* формулы, являющейся точнымъ опредѣленіемъ свободы. Мое добро принадлежитъ мнѣ, оно ничѣмъ никому не обязано. Я протестую противъ того, чтобъ третья церковная добродѣтель поставлена была на порядокъ дня.

Все населеніе Франціи требуетъ конверсіи пятипроцентной ренты; это значитъ, требуютъ въ жертву цѣлый разрядъ собственности. Государство въ правѣ сдѣлать это, если въ этомъ представляется общественная необходимость; но гдѣ-же то справедливое вознагражденіе, гдѣ та *préalable indemnité*, которую обѣщаетъ Хартія? Ея не только нѣтъ, но она и невозможна; потому что, если вознагражденіе равняется принесенной въ жертву собственности, то вся конверсія сказывается ненужной.

Что касается рантье, то государство находится въ такомъ же положеніи, какъ городъ Калэ, осажденный Эдуардомъ III. Побѣдоносный англичанинъ соглашался пощадить жизнь горожанъ подъ условіемъ, если ему будутъ выданы на гнѣвъ и милость городскіе нотабли. Евстахій и нѣкоторые другіе добровольно обрекли себя въ жертву. Это было очень красиво съ ихъ стороны и наши министры должны были-бы указать на этотъ примѣръ господамъ рантье. Но имѣлъ-ли городъ право выдать ихъ? Безусловно нѣтъ. Право на безопасность абсолютна: отечество не можетъ ни отъ кого требовать, чтобъ онъ принесъ себя въ жертву. Солдатъ, стоящій на караулѣ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, не составляетъ исключенія изъ этого правила; здѣсь вмѣстѣ съ нимъ подвергается опасности все отечество; сегодня очередь одного, завтра— другого; гдѣ всѣ подвергаются опасности и жертвуютъ собой, тамъ бѣгство равносильно отцеубійству. Никто не имѣетъ права уклоняться отъ опасности, но никто не можетъ также служить козломъ отпущенія; принципъ Каіафы: *хорошо, если одинъ человѣкъ умретъ за весь народъ*— принципъ черни и тирановъ, двѣ крайности общественной деградаціи.

Намъ говорятъ, что въ сущности всякая вѣчная рента можетъ быть выкуплена. Въ примѣненіи къ государству этотъ принципъ гражданскаго права на руку тѣмъ, кто желаетъ вернуться къ естественному равенству труда и имущества; но съ точки зрѣнія собственника и въ устахъ конверсіонистовъ это языкъ банкротства. Государство не простой должникъ, оно вѣдь также стражъ и гарантія собственности; предлагая самую высокую изъ возможныхъ гарантій, оно даетъ своимъ кредиторамъ основаніе надѣяться на прочное и ненарушимое пользованіе своими капиталами. Эти кредиторы довѣрились ему, а оно вдругъ обманетъ ихъ, да еще станетъ говорить потомъ про общественный порядокъ и гарантію собственности?

Въ подобной операціи государство оказывается не должникомъ, амортизирующимъ свой долгъ; это предприниматель, который привлекъ акціонеровъ въ устроенную имъ ловушку, и затѣмъ, вопреки своему категорическому обѣщанію, заставляетъ ихъ потерять 20,30 или 40 % со своихъ капиталовъ.

ЦАБ "Автограф"

Это не все. Государство представляетъ собой также совокупность гражданъ, объединенныхъ подъ сѣнью общаго законодательства: этотъ соціальный актъ гарантируетъ каждому его собственность, одному—его поле, другому — его виноградникъ, третьему—его аренду, рантье-же, который тоже могъ-бы пріобрѣсть недвижимость, но предпочелъ придти на помощь казначейству—его ренту. Государство не можетъ требовать, чтобъ кто нибудь безъ должнаго вознагражденія пожертвовалъ акромъ своего поля, уголкомъ своего виноградника; еще менѣе въ его власти понизить арендную плату.

Кто-же даетъ ему право уменьшать процентъ съ ренты? Чтобы это право не было несправедливостью, необходимо, чтобы рантье могъ найти другое, столь-же выгодное помѣщеніе для своихъ фондовъ; но гдѣ онъ найдетъ такое помѣщеніе, разъ онъ не можетъ уйти изъ предѣловъ государства, а причина конверсіи, т. е. возможность занимать на болѣе выгодныхъ условіяхъ, существуетъ именно въ этомъ государствѣ? Вотъ почему правительство, основанное на принципѣ собственности, не можетъ выкупить ренту безъ согласія ея владѣльцевъ; фонды, помѣщенные въ бумагахъ республики, такая же собственность, какъ и другая, и нельзя посягать на нее, въ то время какъ другіе виды собственности считаются неприкосновенными; объявить принудительный выкупъ значитъ нарушить по отношенію къ держателямъ государственныхъ бумагъ общественный договоръ, поставить рантье внѣ закона.

Весь споръ о конверсіи ренты сводится къ слѣдующему:

Вопросъ. Справедливо-ли превратить въ нищихъ сорокъ пять тысячъ семействъ, которыя купили ренту по 100 фр?..

Отвѣтъ. Справедливо-ли взимать съ семи или восьми милліоновъ плательщиковъ по 5 фран., тогда какъ можно было-бы ограничиться всего тремя.

Прежде всего очевидно, что этотъ отвѣтъ не является отвѣтомъ на вопросъ. Но мы еще рельефнѣе подчеркнемъ ошибку и формулируемъ вопросъ такимъ образомъ: Справедливо-ли подвергнуть опасности жизнь ста тысячъ человѣкъ, если ихъ можно спасти, пожертвовавъ непріятелю сотней жизней? Рѣшайте, читатель.

Все это отлично понимаютъ защитники statu quo, но тѣмъ не менѣе рано или поздно конверсія совершится, собственность будетъ нарушена, потому что иначе невозможно; потому что собственность, принимаемая за право и не являющаяся правомъ на самомъ дѣлѣ, должна погибнуть отъ права; потому что сила вещей, законы нашего сознанія, физическая и математическая необходимость должны въ концѣ концовъ разрушить эту иллюзію.

Подведемъ итоги. Свобода есть абсолютное право, такъ какъ она conditio sine qua non въ жизни человѣка, точно такъ-же какъ непроницаемость въ жизни матеріи. Равенство есть абсолютное право, потому что въ глазахъ каждаго человѣка его свобода и жизнь такъ-же драгоцѣнны, какъ свобода и жизнь другого. Эти три права абсолютны, т. е. не могутъ быть ни увеличены, ни уменьшены, потому что всякій членъ общества получаетъ столько-же, сколько даетъ самъ, свободу за свободу, равенство за равенство, безопасность за безопасность, тѣло за тѣло, душу за душу, на жизнь и смерть.

Собственность-же и по своему этимологическому смыслу и по юридическимъ опредѣленіямъ ея, есть право, выходящее за предѣлы общества; вѣдь ясно, что, если блага каждаго были-бы общественными благами, всѣ находились-бы въ одинаковомъ положеніи; *опредѣленіе собственности, какъ права индивидуума, самымъ абсолютнымъ спосо-*

ЦАБ "Автограф"

бомъ располагать общественной собственностью, было бы противорѣчіемъ. Итакъ, мы соединились въ общество въ интересахъ нашей свободы, равенства и безопасности, но не ради собственности; если собственность—*естественное* право, оно во всякомъ случаѣ не *соціальное*, а именно *антисоціальное* право. Собственность и общество—двѣ безусловно несовмѣстимыя вещи; невозможно ассоціировать двухъ собственниковъ, какъ невозможно соединить два магнита ихъ одноименными полюсами. Общество должно или погибнуть, или уничтожить собственность.

Если собственность есть естественное, абсолютное, неотъемлемое и неотчуждаемое право, то почему всегда такъ интересовались вопросомъ о ея происхожденіи? Это тоже одна изъ ея отличительныхъ чертъ. Происхожденіе естественнаго права! Мой Богъ, кто когда либо задавался вопросомъ о происхожденіи нашихъ правъ на свободу, безопасность и равенство? Эти права существуютъ потому, что мы существуемъ; они рождаются, живутъ и умираютъ вмѣстѣ съ нами. Совсѣмъ другое дѣло—собственность; по закону собственность существуетъ даже безъ собственника, какъ сила безъ субъекта; она существуетъ для человѣческаго существа, которое еще не было зачато, и для восьмидесятилѣтияго старца, который въ сущности не существуетъ болѣе. И все-же, несмотря на эти странныя прерогативы, которыя, повидимому, находятся въ связи съ вѣчностью и безконечностью, никто еще не въ состояніи былъ указать намъ, откуда взялась собственность; ученые все еще не согласны на этотъ счетъ между собой, только въ одномъ пунктѣ они, какъ видно, сошлись: что дѣйствительность права собственности зависитъ отъ подлинности ея происхожденія. Но именно это является въ глазахъ всѣхъ ихъ приговоромъ: почему они приняли право, прежде чѣмъ исчерпали вопросъ объ его происхожденіи?

Есть люди, которые не любятъ, чтобъ тревожили пыльные документы права собственности и изучали ея миѳическую, быть-можетъ, скандальную исторію. Они желали-бы, чтобъ всѣ держались слѣдующаго правила: Собственность есть фактъ, она была всегда и будетъ всегда. Такъ дебютируетъ, напримѣръ, ученый Прудонъ въ своемъ *трактатѣ о правахъ узуфрукта*, гдѣ онъ вопросъ о происхожденіи собственности возводитъ въ рангъ схоластическихъ ненужностей. Быть можетъ, и я подписался бы подъ этимъ требованіемъ, которое, хочу думать, внушено похвальнымъ стремленіемъ къ миру,—если-бы зналъ, что всѣ мнѣ подобные обладаютъ достаточной собственностью, но . . . нѣтъ . . . не подписался-бы.

Приводимые различными авторами источники права собственности сводятся къ слѣдующимъ двумъ: *захвату и труду*. Я разсмотрю ихъ по порядку, во всѣхъ ихъ видахъ и деталяхъ и напоминаю читателю, что, о какомъ-бы изъ нихъ ни шла рѣчь, мое изложеніе неопровержимо докажетъ, что только при условіи равенства собственность была-бы справедливой и возможной.

§ 2. *О захватѣ, какъ источникѣ собственности.*

Замѣчательно, что при обсужденіи Кодекса въ Государственномъ Совѣтѣ не возникло никакой контроверзы по вопросу о происхожденіи и принципѣ собственности. Всѣ статьи отдѣла II, книги 2, касающіяся собственности и права пріобрѣтенія, прошли безъ оппозиціи и безъ поправокъ. Бонапартъ, который вообще давалъ столько работы своимъ легистамъ, не нашелъ ничего сказать о собственности. Мы не должны

ЦАБ "Автограф"

удивляться этому: въ глазахъ этого человѣка, самаго капризнаго и тираническаго изъ дѣтей Адама, собственность должна была быть первымъ изъ всѣхъ правъ, точно также, какъ повиновеніе начальству—нашей священнѣйшей обязанностью.

Право *захвата* или *перваго владѣльца* вытекаетъ изъ дѣйствительнаго, физическаго, активнаго владѣнія вещью. Захватывая участокъ, я считаюсь его собственникомъ, пока не доказано противное. Ясно, что въ началѣ такое право могло быть законнымъ только при условіи его распространенія на всѣхъ; это общее мнѣніе юристовъ.

Цицеронъ сравниваетъ землю съ громаднымъ театромъ: *Quemadmodum theatrum cum commune sit, recte tamen dici potest ejus esse eum locum quem quisque occuparit.*

Это мѣсто—самое глубокое изъ дошедшихъ до насъ изреченій древнихъ по вопросу о происхожденіи собственности.

Театръ, говоритъ Цицеронъ, одинъ для всѣхъ; однако каждый называетъ занимаемое имъ мѣсто *его* мѣстомъ; ясно, что это можетъ означать лишь *владѣніе* мѣстомъ, но не право собственности на него, это сравненіе уничтожаетъ собственность; болѣе того, оно предполагаетъ равенство. Могу-ли я занимать въ театрѣ въ одно и то же время одно мѣсто въ партерѣ, другое въ ложѣ и третье въ райкѣ? Нѣтъ, развѣ если у меня будутъ три тѣла, какъ у Геріона, или если я обладалъ-бы способностью существовать одновременно въ различныхъ мѣстахъ, какъ это приписывалось магу Аполлонію.

Каждый имѣетъ право только на то, что для него достаточно, говоритъ Цицеронъ. Это смыслъ его знаменитой аксіомы: *Suum puidque cujusque sit,* каждому то, что ему принадлежитъ, аксіомы, которой давали такое превратное толкованіе. То, что принадлежитъ каждому, не есть то, чѣмъ каждый *можетъ* обладать, а то, чѣмъ каждый *въ правѣ* обладать. Чѣмъ же мы въ правѣ обладать? Тѣмъ, что достаточно для нашего труда и потребленія; это доказываетъ сравненіе земли съ театромъ. Разъ такъ, пусть каждый устраивается на своемъ мѣстѣ, какъ ему заблагоразсудится, пусть украшаетъ и улучшаетъ его, если можетъ,—это ему не возбраняется; но дѣятельность его не должна переходить за границу, отдѣляющую его отъ мѣста другого. Доктрина Цицерона прямо приводитъ къ равенству; потому что занятіе каждымъ мѣста есть вопросъ терпимости со стороны остальныхъ и если послѣдняя построена на взаимности, а она не можетъ не быть взаимной, то владѣніе одного равно владѣнію другого.

Гроцій пускается въ исторію, но во-первыхъ, развѣ имѣетъ смыслъ искать происхожденія права, которое считалось естественнымъ, гдѣ-либо въ другой области, кромѣ какъ въ самой природѣ? Уже лучше методъ древнихъ: фактъ существуетъ, стало быть, онъ необходимъ, стало быть, онъ справедливъ, стало быть, и его предшественники тоже справедливы. Во всякомъ случаѣ, посмотримъ.

„Въ началѣ всѣ вещи были общими и неподѣленными; они были общимъ достояніемъ“... Не будемъ идти дальше: Гроцій разсказалъ бы намъ, какъ эта первобытная община разбилась о человѣческую жадность и честолюбіе, какъ золотой вѣкъ смѣнился вѣкомъ желѣзнымъ и т. д. Такъ что источникомъ собственности послужили сначала войны и завоеванія, затѣмъ договоры и сдѣлки. Но одно изъ двухъ: эти договоры и сдѣлки или предоставляли сторонамъ двѣ равныя части, согласно съ первоначальнымъ коммуннизмомъ, единственнымъ принципомъ распредѣленія, который могъ быть извѣстенъ первымъ людямъ, единственной формой справедливости, которую они въ состояніи были понять; въ такомъ случаѣ, спрашивается, какимъ образомъ нѣсколько позже это равенство исчезло?

ЦАБ "Автограф"

Или же эти договоры и сдѣлки были продиктованы силой; въ такомъ случаѣ они не дѣйствительны, пассивное согласіе потомства тоже не дѣлаетъ ихъ дѣйствительными, мы живемъ въ перманентномъ состояніи лжи и несправедливости.

Вѣчно останется загадкой, почему равенство, бывшее первоначальнымъ, естественнымъ состояніемъ человѣка, стало впослѣдствіи состояніемъ противоестественнымъ? Какъ это произошло? Инстинкты животныхъ такъ же неизмѣнны, какъ видовыя различія. Предполагая первоначальнымъ состояніемъ человѣческаго общества естественное равенство, мы eo ipso соглашаемся, что нынѣшнее неравенство есть отступленіе отъ природы нашего общества, но защитники собственности не въ состояніи объяснить намъ, какъ произошло это отступленіе. Я же нахожу, что, если Провидѣніе поставило первыхъ людей въ равныя условія, то это было указаніемъ свыше, образцомъ, который давало намъ Провидѣніе для реализаціи его въ другихъ размѣрахъ; точно также люди развили въ самыхъ различныхъ формахъ то религіозное чувство, которое вложило въ нихъ Провидѣніе. Человѣкъ имѣетъ только одну неизмѣнную природу: онъ слѣдуетъ ей инстинктивно, отступаетъ отъ нея на основаніи своихъ аргументовъ и приводится къ ней обратно разумомъ. Кто осмѣлится сказать, что мы теперь не находимся на этомъ возвратномъ пути? По мнѣнію Гроція человѣкъ вышелъ изъ равенства; по моему мнѣнію человѣкъ вернется къ равенству. Какъ онъ вышелъ изъ него, какъ онъ вернется къ нему? Этимъ мы займемся позже.

Рейдъ, въ переводѣ Жоффруа, томъ VI, ст. 363:

„Право собственности не естественное, а пріобрѣтенное право; оно проистекаетъ не изъ устройства человѣка, а изъ его дѣйствій. Юристы объяснили происхожденіе его удовлетворительно для всякаго человѣка съ здравымъ разсудкомъ.—Земля общее достояніе, которое благость неба дала людямъ для ихъ жизненныхъ потребностей; но дѣлежъ этого достоянія и его плодовъ есть дѣло людей; каждый изъ нихъ получилъ отъ неба всю силу и разумѣніе, необходимыя для того, чтобъ пріобрѣсть себѣ *часть этого общаго достоянія безъ вреда для другого.*

Древніе моралисты вполнѣ справедливо сравнили съ мѣстомъ, получаемымъ въ театрѣ, право каждаго человѣка на плоды земли, пока она не занята другимъ и не стала собственностью этого другого; каждый посѣтитель театра можетъ занять свободное мѣсто и получаетъ такимъ образомъ право на него на все время спектакля, но никто не имѣетъ права прогнать уже занявшихъ мѣсто зрителей. Земля есть громадный театръ, который Всемогущій въ безконечной своей мудрости и благости устроилъ для трудовъ и радостей всего человѣчества. Каждый имѣетъ право занять здѣсь мѣсто зрителя, а также сыграть свою роль актера, но не мѣшая при этомъ другимъ".

Выводы изъ доктрины Рейда:

1) Для того, чтобы доля, выпадающая на одного, не принесла ущерба другому, необходимо, чтобъ она равнялась суммѣ всѣхъ подлежащихъ распредѣленію благъ, дѣленной на число участковъ.

2) Такъ какъ число мѣстъ должно всегда равняться числу посѣтителей, одинъ посѣтитель не можетъ занять два мѣста, одинъ актеръ не можетъ играть двѣ роли.

3) Съ прибытіемъ или уходомъ каждаго зрителя, мѣста другихъ съуживаются или расширяются въ той же пропорціи, потому что,—говоритъ Рейдъ — *право собственности не естественное, а пріобрѣтенное право;* значитъ, здѣсь не можетъ быть ничего абсолютнаго; фактъ занятія мѣста, устанавливающій право собственности на мѣсто, не можетъ

ЦАБ "Автомас"

сообщить ему неизмѣнности, которой самъ не имѣетъ. Очевидно, эдинбургскій профессоръ понялъ это и потому прибавляетъ:

„Право на жизнь предполагаетъ право добывать себѣ средства для жизни, и справедливость, которая ограждаетъ жизнь невиннаго, требуетъ также, чтобъ его не лишали средствъ поддерживать свою жизнь; и то и другое одинаково священно... Ставить препятствія труду другого значитъ совершать по отношенію къ нему такую же несправедливость, какъ если-бъ мы заковали его въ кандалы и бросили въ темницу: результатъ получается одинаковый и вызываетъ одинаковое ожесточеніе".

Такимъ образомъ глава шотландской школы, оставляя совершенно безъ вниманія неравенство таланта и прилежанія, a priori требуетъ равенства орудій труда и представляетъ затѣмъ каждому работнику заботу о собственномъ благосостояніи,по вѣчной аксіомѣ: Qui bien fera, bien trouvera (береженаго Богъ бережетъ).

Философъ Рейдъ вѣрно установилъ принципъ, но у него не хватило мужества послѣдовательно довести его до конца. Если право на жизнь равно для всѣхъ, право на трудъ и на захватъ тоже должно быть одинаково. Правы ли тѣ островитяне, которые, ссылаясь на свою собственность, станутъ отталкивать баграми несчастныхъ моряковъ, потерпѣвшихъ крушеніе и старающихся пристать къ ихъ берегу? Одна мысль о подобномъ варварствѣ возмущаетъ насъ. Собственникъ, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ, отталкиваетъ пролетарія, котораго топитъ волна цивилизаціи и который пытается ухватиться за утесы собственности. Дайте мнѣ работу, кричитъ ему изо всѣхъ силъ погибающій: не отталкивайте меня, я буду работать, за какую вамъ угодно плату. Мнѣ не нужны твои услуги, отвѣчаетъ собственникъ и подноситъ къ его носу остріе своей пики или дуло ружья. Уменьшите, по крайней мѣрѣ, мою квартирную плату. — Мнѣ нужны мои доходы, чтобы жить. — Чѣмъ же мнѣ платить вамъ, если я не работаю?—Это твое дѣло. Тогда несчастный пролетарій отдается волѣ волнъ или же дѣлаетъ отчаянную попытку проникнуть въ обитель собственности и умираетъ сраженный собственникомъ.

Мы слышали мнѣніе спиритуалиста; послушаемъ еще матеріалиста, а затѣмъ эклектика; пройдя такимъ образомъ кругъ философіи, мы обратимся къ юриспруденціи.

Согласно Дестю-де-Траси, собственность—необходимая принадлежность нашей природы. Она влечетъ за собой досадныя послѣдствія—надо быть слѣпымъ, чтобъ отрицать это; но послѣдствія эти—неизбѣжное зло, которое ничего не доказываетъ противъ самаго принципа; такъ что возставать противъ собственности вслѣдствіе проистекающихъ изъ нея злоупотребленій такъ же неразумно, какъ плакаться на жизнь, потому что самый вѣрный результатъ ея — смерть. Эта жестокая и безжалостная философія обѣщаетъ по крайней мѣрѣ стройную и прямую логику: посмотримъ, исполняетъ ли она это обѣщаніе.

„Мы сочинили торжественную біографію собственности... какъ будто отъ насъ зависитъ сдѣлать такъ, чтобъ на свѣтѣ была или не была собственность... Если послушать нѣкоторыхъ философовъ и законодателей, кажется, будто въ одинъ опредѣленный моментъ люди по собственному почину, безъ всякой внѣшней причины рѣшили сдѣлать разницу между *моимъ* и *твоимъ*, будто они могли и даже должны были не дѣлать этого. Но *мое* и *твое* никѣмъ не было изобрѣтено".

Философъ, ты слишкомъ реалистъ, *твое* и *мое* вовсе не означаютъ непремѣнно идентификаціи, какъ, напримѣръ, въ словахъ: *твоя* философія и *мое* равенство; *твоя* философія значитъ, что ты философствуешь, *мое* равенство—что я проповѣдую равенство. *Твое* и *мое* означаетъ чаще отношеніе: *твоя* страна, *твой* приходъ, *твой* портной; *моя* комната въ

ЦАБ "Автограф"

гостинницѣ, *мое* мѣсто въ театрѣ, *моя* рота и *мой* баталіонъ въ національной гвардіи. Въ первомъ смыслѣ можно сказать: *моя* работа, *мой* талантъ, *моя* добродѣтель, но не: *моя* высота, *мое* величіе; только во второмъ смыслѣ мы говоримъ: *мое* поле, *мой* домъ, *мой* виноградникъ, *мои* капиталы, какъ разъ какъ приказчикъ у банкира: *моя* касса. Однимъ словомъ: *твое* и *мое* выражаютъ личныя, но равныя права; въ примѣненіи къ предметамъ, лежащимъ внѣ насъ, они означаютъ владѣніе, функцію, пользованіе, но не собственность.

Никто бы не повѣрилъ, что вся теорія нашего автора построена на этой жалкой двусмыслицѣ, если-бы я не въ состояніи былъ доказать этого самыми формальными цитатами.

„Въ эпоху, предшествующую всякому договору; люди относятся другъ къ другу не какъ *враги* въ полномъ смыслѣ слова (мнѣніе Гоббза), а какъ *чужіе*. Тогда нѣтъ собственно ни справедливости, ни несправедливости; права одного не затрагиваютъ правъ другого. Каждый имѣетъ столько правъ, сколько потребностей, и общую потребность удовлетворять свои нужды, не обращая вниманія ни на кого другого".

Согласимся съ этой системой, вѣрной или ложной — безразлично. Дестю-де-Траси все равно не ускользнуть отъ равенства. По этой гипотезѣ люди, пока они *чужіе* другъ другу, ничѣмъ не обязаны другъ другу; они всѣ имѣютъ право удовлетворять свои потребности, не заботясь о потребностяхъ другихъ, слѣдовательно, имѣютъ право пользоваться своей властью надъ природой, каждый сообразно со своими силами и способностями. Отсюда, какъ необходимое слѣдствіе, самыя крупныя имущественныя неравенства. Итакъ, неравенство состояній является здѣсь чертой, характерной для той стадіи, на которой люди — чужіе другъ другу, для стадіи дикарей. Это какъ разъ обратное тому, что учитъ Руссо. Идемъ дальше:

„Ограниченія этихъ правъ и этой потребности являются лишь съ того момента, когда у людей возникаютъ молчаливыя или формальныя соглашенія. Здѣсь начало справедливости и несправедливости, т. е. равновѣсія между правами одного и правами другого; до этого момента они необходимо были одинаковы".

Вникнемъ въ это: *права были одинаковы*—это значитъ, что каждый имѣлъ право *удовлетворять свои нужды безъ всякаго вниманія къ нуждамъ другого;* другими словами, что всѣ имѣли одинаковое право вредить другъ другу, что не было другого права, кромѣ хитрости и силы. Впрочемъ, люди вредятъ другъ другу не только посредствомъ войны и грабежа, но также путемъ антиципаціи и присвоенія. И вотъ для того, чтобы парализовать это равное для всѣхъ право пускать въ ходъ силу и хитрость и причинять себѣ взаимно вредъ, чтобы парализовать этотъ единственный источникъ неравенства, люди прибѣгаютъ къ молчаливымъ или формальнымъ соглашеніямъ, устраиваютъ равновѣсіе. Эти соглашенія имѣли, слѣдовательно, цѣлью обезпечить всѣмъ равное благосостояніе; значитъ, по закону контрастовъ, если взаимное отчужденіе есть принципъ неравенства, то общество должно необходимо вести къ равенству. Общественное равновѣсіе есть уравненіе сильныхъ и слабыхъ; поскольку они не равны, они чужды другъ другу; они не составляютъ союза, остаются врагами. Значитъ, если считать неравенство необходимымъ зломъ, то можно имѣть въ виду только первоначальное состояніе взаимнаго отчужденія, потому что общество и неравенство противорѣчатъ другъ другу; значитъ, если человѣкъ созданъ для общества, онъ созданъ для равенства; это выводъ неопровержимый.

Если такъ, то спрашивается, почему послѣ установленія равновѣсія безпрестанно растетъ неравенство? Почему царство справедливости все

щее царство взаимнаго отчужденія? Что отвѣчаетъ на это Дестю-де-Траси?

„*Наши нужды и средства, права и обязанности* проистекаютъ изъ нашей способности желать. Если бы человѣкъ ничего не желалъ, онъ не имѣлъ бы ни того, ни другого. Но имѣть нужды и средства, права и обязанности значитъ *имѣть, обладать* чѣмъ-то. Въ широкомъ смыслѣ слова это все виды собственности; все вещи, которыя намъ принадлежатъ".

Недостойный эквивокъ, не оправдываемый потребностью обобщенія. Слово *собственность* имѣетъ два значенія: 1) оно выражаетъ свойство, которое дѣлаетъ предметъ тѣмъ, что онъ есть, качество, присущее ему, отличающее его; въ этомъ смыслѣ говорятъ *свойства* (les propriétés) *треугольника* или *чисель*, свойства магнита и т. д. 2) оно выражаетъ право разумнаго и свободнаго существа надъ какой-нибудь вещью; въ этомъ смыслѣ его понимаютъ юристы. Въ фразѣ: *желѣзо пріобрѣтаетъ свойство* (propriétés) *магнита*, слово propriété не вызываетъ въ насъ той ассоціаціи идей, какъ въ фразѣ: *я пріобрѣлъ право собственности* (propriété) *на этотъ магнитъ*. Сказать нищему, что онъ *имѣетъ* собственность, такъ какъ имѣетъ *руки* и *ноги;* что мучащій его голодъ и возможность спать на открытомъ воздухѣ—все это его собственность, значитъ играть словами и усугублять свою безчеловѣчность издѣвательствомъ.

„Идея собственности не можетъ быть построена на идеѣ личности. Какъ только рождается идея собственности, она необходимо и неизбѣжно рождается во всей своей полнотѣ. Съ тѣхъ поръ какъ индивидуумъ знаетъ свое *я,* свое моральное я, свою способность наслаждаться, страдать, дѣйствовать, онъ не можетъ не видѣть также, что это я есть исключительный собственникъ воодушевляемаго имъ тѣла, его органовъ, силъ, способностей и т. д.... Естественная собственность необходима, разъ существуетъ собственность искусственная и условная: потому что въ искусствѣ не можетъ быть ничего, что не имѣло бы своего принципа въ природѣ".

Намъ остается только удивляться чистосердечію и разуму господъ философовъ. Человѣкъ имѣетъ свойства, способности (des propriétés); онъ собственникъ ихъ (en a la propriété): il a done la propriété de la propriété d'être propriétaire, онъ, значитъ, собственникъ свойства быть собственникомъ. Я долженъ былъ бы краснѣть отъ стыда, перебирая такую чепуху, если бы не авторитетъ Дестю-де-Траси!

Но это дѣтское смѣшеніе понятій ошибка всего рода человѣческаго; оно имѣло мѣсто у колыбели человѣческаго общества и языка, когда вмѣстѣ съ первыми идеями и словами возникли метафизика и діалектика. Все, что человѣкъ могъ назвать *моимъ*,—отожествлялось въ его умѣ съ его личностью; онъ смотрѣлъ на него, какъ на свою собственность,—на свое добро, на часть его самаго, часть его тѣла, способность его духа; обладаніе вещами было уподоблено обладанію физическими и духовными преимуществами; и на этой ложной аналогіи было построено право собственности, *подражаніе природѣ въ искусствѣ*, какъ изящно выражается Дестю-де-Траси.

Но какъ же этотъ тонкій идеологъ не замѣтилъ, что человѣкъ не является даже собственникомъ своихъ способностей? Человѣкъ имѣетъ извѣстныя силы, добродѣтели, качества; природа ввѣрила ихъ ему для того, чтобъ онъ могъ жить, познавать, любить; но онъ не имѣетъ надъ ними абсолютной власти, онъ лишь въ положеніи узуфруктора; онъ въ состояніи пользоваться этимъ узуфруктомъ, лишь повинуясь предписаніямъ природы. Если-бъ онъ былъ суверреннымъ господиномъ своихъ способностей, онъ не позволилъ бы себѣ терпѣть голодъ и холодъ; онъ ѣлъ бы безъ конца и ходилъ бы по огню; подымалъ бы горы, проходилъ бы сто миль въ одну минуту, лечилъ бы себя безъ лекарствъ, одной своей силой воли

ЦАБ "Автограф"

и сдѣлалъ бы себя безсмертнымъ. Ему стоило бы сказать: я хочу сдѣлать это, и работа его была бы тутъ какъ тутъ, прекрасная, идеальная; ему стоило бы только сказать: я хочу знать, и онъ зналъ бы; люблю—и онъ насладился бы любовью. Итакъ, что-же? Человѣкъ вовсе не хозяинъ надъ самимъ собой и будетъ хозяиномъ надъ тѣмъ, что не его! Пусть онъ пользуется продуктами природы, онъ не можетъ жить иначе; но пусть откажется отъ своихъ претензій собственника и вспомнитъ, что этотъ титулъ данъ ему только по метафорѣ.

Въ итогѣ: Дестю-де-Траси смѣшиваетъ въ одномъ и томъ-же терминѣ внѣшнія *блага* природы и искусства и *способности* и *силы* человѣка; онъ называетъ то и другое *собственностью* (propriétés); съ помощью этой двусмыслицы онъ надѣется неопровержимо установить право собственности. Но среди всѣхъ этихъ propriétés, одни врождены намъ, какъ напримѣръ: память, воображеніе, сила, красота, другія — *пріобрѣтены* нами, какъ напримѣръ: поля, воды, лѣса. Въ первобытномъ состояніи, т. е. въ состояніи взаимнаго отчужденія, самые ловкіе и сильные люди, т. е. выгоднѣе всего надѣленные врожденными качествами (собственностью), имѣютъ больше всего шансовъ получить пріобрѣтенную собственность именно, чтобы предотвратить это и вытекающую отсюда войну, и выдумали люди справедливость, вошли въ молчаливыя или формальныя соглашенія между собой; для того, значитъ, чтобъ по мѣрѣ возможности исправить неравенство врожденной собственности на равенствѣ собственности пріобрѣтенной. Поскольку дѣлежъ не равенъ, дѣлящіеся остаются врагами, и соглашеніе надо начинать сызнова. Итакъ, съ одной стороны отчужденіе, неравенство, антагонизмъ, война, грабежъ, убійство; съ другой—общество, равенство, братство, миръ и любовь. Выборъ за нами.

Жозефъ Дютанъ, физикъ, инженеръ, геометръ, но очень слабый юристъ и ужъ вовсе не философъ, написалъ *Философію политической экономіи*, въ которой онъ счелъ нужнымъ выступить въ роли рыцаря собственности. Его метафизика очевидно заимствована у Дестю-де-Траси. Онъ начинаетъ слѣдующимъ опредѣленіемъ собственности, достойнымъ Сганареля: „Собственность есть право, по которому предметъ считается принадлежащимъ кому-нибудь“. Буквальный переводъ: Собственность есть право собственности.

Сдѣлавъ нѣсколько экскурсій въ область воли, свободы, личности, установивъ дѣленіе на *нематеріальную естественную собственность* и *матеріальную естественную собственность*, которое сводится на врожденныя свойства и пріобрѣтенную собственность у Дестю-де-Траси, Дютанъ ставитъ слѣдующіе два общіе тезиса: 1) Собственность есть естественное и неотчуждаемое право каждаго человѣка; 2) Неравенство собственности неизбѣжное требованіе природы. Эти тезисы можно выразить въ болѣе простой формѣ: Всѣ люди имѣютъ равное право на неравную собственность.

Дютанъ недоволенъ тѣмъ, что Сисмонди считаетъ единственнымъ источникомъ поземельной собственности законъ и договоры, но онъ самъ, говоря объ уваженіи народа передъ собственностью, заявляетъ, что здравый смыслъ народа открываетъ ему природу *первоначальнаго договора* между обществомъ и собственниками“.

Онъ смѣшиваетъ собственность съ владѣніемъ, общину съ равенствомъ, справедливое съ естественнымъ, естественное съ возможнымъ: онъ то считаетъ эти различныя идеи равнозначущими, то, повидимому, различаетъ ихъ—и куда труднѣй, читатель, понять его, чѣмъ разбить и опровергнуть. Я былъ сначала привлеченъ заглавіемъ книги: „*Философія политической экономіи*“, но въ потемкахъ ея автора я не нашелъ

ЦАБ "Автобаза"

ничего, кромѣ вульгарныхъ мыслей, поэтому и не буду останавливаться на нихъ.

Кузенъ, въ своей *Философіи морали* говоритъ, что вся мораль, весь законъ, все право даны намъ въ слѣдующемъ принципѣ: *Свободное существо, оставайся свободнымъ.* Браво, учитель! Я хочу остаться свободнымъ, если съумѣю. Онъ продолжаетъ:

„Нашъ принципъ вѣренъ, красивъ, соціаленъ; будемъ же имѣть мужество сдѣлать изъ него всѣ выводы.

1) Если личность человѣческая священна, она священна во всей своей природѣ и въ частности въ своихъ внутреннихъ актахъ, въ своихъ чувствахъ, мысляхъ, волевыхъ опредѣленіяхъ. На этомъ основано наше уваженіе передъ философіей, религіей, искусствами, промышленностью, торговлей, всѣми продуктами свободы. Я говорю: уваженіе, а не просто: терпимость, потому что право не терпятъ только, а уважаютъ".

Я преклоняюсь передъ философіей.

2) Моя священная свобода нуждается, для внѣшнихъ дѣйствій, въ орудіи, которое мы называемъ тѣломъ; стало-быть, тѣло имѣетъ свою долю въ святости свободы, оно тоже неприкосновенно; отсюда принципъ индивидуальной свободы.

3) Моя свобода нуждается для внѣшнихъ дѣйствій въ аренѣ и матеріалѣ, другими словами, въ собственности, въ той или другой вещи. Стало быть, эти вещи, эта собственность, тоже участвуютъ въ неприкосновенности моей личности. Напримѣръ, я завладѣваю предметомъ, который сталъ необходимымъ и полезнымъ орудіемъ для внѣшняго развитія моей свободы. Я говорю: этотъ предметъ принадлежитъ мнѣ, такъ какъ онъ ничей; съ этой поры я его законный владѣлецъ. Такимъ образомъ законность владѣнія покоится на двухъ условіяхъ. Во первыхъ, я владѣю только, какъ свободное существо; отымите мою свободную активность, и вы уничтожите во мнѣ начало труда; но я только трудомъ могу присвоить себѣ вещь или собственность, и только присваивая ихъ себѣ, я владѣю ими. Значитъ, свободная активность есть источникъ права собственности. Но этого недостаточно, что-бъ узаконить владѣніе. Всѣ люди свободны, всѣ могутъ посредствомъ труда присвоить себѣ собственность; значитъ ли это, что всѣ имѣютъ право на всѣ предметы собственности? Нисколько: чтобы стать законнымъ владѣльцемъ, недостаточно, чтобы я, какъ свободное существо, въ состояніи былъ работать и производить; надо еще, чтобы я первый захватилъ извѣстную собственность. Резюмируемъ: если трудъ и производство являются принципомъ права собственности, то фактъ первоначальнаго захвата есть его неизбѣжное условіе.

4) Я законный владѣлецъ вещи, имѣю, стало быть, право поступать съ предметомъ моей собственности такъ, какъ мнѣ угодно, Имѣю, значитъ, также право отдать эту вещь другому. Завѣщать ее; потому что какъ только мой даръ санціонированъ свободнымъ актомъ моей воли, онъ остается священнымъ и послѣ моей смерти".

Итакъ, согласно Кузену, чтобъ стать собственникомъ вещи, необходимо прежде стать ея владѣльцемъ путемъ захвата и труда. Я прибавлю, что необходимо также придти во время, такъ какъ если поспѣвшіе раньше заняли уже все, что же остается занять пришедшимъ послѣдними? Что станетъ со всѣми этими свободами, которыя имѣютъ орудіе для внѣшней дѣятельности въ мірѣ, но не нашли матеріала для нея? Придется-ли имъ пожрать другъ друга? Страшная крайность, которую не удостоила предвидѣть мудрость философовъ: великіе геніи не обращаютъ вниманіе на мелочи.

Замѣтимъ еще, что Кузенъ не признаетъ за захватомъ и трудомъ,

ЦАБ "Автограф"

взятыми въ отдѣльности, свойства создавать права собственности; она рождается у него только на почвѣ ихъ соединенія, ихъ брака, такъ сказать. Это одинъ изъ эклектическихъ маневровъ, свойственныхъ г. Кузену, и отъ которыхъ онъ долженъ былъ бы воздерживаться болѣе всякого другого. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать съ помощью анализа, сравненія, исключенія и сводки, единственный путь къ истинѣ черезъ лабиринтъ нашей мысли и фантазіи, онъ дѣлаетъ амальгаму изъ всѣхъ системъ и, объявляя каждую заодно правой и неправой, заявляетъ: Вотъ истина.

Но я сказалъ въ началѣ, что ничего не стану отвергать, что какъ разъ изъ тѣхъ гипотезъ, которыя придуманы были въ пользу собственности, я извлеку принципъ равенства, который ее уничтожаетъ. Я сказалъ, что только въ этомъ будетъ заключаться вся моя аргументація, что я найду этотъ неизбѣжный принципъ равенства въ основѣ всѣхъ разсужденій адвокатовъ собственности; точно такъ-же я надѣюсь со временемъ доказать, что собственность инфицировала науку объ экономіи, правѣ и правительствѣ и направила ихъ на ложную дорогу.

Ладно! Вѣдь съ точки зрѣнія г. Кузена вѣрно, что если свобода человѣка священна, то она священна во всѣхъ индивидуумахъ, что если она нуждается въ собственности для своихъ внѣшнихъ проявленій, т. е. для жизни, то это присвоеніе внѣшнихъ вещей одинаково необходимо для всѣхъ, что, требуя признанія моего права на присвоеніе, я долженъ признавать его и за другими; что, слѣдовательно, если свойство свободы присваивать себѣ собственность встрѣчаетъ въ области безконечнаго границу только въ себѣ самой, то въ области конечнаго это свойство математически ограничено числомъ тѣхъ свободъ (субъектовъ) которые существуютъ на данной территоріи? Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что если одна свобода не въ состояніи воспрепятствовать другой, своей современницѣ, присваивать себѣ столько-же матеріи, сколько присваиваетъ она, то тѣмъ болѣе она не въ правѣ отнять эту возможность у будущихъ свободъ: вѣдь индивидуумъ проходитъ, но цѣлое остается, и законъ вѣчнаго цѣлаго не можетъ зависѣть отъ своей случайной части. И не слѣдуетъ-ли изъ всего этого, что при рожденіи каждой новой личности—свободы, остальныя должны потѣсниться; что, становясь наслѣдникомъ, этотъ новый пришелецъ получаетъ право только на одно наслѣдство, а не на нѣсколько.

Я послѣдовалъ за г. Кузеномъ вплоть до его стиля и стыжусь этого. Нужны-ли были эти высокопарные термины, эти звучныя фразы, чтобы сказать такія простыя вещи? Человѣкъ долженъ работать, чтобы жить; слѣдовательно, онъ нуждается въ орудіяхъ производства и сыромъ матеріалѣ. Эта потребность производить составляетъ его право; право это гарантируютъ ему его подобные; съ своей стороны онъ принимаетъ по отношенію къ нимъ такое же обстоятельство. Сто тысячъ человѣкъ поселяются въ независимой странѣ величиной въ нашу Францію, каждый изъ нихъ имѣетъ право на одну стотысячную земельнаго капитала. Когда число владѣльцевъ увеличивается, соотвѣтственно съ этимъ уменьшается доля каждаго, такъ что, когда число жителей подымется до 34 милліоновъ, право каждаго будетъ равно лишь одной тридцатичетырехъ милліонной. Если въ этомъ общежитіи полиція, правительство, трудъ, обмѣнъ, наслѣдованіе и пр. построены на началахъ равенства орудій труда и личной свободы, мы имѣемъ передъ собой вполнѣ совершенное общество.

Изъ всѣхъ адвокатовъ собственности Кузенъ поставилъ ее прочнѣе всего. Онъ поддерживаетъ противъ политико-экономовъ мнѣніе, что трудъ можетъ создать право собственности только тогда, когда ему предшествуетъ захватъ; а противъ юристовъ, что гражданское право можетъ

ЦАБ "Автоград"

формулировать и примѣнять естественное право, но не въ состояніи создать его. Дѣйствительно, нельзя сказать: „Право собственности доказывается уже однимъ существованіемъ собственности; въ этомъ отношеніи гражданское законодательство играетъ чисто-деклараціонную роль". Это равносильно признанію, что намъ нечего отвѣтить тѣмъ, которые оспариваютъ законность самаго факта. Всякое право должно быть оправдано или изъ него самого или изъ другихъ предшествовавшихъ ему правъ; собственность не ускользаетъ отъ этой альтернативы. Вотъ почему Кузенъ ищетъ для нея опоры въ томъ, что онъ называетъ *святостью* человѣческой личности, и въ актѣ, которымъ воля личности присваиваетъ себѣ предметъ.

„Разъ пришедши въ соприкосновеніе съ человѣкомъ,—говоритъ одинъ изъ учениковъ Кузена, всякая вещь преображается, одухотворяется".

Что касается меня лично, то признаюсь, я не вѣрю въ эту магію и не знаю ничего менѣе святого, нежели воля человѣка. Тѣмъ не менѣе эта теорія при всей своей несостоятельности съ точки зрѣнія психологіи и права, имѣетъ болѣе философскій и глубокій характеръ, чѣмъ теоріи, которыя основываются только на трудѣ или на авторитетѣ закона; мы видѣли также, къ чему приводитъ эта теорія—къ равенству, которое сквозитъ во всѣхъ ея тирадахъ.

Но, быть можетъ, философія смотритъ на вещи слишкомъ свысока и недостаточно практична; быть можетъ, съ птичьяго полета умозрѣнія люди кажутся ужъ очень незначительными, чтобъ метафизика считалась съ ихъ различіями; быть можетъ, наконецъ, равенство состояній одинъ изъ тѣхъ афоризмовъ, которые вѣрны въ своей неприступной абстрактности, но становятся смѣшны и даже опасны въ повседневномъ жизненномъ обиходѣ и соціальной жизни? Конечно, здѣсь вполнѣ у мѣста совѣтъ моралистовъ и юристовъ, которые предостерегаютъ насъ не доводить ничего до крайностей и опасаться всякаго опредѣленія; каждое опредѣленіе—говорятъ они—можно разбить въ пухъ и прахъ, обнаруживши его пагубныя послѣдствія: *Omnis definitio in jure civili periculosa est: parum est enim, ut non subverti possit.* Равенство, этотъ ужасный догматъ для ушей собственника и утѣшительная истина на одрѣ измучившагося бѣдняка, страшная дѣйствительность подъ ножомъ анатома,— это равенство, перенесенное въ сферу политическаго, гражданскаго и промышленнаго строя, является ничѣмъ инымъ, какъ миражемъ, ловушкой, сатанинской ложью.

Я по принципу не прибѣгаю къ огорашиванію читателя; я ненавижу на смерть людей, которые прибѣгаютъ къ уловкамъ въ своихъ словахъ и поведеніи. Съ первой-же страницы этой книги я высказался достаточно корректно и рѣшительно, такъ что читатель съ самаго начала долженъ былъ видѣть, кого онъ имѣетъ передъ собой, каковы мои идеи и надежды. Мнѣ не откажутъ въ признаніи, что трудно обнаружить заодно болѣе откровенности и смѣлости. Поэтому я не боюсь зайти слишкомъ далеко, утверждая, что не далеко то время, когда эта хваленая осторожность философовъ, эта золотая середина, настойчиво рекомендуемая намъ докторами моральныхъ и политическихъ наукъ, будетъ лишь обиднымъ ярлыкомъ безпринципной науки, такъ сказать, ея позорнымъ клеймомъ. Аксіомы законодательства и морали носятъ такой-же абсолютный характеръ, какъ и аксіомы геометріи, опредѣленія здѣсь такъ-же вѣрны, выводы, даже самые крайніе, являются закономъ, если только они сдѣланы вполнѣ правильно. Жалкая гордыня человѣка! Мы ничего не знаемъ относительно нашей природы и обременяемъ ее нашими противорѣчіями, въ порывѣ наивнаго невѣжества мы осмѣливаемся заявлять: „Истина заключается въ сомнѣніи, самое лучшее опредѣленіе—

ЦАБ "Автограф

это не опредѣлять ничего". Когда нибудь намъ станетъ извѣстно, проистекаетъ-ли это печальное состояніе юриспруденціи изъ самого объекта ея или изъ нашихъ предразсудковъ; и не стоитъ-ли для объясненія соціальныхъ фактовъ измѣнить только нашу гипотезу, какъ это сдѣлалъ Коперникъ, поставивъ на голову систему Птоломея.

Но что вы скажете, если я покажу вамъ сейчасъ, что эта самая юриспруденція безпрестанно аргументируетъ съ помощью равенства и такимъ путемъ старается узаконить собственность? Что вы возразите на это?

§ 3 — *О гражданскомъ правѣ, какъ основѣ и санкціи собственности.*

Потье, повидимому, думаетъ, что право собственности, точно такъ же какъ королевская власть, божественнаго происхожденія. Онъ ведетъ начало ея отъ самаго Бога: *Ab Jove principium.* Послушайте, какъ онъ дебютируетъ:

„Богъ верховный властелинъ вселенной и всѣхъ находящихся въ ней предметовъ: *Domini est terra et plenitudo ejus, orbis terrarum et universi que habitant in eo.*—Ради человѣка Онъ создалъ землю и всѣ твари на ней, человѣка Онъ надѣлилъ властью надъ ними, которая однако подчинена власти Божьей. *Ты сдѣлалъ его господиномъ надъ твоими твореніями, ты положилъ природу у ногъ его,*—говорится въ Псалтырѣ; Богъ совершилъ этотъ даръ роду человѣческому, обратившись послѣ сотворенія міра къ нашимъ прародителямъ со слѣдующими словами: *Плодитесь, размножайтесь, заполняйте землю и т. д*".

Послѣ этого великолѣпнаго вступленія, кто-же не подумаетъ, что человѣчество есть одна большая семья, живущая въ братскомъ союзѣ между собой, подъ охраной почтеннаго отца? Но, Боже! Сколько здѣсь враждебныхъ братьевъ! Сколько выродковъ-отцовъ и мотовъ дѣтей!

Богъ подарилъ землю роду человѣческому: Почему же мнѣ ничего не досталось? *Онъ положилъ природу у моихъ ногъ*, а я не имѣю гдѣ приклонить свою голову! *Размножайтесь,* говоритъ Онъ намъ устами своего интерпрета Потье. Ахъ, ученѣйшій Потье, это такъ же легко сдѣлать, какъ и сказать; но дайте сначала птицѣ мохъ для гнѣзда!

„Когда родъ человѣческій размножился, люди подѣлили между собой землю и большую часть находящихся на ея поверхности предметовъ; то, что выпало на долю каждаго, принадлежало съ тѣхъ поръ исключительно ему: такъ произошло право собственности".

Нѣтъ, нѣтъ: право владѣнія. Люди жили въ коммунизмѣ положительномъ или отрицательномъ—это безразлично; тогда не было собственности, потому что не было даже частнаго владѣнія. По мѣрѣ роста числа владѣльцевъ приходилось дѣлать усилія для увеличенія средствъ существованія; такимъ образомъ люди пришли къ соглашенію (былъ-ли это формальный или молчаливый договоръ—не имѣетъ здѣсь значенія), что трудящійся является единственнымъ собственникомъ пролукта своего труда; это значитъ, договоръ констатировалъ лишь тотъ фактъ, что отнынѣ никто не въ состояніи жить не работая. Отсюда необходимо вытекало, что для равенства въ условіяхъ существованія необходимо осуществить равенство труда; а для послѣдняго необходимо было дать каждому равныя средства труда. Кто не трудясь, силой-ли или хитростью, овладѣвалъ средствами существованія другого, тотъ нарушалъ равенство, становился внѣ закона. Кто накоплялъ средства производства, подъ предлогомъ усиленной дѣятельности, тотъ тоже уничтожалъ равенство. Равенство служило тогда выраженіемъ права; кто покушался на равенство, тотъ совершалъ *несправедливость*.

Такимъ образомъ вмѣстѣ съ трудомъ рождалось частное владѣніе,

ЦАБ "Автотрак"

jus in re, право надъ вещью, но надъ какой вещью? Очевидно, надъ продуктомъ, а не надъ почвой. Такъ это всегда понимали арабы, такъ понимали его нѣкогда и Германцы по свидѣтельству Цезаря и Тацита. „Арабы, говоритъ Сисмонди, признаютъ право каждаго на стада, взрощенныя имъ, не оспариваютъ право на жатву у того, кто засѣялъ поле; но они не видятъ причины, почему другой, равный, не имѣетъ право, въ свою очередь, засѣять поле. Неравенство, результатъ такъ называемаго права перваго захвата, они считаютъ лишеннымъ всякаго справедливаго основанія; если территорія раздѣлена между извѣстнымъ числомъ обитателей, изъ этого вытекаетъ монополія ихъ противъ остальныхъ членовъ націи—они не желаютъ подчиняться такой монополіи".

Такъ или иначе, земля была подѣлена; я допускаю, что это создаетъ болѣе прочную организацію между трудящимися, что этотъ способъ распредѣленія, прочный и постоянный, представляетъ больше удобствъ; но какимъ образомъ этотъ дѣлежъ можетъ дать индивидууму право передавать другому *собственность* на вещь, на которую прежде всѣ имѣли неотчуждаемое право *владѣнія?* Говоря языкомъ юриспруденціи, эта метаморфоза изъ владѣльца въ собственника невозможна легально, она предполагаетъ въ первобытной юрисдикціи смѣшеніе possessorium'a и petitorium'a; обѣ стороны должны были сдѣлать при дѣлежѣ взаимныя уступки—равныя, какъ вы предполагаете,—но это является во всякомъ случаѣ сдѣлкой на почвѣ естественнаго права. Первые земледѣльцы, которые были также творцами первыхъ законовъ, не были такъ учены, какъ наши юристы,—согласенъ съ этимъ; если-бъ и были, они тоже не могли-бы поступить хуже; они не предвидѣли послѣдствій превращенія частнаго владѣнія въ абсолютную собственность. Но почему тѣ, которые позднѣе установили различіе между *jus in re* и *jus ad rem,* не примѣнили его къ принципу собственности? Напоминаю юристамъ ихъ собственныя сентенціи.

Если право собственности можетъ вообще имѣть причину, то только одну, а не нѣсколько: *Dominium non potest nisi ex una causa contingere.* Я могу владѣть вещью на различныхъ основаніяхъ; но собственникомъ ея являюсь только на основаніи одной причины: *Non, ut ex pluribus causis idem nobis deberi potest, ita ex pluribus causis idem potest nostrum esse.* Я могу быть владѣльцемъ поля, которое я распахалъ, воздѣлываю, на которомъ я построилъ свой домъ, которое кормитъ мою семью и мой скотъ,—могу владѣть имъ, 1) въ качествѣ перваго занявшаго его, 2) какъ обрабатывающій его и 3) въ силу общественнаго договора, опредѣлившаго его мнѣ при дѣлежѣ. Но ни одинъ изъ этихъ пунктовъ не даетъ мнѣ права собственности, вѣдь, если я ссылаюсь на право захвата, общество можетъ отвѣтить мнѣ: Мой захватъ старше твоего. Если я сошлюсь на мой трудъ, оно скажетъ: Эти соглашенія основываютъ именно узуфруктъ. А между тѣмъ вотъ и всѣ доводы, къ которымъ прибѣгаютъ собственники; они не были въ состояніи найти другіе. Въ дѣйствительности всякое право—поучаетъ насъ Потье—предполагаетъ источникъ его въ личности, пользующейся имъ; но въ человѣкѣ, который рождается и умираетъ, въ этомъ дѣтищѣ праха, которое проходитъ, какъ тѣнь, могутъ быть только мотивы для владѣнія вещами внѣшняго міра, но ни одного основанія для собственности надъ ними. Какъ же обществу признать противъ себя право тамъ, гдѣ нѣтъ причины, нѣтъ источника этаго права? Могло ли оно заодно съ владѣніемъ допустить собственность? Какимъ образомъ законъ санкціонировалъ это превышеніе власти?

Нѣмецъ Анцилонъ отвѣчаетъ на это:

„Нѣкоторые философы утверждаютъ, что человѣкъ, прилагая свои силы къ какому-нибудь предмету природы: полю, дереву, пріобрѣтаетъ

ЦАБ "Автограф"

такимъ образомъ лишь право на тѣ измѣненія, которыя онъ вызываетъ въ этомъ предметѣ, на форму, которую онъ придаетъ ему, но не на самый этотъ предметъ. Напрасныя тонкости! Если бы можно было отдѣлить форму отъ предмета, быть можетъ, это различіе имѣло бы смыслъ; но такъ какъ это почти всегда оказывается невозможнымъ, приложеніе силъ человѣка къ различнымъ предметамъ видимаго міра есть первое основаніе собственности, первый источникъ имуществъ".

Пустой предлогъ! Если форму нельзя отдѣлить отъ предмета, а собственность отъ владѣнія, то надо подѣлить владѣніе; во всякомъ случаѣ общество сохраняетъ право наложить свои условія на собственность. Предположимъ, что присвоенный кѣмъ-нибудь участокъ приноситъ 10000 франковъ валового дохода, предположимъ далѣе, что этотъ участокъ не можетъ быть раздѣленъ на части—случай дѣйствительно экстраординарный; затѣмъ, что по экономическому подсчету каждая семья потребляетъ въ среднемъ въ годъ 3000 фр., владѣльца этого участка надо обязать поступать съ нимъ, какъ добрый отецъ семейства, и уплачивать обществу таксу въ 10000 фр. за вычетомъ всѣхъ издержекъ по эксплуатаціи и 3000 фр., необходимыхъ для содержанія его семейства. Эта такса вовсе не есть арендная плата, это просто—вознагражденіе.

Что это за справедливость, которая произноситъ приговоры вродѣ слѣдующихъ:

„Принимая во вниманіе, что, благодаря обработкѣ, вещь измѣнила свою форму, а форму нельзя отдѣлить отъ матеріи, не разрушая самой вещи, необходимо или экспропріировать общество, или лишить работника плодовъ его труда.

Принимая во вниманіе, что во всякомъ другомъ случаѣ собственность на матерію, на матеріалъ должна взять верхъ надъ собственностью на то, что прибавлено къ этому матеріалу (за вычетомъ издержекъ), но въ данномъ случаѣ собственность на прибавленное должна оказаться сильнѣе собственности на главное и первоначальное; принимая все это во вниманіе, постановляемъ, что право присвоенія трудомъ предмета, принадлежащаго частному лицу, не будетъ терпимо; оно можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ обществу".

Въ этомъ духѣ постоянно разсуждаютъ о собственности юристы. Законъ существуетъ для того, чтобъ опредѣлить права людей между собой, т. е. права каждаго по отношенію къ другому и каждаго по отношенію ко всѣмъ; но словно пропорція можетъ состоять менѣе чѣмъ изъ четырехъ членовъ, юристы всегда оставляютъ послѣднее безъ вниманія. Пока человѣкъ противостоитъ человѣку, собственность является противовѣсомъ собственности, и обѣ силы уравновѣшиваются; какъ только человѣкъ оказывается изолированнымъ, т. е. противопоставленнымъ обществу, которое онъ же самъ представляетъ собой, юриспруденція оказывается въ накладѣ, Ѳемида потеряла одну чашку своихъ вѣсовъ.

Послушайте Реннскаго профессора, ученаго Туллье.

„Какимъ образомъ преимущество, добытое путемъ захвата, можетъ превратиться въ прочную и постоянную собственность, которая продолжаетъ существовать и можетъ быть требуема и послѣ того, какъ первый занявшій предметъ пересталъ владѣть имъ?

Земледѣліе было естественнымъ слѣдствіемъ размноженія рода человѣческаго и, въ свою очередь, благопріятствовало росту населенія и сдѣлало необходимымъ установленіе прочной собственности; ибо кто далъ бы себѣ трудъ пахать и засѣвать поле, если бы не былъ увѣренъ, что жатва будетъ принадлежать ему?"

Для успокоенія земледѣльца достаточно было бы обезпечить ему сборъ жатвы; если даже согласиться, что владѣніе участкомъ должно

ЦАБ "Авангард"

быть оставлено за нимъ, пока онъ его самъ обрабатываетъ—это во всякомъ случаѣ все, что онъ имѣлъ право ожидать, все, что требуетъ прогрессъ цивилизаціи. Но собственность! Собственность! Право на почву, которую вы не занимаете и не воздѣлываете; въ чьей власти было октроировать его? Кто могъ выставить такую претензію?

„Одного земледѣлія недостаточно было для установленія постоянной собственности, для этого нужны были положительные законы, начальство, которое проводило бы ихъ въ жизнь; однимъ словомъ, нуженъ былъ гражданскій строй".

„Разложеніе рода человѣческаго сдѣлало необходимымъ земледѣліе; необходимость обезпечить земледѣльцу плоды его труда вызвала потребность въ прочной собственности и въ законахъ для охраненія ея. Такимъ образомъ мы обязаны собственности возникновеніемъ гражданскаго строя".

Да, нашего гражданскаго строя, какъ онъ вышелъ изъ вашихъ рукъ, строя, который сначала былъ деспотизмомъ, затѣмъ монархіей, потомъ аристократіей, теперь демократія и всегда тиранія.

„Не будь узъ собственности, никогда не было бы возможности подчинить людей подъ спасительное иго закона; безъ постоянной собственности земля все еще была бы однимъ сплошнымъ лѣсомъ. Признаемъ же вмѣстѣ съ добросовѣстными авторами, что если преходящая собственность или право предпочтенія, даваемое захватомъ, предшествуетъ возникновенію гражданскаго строя, то постоянная собственность, какой мы ее знаемъ, теперь есть продуктъ гражданскаго права.—Гражданское право выставило правило, что разъ пріобрѣтенная собственность не теряется болѣе безъ соучастія собственника, что она остается за нимъ даже тогда, когда онъ потерялъ владѣніе надъ вещью и послѣдняя находится въ рукахъ третьяго лица.

Такимъ образомъ собственность и владѣніе, сливающіяся въ первобытномъ строѣ, становятся, благодаря гражданскому праву, двумя различными и независимыми понятіями; понятіями, которыя, говоря языкомъ законодательства, не имѣютъ между собой ничего общаго. Мы видимъ здѣсь, какая важная перемѣна произошла въ области собственности, и какъ гражданскіе законы измѣнили ея природу".

Итакъ, устанавливая собственность, законъ не является выраженіемъ психологическаго факта, развитіемъ закона природы, приложеніемъ моральнаго принципа: онъ въ полномъ смыслѣ слова *создалъ* право (но это выходитъ изъ его сферы!), реализировалъ абстракцію, метафору, фикцію, и при этомъ не позаботился предусмотрѣть, что выйдетъ изъ этого, не сопряжено ли это будетъ съ неудобствами, принесетъ ли собственность добро или зло? Законъ освятилъ эгоизмъ; онъ подписался подъ чудовищными притязаніями, далъ свое согласіе на нечестивыя желанія, какъ будто въ его власти было заполнить бездонную пропасть и насытить адъ. Слѣпой законъ, законъ темнаго человѣка, законъ, который не есть законъ; слова раздора, лжи и крови. Это онъ, всегда обновляемый, всегда возстановляемый, помолодѣвшій, реставрированный, окрѣпшій какъ палладіумъ, смутилъ сознаніе народовъ, затемнилъ умъ мыслителей и вызвалъ всѣ катастрофы въ жизни націй. Его осудило христіанство, хотя невѣжественные слуги церкви боготворятъ его: у нихъ нѣтъ ни желанія изучать природу и человѣка, ни умѣнья читать въ книгѣ природы и человѣка.

Наконецъ, чѣмъ руководилось законодательство, создавая собственность, какому принципу оно слѣдовало?

Просто невѣроятно: это было равенство.

Земледѣліе было основаніемъ поземельнаго владѣнія и случайной причиной собственности. Чтобы обезпечить земледѣльцу плодъ его тру-

ЦАБ "Автограф"

довъ, надо было обезпечить ему средства производства. Чтобы защитить слабаго отъ посягательствъ сильнаго, чтобы положить конецъ грабежу и обману, чувствовалась потребность установить между отдѣльными владѣльцами постоянныя демаркаціонныя линіи, неприступныя преграды. Съ каждымъ годомъ населеніе увеличивалось, вмѣстѣ съ тѣмъ росла также алчность земледѣльца; устанавливая границы, люди надѣялись положить предѣлъ честолюбію, оно должно было разбиться о межевые камни. Такимъ образомъ почва была присвоена въ собственность, именно благодаря потребности въ равенствѣ, которое было необходимо для общественной безопасности и для мирнаго пользованія своимъ добромъ. Несомнѣнно, дѣлежъ никогда не былъ географически вѣрнымъ. Множество правъ: одни, основанныя на природѣ человѣка, но плохо истолкованныя, еще хуже примѣненныя, какъ-то: наслѣдственное, дарственное право, право мѣны; другія, какъ наприм., привиллегіи рожденія и чина, незаконные продукты невѣжества и грубой силы—все это были причины, препятствовавшія абсолютному равенству. Но принципъ тѣмъ не менѣе оставался тѣмъ-же: равенство санкціонировало владѣніе, равенство санкціонировало собственность. Земледѣльцу нужно было поле, которое онъ могъ-бы ежегодно засѣвать; какое средство могло быть удобнѣе и проще для варваровъ, какъ не назначить каждому его постоянный и неотчуждаемый надѣлъ; такимъ образомъ не приходилось каждогодно вступать въ препирательства и драки, безпрестанно слоняться изъ территоріи въ территорію вмѣстѣ со своимъ домомъ, движимостью и семействомъ

Необходимо было обезпечить воину, отправляющемуся въ походъ что по возвращеніи онъ не окажется въ вознагражденіе экспропріированнымъ; поэтому вошло въ обычай, что собственность сохраняется *nudo animo*, ужъ въ силу одного желанія собственника, и теряется лишь съ его согласія или соучастія.

Необходимо было, чтобы равенство дѣлежа сохранялось изъ поколѣнія въ поколѣніе, чтобы для этого не приходилось въ случаѣ вымиранія какого нибудь семейства производить заново распредѣленіе земель. Естественнымъ и справедливымъ являлось въ такомъ случаѣ, чтобы дѣти и родственники умершаго наслѣдовали ему, смотря по степени связывавшаго ихъ родства или свойства. Отсюда феодальный и патріархальный обычай признавать только одного наслѣдника, затѣмъ другое, совершенно противуположное толкованіе принципа равенства—допущеніе всѣхъ дѣтей къ наслѣдованію отца, и совсѣмъ недавно, еще въ наши дни, окончательная отмѣна права старшинства.

Но что общаго между этими грубыми набросками инстинктивной организаціи и настоящей соціальной наукой? Могутъ-ли эти люди, никогда не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о статистикѣ, кадастрѣ, политической экономіи, давать намъ принципы законодательства?

Законъ, говоритъ одинъ современный юристъ, есть выраженіе общественной потребности, констатированіе факта; законодатель не создаетъ потребности, а только описываетъ ее. Это опредѣленіе не точно: законъ есть норма, опредѣляющая способъ удовлетворенія общественныхъ потребностей; его не вотируетъ народъ, не высказываетъ законодатель; его находитъ и формулируетъ ученый. Но въ концѣ концовъ, законъ, какъ его въ цѣломъ полутомѣ опредѣляетъ Ш. Контъ, не могъ быть въ началѣ ничѣмъ инымъ, какъ только *выраженіемъ потребности* и обозначеніемъ средствъ для ея удовлетворенія; онъ и по сію пору не былъ ничѣмъ инымъ. Законодатели, упрямые, какъ машины, враждебные всякой философіи, ушедшіе въ букву, всегда считали послѣднимъ словомъ науки то, что было только необдуманнымъ мнѣніемъ честныхъ, но не дальновидныхъ людей.

ЦАБ "Автограф"

Эти древніе основатели права собственности не предвидѣли, что постоянное и абсолютное право собственности, которое казалось имъ справедливымъ потому, что было общимъ для всѣхъ,—они не предвидѣли, что оно влечетъ за собой право отчуждать, продавать, дарить, пріобрѣтать и терять; что, слѣдовательно, оно направлено именно къ разрушенію того равенства, ради котораго они его вводили. Если бы они были въ состояніи предвидѣть это, они тоже не считались бы съ этимъ; они дѣйствовали подъ давленіемъ непосредственной необходимости, и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, недостатки были сначала слишкомъ незначительны и прошли незамѣченными.

Эти невинные законодатели не предвидѣли, что, если собственность сохраняется въ силу одного желанія собственника, *nudo animo*, она заключаетъ въ себѣ также право сдавать въ наемъ и подъ аренду, ссужать подъ проценты, получать выгоду при обмѣнѣ, устанавливать ренты, брать контрибуцію съ поля, которое воля собственника оставляетъ за собой духовно, хотя тѣло его занято въ другомъ мѣстѣ.

Эти патріархи нашей юриспруденціи не предвидѣли, что если право наслѣдства есть нѣчто иное, нежели данный природой способъ сохранять равенство дѣлежа, то семьи скоро должны будутъ стать жертвами роковыхъ изъятій и общество, пораженное въ сердце однимъ изъ своихъ священнѣйшихъ принциповъ, само себя уничтожитъ между богатствомъ и нищетой *).

Они не предвидѣли... Но стоитъ ли настаивать на этомъ? Послѣдствія сами бросаются въ глаза, а здѣсь не мѣсто приниматься за критику всего нашего Кодекса.

Исторія собственности у древнихъ народовъ является для насъ только академическимъ вопросомъ, только предметомъ любопытства. Въ юриспруденціи принято за правило, что фактъ не рождаетъ права; собственность не можетъ составлять исключенія изъ этого правила; значитъ, всеобщее признаніе права собственности не узаконяетъ еще этого права. Человѣкъ заблуждается въ вопросахъ общественнаго устройства, права и справедливости, точно также, какъ ошибается насчетъ причинъ метеоровъ и движенія небесныхъ тѣлъ; его прежнія воззрѣнія нельзя прини-

---

*) Здѣсь ярко обнаруживается вся неуклюжая наивность нашихъ предковъ. Объявляя, въ случаѣ отсутствія законныхъ дѣтей, наслѣдниками племянниковъ, они не додумались до тѣхъ же племянниковъ, чтобы уравновѣсить дѣлежъ между двумя различными линіями и не допустить, по крайней мѣрѣ, въ одной и той же семьѣ крайностей богатства и бѣдности. Вотъ примѣръ: Жакъ, умирая, оставляетъ двухъ сыновей: Пьера и Жана, наслѣдниковъ своего имущества. Но Пьеръ имѣетъ только одну дочь, тогда какъ братъ его Жанъ имѣетъ шесть мальчиковъ; ясно, что для соглашенія принципа равенства и принципа наслѣдованія, дѣти Пьера и Жана должны раздѣлить оба наслѣдства на семь частей; иначе чужой человѣкъ, женившись на дочери Пьера, перенесетъ половину наслѣдія Жака, предка семьи, въ чужую семью, что противно принципу наслѣдства; кромѣ того дѣти Жана будутъ бѣдны, потому что ихъ много, тогда какъ кузина будетъ богата, потому что она одна, а это противно равенству. Вы можете расширить этотъ примѣръ и убѣдитесь, что право наслѣдства, противъ котораго такъ неумѣючи возстаютъ въ наше время, вовсе не препятствуетъ осуществленію равенства.

Какова ни будетъ форма правленія, всегда будетъ имѣть мѣсто наслѣдованіе одного другому, всегда вѣрно будетъ, что «*мертвый схватилъ живого*»; кто будетъ законнымъ наслѣдникомъ, это другой вопросъ. Сенсимонисты хотятъ, чтобы наслѣдникъ назначался магистратомъ; другіе полагаютъ, что это дѣло завѣщателя; третьи предоставляютъ это закону; сущность дѣла вездѣ въ томъ, чтобы удовлетворить требованіе природы безъ ущерба для равенства. Въ настоящее время регуляторомъ наслѣдованія является слѣпой случай и капризъ; но вѣдь законодатель не можетъ считаться съ ними. Случай вызываетъ здѣсь безконечныя пертурбаціи и природа, создавшая насъ равными, для того и внушила намъ начало наслѣдства, чтобы предотвратить эту путаницу; въ лицѣ наслѣдника мы какъ бы указываемъ обществу, кого изъ всѣхъ нашихъ братьевъ мы считаемъ послѣ насъ самымъ способнымъ вести наше дѣло.

ЦАБ "Автограф"

мать за символъ вѣры. Какое намъ дѣло, что индійская раса дѣлилась на четыре касты; что на берегахъ Нила и Ганга земля распредѣлялась когда то сообразно со знатностью происхожденія и рангомъ; что, по мнѣнію Грековъ и Римлянъ, собственность находится подъ покровительствомъ боговъ, что межевыя и кадастровыя операціи сопровождались у нихъ религіозными церемоніями? Разнообразіе въ формахъ привиллегій не уменьшаетъ ихъ несправедливости; культъ Юпитера-собственника (Zeus Klésios) не доказательство противъ равенства гражданъ, точно такъ же какъ безнравственныя мистеріи Венеры-безстыдной ничего не доказываютъ противъ чистоты супружескихъ нравовъ.

Ссылка на человѣчество, признающее право собственности, несостоятельна, такъ какъ это право необходимо предполагаетъ равенство и, слѣдовательно, находится въ противорѣчіи со своимъ собственнымъ принципомъ; ссылка на религіи, санкціонировавшія это право, тоже несостоятельна, такъ какъ онѣ всегда были на услуженіи у владыкъ міра сего, и боги всегда говорили то, что желали политики; соціальныя выгоды, приписываемыя собственности, не могутъ служить къ ея оправданію, такъ какъ онѣ всѣ вытекали изъ равенства владѣнія.

Къ чему же сводится послѣ этого диѳирамбъ собственности?

„Право собственности есть самое важное изъ человѣческихъ учрежденій...“

Да, точно также, какъ монархія—самое славное.

„Первый источникъ преуспѣянія человѣка на землѣ“.

Такъ какъ оно построено было на принципѣ справедливости.

„Собственность стала лояльной цѣлью его честолюбія, утѣхой его жизни, пріютомъ для его семьи, однимъ словомъ, краеугольнымъ камнемъ семейнаго очага, государства и политическаго строя“.

Все это сдѣлало только владѣніе.

„Вѣчный принципъ“.

Собственность вѣчна, какъ всякое отрицаніе.

„Всѣхъ гражданскихъ и соціальныхъ учрежденій“.

Вотъ почему всякое учрежденіе и всякій законъ, основанные на собственности, осуждены на погибель.

„Это такое же драгоцѣнное благо, какъ свобода“.

Для разбогатѣвшаго собственника.

„Она вспахала наше поле“.

Если земледѣлецъ не будетъ больше арендаторомъ чужихъ земель, какъ вы думеете, пострадаетъ отъ этого обработка земли?

„Гарантія и моральность труда“.

Благодаря собственности, трудъ становится привиллегіей.

„Осуществленіе справедливости“.

Что такое справедливость безъ равенства? Вѣсы съ фальшивыми гирями.

„Вся мораль“.

Голодный желудокъ не знаетъ никакой морали.

„Весь общественный порядокъ“.

Т. е. сохраненіе собственности.

„Покоятся на правѣ собственности“ *).

Краеугольный камень всего того, что есть, камень преткновенія для всего того, что должно быть, вотъ что такое собственность.

Резюмируемъ сказанное нами:

Захватъ не только не ведетъ къ равенству, но *препятствуетъ* собственности, по слѣдующимъ причинамъ: каждый человѣкъ имѣетъ право

*] Giraud, Recherhes sur le droit de propriété chez les Romains.

ЦАБ "Автономія"

на захватъ ужъ потому, что существуетъ и не въ состояніи жить безъ матеріала для своего труда; но число людей постоянно измѣняется, въ зависимости отъ числа рожденій и смертей; отсюда слѣдуетъ, что въ такой же мѣрѣ измѣняется количество матеріала, на которое можетъ претендовать каждый изъ нихъ; условія захвата всегда зависятъ отъ народонаселенія. Юридически владѣніе не можетъ оставаться неизмѣннымъ, поэтому оно фактически не можетъ стать собственностью.

Итакъ всякій захватъ необходимо является въ видѣ владѣнія или узуфрукта, а послѣдніе исключаютъ собственность. Въ чемъ заключается право узуфруктора? Онъ отвѣчаетъ за ввѣренную ему вещь; онъ долженъ пользоваться ею согласно съ общей пользой, въ интересахъ сохраненія и развитія предмета; онъ не имѣетъ права измѣнять, уменьшать, портить ее; онъ не можетъ подѣлить узуфруктъ такъ, чтобы другой взялъ на себя эксплуатацію предмета, а продуктъ доставался узуфруктору; однимъ словомъ, узуфрукторъ находится подъ контролемъ общества, онъ подчиненъ двоякому условію—труда и равенства.

Это уничтожаетъ римское опредѣленіе собственности; *право употреблять и злоупотреблять*—безнравственность, возникшая изъ насилія, самая чудовищная претензія, которую когда либо санкціонировали гражданскіе законы. Человѣкъ получаетъ свой узуфруктъ изъ рукъ общества, которое одно является постояннымъ владѣльцемъ вещи: индивидуумъ проходитъ, общество-же не умираетъ никогда.

Какъ глубоко противно мнѣ разсуждать объ этихъ тривіальныхъ истинахъ: развѣ мы сомнѣваемся теперь въ нихъ? Неужели придется еще разъ взять въ руки оружіе, что-бъ добиться ихъ признанія, неужели только сила съумѣетъ ввести ихъ въ наше законодательство?

Право захвата равно для всѣхъ.

Размѣры захвата не произвольны, а даны въ условіяхъ мѣста и народонаселенія, поэтому собственность неосуществима.

Вотъ чего нѣтъ ни въ одномъ Кодексѣ, чего не можетъ допустить конституція! Вотъ аксіомы, которыя отвергаются гражданскимъ и международнымъ правомъ!

Но я слышу сторонниковъ другой доктрины: „Трудъ, трудъ создаетъ собственность!“

Читатель, не обманывайте себя: это новое основаніе собственности хуже, чѣмъ первое, и мнѣ сейчасъ придется просить прощенія у васъ за то, что я покажу вамъ вещи, еще болѣе ясныя, буду разбивать претензіи, еще болѣе несправедливыя, чѣмъ всѣ тѣ, которыя вы слышали.

ГЛАВА III.

Трудъ, какъ причина собственности.

Новѣйшіе юристы, по примѣру политико-экономовъ, почти всѣ покинули теорію первоначальнаго захвата и перешли на сторону теоріи, считающей источникомъ собственности трудъ. Но, во первыхъ, это значитъ вертѣться въ заколдованномъ кругу, создавать себѣ иллюзіи. Чтобы работать, необходимо сначала произвесть захватъ, говоритъ Кузенъ. А такъ какъ, добавилъ я отъ себя, право захвата равно для всѣхъ, трудъ тоже долженъ подчиниться закону равенства. „Хорошо“—восклицаетъ Жанъ-Жакъ—богачамъ говорить: это я построилъ эту стѣну. Я заработалъ землю своимъ трудомъ.—Мы можемъ имъ отвѣтить: кто вамъ поручилъ это? И на какомъ основаніи вы требуете отъ насъ уплаты за

ЦАБ "Автограф

работу, которую мы вовсе не поручали вамъ?“ Всѣ софизмы должны разбиться объ это разсужденіе.

Но сторонники труда не замѣчаютъ, что ихъ система находится въ абсолютномъ противорѣчіи съ Кодексомъ; всѣ его статьи предполагаютъ собственность основанной на первоначальномъ захватѣ. Если трудъ единственный источникъ собственности, то нашъ Code Civil лжетъ, Хартія построена на обманѣ, вся наша соціальная система насиліе надъ правомъ. Это воочію покажетъ нашъ разборъ права труда и самаго факта собственности въ этой и слѣдующей главѣ. Мы увидимъ также, что наше законодательство находится въ противорѣчіи съ самимъ собой, а современная юриспруденція оказывается въ противорѣчіи и съ самой собой, и съ законодательствомъ.

Я уже замѣтилъ, что доктрина, основывающая собственность на трудѣ, исходитъ изъ равенства, точно такъ-же какъ доктрина, основывающая и на захватѣ. Читатель, должно быть, съ нетерпѣніемъ ждетъ, какимъ образомъ я выведу этотъ законъ равенства изъ неравенства талантовъ и способностей; онъ сейчасъ будетъ удовлетворенъ. Но предварительно остановимся немного на этомъ замѣчательномъ пріемѣ, на замѣнѣ захвата трудомъ въ роли принципа собственности; я сдѣлаю также бѣглый обзоръ нѣкоторыхъ предразсудковъ собственности, освященныхъ законодательствомъ и въ пухъ и прахъ разбиваемыхъ трудовой доктриной.

Присутствовали-ль вы когда нибудь, читатель, при допросѣ обвиняемаго? Наблюдали-ль вы всѣ его ухищренія и извороты, его отговорки и уловки? Разбитый, уличенный во всѣхъ своихъ неправдахъ, преслѣдуемый, какъ дикій звѣрь, неумолимымъ судьей, переходя отъ гипотезы къ гипотезѣ, онъ говоритъ одно, но сейчасъ же беретъ свои слова назадъ, выдаетъ себя, противорѣчитъ себѣ, онъ исчерпываетъ всѣ стратагемы діалектики, онъ остроумнѣе, въ тысячу разъ остроумнѣе и изобрѣтательнѣе, чѣмъ изобрѣтатель семидесяти двухъ формъ силлогизма. Точно такъ поступаетъ собственникъ, когда ему приходится защищать свое право: сначала онъ отказывается отвѣчать, кричитъ, угрожаетъ, бранится, затѣмъ, вынужденный принять споръ, онъ вооружается всякими кривдами, окружаетъ себя страшенной артиллеріей, стрѣляетъ перекрестнымъ огнемъ, ссылается, не переводя дыханія, на захватъ, владѣніе, давность, договоръ, исконное право, всеобщее согласіе. Побѣжденный на этой почвѣ, собственникъ возвращается назадъ, какъ раненый вепрь: За мной не только захватъ, восклицаетъ онъ въ страшной ажитаціи: Я работалъ, творилъ, совершенствовалъ. Этотъ домъ, эти поля, эти деревья—плоды моихъ рукъ; я на мѣсто кустарника посадилъ лозу, я превратилъ шиповникъ въ смоковницу; я собираю жатву съ нѣкогда безплодной почвы. Я удобрилъ землю своимъ потомъ, я платилъ моимъ рабочимъ, которые безъ меня умерли-бы съ голоду; никто не дѣлилъ со мной моихъ трудовъ и издержекъ, никто и не подѣлитъ со мной плодовъ ихъ.

Собственникъ, ты работалъ? Зачѣмъ же тебѣ было говорить о первоначальномъ захватѣ? Какъ! Ты не былъ увѣренъ въ своемъ правѣ? Или, можетъ, ты хотѣлъ обмануть насъ и отвесть глаза правосудію? Поспѣши же съ твоей защитой, потому что приговоръ будетъ безаппелляціонный, и ты знаешь, что тутъ поставлено на карту.

Ты работалъ! Но что общаго между работой, которая есть твой долгъ, и присвоеніемъ общаго достоянія? Развѣ ты не знаешь, что землю нельзя пріобрѣсть на основаніи давности, точно такъ-же, какъ нельзя пріобрѣсть воздухъ и свѣтъ? Ты работалъ! А не заставлялъ-ли ты когда-либо работать другихъ? Какъ-же они могли-бы иначе поте-

ЦАБ "Автограф"

рять въ работѣ на тебя то, что ты съумѣлъ пріобрѣсть, не работая на нихъ?

Ты работалъ! Въ добрый часъ; но посмотримъ, что ты сдѣлалъ. Посчитаемъ, взвѣсимъ, измѣримъ. Это будетъ судъ Бальтасара; клянусь тебѣ этими вѣсами и этой линейкой: если ты присвоилъ себѣ трудъ другого, тѣмъ или инымъ способомъ, ты возвратишь все до послѣдней копейки.

Итакъ, принципъ захвата оставленъ; теперь не говорятъ болѣе: Земля принадлежитъ первому, кто завладѣетъ ею. Собственность вынуждена отступить на свою первую позицію и повторяетъ свою старую пѣсню; пристыженная справедливость возвращается къ своимъ принципамъ и опускаетъ скорбную повязку на свое удрученное чело.

Этотъ прогрессъ соціальной философіи произошелъ лишь въ самое послѣднее время: пятнадцать вѣковъ потребовалось для искорененія одной лжи! Сколько узурпацій было освящено въ этотъ печальный періодъ, сколько нашествій окружено ореоломъ славы, сколько завоеваній—благословлено! Сколько людей было лишено своихъ владѣній, сколько бѣдняковъ, сколько голодныхъ пущено по вѣтру зазнавшимся богатствомъ! Сколько зависти, сколько войнъ! Какая всенародная рѣзня! Наконецъ—да воздается должное времени и разуму,—теперь люди поняли, что земля не является призомъ за скачки; для всѣхъ людей есть мѣсто подъ солнцемъ, каждый можетъ привязать свою козу къ забору, повести свою корову на поле, засѣять уголъ нивы и испечь свой хлѣбъ на огнѣ своего очага.

Но нѣтъ, не всякій въ состояніи сдѣлать это. Я слышу отовсюду возгласы: Слава труду и промышленности! Каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ. И вижу, что три четверти человѣчества снова оказываются ограбленными: можно сказать, что трудъ однихъ является дождемъ и градомъ на трудъ другихъ.

„Вопросъ рѣшенъ, восклицаетъ Геннекэнъ Собственность, дочь труда, пользуется настоящимъ и будущимъ только подъ эгидой закона Происхожденіе ея слѣдуетъ искать въ области естественнаго права; сила ея покоится на гражданскомъ правѣ; изъ сочетанія этихъ двухъ идей, труда и охраны, родились положительныя законодательства“....

Ага! *Вопросъ рѣшенъ! Собственность дочь труда!* Но что такое право пріобрѣтенія, наслѣдственное, дарственное право, какъ не право становиться собственникомъ путемъ простой оккупаціи—захвата? Что представляютъ изъ себя всѣ ваши законы о совершеннолѣтіи, эманципаціи, опекѣ, наложеніи запрещенія, какъ не различныя условія, сообразно съ которыми пріобрѣтается или теряется право захвата, т. е. собственности?...

Я не могу заняться въ настоящій моментъ детальнымъ разборомъ нашего Кодекса и ограничусь разсмотрѣніемъ трехъ ходячихъ предразсудковъ въ пользу собственности: 1) *возникновенія собственности изъ владѣнія*, 2) *изъ согласія людей* и 3) *изъ давности*. Затѣмъ я изслѣдую дѣйствіе труда на положеніе работниковъ и на положеніе собственности.

§ 1. Земля не можетъ быть частной собственностью.

„Годная для воздѣлыванія земля, казалось, должна была-бы быть причислена къ природнымъ богатствамъ, такъ какъ она не есть дѣло рукъ человѣка, природа безвозмездно даетъ ее человѣку; но такъ какъ это благо не таетъ въ нашихъ рукахъ, не ускользаетъ отъ насъ на подобіе воздуха и воды, такъ какъ поле есть опредѣленный, ограниченный участокъ, который человѣкъ могъ присвоить себѣ съ согласія осталь-

ЦАБ "Автограф"

ныхъ въ свою исключительную собственность, то земля изъ безвозмездного блага природы превратилась въ общественное богатство, за пользованіе которымъ надо платить (*Say, Economie politique*),

Не правъ-ли былъ я, въ началѣ этой главы, что политико-экономы самый плохой авторитетъ въ области законодательства и философіи? Вотъ *proto-parens* этой секты, онъ ставитъ вопросъ ребромъ: Какимъ образомъ блага природы, богатства, созданныя Провидѣніемъ, могли стать частной собственностью? И отвѣчаетъ на него такой поразительной нелѣпицей, что просто не знаешь, чѣмъ объяснить ее: недомысліемъ-ли автора или подвохомъ съ его стороны? Какая связь, спрашиваю я, между плотностью земли и правомъ присвоенія ея? Я понимаю, что такая вещь, какъ землю, представляетъ болѣе возможности для присвоенія, чѣмъ вода и свѣтъ; что скорѣй можно пользоваться собственностью на землю, чѣмъ на атмосферу; но дѣло не въ томъ, что легче и что труднѣе,—Сэй принимаетъ возможность за право. Вопросъ не въ томъ, почему земля прежде стала объектомъ присвоенія, чѣмъ море и воздухъ; мы хотимъ знать, по какому праву человѣкъ присвоилъ себѣ это благо, *котораго онъ не создалъ, которое природа даетъ ему безвозмездно.*

Такъ что Сэй вовсе не рѣшалъ поставленнаго имъ вопроса. Но еслибы онъ рѣшилъ его, еслибы его объясненіе было такъ же удовлетворительно, какъ оно свободно отъ логики, то все-же остается неизвѣстнымъ, кто имѣетъ право взимать плату за пользованіе землей? Кому принадлежитъ плата за землю? Несомнѣнно, производителю земли. Но кто сотворилъ землю? Богъ. Въ такомъ случаѣ тебѣ здѣсь нечего дѣлать, собственникъ!

Но творецъ земли не продаетъ ея, онъ просто даетъ ее намъ и при этомъ не дѣлаетъ никакого различія въ лицахъ. Почему одни дѣти должны оказываться на правахъ первенцовъ, другія—на положеніи незаконнорожденныхъ? Почему первоначальное равное право должно было уступить мѣсто неравенству состояній?

Сэй даетъ понять, что если бы вода и воздухъ не *ускользали* отъ насъ, они тоже стали бы объектомъ присвоенія. Замѣчу мимоходомъ, что это не только гипотеза. Вода и воздухъ тоже нерѣдко становились объектомъ присвоенія; я не говорю, что это было возможно, но это такъ или иначе практиковалось.

Открывши путь въ Индію мимо мыса Доброй Надежды, португальцы заявили притязаніе, что имъ однимъ принадлежитъ собственность на этотъ морской путь. Голландцы, отказавшіеся признать это притязаніе, обратились къ Гроцію за его мнѣніемъ на этотъ счетъ; онъ спеціально написалъ тогда по этому поводу свой трактатъ *De mari libero*, гдѣ доказывалъ, что море не можетъ быть объектомъ присвоенія.

Право на охоту и рыбную ловлю искони принадлежало сеньорамъ и собственникамъ; въ настоящее время правительство и коммуны надѣляютъ имъ всякаго, кто заплатитъ полагающуюся таксу. Пусть регулируютъ охоту и рыбную ловлю—отлично; но что въ основу дѣлежа положенъ денежный вопросъ—это опять значитъ создавать монополію на воздухъ и воду.

Что такое паспортъ? Рекомендація особы путешественника, свидѣтельство, выданное ему для его личной безопасности и для сохранности его имущества. Фискъ, которому свойственно портить самыя лучшія вещи, сдѣлалъ изъ паспорта орудіе шпіонства и обирательства. Не значитъ ли это продавать право ходить и путешествовать?

Наконецъ, безъ разрѣшенія собственника нельзя черпать воду въ огороженномъ имъ колодцѣ, родникъ принадлежитъ владѣльцу участка; нельзя пользоваться свѣтомъ въ своемъ жилищѣ, не платя за это нало-

ЦАБ "Автограф"

товъ; нельзя заглянуть въ чей нибудь дворъ, садъ, виноградникъ безъ согласія собственника, гулять въ паркѣ или оградѣ противъ воли хозяина; каждому разрѣшается огораживаться и запираться. Всѣ эти запреты налагаютъ сакраментальныя интердикціи не только на землю, но также на воздухъ и воду. Собственность подвергаетъ насъ, пролетаріевъ, отлученію: Terra, et aqua, et aere, et igne interdicti sumus.

Присвоеніе плотнѣйшей изъ стихій не могло состояться безъ присвоенія трехъ другихъ. потому что по французскому и римскому праву собственность надъ поверхностью земли заключаетъ въ себѣ также собственность надъ всѣмъ тѣмъ, что надъ ней и подъ ней. *Cujus est solum, ejus est usque ad coelum.* Итакъ, если пользованіе водой, воздухомъ и огнемъ исключаетъ собственность, то точно такъ же должно быть и съ землей; этотъ доводъ повидимому предвидѣлъ Ш. Контъ въ своемъ Traité de la proprieté, chap. 5:

„Если на нѣсколько минутъ лишить человѣка пользованія атмосферическимъ воздухомъ, онъ умретъ и частичныя лишенія воздуха причиняютъ ему большія страданія; частичное или полное лишеніе пищи вызываетъ въ немъ подобные же результаты, хотя не такъ быстро; то же самое, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ климатахъ,—лишеніе всякаго рода одежды и крова... Итакъ для своего самосохраненія человѣку необходимо безпрестанно присваивать себѣ различныя вещи; но онѣ не существуютъ въ одинаковомъ количествѣ; нѣкоторыя, напримѣръ, свѣтъ звѣздъ, атмосферическій воздухъ, вода морей, имѣются въ такомъ громадномъ количествѣ, что нельзя увеличить или уменьшить долю ихъ, приходящуюся на каждаго; каждый можетъ присваивать столько, сколько ему нужно, безъ всякаго ущерба для другихъ, не причиняя имъ ни малѣйшей несправедливости. Предметы этого рода являются въ извѣстномъ смыслѣ общей собственностью рода человѣческаго; единственное, къ чему можно здѣсь обязать индивидуума, это не мѣшать другимъ".

Закончимъ перечень, начатый Ш. Контомъ. Человѣкъ не можетъ жить, если запретить ему проходить по большимъ дорогамъ, останавливаться на поляхъ, укрываться въ пещерахъ, зажигать огонь, собирать дикія ягоды, рвать травы и варить ихъ въ черепкѣ обожженной глины. Такимъ образомъ земля, точно такъ-же какъ вода, воздухъ и свѣтъ, является предметомъ первой необходимости; каждый имѣетъ право свободно пользоваться ею съ единственнымъ условіемъ не вредить другимъ. Какъ же она стала собственностью? Отвѣтъ Ш. Конта курьезенъ: Сэй давеча объяснялъ это тѣмъ, что земля не воздушна, Ш. Контъ увѣряетъ, что это потому, что она *не безконечна.* Земля ограничена въ своихъ размѣрахъ; поэтому она можетъ переходить въ частную собственность, согласно Ш. Конту. Казалось бы, онъ долженъ былъ сказать: поэтому она не должна быть объектомъ присвоенія. Потому что отъ присвоенія любого количества воздуха и свѣта ни для кого не можетъ быть вреда; всегда еще достаточно останется для другихъ; тогда какъ земля—другое дѣло. Пусть кто хочетъ или кто можетъ овладѣваетъ лучами солнца, вѣтромъ или морскими волнами; я разрѣшаю ему это и прощаю ему его злое намѣреніе; но когда живой человѣкъ заявляетъ претензію на превращеніе его земельнаго владѣнія въ право собственности, я объявляю ему войну на жизнь и на смерть.

Аргументація Ш. Конта говоритъ противъ его же тезиса. „Между предметами первой необходимости, нѣкоторые имѣются въ такомъ громадномъ количествѣ, что ихъ можно считать неисчерпаемыми; другіе имѣются въ менѣе значительномъ количествѣ и могутъ удовлетворить потребность только извѣстнаго числа лицъ. Первые называются *общими,* вторые *частными*".

ЦАБ "Автограф

Это не точно: вода, воздухъ и свѣтъ общее достояніе не потому, что они *неисчерпаемы*, а потому, что они *безусловно необходимы*; кажется, природа нарочно создала ихъ въ почти безконечномъ количествѣ, для того что-бы предохранить ихъ отъ превращенія въ частную собственность. Точно такъ-же и земля—предметъ безусловной необходимости, стало быть, тоже общее достояніе и не можетъ стать частной собственностью; но она ограниченнѣй въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ другія стихіи, поэтому въ пользованіи ею долженъ быть извѣстный порядокъ, не для выгоды того или другого, а въ интересахъ всего человѣчества; короче, равенство правъ вытекаетъ изъ равенства потребностей; разъ предметъ имѣетъ ограниченные размѣры, то равныя права на него осуществляются только въ равномъ владѣніи. Итакъ, въ основаніи аргументаціи Ш. Конта лежитъ аграрный законъ.

Съ какой стороны ни смотрѣть на вопросъ о собственности,—какъ только мы вникнемъ въ него глубже, мы приходимъ къ равенству. Я не буду болѣе распространяться о различіи между вещами, которыя могутъ и не могутъ быть объектомъ присвоенія; въ этомъ отношеніи экономисты и юристы наговорили достаточно ерунды. Наше гражданское уложеніе (Code Civil), давши опредѣленіе собственности, отдѣлывается молчаніемъ относительно того, какія вещи могутъ и какія не могутъ стать частной собственностью; слова *qui sont dans le commerce* не даютъ намъ никакого опредѣленія. Однако свѣтила юриспруденціи не забыли высказать свое мнѣніе на эту тему; это тривіальныя правила вродѣ слѣдующихъ: *Ad reges potestas omnium pertinet, ad singules proprietas. Omnia rex imperio possidet, singula dominio.* Суверенитетъ общества, противопоставленный частной собственности! Не кажется-ли это вамъ пророчествомъ равенства, республиканскимъ оракуломъ? Въ примѣрахъ не было недостатка: церковныя имущества, коронныя земли, аристократическіе феоды были прежде неотчуждаемы. Если-бы, вмѣсто того чтобы уничтожить эту привиллегію, Конституанта распространила ее на каждаго гражданина; если-бы она объявила, что право на трудъ, точно также какъ право на свободу, никогда не можетъ быть утрачено, то революція была-бы исчерпана, намъ оставалось бы только совершенствовать ее.

§ 2. Всеобщее согласіе не оправдываетъ собственности.

Въ вышеприведенной цитатѣ изъ Сэя не ясно, строитъ-ли онъ право собственности на плотномъ характерѣ земли или-же на предполагаемомъ согласіи всѣхъ членовъ общества съ присвоеніемъ ея частными лицами. Фраза его построена такъ, что позволяетъ то и другое толкованіе, а также оба толкованія разомъ. Такъ что можно думать, авторъ хотѣлъ сказать слѣдующее: Право собственности вытекаетъ прежде всего изъ воли человѣка, свойства земли позволили распространить ее и на землю, а всеобщее согласіе санкціонировало это впослѣдствіи.

Какъ-бы то ни-было, можетъ ли взаимное соглашеніе узаконить собственность? Я отрицаю это. Подобный договоръ, былъ-ли онъ составленъ подъ редакціей Гроція, Монтескье и Ж. Ж. Руссо, подписался-ли подъ нимъ весь родъ человѣческій, юридически недѣйствителенъ, а фактъ заключенія его незаконенъ. Человѣкъ не можетъ отказаться отъ труда, такъ-же какъ не можетъ отказаться отъ своей свободы; признать-же право собственности на землю значитъ отказаться отъ труда, потому что это равносильно отказу отъ орудія его; это значитъ отказаться отъ естественнаго права, лишить себя своего человѣческаго достоинства.

Но допустимъ, что это молчаливое или формальное соглашеніе имѣло

ЦАБ "Автограф"

мѣсто—что вытекаетъ изъ этого? Очевидно, то, что отказъ былъ взаименъ; никто не отказывается отъ своего права, не получая взамѣнъ эквивалента. Мы опять приходимъ такимъ образомъ къ равенству, *conditio sine qua non* всякаго присвоенія. Такъ что сначала мы строимъ собственность на общемъ соглашеніи, т. е. на равенствѣ, а потомъ объясняемъ неравенство изъ собственности.

Мы никогда не выйдемъ изъ этого круга. Дѣйствительно, если въ общественномъ договорѣ собственность построена на равенствѣ, то договоръ этотъ оказывается нарушеннымъ съ того момента, когда равенство перестало существовать; собственность становится узурпаціей. Итакъ, мы ничего не выигрываемъ съ помощью этого гипотетическаго соглашенія между людьми.

§ 3. Давность не создаетъ собственности.

Право собственности было началомъ всего зла на землѣ, первымъ кольцомъ въ длинной цѣпи преступленій и несчастій, которую человѣчество влачитъ съ первыхъ дней своего существованія. Иллюзія давности—это печальный самообманъ, дурманъ, который долженъ былъ усыпить нашу совѣсть, остановить человѣка на его пути къ истинѣ и увѣковѣчить его заблужденія.

Кодексъ опредѣляетъ давность въ такихъ выраженіяхъ: „способъ пріобрѣтать собственность и освобождаться отъ обязательствъ по прошествіи извѣстнаго времени". Въ области идей и вѣрованій *давность* можетъ еще означать привязанность къ традиціоннымъ суевѣріямъ; мы можемъ понимать подъ ней оппозицію противъ новыхъ истинъ, которая подчасъ принимаетъ безумно жестокія формы и дѣлаетъ изъ мудреца мученика. Ни одинъ принципъ, ни одно открытіе, ни одна благородная мысль не обошлись при своемъ появленіи на свѣтъ безъ упорной борьбы съ традиціонными мнѣніями, съ заговоромъ всѣхъ старыхъ предразсудковъ. Давность противъ разума, давность противъ фактовъ, давность противъ всякой неизвѣстной прежде истины, — вотъ чему учитъ философія *statu quo*, вотъ символъ консерваторовъ всѣхъ столѣтій.

Когда свѣту возвѣщено было Евангеліе, давность была въ пользу насилія, разврата, эгоизма; когда Галилей, Декартъ, Паскаль и ихъ ученики призвали къ новой жизни философію и науку, давность была въ пользу философіи Аристотеля, когда наши отцы въ 89 году требовали свободы и равенства, давность была въ пользу привиллегій и тираніи. „Собственники были всегда, они и будутъ всегда" — съ помощью этой великолѣпной сентенціи, послѣдняго усилія издыхающаго эгоизма, адвокаты неравенства думаютъ дать отпоръ своимъ противникамъ, они воображаютъ, что идеи тоже получаютъ право давности, какъ собственность.

Побѣдоносное шествіе науки, великіе успѣхи человѣческой мысли научили насъ относиться съ недовѣріемъ къ нашимъ мнѣніямъ; мы благосклонно, съ тріумфомъ встрѣчаемъ естествоиспытателя, который (съ помощью безчисленныхъ опытовъ и тщательнаго анализа) преслѣдуетъ новый принципъ, неизвѣстный доселѣ законъ. Мы остерегаемся отвергнуть новую идею на томъ основаніи, что болѣе видные люди, чѣмъ мы, не замѣчали прежде этихъ фактовъ, не пришли къ этимъ результатамъ. Почему мы не поступаемъ такимъ же образомъ въ политическихъ и философскихъ вопросахъ? Откуда эта нелѣпая манія, что все уже сказано, все уже извѣстно въ области идей и морали?

Почему пословицѣ: *Ничего новаго подъ луной* простираться только на метафизическія изслѣдованія?

ЦАБ "Автограф"

Это происходитъ оттого, что мы — надо сознаться въ этомъ — все еще строимъ философію на фантазіи, а не на наблюденіи и методѣ; что рѣшающимъ моментомъ у насъ все еще является наша фантазія и идеалы, а не разумъ и факты; поэтому, по сію пору невозможно было отличить шарлатана отъ философа, ученаго отъ обманщика. Со временъ Соломона и Протагора фантазія человѣка трудится надъ разгадкой соціальныхъ и психологическихъ законовъ; всѣ системы были уже выставлены; въ этомъ смыслѣ возможно, что *все уже было сказано*, но не менѣе вѣрно, что *намъ остается еще узнать все.*

Въ политикѣ (чтобы ограничиться здѣсь этой отраслью философіи) каждый становится на ту или другую сторону въ зависимости отъ своихъ интересовъ и склонностей; умъ подчиняется тому, что ему диктуетъ воля; здѣсь нѣтъ науки, нѣтъ даже намека на достовѣрность. Общее невѣжество создаетъ общую тиранію; въ то время, какъ въ Хартіи значится свобода мысли, та же Хартія декретируетъ рабство мысли подъ видомъ *преобладанія большинства.*

Ограничимся гражданской давностью, о которой говоритъ Кодексъ, и оставимъ въ сторонѣ вопросъ о недопустимости жалобы; спорить объ этомъ съ защитниками собственности скучно и безцѣльно. Всякій знаетъ, что есть права, недопускающія давности, а что касается вещей, которыя можно пріобрѣсть на основаніи давности, то всякому извѣстно, что давность связана здѣсь съ извѣстными условіями и отсутствіе хотя-бы одного изъ нихъ дѣлаетъ ее недѣйствительной. Пусть собственникъ и владѣлъ вещью *публично, безпрепятственно* и *безпрерывно*, его владѣніе все же не имѣетъ *правового основанія*, потому что захватъ и трудъ, все, что приводитъ въ свою пользу собственникъ, столько же говорятъ въ пользу пролетарія-истца, сколько въ пользу собственника-отвѣтчика. Кромѣ того оно не имѣетъ также *bona fide*, потому что построено на юридической ошибкѣ, а такая ошибка дѣлаетъ давность невозможной согласно Павлу: Nunquam in usucapionibus juris error possessori prodest. Въ данномъ случаѣ ошибка заключается или въ томъ, что человѣкъ владѣетъ вещью въ качествѣ собственника, тогда какъ можетъ владѣть ею только въ качествѣ узуфруктора, или же въ томъ, что онъ купилъ вещь, которую никто не имѣлъ права ни отчуждать, ни продавать.

Давность не можетъ служить аргументомъ въ пользу собственности еще по одной причинѣ (это ужъ самыя тонкости юриспруденціи): право земельнаго владѣнія есть часть другого, болѣе обширнаго права, которое даже въ самыя печальныя времена человѣчества не исчезало окончательно; пролетаріямъ достаточно доказать, что они всегда фактически пользовались хоть частью этого права, чтобы быть возстановленными во всемъ этомъ правѣ. Напримѣръ, N N. имѣетъ право владѣть предметомъ, дарить его, мѣнять, ссужать, отдавать въ наемъ, продавать, измѣнять или уничтожать его; онъ цѣликомъ сохраняетъ свое право, если, скажемъ, занялъ предметъ другому, хотя-бы ни разу не проявлялъ другихъ видовъ своего права. Мы увидимъ ниже, что имущественное и правовое равенство, свобода, воля, личность — все это тождественныя обозначенія одной и той же вещи, *права личности на самосохраненіе и развитіе*, однимъ словомъ—права на жизнь. Лицомъ къ лицу съ этимъ правомъ давность можетъ вступить въ силу только тогда, когда послѣдняя живая личность исчезнетъ съ лица земли.

Наконецъ, что касается времени, необходимаго для давности, то излишне доказывать, что право собственности въ общемъ не можетъ быть пріобрѣтено ни десятилѣтнимъ, ни двадцатилѣтнимъ, ни стотысячелѣтнимъ владѣніемъ,—оно не можетъ подпасть подъ давность, пока существуетъ хоть одна голова, способная возражать противъ этого.

ЦАБ "Автомаг"

Здѣсь дѣло не столько въ юридическомъ принципѣ, въ аксіомѣ разума, сколько въ случайномъ фактѣ. Одно лицо можетъ воспользоваться давностью противъ другого лица, но не противъ самого себя, точно также какъ разумъ всегда сохраняетъ возможность провѣрять и исправлять себя; ошибка прошедшаго не связываетъ будущаго. Разумъ вѣченъ и всегда равенъ себѣ; учрежденіе собственности, дѣло ошибавшагося разума, можетъ быть отмѣнено разумомъ лучше оріентированнымъ; поэтому собственность не можетъ быть построена на давности. Все это такъ вѣрно и непоколебимо, что именно на этихъ аргументахъ построено правило: въ области давности выгода не должна проистекать изъ юридической ошибки.

Но я измѣнилъ бы своему методу, и читатель въ правѣ былъ бы обвинять меня въ шарлатанизмѣ и лжи, если-бъ я не нашелъ ничего лучшаго, что сказать ему по вопросу о давности.

Выше я сказалъ, что присвоеніе земли въ частную собственность незаконно, и что, предположивши противное, мы приходимъ опять таки къ равенству собственности. Я показалъ также, что всеобщее согласіе не доказываетъ ничего въ пользу собственности, а если-бы доказывало что-нибудь, то тоже только равенство собственности. Мнѣ остается доказать еще, что давность, будь она допустима, тоже предполагаетъ равенство собственности.

Это доказательство не трудно и не длинно; мнѣ надо указать только на мотивы, имѣвшіе мѣсто при введеніи давности.

„Давность—говоритъ Дюно—противорѣчитъ, повидимому, естественному равенству, которое не допускаетъ обиранія кого-нибудь противъ его воли и вѣдома и обогащенія другого на его счетъ. Но безъ давности лицо, bona fide пріобрѣвшее вещь, могло-бы лишиться ея, не смотря на продолжительное владѣніе ею; если кто пріобрѣлъ вещь отъ ея хозяина, если кто законнымъ путемъ освободился отъ своихъ обязательствъ,—но теряетъ свой документъ, то безъ давности онъ лишился-бы владѣнія этой вещью и долженъ былъ-бы снова вступить въ починенное отношеніе. Общественное благо требовало, чтобы былъ установленъ срокъ, послѣ котораго нельзя было-бы тревожить владѣльцевъ и откапывать права, такъ долго находившіяся подъ спудомъ... Гражданское право, стало быть, усовершенствовало естественное право и дополнило международное право своей регламентаціей вопроса о давности; основанная на общественномъ благѣ, которое всегда важнѣе права частныхъ лицъ (bono publico usucapio introducta est), давность должна поэтому пользоваться защитой закона, если удовлетворяетъ требуемыхъ имъ условіямъ.

Туллье, *Гражданское право:* „Чтобы не оставлять въ долгой неизвѣстности вопросъ о собственности на вещи, что вредно было бы для общаго блага, потому что нарушало бы покой семействъ и прочность договоровъ въ обществѣ, законы установили срокъ, по истеченіи котораго они не признаютъ требованій о возвращеніи собственности, такимъ образомъ они отдаютъ владѣнію его старую прерогативу, соединяя его съ собственностью.

Кассіодоръ говорилъ о собственности, что она единственная тихая пристань среди всякихъ треволненій и бурь алчности: *Hic unus inter humanas procellas portus, quem si homines fervida voluntate praeterierint; in undosis sember jurgiis errabunt.*

Итакъ, согласно этимъ авторамъ, давность есть средство для поддержанія общественнаго порядка; въ извѣстныхъ случаяхъ она является возстановленіемъ первоначальнаго способа пріобрѣтенія; фикція гражданскаго законодательства, она заимствуетъ всю свою силу изъ необхо-

ЦАБ "Автограф

димости положить конецъ распрямъ изъ-за собственности, съ которыми иначе никакъ нельзя было бы справиться. Ибо, какъ говоритъ Гроцій, время не представляетъ собой никакой активной силы; все происходитъ во времени, но ничто не происходитъ, благодаря времени; давность есть, стало-быть, лишь условная законодательная фикція.

Однако всякая собственность необходимо возникаетъ на почвѣ давности или, какъ говорили римляне, *usucapio*, т. е. безпрерывнаго владѣнія. Поэтому прежде передъ нами является, слѣдующій вопросъ: какимъ образомъ давность можетъ изъ владѣнія сдѣлать собственность? Вы можете продлить владѣніе на какое угодно время, на годы и столѣтія, вы все-же не достигнете того, чтобы время, которое самопо себѣ не создаетъ ничего, ничего не преобразуетъ, ничего не измѣняетъ, въ состояніи было превратить узуфруктора въ собственника. Пусть гражданское право признаетъ за лицомъ, долгіе годы владѣющимъ вещью bona fide, право не быть вытѣсненнымъ изъ своего владѣнія другимъ, новопришедшимъ лицомъ; этимъ оно лишь подтверждаетъ уже признаваемое раньше право, и примѣняемая такимъ образомъ давность означаетъ лишь, что владѣніе продолжающееся двадцать, тридцать или сто лѣтъ должно остаться за владѣльцемъ. Но если истеченіе срока превращаетъ владѣльца въ собственника, то значитъ, право можетъ быть создано безъ соотвѣтствующей причины; законъ безъ причины измѣняетъ качество субъекта; онъ даетъ свое рѣшеніе относительно того, что вовсе не является спорнымъ вопросомъ; онъ выходитъ изъ своей сферы. Общественный порядокъ и безопасность гражданъ требовали лишь гарантіи владѣнія; зачѣмъ же законъ создалъ собственность? Давность была какъ бы страховкой на будущее; почему законъ сдѣлалъ изъ нея привиллегію?

Происхожденіе давности оказывается такимъ образомъ тождественнымъ съ происхожденіемъ самой собственности; а такъ какъ послѣдняя могла легитимироваться только подъ формальнымъ условіемъ равенства, то давность тоже является одной изъ тысячи формъ, которыя приняла потребность сохранить это драгоцѣнное равенство. Это вовсе не пустое наведеніе, не скороспѣлое заключеніе: доказательство этого мы находимъ во всѣхъ уложеніяхъ.

Дѣйствительно, если движимые инстинктомъ справедливости и сохраненія, народы признали пользу и необходимость давности, если они намѣревались такимъ образомъ блюсти интересы владѣльца, могли ли они ничего не сдѣлать для гражданина, находящагося въ отсутствіи, для гражданина, котораго торговля ли, война или плѣнъ разлучили съ его семьей и отечествомъ, лишили возможности проявить такъ или иначе свое владѣніе? Нѣтъ, уже въ то время, когда давность только получала право гражданства въ законодательствѣ, полагалось, что собственность сохраняется въ силу одного желанія (*nudo animo*) собственника. Но разъ такъ, разъ собственность можетъ быть потеряна только по иниціативѣ собственника, въ чемъ можетъ быть польза давности? Что даетъ закону право предположить, что собственникъ, сохраняющій за собой собственность nudo animo, имѣлъ намѣреніе бросить ее, если допустилъ ее перейти по праву давности къ другому? Какой срокъ можетъ оправдать подобную комбинацію? И на какомъ основаніи законъ станетъ наказывать собственника за его отсутствіе отнятіемъ его имущества? Итакъ что-же! Мы только что пришли къ тому результату, что давность и собственность—вещи тождественныя, а теперь мы видимъ, что онѣ взаимно уничтожаютъ другъ друга.

Гроцій, отъ котораго не скрылась эта трудность, дастъ на это замѣчательный отвѣтъ, который заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь: Bene sperandum de hominibus, ac propterea non putandum eos hoc esse animo,

ЦАБ "Автограф"

ut rei caducae causa, hominem alterum velint in perpe tuo peccato versari, quod evitari saepe non poterit, sine tali derelictione: „Гдѣ тотъ человѣкъ, говоритъ онъ, который такъ мало христіанинъ въ душѣ, чтобы изъ-за чепухи увѣковѣчить грѣхъ владѣльца, а вѣдь это такъ, если онъ не соглашается отказаться отъ своего права". Ей-Богу я такой человѣкъ! Если бы милліонъ собственниковъ должны были жариться до второго пришествія, я все же кладу на ихъ совѣсть то, что они у меня отняли изъ благъ міра сего. Къ этому грандіозному разсужденію Гроцій прибавляетъ еще слѣдующее: разумнѣе, спокойнѣе отказаться отъ оспариваемаго у васъ права, нежели заводить тяжбу, смущать миръ націй и подымать факелъ междоусобной войны. Если угодно, я соглашусь съ этимъ подъ условіемъ, что меня вознаградятъ за потерянное мною; но если мнѣ отказываютъ въ этомъ вознагражденіи, то какое дѣло мнѣ, пролетарію, до спокойствія и безопасности богачей? Мнѣ столько же дѣла до *общественнаго порядка*, какъ и до блага собственниковъ; я требую, чтобъ мнѣ дана была возможность жить своимъ трудомъ, иначе я предпочитаю умереть въ борьбѣ.

Въ какія тонкости мы бы ни вдавались, давность дѣлается противорѣчіемъ собственности; или вѣрнѣе, давность и собственность—это двѣ формы одного и того же принципа, но двѣ формы, которыя служатъ одна другой коррективомъ и не малой ошибкой старой и новой юриспруденціи было желаніе соединить ихъ воедино. Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на учрежденіе собственности только какъ на потребность обезпечить каждому его долю на землю и его право на трудъ; на отдѣленіе nuda proprietas отъ владѣнія какъ на необходимость придти на помощь отсутствующимъ, сиротамъ и всѣмъ тѣмъ, которые не въ состояніи знать или защищать свои права; на давность, какъ на средство справиться съ несправедливыми притязаніями и нападками или же уладить раздоры, возникающіе, благодаря перемѣнѣ владѣльцевъ; мы найдемъ, что эти различныя формы человѣческой справедливости являются усиліями нашего разума притти на помощь соціальному инстинкту; мы найдемъ здѣсь то-же чувство равенства, постоянное стремленіе къ управленію. Обращаясь къ нашему внутреннему чувству и рефлексіи, мы увидимъ, что самое преувеличеніе этихъ принциповъ является подтвержденіемъ нашей доктрины: если равенство и всеобщая ассоціація не осуществились уже раньше, то это потому, что духъ законодательства и ложные взгляды судей ставили препятствія здравому народному смыслу; потому что тогда, когда лучи истины сіяли уже въ первобытныхъ обществахъ, первыя спекуляціи ихъ вождей могли внести въ нихъ только тьму.

Послѣ первыхъ договоровъ, послѣ первыхъ конституціонныхъ и законодательныхъ опытовъ, давшихъ выраженіе насущнымъ потребностямъ человѣка, задача законодателя состояла въ реформированіи слабыхъ сторонъ законодательства, въ дополненіи того, что осталось въ немъ незаконченнымъ, въ примиреніи—съ помощью лучшихъ дефиницій—того, что казалось въ немъ противорѣчивымъ. Вмѣсто этого они остановились на буквѣ закона, довольствуясь рабскою ролью комментаторовъ и схоліастовъ. Они произвели въ аксіомы вѣчной и безупречной истины то, что на самомъ дѣлѣ было продуктомъ слабаго и по необходимости ошибающагося разума; поддавшись общему мнѣнію, всецѣло порабощенные буквой, они по примѣру богослововъ всегда считали непогрѣшимой истиной то, что вездѣ и всегда пользовалось всеобщемъ признаніемъ, *quod ad omnibus, quod ubique, quod semper*, какъ будто общее, но чисто-интуитивное вѣрованіе доказываетъ что-либо иное, кромѣ общаго настроенія. Не будемъ предаваться здѣсь иллюзіямъ: общее мнѣніе мо-

ЦАБ "Автограф"

жетъ свидѣтельствовать объ ощущеніи факта, о смутномъ предчувствіи закона; но оно ничего не говоритъ намъ ни о самомъ фактѣ, ни о законѣ. Согласіе всего рода человѣческаго есть знакъ, но не, какъ думаетъ Цицеронъ, законъ природы. За внѣшностью остается скрытой истина, въ которую можетъ вѣрить вѣрующій, но познать которую дано только нашей мысли. Таковъ всегда былъ процессъ человѣчества въ области явленій природы и твореній человѣческаго генія; почему этому быть иначе въ области нашего сознанія и правилъ для нашихъ дѣйствій?

§ 4. О трудѣ.

Трудъ самъ по себѣ не даетъ никакого права на присвоеніе предметовъ природы.

Мы докажемъ на основаніи афоризмовъ самой же политической экономіи и юридической науки, т. е. самаго цѣннаго, на что можетъ сослаться собственность:

1) Что трудъ самъ по себѣ не даетъ никакого права на присвоеніе предметовъ природы;

2) Что, признавши даже за трудомъ это право, мы приходимъ къ равенству собственности, каковъ бы ни былъ родъ труда, рѣдкость продукта и различіе производительныхъ способностей;

3) Что съ точки зрѣнія справедливости, трудъ *уничтожаетъ* собственность.

По примѣру нашихъ противниковъ и чтобы не оставить на нашемъ пути колючекъ и шишекъ, подойдемъ къ вопросу съ возможно высокой точки зрѣнія.

Ш. Контъ, *Трактатъ о собственности*:

„Франція, взятая какъ нація, имѣетъ свою территорію".

Франція, взятая какъ личность, владѣетъ территоріей, которую она эксплуатируетъ; она не является собственницей этой территоріи. Съ націями дѣло обстоитъ такъ же, какъ и съ индивидуумами; онѣ эксплуатируютъ и работаютъ; только неточность нашей рѣчи приписываетъ имъ собственность надъ почвой. Права пользоваться и злоупотреблять вещью народъ не имѣетъ, какъ не имѣетъ его и отдѣльное лицо; и придетъ время, когда возгорится священная война противъ злоупотребленія почвой со стороны націи.

Такимъ образомъ Ш. Контъ, желая объяснить образованіе собственности и исходя при этомъ изъ предположенія, что нація является собственникомъ, впадаетъ въ софизмъ, называемый *petitio principii* (ложнымъ кругомъ); съ этого момента вся его аргументація оказывается несостоятельной.

Быть можетъ, читатель найдетъ, что я слишкомъ далеко захожу въ своей логикѣ, оспаривая собственность націи на ея территорію, въ такомъ случаѣ я ему напомню, что фиктивное право національной собственности было источникомъ всѣхъ сюзеренитетовъ, податей, регалій, барщины, требованій денежныхъ и воинскихъ контингентовъ, контрибуцій натурой и т. д., а въ ихъ свитѣ отказа отъ уплаты податей, возстанія, войны и опустошеній.

„Въ предѣлахъ этой территоріи имѣются обширныя пространства, не перешедшія въ частную собственность. Эти земли, большей частью лѣса, принадлежатъ массѣ населенія, и правительство, получающее доходъ съ нихъ, употребляетъ или должно употреблять этотъ доходъ въ интересахъ общества".

Должно употреблять—хорошо сказано; здѣсь, по крайней мѣрѣ, не приходится лгать.

ЦАБ "Анархо"

„Онѣ должны быть проданы...“

Почему проданы? Кто имѣетъ право продавать ихъ? Если даже считать націю—собственницей, развѣ нынѣшнее поколѣніе имѣетъ право экспропріировать будущее поколѣніе? Народъ владѣетъ въ качествѣ узуфруктора; правительство управляетъ, надзираетъ, защищаетъ, совершаетъ акты справедливаго распредѣленія; отдавая отдѣльнымъ лицамъ земли, оно можетъ отдавать ихъ только во владѣніе; оно не имѣетъ права продавать и отчуждать что бы то ни было. Не будучи собственникомъ, какъ можетъ оно передавать собственность?

„Если трудолюбивый человѣкъ купитъ себѣ участокъ этихъ земель, напр., большое болото, это не будетъ узурпаціей, потому что общество въ лицѣ своего правительства получаетъ точную стоимость этого участка и остается послѣ этой продажи столь же богатымъ, какъ оно было прежде“.

Это становится смѣшнымъ. Какъ? Потому что расточительный, неумный или неспособный министръ *продастъ* государственное добро, и я, питомецъ государства, не въ состояніи оказать этому противодѣйствія—вѣдь я не имѣю ни совѣщательнаго, ни рѣшающаго голоса въ Государственномъ Совѣтѣ,—поэтому эта продажа должна быть законной и разумной! Опекуны народа расточаютъ его достояніе, и народъ безсиленъ противъ этого!—Вы говорите, что, въ лицѣ правительства я получилъ свою долю стоимости проданнаго участка: но, во-первыхъ, я не хотѣлъ продавать его, а, во-вторыхъ, если бы и хотѣлъ, то не имѣлъ на это право. А кромѣ того, я вовсе не вижу, чтобы эта продажа была для меня выгодна. Мои опекуны обмундировали на выручку съ нея нѣсколько сотъ солдатъ, починили старую крѣпость, воздвигли для собственной славы тщедушный, но дорогой памятникъ; въ завершеніе устроили фейерверкъ и народное гулянье. Что все это въ сравненіи съ тѣмъ, что приходится мнѣ терять?

Покупатель проводитъ межу, огораживается и говоритъ: Это мое, каждый у себя, каждый для себя. Итакъ, отнынѣ никто не имѣетъ права ступить ногой на этотъ участокъ, только собственникъ и друзья его; этотъ участокъ никому болѣе не будетъ приносить пользы, кромѣ собственника и его слугъ. Продолжайте только продавать такъ, и въ скоромъ времен народу, который вовсе не желалъ продавать, и не имѣлъ на это права,икоторый ничего не получилъ изъ покупной цѣны, не останется мѣста гдѣ приклонить свою голову, гдѣ укрыться, гдѣ сѣять: ему придется, умирать съ голоду у порога собственника, у края той собственности, которая была его наслѣдіемъ. А собственникъ, увидя его при послѣднемъ издыханіи, скажетъ: такъ кончаютъ бездѣльники и негодяи!

Чтобы примирить насъ съ узурпаціей собственника, Ш. Контъ заявляетъ, что стоимость участковъ въ моментъ ихъ продажи совсѣмъ незначительна.

„Мы не должны преувеличивать значеніе этихъ узурпацій: ихъ надо оцѣнивать по числу людей, жившихъ съ проданныхъ участковъ и доходовъ съ нихъ. Ясно, напримѣръ, что если участокъ, стоюшій теперь тысячи франковъ, стоилъ въ моменты его узурпаціи всего пять сантимовъ, то потеря равняется всего пяти сантимамъ. Квадратная миля земли съ трудомъ даетъ возможность существованія одному дикарю; въ настоящее время она кормитъ тысячу человѣкъ. Девятьсотъ девяносто девять тысячныхъ составляютъ законную собственность владѣльца, на долю узурпаціи приходится всего одна тысячная“.

Мужикъ кается на исповѣди, что разорвалъ вексель, по которому онъ долженъ былъ сто экю. Его духовникъ говоритъ ему: надо уплатить эти сто экю.—Нѣтъ, отвѣчаетъ мужикъ, я возвращу сантимъ, который стоила названная бумага.

ЦАБ "Автограф"

Разсужденія Ш. Конта напоминаютъ этого наивнаго крестьянина. Земля имѣетъ не только фактическую стоимость, она имѣетъ также возможную и будущую стоимость, каждая зависитъ отъ нашего умѣнія эксплуатировать ее. Уничтожьте вексель, долговое обязательство, билетъ ренты; кусокъ бумаги, нарванной вами, имѣетъ минимальную стоимость; но вмѣстѣ съ этой бумагой вы уничтожили свое право, а вмѣстѣ съ этимъ правомъ вы потеряли свое состояніе. Уничтожьте землю или—что для васъ одно и то же—прозвище ее: вы не только отчуждаете такимъ образомъ одну, двѣ или нѣсколько жатвъ, вы уничтожаете также всѣ плоды, которые могли-бы извлечь изъ нея вы, ваши дѣти и дѣти вашихъ дѣтей.

Когда Ш. Контъ, апостолъ собственности и панегиристъ труда, говоритъ объ отчужденіи территоріи правительствомъ, то не думайте, что онъ дѣлаетъ это предположеніе зря; оно ему нужно. Онъ отвергаетъ систему захвата; съ другой стороны онъ знаетъ, что трудъ, безъ предварительнаго разрѣшенія на занятіе земли, не создаетъ права; поэтому онъ вынужденъ былъ перенесть это разрѣшеніе на правительство—такимъ образомъ источникомъ собственности оказывается принципъ народнаго суверенитета или, другими словами, всеобщее соглашеніе. Мы уже оцѣнили по достоинству этотъ предразсудокъ.

Объявить собственность продуктомъ труда, а затѣмъ говорить о разрѣшеніи на труду на это, если не ошибаюсь, порочный кругъ. Противорѣчіе сейчасъ обнаружится.

„Опредѣленный участокъ земли въ состояніи прокормить человѣка только въ теченіе одного дня; если владѣлецъ его съумѣетъ, благодаря своему труду, поднять производительность участка и заставить его давать ему пропитаніе на два дня, онъ увеличиваетъ стоимость его вдвое. Эта новая стоимость дѣло его рукъ, его твореніе; она ни у кого не отнята; она его собственность".

Я утверждаю, что владѣлецъ вознагражденъ за свой трудъ и прилежаніе двойной жатвой, но не пріобрѣтаетъ никакихъ правъ на землю. Пусть трудившійся сохранитъ за собой плоды своего трудолюбія, я согласенъ съ этимъ; но я не понимаю, почему собственность на плоды земли должна влечь за собой собственность на землю. Развѣ рыбакъ, который наловчился ловить больше рыбы, чѣмъ его товарищи на томъ-же берегу, пріобрѣтаетъ поэтому право собственности на то мѣсто, гдѣ онъ ловитъ рыбу? Развѣ когда-либо ловкость охотника давала ему право на дичь его округи? Всѣ эти случаи совершенно сходны между собой. Трудолюбивый земледѣлецъ вознаграждается болѣе обильной и доброкачественной жатвой; если онъ ввелъ какія-либо улучшенія на обрабатываемомъ имъ полѣ, онъ имѣетъ право на предпочтеніе, если рѣчь идетъ о владѣніи участкомъ; но никогда и ни подъ какимъ видомъ нельзя допустить, чтобъ онъ на основаніи своей земледѣльческой сноровки требовалъ права собственности на воздѣлываемую имъ землю.

Для превращенія владѣнія въ собственность необходимъ не трудъ, а нѣчто другое; иначе человѣкъ, переставая работать, терялъ-бы свою собственность; по закону, собственность вытекаетъ изъ исконнаго, неоспариваемаго владѣнія, короче, изъ давности. Трудъ есть только осязательный признакъ, физическій актъ, въ которомъ проявляется фактъ занятія земли и т. д. даннымъ лицомъ. Благодаря покровительству закона и въ силу принципа захвата, земледѣлецъ остается собственникомъ своего участка, даже переставая работать и продуцировать, а владѣніе его, сначала лишь дозволяемое и терпимое, становится въ результатѣ неотчуждаемымъ. Все это такъ вѣрно, что всякій актъ продажи, найма, сдачи въ аренду обязательно предполагаетъ это. Приведу только одинъ примѣръ.

ЦАБ "Аврора"

Какъ оцѣнивается недвижимость? По доходу съ нея. Если участокъ приноситъ 1000 франковъ, мы говоримъ, что при 5 процентахъ онъ стоитъ 20000 франковъ, при 4—25000 фр. и т. д.; это значитъ другими словами, что черезъ двадцать или двадцать пять лѣтъ покупатель получитъ обратно всю цѣну участка. Но разъ цѣна участка со временемъ совершенно выплачивается покупателю, на какомъ основаніи послѣдній продолжаетъ владѣть имъ на правахъ собственности? На основаніи права захвата.

Доктрина, считающая трудъ источникомъ собственности, находится, стало быть, въ противорѣчіи съ кодексомъ; прибѣгая къ ней для толкованія закона, сторонники ея сами себѣ противорѣчатъ.

„Когда люди расчищаютъ почву и изъ безплоднаго пустыря превращаютъ ее въ плодоносный участокъ, они въ полномъ смыслѣ слова создаютъ собственность“.

Для чего этотъ напыщенный слогъ, для чего эти экивоки, словно надо провести кого-нибудь? *Они создаютъ собственность.* Вы хотите сказать, что они даютъ мѣсто производительности, которой раньше не было; но это возможно только благодаря тому, что имѣется участокъ для расчистки. Субстанція почвы остается все та-же; измѣняются только качества ея. Человѣкъ создалъ все, все—исключая самой матеріи. Я утверждаю поэтому, что человѣкъ имѣетъ лишь право владѣнія и пользованія этой послѣдней при постоянномъ условіи труда; на время онъ пріобрѣтаетъ также право обственности на произведенные имъ продукты.

Такимъ образомъ, съ однимъ пунктомъ мы покончили: если даже признать собственность на продуктъ, она не влечетъ за собой права собственности на самое орудіе производства; мнѣ кажется, это не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Есть сходство между тѣмъ, какъ солдатъ владѣетъ своимъ оружіемъ, каменьщикъ—ввѣренными ему инструментами, рыбакъ—своей рѣкой, охотникъ—своими лѣсами и полями; всѣ они, если хотите, будутъ собственниками своихъ продуктовъ; но никто изъ нихъ не есть собственникъ его орудій производства. Право на продуктъ принадлежитъ частному лицу, это *jus in re*; право на орудіе принадлежитъ всѣмъ, это jus ad rem.

§ 5. Трудъ ведетъ къ равенству собственности.

Допустимъ однако, что трудъ создаетъ собственность надъ самой матеріей; почему-же въ такомъ случаѣ этотъ принципъ не имѣетъ общей силы? Почему благодѣяніе этого мнимаго закона не распространятся на всю массу трудящихся и ограничивается небольшимъ числомъ избранныхъ? Нѣкій философъ утверждалъ, что всѣ животныя вышли изъ согрѣтой солнечными лучами земли, на подобіе грибовъ; когда его спросили, почему теперь земля не производитъ такимъ образомъ животныхъ, онъ отвѣтилъ: потому-что она стара и утратила свою дѣтородную способность. Что-жъ, трудъ, когда-то столь плодовитый, тоже утратилъ свою плодовитость? Почему арендаторъ не становится собственникомъ обрабатываемаго имъ участка, тогда какъ собственникъ его пріобрѣлъ его тоже только трудомъ?

Потому—говорятъ намъ—что этотъ участокъ составляетъ уже собственность другого. Это не есть отвѣтъ на вопросъ. Участокъ арендуется за 50 мѣръ съ гектара; талантъ и трудъ арендатора повышаетъ вдвое сборъ съ участка, это заслуга арендатора. Предположимъ, что собственникъ, въ припадкѣ великодушія, не повыситъ вдвое арендной платы и не заполучитъ такимъ образомъ въ свои руки удвоеннаго продукта; пред-

ЦАБ "Автограф"

положимъ, что онъ даетъ арендатору возможность пользоваться плодами своего труда—справедливость все-же не будетъ удовлетворена этимъ. Улучшивъ землю, фермеръ вложилъ въ собственность новую стоимость; онъ имѣетъ поэтому право на часть этой собственности. Если участокъ стоилъ прежде 100000 франковъ, а теперь, благодаря работѣ фермера, стоитъ 150000 франковъ, то фермеръ, производитель этой прибавочной стоимости, становится законнымъ собственникомъ трети участка. Контъ не долженъ былъ-бы быть противъ этой доктрины, потому что онъ же самъ говоритъ слѣдующее:

„Люди, подымающіе плодородіе почвы, не менѣе полезны своимъ собратьямъ, какъ если-бъ они создали для нихъ новыя территоріи".

Почему же не распространить это не только на того, кто очищаетъ почву, но и на того, кто улучшаетъ ее? Работа перваго придаетъ участку стоимость 1, работа второго повышаетъ ее до 2. Оба они создаютъ одинаковую стоимость; почему же не признать за ними одинаковаго права собственности? Не думаю, чтобъ можно было возразить на это что-нибудь существенное, развѣ здѣсь опять сошлются на право перваго захвата.

Но—скажутъ мнѣ—если исполнить то, что вы требуете—мы все-же не достигаемъ болѣе широкаго распредѣленія собственности. Стоимость участковъ не можетъ безконечно расти; послѣ двухъ, трехъ вспашекъ они быстро достигаютъ максимума своего плодородія. Тотъ плюсъ, который создаетъ здѣсь агрономическое искусство, надо отнести скорѣе на счетъ науки и всеобщаго просвѣщенія, нежели на счетъ стараній земледѣльца. Вы прибавите къ массѣ собственниковъ нѣсколько труженниковъ, но это не будетъ аргументомъ противъ собственности.

Дѣйствительно, это былъ бы довольно тощій результатъ, если бы намъ удалось лишь расширить привиллегію земельной собственности и монополію промышленности на еще какихъ-нибудь нѣсколько сотъ работниковъ изъ всей милліонной массы пролетаріата, но разсуждая такимъ образомъ, вы, значитъ, плохо усвоили нашу мысль, обнаружите слишкомъ мало проницательности и логики.

Если рабочій, увеличивающій стоимость вещи, получаетъ право на собственность, то такое же право пріобрѣтаетъ тотъ, кто поддерживаетъ эту стоимость. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ поддерживать? Безпрестанно прибавлять, создавать новую стоимость. Что значитъ воздѣлывать почву? Это значитъ давать ей каждый годъ ея стоимость; съ помощью ежегодно воздѣлываемой созидательной работы не давать стоимости земли уменьшаться или уничтожаться. Итакъ, если даже признать собственность разумной и законной, а арендную плату справедливой, я утверждаю, что обрабатывающій землю съ такимъ же правомъ пріобрѣтаетъ собственность на нее, какъ тотъ, кто впервые расчистилъ ее или поднялъ ея плодородіе; что каждый разъ какъ съемщикъ платитъ ренту, онъ получаетъ извѣстную долю собственности на ввѣренный его трудамъ участокъ, дробь, знаменатель которой равняется квотѣ этой ренты. Не соглашаясь съ этимъ, вы даете полный просторъ произволу и тиранніи, признаете привиллегіи кастъ, санкціонируете гнетъ.

Кто работаетъ, тотъ становится собственникомъ; по новѣйшимъ принципамъ политической экономіи и права нельзя отрицать этого факта. Говоря собственникъ, я не понимаю подъ этимъ, какъ наши лицемѣры-экономисты, только собственность на получаемую работникомъ плату, жалованье или вознагражденіе; я разумѣю злѣсь собственность на создаваемую имъ стоимость, которая теперь идетъ только въ карманъ хозяина.

Это все относится къ теоріи заработной платы и распредѣленія продуктовъ, а такъ какъ эта область не получила еще до сихъ поръ надлежащаго освѣщенія, я позволю себѣ остановиться на ней подробнѣе; что

ЦАБ "Автограф"

не будетъ безполезно для цѣли нашего преподаванія. Теперь много говорится о допущеніи рабочихъ къ участію въ продуктѣ и прибыли; но этого требуютъ, какъ благодѣянія для рабочихъ; никто не доказывалъ, быть можетъ, и не подозрѣвалъ того, что это естественное, необходимое, имманентное право труда, присущее всякому производителю вплоть до послѣдняго изъ чернорабочихъ.

Мой тезисъ—слѣдующій: *Работникъ сохраняетъ, даже получивши свою заработную плату, естественное право собственности на произведенный имъ предметъ.*

Продолжаю цитировать Ш. Конта:

„Рабочіе наняты, скажемъ, осушить болото, выкорчевать деревья и кустарникъ, однимъ словомъ, расчистить почву; они увеличиваютъ стоимость ее, превращаютъ ее въ болѣе цѣнную собственность, созданная ими стоимость выплачена имъ въ коштѣ и заработной платѣ и становится собственностью капиталиста".

Этой платы недостаточно. Трудъ рабочихъ создалъ стоимость; слѣдовательно, эта стоимость—ихъ собственность. Они вѣдь не продали ея и не обмѣняли; стало-быть, ты, капиталистъ, вовсе не пріобрѣлъ ея. Ты имѣешь частичное право на нее, потому что доставлялъ необходимыя средства и харчи; никто не оспариваетъ этого—ты способствовалъ производству, получишь поэтому свою долю продукта. Но твое право не уничтожаетъ права рабочихъ, которые, какъ ты ни противься, были твоими коллегами въ дѣлѣ производства. Что ты тутъ толкуешь о заработной платѣ? Она врядъ ли оплатитъ нѣсколько лѣтъ изъ того постояннаго владѣнія вещью, которое они оставляютъ за тобой. Заработная плата это издержки, которыхъ требуетъ содержаніе и ежедневное подкрѣпленіе работника; ты ошибаешься, считая ее покупной цѣной. Рабочій ничего не продалъ; онъ не знаетъ своего права, не знаетъ размѣровъ уступки, которую онъ сдѣлалъ тебѣ, не знаетъ смысла контракта, который ты, по твоимъ словамъ, заключилъ съ нимъ. Съ его стороны—полное невѣдѣніе; съ твоей—заблужденіе и захватъ врасплохъ, если не подлогъ и мошенство.

Другой примѣръ сдѣлаетъ это еще болѣе яснымъ и очевиднымъ.

Всѣ знаютъ, съ какими трудностями сопряжено превращеніе пустыря въ благодарную плодородную почву; эти трудности такъ велики, что отдѣльный человѣкъ большей частью осужденъ на голодную смерть, прежде чѣмъ ему удастся хоть чего нибудь добиться отъ своего пустыря. Для этого необходимы соединенныя и комбинированныя усилія общества и всѣ рессурсы промышленности. Контъ приводитъ на этотъ счетъ много подлинныхъ фактовъ и не подозрѣваетъ, что это все доказательства противъ его же системы.

Предположимъ, что колонія изъ двадцати, тридцати семействъ поселяется въ дикой мѣстности, покрытой лѣсомъ и кустарникомъ; туземные обитатели согласились по договору покинуть ее. Каждая изъ этихъ семей располагаетъ небольшимъ, но достаточнымъ капиталомъ, тѣмъ, что именно необходимо капиталисту: скотомъ, сѣменами, орудіями, небольшимъ запасомъ денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Они дѣлятъ между собой территорію, затѣмъ каждая семья устраивается, какъ умѣетъ, на своемъ мѣстѣ и принимается за расчистку своего участка. Но послѣ нѣсколькихъ недѣль неслыханныхъ напряженій, невѣроятнаго труда, изнурительныхъ и почти безплодныхъ усилій, наши колонисты начинаютъ роптать; ихъ положеніе кажется имъ не въ мѣру тяжелымъ; они проклинаютъ свою печальную судьбу.

Тутъ одному изъ самыхъ бойкихъ удается убить дикую свинью; посоливши часть ея и рѣшившись пожертвовать остальнымъ, онъ идетъ

ЦАБ "Автограф"

къ своимъ товарищамъ по несчастью. Друзья—говоритъ онъ имъ тономъ, полнымъ благожелательства—какъ вы тяжело работаете, и какъ вамъ все же плохо живется! Пятнадцать дней работы совсѣмъ разбили васъ!... Я предлагаю вамъ сдѣлку, вы отъ нея будете только въ выигрышѣ; я даю вамъ пищу и вино; вы будете получать въ день столько-то; мы будемъ работать вмѣстѣ и, хвала Богу, друзья мои, мы будемъ довольны и счастливы!

Вѣроятно-ли, чтобы изголодавшіеся желудки могли устоять противъ такого покушенія? Самые голодные принимаютъ коварное предложеніе и берутся за работу; обаяніе общества, соревнованіе, веселость, взаимная поддержка удваиваютъ силы, работа подвигается не по днямъ, а по часамъ; съ пѣніемъ и смѣхомъ люди покоряютъ природу; въ короткое время земля стала неузнаваемой, она ждетъ только, чтобы въ нее бросили сѣмя. Когда это сдѣлано, собственникъ выдаетъ плату своимъ рабочимъ, и они уходятъ благодарные, сожалѣя, что такъ скоро прошло это блаженное время.

Другіе слѣдуютъ этому примѣру и всегда съ тѣмъ-же успѣхомъ; когда дѣло сдѣлано, каждый возвращается къ своему участку. Но имъ надо жить; въ то время какъ они расчищали почву сосѣда, они не могли расчищать своего участка; для посѣва и жатвы уже потерянъ годъ. Они расчитывали, что, нанимаясь у сосѣда, лишь выиграютъ при этомъ, потому что сберегутъ свои собственные запасы, будутъ жить припѣваючи и вдобавокъ получатъ еще деньги. Но расчетъ оказался невѣрнымъ! Они создали для другого орудіе производства, а для себя ничего; трудности расчистки остались все тѣ-же; одежда изнашивается, провизія подошла къ концу, скоро пустѣетъ и кошелекъ, и содержаніе его переходитъ въ руки того, для котораго бѣдняки работали—онъ одинъ можетъ продать имъ хлѣба, потому что только онъ поспѣлъ обработкой своего участка. Когда у бѣдныхъ колонистовъ истощатся всѣ рессурсы, человѣкъ съ хлѣбомъ, который, какъ чудовище въ баснѣ, уже издалека чуетъ свою жертву, снова является къ нимъ; одному онъ предлагаетъ снова взять его къ себѣ на работу, другому — купить у него за хорошую цѣну часть его плохой земли, которой онъ все равно не пользуется и не будетъ никогда пользоваться; другими словами, онъ поручаетъ одному обработать на счетъ его, заказчика, поле другого; такимъ образомъ, по прошествіи двадцати лѣтъ, изъ тридцати членовъ колоніи равнымъ имуществомъ выдѣлились пять-шесть, которые стали собственниками всей территоріи, остальные были на филантропическій манеръ лишены своего владѣнія.

Въ нашъ вѣкъ буржуазной морали, въ которомъ я имѣлъ счастье родиться, нравственное чувство до такой степени притупилось, что я нисколько не буду удивленъ, если какой-нибудь степенный собственникъ спроситъ меня, что-же я считаю здѣсь несправедливымъ и незаконнымъ. Грязная душа! Гальванизированный трупъ! Какъ мнѣ надѣяться убѣдить васъ, если этотъ разбой среди бѣлаго дня ничего не говоритъ вамъ!

Какой-нибудь сладкорѣчивый субъектъ ухитрился заставить другихъ помочь ему устроиться; разбогатѣвши, благодаря ихъ соединеннымъ усиліямъ, онъ отказывается способствовать ихъ благосостоянію на тѣхъ самихъ условіяхъ, которыя онъ самъ прежде предлагалъ имъ; вы еще спрашиваете, гдѣ здѣсь обманъ? Подъ предлогомъ, что онъ уже уплатилъ своимъ рабочимъ и не долженъ имъ болѣе ничего, что имъ стоитъ только пойти на службу къ другому (и запустить собственное хозяйство, конечно!), онъ, повторяю, отказываетъ имъ въ помощи, не желаетъ помочь имъ устроить свое хозяйство, какъ помогли они ему;

ЦАБ "Автограф"

а когда эти измученные труженики, безсильные въ своемъ одиночествѣ, оказываются вынужденными продать свой надѣлъ, нашъ неблагодарный собственникъ, нашъ шустрый кулакъ тутъ какъ тутъ, готовый воспользоваться ихъ несчастьемъ и ободрать ихъ до нитки. И вы находите это справедливымъ! Берегитесь, въ вашемъ смущенномъ взорѣ я читаю скорѣе упрекъ нечистой совѣсти, нежели наивное изумленіе передъ своей невольной темнотой.

Капиталистъ, говорятъ намъ, уплатилъ рабочимъ за *ихъ рабочіе дни;* вѣрнѣе надо было-бы сказать, что онъ столько разъ платилъ за *рабочій день* (за денной урокъ одного рабочаго), сколько рабочихъ работало у него ежедневно,—это вовсе не одно и то-же. Дѣло въ томъ, что та громадная сила, которая вытекаетъ изъ совмѣстнаго труда рабочихъ, изъ одновременности и согласованности ихъ усилій, осталась неоплаченной имъ. Двѣсти гренадеровъ въ нѣсколько часовъ установили Луксорскій обелискъ на его пьедесталѣ; думаете ли вы, что одинъ человѣкъ въ состояніи былъ-бы сдѣлать это въ двѣсти дней? А вѣдь для кармана капиталиста сумма заработной платы въ обоихъ случаяхъ одна и та-же. Расчистить и вспахать пустынь, построить домъ, эксплуатировать мануфактуру—это то-же, что поднять обелискъ, сдвинуть съ мѣста гору. Самое незначительное имущество, самая ничтожная фабрика, устройство самой жалкой индустріи требуютъ сочетанія столь различныхъ трудовъ и талантовъ, что одинъ человѣкъ никогда бы не былъ въ состояніи справиться съ этимъ. Удивительно, что это ускользнуло отъ вниманія политико-экономовъ. Сдѣлаемъ же подсчетъ тому, что капиталистъ получилъ отъ рабочихъ, и что онъ заплатилъ взамѣнъ этого.

Работникъ нуждается въ заработной платѣ, для того, чтобы жить во время своей работы; потому что онъ не можетъ производить не потребляя. Кто нанимаетъ рабочаго, тотъ долженъ дать ему пропитаніе и содержаніе или же эквивалентную съ этимъ заработную плату. Это первое дѣло во всякомъ производствѣ. Предположимъ на одинъ моментъ, что въ этомъ отношеніи капиталистъ исполнилъ свою обязанность.

Кромѣ непосредственнаго существованія производство должно дать работнику гарантію его будущаго существованія: вѣдь источникъ производства можетъ изсякнуть, самъ работникъ не всегда будетъ работоспособнымъ; другими словами, необходимо, чтобы изъ разъ совершенной работы постоянно вытекала новая работа—таковъ общій законъ непрекращающагося производства. Дѣйствительно, для земледѣльца собственника: 1) продуктъ его земли является не только источникомъ существованія для него и его семейства, но также средствомъ для сохраненія и усиленія его капитала, для прокормленія его скота, однимъ словомъ для дальнѣйшей работы и непрекращающагося воспроизводства, 2) собственность на орудіе производства служитъ ему гарантіей, что онъ постоянно будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи какъ матеріалъ для эксплуатаціи, такъ и трудъ.

А изъ какого источника черпаетъ тотъ, кто идетъ внаймы къ собственнику? Онъ зависитъ отъ потребности собственника въ его услугахъ, отъ желанія его дать ему работу. Точно также какъ въ прежнее время крестьянинъ обязанъ былъ своимъ участкомъ только щедрости и доброй волѣ сеньора, такъ теперь рабочій получаетъ работу исключительно въ зависимости отъ благоусмотрѣнія и надобностей его хозяина и собственника: это называется владѣніемъ à titre précaire*) (выпрошеннымъ, случайнымъ пользованіемъ). Но это несправедливо, такъ

*) Précaire происходитъ отъ латинскаго слова precor—прошу; въ письменномъ разрѣшеніи отъ сеньора категорически говорилось, что сеньоръ, уступая просьбамъ своихъ людей и крѣпостныхъ, даетъ имъ позволеніе работать.

ЦАБ "Автограф"

какъ дѣлаетъ сдѣлку неравной. Заработная плата не превышаетъ текущаго потребленія рабочаго и не обезпечиваетъ ему платы за завтрашній день, тогда какъ капиталистъ имѣетъ въ выработанномъ работникомъ орудіи залогъ своей независимости и обезпеченности на будущее.

Этотъ ферментъ постоянно возобновляемаго производства, это вѣчное сѣмя жизни, этотъ запасъ средствъ производства—вотъ чѣмъ капиталистъ обязанъ производителю, долгъ, который онъ ему никогда не выплачиваетъ. Этотъ злостный отказъ капиталиста отъ уплаты своего долга—источникъ бѣдности работника и роскоши тунеядцевъ, начало неравенства. Въ этомъ главнымъ образомъ заключается то, что такъ мѣтко названо было эксплуатаціей человѣка человѣкомъ.

Одно изъ трехъ: или работникъ получитъ часть того, что онъ произвелъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, за вычетомъ всей заработной платы, или хозяинъ дастъ ему эквивалентъ тоже въ видѣ производительной помощи, или же, наконецъ, хозяинъ обязуется постоянно давать ему работу. Раздѣлъ продукта, взаимность услугъ или гарантія постоянной работы—капиталисту не удастся выскочить изъ этой альтернативы. Но ясно что онъ не въ состояніи выполнить второго и третьяго изъ этихъ условій: онъ не можетъ предложить свои услуги тѣмъ тысячамъ рабочихъ, которые, прямо или косвенно, создали ему его состояніе; не можетъ дать имъ всѣмъ постоянную работу. Остается, слѣдовательно, раздѣлъ собственности. Однако, какъ только собственность будетъ подѣлена, всѣ окажутся въ равныхъ условіяхъ: не будетъ больше ни крупныхъ капиталистовъ, ни крупныхъ собственниковъ.

Итакъ, развивая свою гипотезу и доказывая, что капиталистъ постепенно пріобрѣтаетъ собственность на всѣ оплаченные имъ предметы, Контъ все глубже впадаетъ въ свой жалкій паралогизмъ; и такъ какъ аргументація его не измѣняется, нашъ отвѣтъ уже остается всегда одинаковъ.

„Другіе рабочіе наняты для сооруженія построекъ: одни добываютъ изъ каменоломень, другіе перевозятъ его, третьи пилятъ его, остальные кладутъ фундаментъ и стѣны. Каждый изъ нихъ прибавляетъ къ матеріалу, проходящему черезъ его руку, новую стоимость, и эта стоимость, продуктъ его труда, есть его собственность. По мѣрѣ того какъ онъ создаетъ ее, онъ продаетъ ее хозяину, который платитъ ему за нее харчами и заработной платой.“

Divide et impera: раздѣли, и ты будешь властвовать; раздѣли, и ты будешь богатымъ; раздѣли, и ты обманешь людей, помрачишь ихъ разсудокъ и насмѣешься надъ справедливостью. Изолируйте рабочихъ между собой; возможно, что поденная плата, уплаченная каждому изъ нихъ, окажется выше стоимости того, что онъ произвелъ; но здѣсь идетъ рѣчь не объ этомъ. Рабочая сила тысячи человѣкъ, производящихъ въ теченіе двадцати дней, оплачена была какъ рабочая сила одного за пятьдесятъ пять лѣтъ; но эта тысяча создала въ двадцать дней то, что усилія одного человѣка не въ состояніи были-бы создать въ теченіи милліона вѣковъ; что-же справедливъ-ли этотъ торгъ? Еще разъ говорю вамъ: нѣтъ! Уплативши за всѣ индивидуальныя силы, вы все-же не уплатили за коллективную силу; слѣдовательно, всегда остается на лицо право коллективной собственности, которое не пріобрѣтено вами, которымъ вы пользуетесь не по праву.

Предположимъ, что заработной платы, уплаченной за эти двадцать дней, хватитъ на пропитаніе, одежду и жилище всей тысячи рабочихъ въ теченіе двадцати дней. Но что станетъ съ ними, когда они кончатъ свою работу и отдадутъ ее собственникамъ, которые отпустятъ ихъ на всѣ четыре стороны? Тогда какъ собственникъ солидно устроится, бла-

ЦАБ "Автограф"

годаря совмѣстной работѣ тысячи рабочихъ, будетъ жить въ довольствѣ, безъ страха, что у него не будетъ хлѣба и работы; рабочій можетъ надѣяться только на милость этого самого собственника, которому онъ продалъ свою свободу. Что, если собственникъ откажется давать далѣе работу рабочему, сошлется на свое право и на то, что ему болѣе ничего не нужно? Чѣмъ будетъ жить тогда рабочій? Онъ вспахалъ чудную ниву, но не засѣялъ ея; онъ построилъ удобный и роскошный домъ, но не будетъ жить въ немъ; онъ произвелъ то-то и то-то, но не воспользуется ничѣмъ.

Трудъ ведетъ насъ къ равенству; каждый шагъ нашъ приближаетъ насъ къ равенству; и если сила, прилежаніе и умѣніе рабочихъ одинаковы, ясно, что имущества тоже должны быть одинаковы. Дѣйствительно, если рабочій—какъ вы говорите и какъ мы согласились съ вами—есть собственникъ создаваемой имъ собственности, то отсюда слѣдуетъ, что:

1) рабочій пріобрѣтаетъ въ ущербъ тунеядцу-собственнику;

2) такъ какъ всякое производство необходимо носитъ коллективный характеръ, рабочій имѣетъ право на часть продукта и прибыли, смотря по долѣ труда въ производствѣ;

3) такъ какъ всякій накопленный капиталъ есть собственность общества, онъ не можетъ быть ничьей частной собственностью.

Эти выводы неопровержимы; ихъ однихъ было-бы достаточно, чтобы произвесть полный переворотъ въ нашей политической экономіи и измѣнить наши учрежденія и законы. Отчего тѣ самые господа, которые выставили этотъ принципъ, отказываются теперь слѣдовать ему? Почему Сэи, Конты, Геннекэны и другіе, заявивши было, что собственность проистекаетъ изъ труда, стараются сдѣлать ее неподвижной и ссылаются для этого на первоначальный захватъ и давность?

Но оставимъ этихъ софистовъ съ ихъ противорѣчіями и слѣпотой; здравый смыслъ народа воздастъ должное ихъ экивокамъ. Поспѣшимъ-же просвѣтить народъ, указать ему вѣрный путь. Близится пора равенства, насъ отдѣляетъ отъ него уже только короткій промежутокъ; еще день, и онъ будетъ пройденъ.

§ 6. Въ обществѣ всякая заработная плата одинакова.

Когда сен-симонисты, фурьеристы и вообще всѣ, кто суетъ теперь носъ въ политическую экономію и соціальную реформу, когда они пишутъ на своемъ знамени:

Каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ.

(Сен-Симонъ).

Каждому по его капиталу, труду и таланту.

(Фурье).

они понимаютъ подъ этимъ, хотя и не говорятъ этого категорически, что продукты, добытые у природы трудомъ и промышленностью, являются вознагражденіемъ, пальмой, вѣнцомъ за всевозможныя преимущества; они смотрятъ на жизнь, какъ на сплошной турниръ, въ которомъ призы добываются, правда, не копьемъ и мечомъ, не силой и коварствомъ, а богатствомъ, наукой, талантомъ, да—даже добродѣтелью. Однимъ словомъ, они—и вмѣстѣ съ ними весь міръ—думаютъ, что самой выдающейся способности полагается самое крупное вознагражденіе, или—выражаясь коммерческимъ стилемъ, который хорошъ тѣмъ, что не двусмы-

ЦАБ "Автограф"

слененъ—что *жалованье* должно быть пропорціонально работѣ и способностямъ.

Ученики обоихъ „реформаторовъ" не могутъ отрицать, что я вѣрно уловилъ ихъ мысль; иначе они окажутся въ противорѣчіи со своими оффиціальными толкованіями и нарушатъ единство ихъ системъ. Впрочемъ, намъ нечего опасаться этого запирательства съ ихъ стороны; обѣ секты гордятся тѣмъ, что возвели въ принципъ неравенство по аналогіи съ природой, которая, какъ они говорятъ, сама желала неравенства таланта; онѣ считаютъ своей заслугой только то, что въ ихъ политической организаціи общественныя неравенства будутъ всегда соотвѣтствовать природному неравенству. Что касается вопроса, возможно-ли вообще неравенство условій—виноватъ: жалованья, они оставляютъ его совершенно безъ вниманія, точно такъ-же какъ не позаботились установить мѣрило для различныхъ способностей *).

Каждому по его способности, каждой способности по ея дѣламъ.

Каждому по его капиталу, труду и таланту.

Съ тѣхъ поръ, какъ Сен-Симонъ умеръ, а среди фурьеристовъ произошелъ расколъ, никто изъ многочисленныхъ адептовъ обѣихъ школъ не попытался дать намъ научное изложеніе этого великаго принципа; и бьюсь въ закладъ сто противъ одного, ни одному изъ фурьеристовъ и въ голову не приходитъ, что этотъ двойной афоризмъ допускаетъ два различныхъ толкованія.

Каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ.

Каждому по его капиталу, труду и таланту.

Этотъ тезисъ, взятый, какъ говорится, *in sensu obvio,* въ своемъ вульгарномъ и непосредственномъ видѣ, ложенъ, абсурденъ, несправедливъ, противорѣчивъ, враждебенъ свободѣ, на руку тираніи, онъ антисоціаленъ и носитъ роковую печать собственности, у колыбели его стоялъ этотъ предразсудокъ.

Прежде всего долженъ быть вычеркнутъ изъ факторовъ распредѣленія *капиталъ*. Фурьеристы—поскольку я могу судить по нѣкоторымъ ихъ брошюрамъ—отрицаютъ право первоначальнаго захвата и признаютъ только трудъ источникомъ собственности; съ такой предпосылкой они должны были-бы понять, если-бы они вообще разсуждали, что капиталъ приноситъ собственнику продуктъ только благодаря праву захвата, что, слѣдовательно, этотъ доходъ не законенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если трудъ единственный источникъ собственности, я перестаю быть собственникомъ моего поля, если его обрабатываю не я, а другой, который платитъ мнѣ за это; мы неопровержимо доказали это; въ такомъ-же положеніи находятся всѣ другіе виды капитала; такъ что помѣстить капиталъ въ какомъ-нибудь предпріятіи значитъ обмѣнять этотъ капиталъ на эквивалентную сумму продуктовъ. Я не желаю возвращаться здѣсь къ этому вопросу, такъ какъ послѣ всего сказаннаго нами это излишне; зато въ слѣдующей главѣ я займусь основательнымъ разборомъ того, что называютъ *производствомъ съ помощью капитала.*

Итакъ, капиталъ можно обмѣнять на нѣчто другое, но онъ не можетъ быть источникомъ дохода.

Остаются *трудъ* и *таланты* или, какъ говоритъ Сенъ-Симонъ, *дѣла* и *способности*. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Должно-ли вознагражденіе быть пропорціонально труду? Другими

*) Согласно Сен-Симону, ихъ сен-симонскій священнослужитель опредѣляетъ способности каждаго въ силу своей жреческой непогрѣшимости,—подражаніе римской церкви. По Фурье, чины и заслуги должны опредѣляться голосованіемъ и выборами—подражаніе конституціонному режиму. Очевидно, великій человѣкъ оставилъ читателя въ дуракахъ, не хотѣлъ сказать ему своего секрета.

ЦАБ "Автограф"

словами, справедливо-ли, чтобы тотъ, кто больше сдѣлаетъ, получалъ больше? Убѣдительно прошу читателя удвоить здѣсь свое вниманіе.

Чтобы разомъ рѣшить эту проблему, намъ надо только спросить себя: Есть-ли трудъ *состояніе* или *борьба*? Мнѣ кажется, что здѣсь возможенъ только одинъ отвѣтъ.

Богъ сказалъ человѣку: *„Въ потѣ лица твоего ты будешь ѣсть твой хлѣбъ"*. Это значитъ: ты будешь самъ производить свой хлѣбъ; ты будешь работать, съ большимъ или меньшимъ удовольствіемъ, смотря по тому, какъ ты съумѣешь направлять и комбинировать свои усилія. Богъ не сказалъ: Ты будешь воевать за хлѣбъ съ твоимъ ближнимъ; нѣтъ, ты будешь работать рядомъ съ твоимъ ближнимъ, и оба вы будете жить въ мирѣ. Уяснимъ себѣ смыслъ этого закона; именно въ виду чрезвычайной простоты своей онъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ.

Въ работѣ необходимо различать двѣ вещи: *сотрудничество* и *предметъ труда*.

Какъ работающіе въ сотрудничествѣ работники находятся на равномъ положеніи, и было-бы противорѣчіемъ платить одному больше, чѣмъ другому: ибо продуктъ одного можетъ быть оплаченъ только изъ продукта другого, если оба продукты не равны, остатокъ или разница между большимъ или меньшимъ продуктомъ не пріобрѣтается обществомъ, стало-быть, не входили въ мѣну и не могутъ нарушить равенство заработной платы. Отсюда вытекаетъ, если хотите, естественное неравенство въ пользу болѣе сильнаго работника, но не общественное, потому что никто не страдаетъ отъ особой силы и производительной энергіи этого работника. Однимъ словомъ, общество обмѣниваетъ только равные продукты, т. е. оплачиваетъ только ту работу, которая сдѣлана для него; слѣдовательно, оно всѣмъ работникамъ платитъ одинаково; а что они могутъ произвесть сверхъ того, такъ-же мало касается общества, какъ разница въ ихъ голосахъ и цвѣтѣ волосъ.

Читателю можетъ показаться, что я самъ выставляю принципъ неравенства. Какъ разъ наоборотъ. Количество работъ, которыя могутъ быть сдѣланы для общества, т. е. работъ, допускающихъ обмѣнъ, тѣмъ больше, чѣмъ больше число работниковъ и чѣмъ уже задача каждаго въ отдѣльности; отсюда слѣдуетъ, что природныя неравенства нейтрализируются по мѣрѣ того, какъ расширяется ассоціація, по мѣрѣ того, какъ все больше предметовъ потребленія производятся совмѣстно; такъ что остается только право захвата, право собственности—только оно можетъ повести въ обществѣ къ неравенству труда.

Предположимъ, напримѣръ, что эта ежедневная соціальная работа состоитъ въ томъ, чтобъ вспахать, засѣять и собрать жатву съ участка въ двадцать квадратныхъ метровъ; среднее необходимое время для этого пусть будутъ семь часовъ; одинъ работникъ справляется съ этимъ въ шесть часовъ, другому нужно для этого восемь часовъ; большинство же дѣлаетъ эту работу въ семь часовъ; но, сдѣлавъ свое дѣло, каждый работникъ имѣетъ право на одинаковую заработную плату, независимо отъ того, какое время онъ употребилъ для этого.

Въ правѣ-ли работникъ, справляющійся со своей задачей въ шесть часовъ, отнять подъ предлогомъ своей силы у другого, менѣе способнаго, работника его часть и лишить его такимъ образомъ работы и заработка? Кто возьмется утверждать это? Пусть онъ отдыхаетъ, если кончитъ свою работу прежде другихъ,—это его воля; пусть онъ займется другими полезными упражненіями, чтобы дать исходъ своимъ силамъ и занять свой умъ; онъ можетъ дѣлать это безъ ущерба для другихъ; но другое дѣло—его оплачиваемая работа. Энергія, талантъ, прилежаніе и

ЦАБ "Автограф"

вытекающія отсюда личныя преимущества — все это дѣло природы и лишь въ извѣстной степени зависитъ отъ индивидуума; общество воздаетъ имъ должное, платитъ имъ дань уваженія: но мѣриломъ заработной платы служитъ ему не то, что они могутъ, а то, что они дѣлаютъ. Съ своей стороны, количество продукта, производимаго индивидуумомъ, ограничено правомъ всѣхъ на работу.

Если-бы земля наша была безгранична и предметы труда неисчерпаемы, мы все же не могли-бы слѣдовать принципу: *каждому по его труду*. Почему? Потому что, повторяемъ, общество, каково-бы ни было число его членовъ, можетъ давать имъ только одинаковую заработную плату: вѣдь оно оплачиваетъ ихъ ихъ же собственными продуктами. Только въ томъ случаѣ, если ничто не препятствуетъ сильнѣйшимъ пользоваться всѣми ихъ преимуществами, — на лонѣ общественнаго равенства возродятся всѣ недостатки естественнаго неравенства. При этомъ мы исходимъ изъ вышеупомянутой гипотезы. Но производительная дѣятельность и размноженіе человѣка возможны только на извѣстныхъ полосахъ земли; въ этомъ смыслѣ послѣдняя очень ограничена. Кромѣ того, общественная работа облегчается, благодаря безконечному разнообразію индивидуальной работы, и чрезвычайному дѣленію труда. Итакъ, съ одной стороны, границы производительной дѣятельности, съ другой стороны, легкость производства заставляютъ насъ принять абсолютный законъ равенства.

Да, жизнь есть борьба, но не борьба человѣка съ человѣкомъ, а человѣка съ природой; каждый изъ насъ участвуетъ въ ней по мѣрѣ силъ своихъ. Если въ этой борьбѣ сильный придетъ на помощь слабому, его поступокъ заслуживаетъ любви и уваженія; но помощь эта должна быть принимаема добровольно, а не навязываема силой, она не можетъ также быть предметомъ торга. Передъ каждымъ изъ насъ одинъ и тотъ же путь, онъ не слишкомъ великъ и не слишкомъ труденъ; прошедшій его, получаетъ должное; но вовсе не необходимо придти непремѣнно первымъ.

Въ типографіи наборщикъ получаетъ извѣстную плату за тысячу набранныхъ буквъ, обслуживающій станокъ—за тысячу отпечатанныхъ листовъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, проявляются различія въ талантѣ и проворности отдѣльныхъ рабочихъ. Пока нечего бояться остаться безъ работы, каждый воленъ дать полный просторъ своему рвенію и развить все свое умѣніе; въ такомъ случаѣ тотъ, кто больше сработаетъ, заработаетъ больше, кто сработаетъ меньше, меньше и заработаетъ. Но, когда заказы уменьшаются, наборщики и печатники дѣлятъ между собой трудъ; всякій, желающій имѣть больше, становится въ ихъ глазахъ воромъ и измѣнникомъ.

Въ этихъ пріемахъ типографскихъ рабочихъ имѣется своя философія — философія, до которой не въ состояніи были дойти ни наши политико-экономы, ни юристы. Если-бы наши законодатели ввели-бы въ свои кодексы принципъ справедливаго распредѣленія, какъ онъ принятъ въ типографіяхъ; если-бъ они подсмотрѣли народные инстинкты — не для того, чтобы рабски скопировать ихъ, а чтобы усовершенствовать ихъ и возвести въ систему; свобода и равенство давно-бы покоились уже на непоколебимомъ фундаментѣ и не было-бы надобности спорить о правѣ собственности и необходимости соціальныхъ различій.

Высчитано было, что, если распредѣлить работу между всѣми работоспособными индивидуумами, средняя продолжительность рабочаго дня не превосходила бы у насъ, во Франціи, пяти часовъ. Какъ-же вы осмѣливаетесь послѣ этого говорить о неравенствѣ работы? *Работа* Роберта Мауэра—вотъ гдѣ источникъ неравенства.

Итакъ принципъ: *каждому по его труду*, если понимать его въ томъ

ЦАБ "Автонавт"

смыслѣ, что *кто больше работаетъ, тотъ долженъ получить больше,* предполагаетъ два очевидно ложныхъ факта: одинъ, экономическій, что въ общественной работѣ доля одного можетъ отличаться отъ доли другого, и другой, физическій, что количество производимыхъ вещей можетъ расти въ безконечность.

Однако, скажутъ намъ, какъ быть съ людьми, которые захотятъ дѣлать только половину своей работы?.. Ага, вы поставлены втупикъ! Ясно, что имъ полагается только половина заработной платы. Они получатъ столько, сколько отработали — чѣмъ же они могутъ быть недовольны въ такомъ случаѣ? И развѣ они приносятъ этимъ вредъ другимъ? Здѣсь вполнѣ у мѣста принципъ: *каждому по его дѣламъ;* это самъ законъ равенства.

Вообще, мнѣ могутъ оказать здѣсь множество трудностей, которыя всѣ касаются организаціи полиціи и труда; у меня на это только одинъ отвѣтъ—всѣ онѣ должны быть разрѣшены согласно съ принципомъ равенства. Такъ, наприм., нѣкоторыя работы не терпятъ отлагательства, всякое замедленіе отзывается въ нихъ на продуктѣ; неужели—скажутъ мнѣ—общество должно терпѣть здѣсь изъ-за небрежности нѣсколькихъ дицъ, и право на трудъ не позволяетъ ему отобрать работу изъ рукъ лѣнтяя? Если оно возьметъ ее въ свои руки, кому принадлежитъ въ такомъ случаѣ заработная плата?

Обществу, если оно исполнитъ эту работу, само-ли или черезъ третье лицо, но всегда такъ, чтобы отъ этого не страдало общее равенство, чтобы только лѣнтяй былъ наказанъ за свою лѣность. Добавимъ, что, если общество не можетъ прибѣгнуть къ актамъ чрезвычайной строгости по отношенію къ замѣшкавшимся, то оно имѣетъ право, въ интересахъ своего самосохраненія, предупреждать злоупотребленія.

Въ каждой промышленности—скажутъ мнѣ—необходимы руководители, указчики, надсмотрщики и т. д. Дадите-ли вы имъ также работу, какъ другимъ?—Нѣтъ, потому что ихъ работа заключается въ руководствѣ работой другихъ, въ контролѣ надъ ней. Но они должны быть выбираемы изъ среды рабочихъ и самими-же рабочими, они должны удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ нами при выборѣ. Не иначе обстоитъ дѣло со всякой общественной должностью, въ области-ли администраціи или народнаго просвѣщенія.

Итакъ, первая статья нашего устава:

Ограниченное число предметовъ эксплуатаціи дѣлаетъ необходимымъ дѣленіе труда по числу трудящихся; данная каждому способность исполнить общественный, т. е. равный урокъ, и невозможность платить работнику иначе, какъ изъ продукта другого, оправдываютъ равенство вознагражденія.

§ 7. Неравенство способностей есть необходимое условіе равенства имуществъ.

Намъ возражаютъ—и это возраженіе составляетъ вторую часть сен-симонскаго и третью часть фурьеристскаго тезиса—слѣдующее:

Не всякая работа одинаково легка: нѣкоторыя требуютъ выдающагося умѣнія и проницательности, цѣна ихъ и опредѣляется сообразно послѣднимъ. Артистъ, ученый, поэтъ, государственный дѣятель—всѣ они цѣнятся, благодаря своему превосходству, которое уничтожаетъ всякое равенство между ними и прочими смертными; передъ этими свѣтилами науки и человѣческаго генія исчезаетъ законъ равенства. Но если равенство не абсолютно, его вообще нѣтъ; отъ поэта мы спускаемся къ

ЦАБ "Автограф"

романисту; отъ скульптора къ каменьщику; отъ архитектора къ плотнику; отъ химика къ повару и т. д. Способности дѣлятся и подраздѣляются на порядки, роды и виды; между противоположными полосами таланта существуютъ промежуточныя стадіи—средніе таланты; человѣчество есть обширная іерархія, въ которой достоинство каждаго опредѣляется путемъ сравненія съ другими, каждый оцѣнивается по своему продукту.

Это возраженіе всегда казалось чрезвычайно грознымъ: оно было камнемъ преткновенія для политико-экономовъ и для партизановъ равенства. Первыхъ оно привело къ грубымъ ошибкамъ, вторыхъ искусило на невѣроятныя глупости. Согласно Гракху Бабёфу, всякое превосходство человѣка надъ человѣкомъ должно быть *строжайшимъ образомъ подавлено*, оно должно *преслѣдоваться, какъ бичъ общества;* чтобы воздвигнуть зданіе своего коммунизма, онъ подрѣзываетъ всѣхъ гражданъ по мѣркѣ самаго низкорослаго изъ нихъ. Были случаи, что невѣжественные избиратели предавали анаѳемѣ различія образованія, и я нисколько не буду удивленъ, если въ одно прекрасное утро другіе избиратели возстанутъ противъ разницы въ добродѣтели отдѣльныхъ лицъ. Аристотель подвергся изгнанію, Сократъ выпилъ кубокъ яду. Эпаминондъ былъ позванъ на судъ—такъ какъ грязные и жалкіе демагоги нашли, что эти люди слишкомъ выдаются своимъ умомъ и добродѣтелью. Подобные факты могутъ повториться, пока неравенство имуществъ будетъ внушать слѣпой, приниженной богатствомъ черни боязнь передъ появленіемъ новыхъ законовъ.

Ничто не кажется намъ столь чудовищнымъ, какъ то, что мы видимъ въ самой непосредственной близости; часто именно истина кажется намъ чѣмъ-то совсѣмъ невѣроятнымъ. Съ другой стороны, какъ замѣчаетъ Ж. Ж. Руссо, „необходимо много философіи, чтобы съумѣть наблюдать то, что видишь каждый день передъ собой“; а д'Аламберъ говоритъ, что „истина, которая, казалось-бы, на каждомъ шагу обнаруживается человѣку, остается незамѣченной имъ, за исключеніемъ развѣ того случая, когда спеціально обратитъ на нее его вниманіе“. Патріарху политико-экономовъ, Сэю, у котораго я заимствую объ эти цитаты, эти истины могли-бы очень пригодиться; но многіе, смѣющіеся надъ слѣпымъ, сами должны были-бы носить очки, многіе, замѣчающіе ошибки другого, оказываются близорукими насчетъ самихъ себя.

Замѣчательно! Умы на самомъ дѣлѣ испугало не столько это возраженіе, сколько само условіе равенства!...

Природное неравенство—условіе равенства имуществъ!.. Какой парадоксъ!..—Повторяю свое утвержденіе, дабы читатель не принялъ его за lapsus linguae: неравенство способностей есть условіе sine qua non равенства имуществъ.

Въ жизни общества надо различать двѣ вещи: *функціи и отношенія*.

I. *Функціи*. Всякій работникъ считается способнымъ исполнить ту работу, которую ему поручили, или, выражаясь обиходнымъ языкомъ, всякій мастеръ долженъ знать свое ремесло. Если работникъ знаетъ свое дѣло, работникъ и работа (функціонеръ и функція) соотвѣтствуютъ другъ другу.

Въ человѣческомъ обществѣ функціи не одинаковы: поэтому необходимы различныя способности. Кромѣ того, извѣстныя функціи требуютъ особо развитаго ума и особыхъ способностей; значитъ, есть люди съ выдающимся умомъ и талантами. Потому что дѣло создаетъ работника: потребность рождаетъ идею, а идея работника. Мы знаемъ только то, что заставляютъ насъ желать наши чувства и разумъ; мы крѣпко желаемъ только то, что хорошо знаемъ; чѣмъ лучше мы знаемъ это, тѣмъ способнѣе мы для производства.

ЦАБ "Автограф"

Такимъ образомъ функціи опредѣляются потребностями, потребности—желаніями, а желанія самопроизвольной перцепціей, воображеніемъ; умъ, способный къ воображенію, способенъ также производить; слѣдовательно, нѣтъ задачи, нѣтъ работы, непосильной для рабочаго. Однимъ словомъ, если функція создаетъ функціонера, это значитъ, что въ дѣйствительности функціонеръ существуетъ прежде функціи.

Воздадимъ дань удивленія экономіи природы: при множествѣ различныхъ потребностей, которыя она вложила въ насъ и которыя отдѣльный человѣкъ не въ состояніи удовлетворить своими силами, она должна была надѣлить человѣчество, какъ цѣлое, той силой, которой она не дала отдѣльному индивидууму: отсюда принципъ *раздѣленія труда*, принципъ, основанный на *разницѣ призваній*, на *спеціализированіи работы*.

Болѣе того: однѣ нужды человѣка требуютъ для своего удовлетворенія безпрерывнаго производства; другія-же въ состояніи удовлетворить на цѣлыя тысячи лѣтъ работа одного человѣка. Такъ напримѣръ, потребность въ одеждѣ и пищѣ дѣлаетъ необходимымъ постоянное производство; тогда какъ знаніе системы міра можетъ быть навсегда открыто намъ двумя или тремя избранными. Такъ, вѣчный бѣгъ нашихъ рѣкъ питаетъ торговлю и приводитъ въ движеніе машины; но солнце одно въ центрѣ пространства освѣщаетъ міръ. Природа могла-бы создавать Платоновъ и Виргиліевъ, Ньютоновъ и Кювье, какъ она создаетъ пастуховъ и хлѣбопашцевъ, но она не желаетъ этого и приводитъ въ соотвѣтствіе рѣдкость генія и продолжительность его твореній, число способностей и сферу ихъ дѣйствія.

Я не буду изслѣдовать здѣсь, является-ли разница талантовъ результатомъ нашей жалкой цивилизаціи, и не оказалось-ли бы то, что теперь называютъ *неравенствомъ способностей*, въ болѣе счастливыхъ условіяхъ ничѣмъ инымъ, какъ *разнообразіемъ способностей*. Я беру худшій случай и признаю всѣ неравенства таланта; да не упрекаютъ меня въ томъ, что я обхожу трудности вопроса и ставлю ихъ на голову *). Есть философы, влюбленные въ нивеллировку и утверждающіе, что всѣ умы — одинаковы, разница между ними зависитъ исключительно отъ воспитанія. Признаюсь, я далеко не раздѣляю этой доктрины; впрочемъ, будь она правильной, она приведетъ насъ къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ тѣмъ, которыхъ желаютъ ея авторы. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ способности равны, и разъ никого нельзя заставить взяться за нежелательную ему работу, то придется лучше всего оплачивать тѣ работы, которыя считаются грубыми, позорными или слишкомъ обременительными; а это не менѣе противно принципу равенства, какъ и принципу: *всякой способности по ея дѣламъ*. Нѣтъ, возьмемъ, напротивъ, общество, въ которомъ всякій родъ таланта находится въ пропорціи къ потребностямъ и отъ каждаго производителя требуется то, къ чему онъ имѣетъ призваніе; оставаясь всецѣло на почвѣ этой іерархіи функцій, я выведу вамъ изъ нея равенство имуществъ.

Вотъ мой второй пунктъ.

II. *Отношенія*. Говоря объ элементѣ труда, я показалъ, что—въ данной области производства—неравенство индивидуальныхъ силъ не можетъ повлечь за собой неравенства въ вознагражденіи, такъ какъ способность

*) Не помню, какъ можно для оправданія различія положеній ссылаться на низменныя склонности и мышленіе извѣстнаго сорта людей. Гдѣ причина ихъ позорнаго духовнаго и моральнаго паденія, какъ не въ той нищетѣ и отверженности, на которыя собственность осуждаетъ свои жертвы? Собственность превращаетъ человѣка въ евнуха, а потомъ упрекаетъ его еще въ томъ, что онъ изсохшій пень, безплодное дерево.

ЦАБ "Автограф"

исполнять общественную работу дана всѣмъ и каждому. Однако вполнѣ вѣрно, что люди съ опредѣленными способностями оказываются совершенно непригодными къ нѣкоторымъ занятіямъ, такъ что, если бы производство наше вдругъ оказалось бы вынужденнымъ ограничиться какой-нибудь одной областью, въ результатѣ появилось бы множество безталанныхъ и, слѣдовательно, величайшее соціальное неравенство. Но всѣ видятъ—и безъ моей помощи—что наличность разнообразныхъ отраслей производства предупреждаетъ появленіе такихъ безполезныхъ членовъ общества, это столь банальная истина, что я не буду на ней останавливаться. Итакъ намъ остается теперь доказать, что всѣ функціи равны одна другой, точно, такъ же какъ въ рамкахъ одной функціи работники равны между собой.

Вы удивляетесь, что я отказываюсь признать первенство власти и богатства за геніемъ, наукой, храбростью, однимъ словомъ, за всѣми достоинствами, передъ которыми міръ въ восхищеніи преклоняется. Но не я отказываю имъ въ этомъ, а экономика, справедливость, равенство. Свобода! въ первый разъ я призываю твое имя въ этой борьбѣ; встань же на защиту своего дѣла и заверши свою побѣду.

Всякая сдѣлка, имѣющая цѣлью обмѣнъ продуктовъ или услугъ, можетъ быть названа *торговой операціей*.

Кто говоритъ торговля, тотъ разумѣетъ подъ этимъ обмѣнъ равныхъ стоимостей; если-бы стоимости были не равны, и обиженная сторона замѣтила это, она не согласилась бы на это, и никакой торговли въ данномъ случаѣ не состоялось бы.

Торговля имѣетъ мѣсто только между людьми свободными; вездѣ, конечно, возможны операціи на почвѣ силы и обмана, но это не торговля.

Свободенъ же тотъ человѣкъ, который владѣетъ своими способностями, пользуется своимъ разумомъ, не ослѣпленный страстью, не скованный страхомъ, не обманутый заблужденіемъ.

Такимъ образомъ въ каждомъ обмѣнѣ имѣется нравственное обязательство сторонъ не выигрывать ничего въ ущербъ другому; это значитъ, что справедливая и добросовѣстная торговля должна быть свободна отъ всякаго неравенства—это первое условіе торговли. Второе условіе: она должна быть добровольнымъ актомъ обѣихъ сторонъ, т. е. послѣдніе должны дѣйствовать въ полномъ сознаніи и свободѣ.

Итакъ, я опредѣляю торговлю или обмѣнъ, какъ общественный актъ.

Негръ, продающій свою жену за ножъ, своихъ дѣтей за бусы и въ завершеніе себя самого за бутылку водки, не свободенъ. Торговецъ живымъ товаромъ не контрагентъ его, а врагъ.

Цивилизованный рабочій, который продаетъ свой трудъ за кусокъ хлѣба, который строитъ дворецъ, чтобы спать въ конюшнѣ, фабрикуетъ дорогія матеріи, чтобы носить отрепья, производитъ все, чтобы быть лишеннымъ всего—этотъ рабочій тоже не свободенъ. Хозяинъ, на котораго онъ работаетъ, не становится его контрагентомъ (associé) на почвѣ происходящаго между ними обмѣна услугъ и заработной платы, онъ—врагъ его.

Солдатъ, служащій своему отечеству за страхъ, а не за совѣсть, не свободенъ; его товарищи и начальники, министры или органы военнаго правосудія—это все его враги.

Крестьянинъ, арендующій землю, промышленникъ, занимающій капиталы, гражданинъ, несущій подати и налоги, уплачивающій за патенты и концессіи, за движимость и подушное, депутатъ, который вотируетъ это,—всѣ они дѣйствуютъ безъ сознанія о свободѣ своихъ поступковъ. Ихъ враги—собственники, капиталисты, правительство.

Возвратите людямъ свободу, просвѣтите ихъ умъ, дабы они въ со-

ЦАБ "Автограф"

стояніи были понять смыслъ совершаемыхъ ими договоровъ, и вы увидите, что во всѣхъ ихъ мѣнахъ будетъ господствовать полнѣйшее равенство, внѣ какой-бы то ни было зависимости отъ превосходства таланта и генія; вы поймете, что въ кругу торговыхъ идей, т. е. въ сферѣ общества, слово превосходство не имѣетъ смысла.

Пусть Гомеръ поетъ мнѣ свои пѣснопѣнія, я слушаю этого величественнаго генія, въ сравненіи съ которымъ я, простой пастухъ, ничтожный земледѣлецъ, ничто. Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить его творенія съ моими, что такое мой мой сыръ и мои бобы въ сравненіи съ Иліадой? Но, если въ награду за свою неподражаемую поэму Гомеръ захотѣлъ-бы взять у меня все, что я имѣю, и сдѣлать меня своимъ рабомъ, я отказываюсь отъ удовольствія слышать его пѣсни, я благодарю его. Я могу обойтись безъ Иліады и ждать, если хотите, Энеиды; Гомеръ-же не можетъ двадцать-четыре часа жить безъ моихъ продуктовъ. Такъ-что пусть онъ удовольствуется тѣмъ немногимъ, что я могу предложить ему и тогда пусть поучаетъ, ободряетъ, утѣшаетъ меня своей поэзіей.

Какъ, скажете вы, таковъ будетъ удѣлъ пѣвца боговъ и людей! Милостыня, со всѣми ея униженіями и лишеніями! Какое великодушное варварство!...—Не волнуйтесь, прошу васъ: собственность дѣлаетъ изъ поэта Креза или нищаго; только равенство умѣетъ цѣнить его. О чемъ идетъ рѣчь? О томъ, чтобъ установить права пѣвца и обязанности слушателя. Имѣйте-жъ въ виду (это очень важный пунктъ при рѣшеніи этой проблемы), что оба они свободны, одинъ въ своей продажѣ, другой въ своей покупкѣ; съ этого момента ихъ обоюдныя притязанія не имѣютъ никакой цѣны, и вѣрное или преувеличенное мнѣніе ихъ какъ о стихахъ одного, такъ о щедрости другого, не можетъ вліять на условія контракта. Мы должны исходить не изъ оцѣнки генія, а изъ оцѣнки продуктовъ.

Для того чтобы пѣвецъ Ахилла могъ получить должное вознагражденіе, онъ долженъ прежде всего предложить свои услуги; въ такомъ видѣ обмѣнъ его стиховъ на тотъ или другой гонораръ является свободнымъ актомъ, въ то-же время онъ долженъ быть также справедливымъ актомъ—это значитъ, что гонораръ поэта долженъ равняться его произведенію. Какова же стоимость этого послѣдняго?

Предположимъ сначала, что Иліада, этотъ шедевръ, для котораго требуется найти справедливое вознагражденіе, дѣйствительно имѣетъ безконечную цѣну; больше требовать нельзя. Если публика, которая можетъ купить этотъ шедевръ, можетъ и не купить, отказывается отъ покупки, ясно, что это нисколько не уменьшитъ художественной цѣнности поэмы; но разъ поэма не можетъ быть обмѣнена, мѣновая стоимость ея или ея производительная полезность сводится къ нулю. Итакъ съ одной стороны безконечность, съ другой—нуль; норму гонорара мы должны искать на равномъ разстояніи отъ обѣихъ этихъ крайностей, такъ какъ всѣ права и свободы требуютъ одинаковаго признанія; другими словами, рѣчь идетъ не объ имманентной, а объ относительной стоимости предмета купли и продажи. Вопросъ упрощается: какова эта относительная стоимость? На какое вознагражденіе можетъ разсчитывать авторъ такой поэмы, какъ Иліада?

Послѣ опредѣленій это была первая проблема, представшая передъ политической экономіей. Что-же? Послѣдняя не только не разрѣшила ея, она объявила ее неразрѣшимой. Согласно политико-экономамъ, относительная или мѣновая стоимость вещей не можетъ быть установлена абсолютно; она чрезвычайно измѣнчива.

„Стоимость вещи, говоритъ Сэй, есть положительная величина, но только для даннаго момента. По самой природѣ своей она постоянно из

ЦАБ "Автограф"

мѣняется, въ каждомъ мѣстѣ различна. Ее никоимъ образомъ нельзя установить разъ на всегда, потому что она основана на потребностяхъ и средствахъ производства, которыя мѣняются съ минуты на минуту. Эти колебанія усложняютъ экономическіе феномены и дѣлаютъ часто очень затруднительнымъ наблюденіе и рѣшеніе ихъ. Я не знаю никакого средства противъ этого; не въ нашей власти измѣнить природу вещей".

Впрочемъ, Сэй говоритъ и неоднократно говоритъ, что, такъ какъ стоимость покоится на полезности предмета, а послѣдняя вполнѣ зависитъ отъ нашихъ потребностей, капризовъ, моды и т. д., то, слѣдовательно, стоимость подвержена тѣмъ-же измѣненіямъ, какъ и наши взгляды. Но политическая экономія есть наука о стоимостяхъ, объ ихъ производствѣ, распредѣленіи, обмѣнѣ и потребленіи; если мѣновая стоимость не допускаетъ абсолютнаго опредѣленія, то возможна-ли вообще политическая экономія, какъ наука? Могутъ-ли два политико-экономa смотрѣть безъ смѣха другъ на друга? И откуда они набираются дерзости ругать метафизиковъ и психологовъ? Какъ! Этотъ сумасшедшій—Декартъ вбилъ себѣ въ голову, что философія нуждается въ непоколебимой основѣ, въ *aliquid inconcussum,* на которой можно было-бы возвести зданіе науки; онъ имѣлъ даже наивность искать этой основы. А нашъ Сэй, этотъ трижды великій Гермесъ политической экономіи, посвящаетъ цѣлыхъ полътома торжественному тезису: *Политическая экономія есть наука,* пережевываетъ его на всяческіе лады и послѣ этого имѣетъ смѣлость заявить; что эта наука не въ состояніи опредѣлить своего объекта, другими словами, что она не имѣетъ ни принципа, ни почвы подъ ногами! Стало-быть, блистательный Сэй не зналъ, что такое наука, или — вѣрнѣе — не имѣлъ представленія о томъ, о чемъ брался говорить.

Примѣръ Сэя принесъ свои плоды: политическая экономія въ ея теперешней фазѣ своего рода онтологія, она разсуждаетъ о причинахъ и слѣдствіяхъ, но ничего не знаетъ, ничего не объясняетъ, ничего не заключаетъ. То, что удостоили имени экономическихъ законовъ, ничто иное, какъ нѣсколько общихъ мѣстъ, которымъ долженъ придать глубокій видъ напыщенный и замысловатый стиль; что касается попытокъ рѣшить соціальныя проблемы, то все, что можно сказать о нихъ, это то, что гдѣ онѣ не являются переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, тамъ онѣ просто-на-просто абсурдъ; однимъ словомъ или канитель, или нелѣпица. Вотъ ужъ двадцать пять лѣтъ политическая экономія, какъ густой туманъ, виситъ надъ Франціей, задерживая ея духовное развитіе и стѣсняя свободу

Имѣетъ-ли каждый промышленный продуктъ абсолютную, неизмѣнную, слѣдовательно, легитимную и истинную продажную стоимость? —Да.

Можетъ-ли всякій продуктъ человѣка быть обмѣниваемъ на другіе продукты человѣка?—Еще разъ, да.

Сколько гвоздей стоитъ пара деревянныхъ башмаковъ (sabots)?

Если-бъ намъ удалось разрѣшить эту ужасную проблему, мы нашли-бы ключъ къ соціальной системѣ, который человѣчество ищетъ уже лшесть тысячъ лѣтъ. Политико-экономъ приходитъ втупикъ передъ этой проблемой и ретируется; мужикъ, не умѣющій ни читать, ни писать, отвѣчаетъ безъ запинки: Столько, сколько можно приготовить за то же время и съ тѣми же издержками.

Итакъ, абсолютная стоимость вещи—это истраченное на нее время и издержки. Сколько стоитъ алмазъ, который стоило только поднять съ песка? Ничего: это не продуктъ человѣка.—Сколько онъ будетъ стоить, послѣ того, какъ его отшлифуютъ и вставятъ оправу? Столько, сколько это отыметъ у рабочаго времени и издержекъ.—Почему же онъ продается по такой дорогой цѣнѣ?—Потому что люди не свободны. Общество

ЦАБ "Автограф"

обязано регулировать обмѣнъ и распредѣленіе какъ самыхъ рѣдкихъ, такъ и самыхъ обыкновенныхъ вещей, регулировать такъ, чтобъ всякій имѣлъ возможность пользоваться тѣми и другими.—А что представляетъ изъ себя общепринятая стоимость? (la voleur d'opinion?). Обманъ, разбой и криводу!

Такимъ путемъ легко притти къ общему соглашенію. Мы ищемъ середины между стоимостью, равной безконечности, и стоимостью, равной нулю; если эта середина равняется въ каждомъ данномъ продуктѣ суммѣ потраченнаго на него времени и издержекъ, то вопросъ рѣшается слѣдующимъ образомъ: предположимъ, поэма стоила ея автору тридцать лѣтъ труда и 10000 франковъ издержекъ на поѣздки, книги и пр.,—въ такомъ случаѣ онъ долженъ получить за нее тридцать лѣтъ жалованья обыкновеннаго работника плюсъ 10000 франковъ за издержки. Пусть это составитъ вмѣстѣ 50000 франковъ; если общество, пріобрѣвшее этотъ шедевръ, состоитъ изъ милліона человѣкъ, на мою долю приходится 5 сантимовъ.

Это даетъ мѣсто слѣдующимъ замѣчаніямъ.

1) Тотъ же самый продуктъ можетъ стоить въ различныя эпохи и въ различныхъ мѣстахъ больше или меньше времени и издержекъ; въ этомъ отношеніи вѣрно, что стоимость есть величина измѣняющаяся. Но это не та измѣнчивость, о которой говорятъ политико-экономы, когда, перечисляя причины измѣненія стоимости, смѣшиваютъ въ одну кучу средства производства, вкусы, капризы, моду, (общее) мнѣніе. Однимъ словомъ, истинная стоимость вещи неизмѣнна въ своемъ алгебраическомъ выраженіи, хотя и можетъ измѣняться, выраженная въ деньгахъ.

2) Всякій спрашиваемый продуктъ долженъ быть оплаченъ сообразно съ затраченнымъ на него временемъ и издержками, не больше и не меньше; всякій продуктъ, на который нѣтъ спроса, потеря для производителя, не имѣетъ стоимости въ торговлѣ.

3) Незнакомство съ принципомъ оцѣнки и во многихъ случаяхъ трудность его примѣненія являются источниками надувательства въ торговлѣ и одной изъ самыхъ могучихъ причинъ имущественнаго неравенства.

4) Чтобы быть въ состояніи оплатить извѣстныя отрасли промышленности, извѣстные продукты, общество должно имѣть тѣмъ больше человѣкъ, чѣмъ рѣже таланты, чѣмъ дороже продукты и чѣмъ больше различныхъ видовъ искусства и знанія. Такъ напримѣръ, общество изъ 50 крестьянъ можетъ содержать школьнаго учителя; чтобы имѣть сапожника, общество должно насчитывать 100 человѣкъ; 150—чтобы прокормить кузнеца, 200—портного и т. д. Если число крестьянъ увеличивается до 1.000, 10.000, 100.000 и т. д., то въ той-же мѣрѣ должно расти число функціонеровъ, снабжающихъ ихъ предметами первой необходимости. Такимъ образомъ высшія функціи становятся возможны только въ самыхъ сильныхъ обществахъ*). Только въ этомъ заключается различіе между тѣми и другими способностями: сущность генія, печать его славы заключается въ томъ, что онъ можетъ родиться и развиться только въ лонѣ громадной націи. Но это физіологическое условіе генія не прибавляетъ ничего къ его соціальнымъ правамъ; напротивъ, опаздываніе его появленія доказываетъ лишь, что въ экономической и гражданской жизни высшія проявленія духа зависятъ отъ равенства благъ; это равенство существуетъ прежде ихъ, они составляютъ вѣнецъ его.

*) Сколько гражданъ требуется для того, чтобы содержать профессора философіи? 35 милліоновъ. Сколько для одного политико-экономa? 2 милліарда. А для писателя, который ни ученый, ни артистъ, ни философъ, ни экономистъ, а просто пишетъ романы и фельетоны? Ни одного.

ЦАБ "Автограф"

Нашей гордости тяжело согласиться съ этимъ, но это неумолимая истина. На помощь политической экономіи приходитъ здѣсь психологія, которая доказываетъ, что между талантомъ и матеріальнымъ вознагражденіемъ нѣтъ общаго мѣрила; что въ этомъ отношеніи положеніе всѣхъ производителей одинаково; что, слѣдовательно, нельзя ихъ сравнивать между собой, невозможно также всякое различіе имуществъ.

Дѣйствительно, всякій продуктъ, вышедшій изъ рукъ человѣка, имѣетъ неоцѣненную стоимость, если сравнить его съ сырымъ матеріаломъ, изъ котораго онъ сдѣланъ: въ этомъ отношеніи разстояніе между парой sabots и стволомъ орѣховаго дерева такъ-же велико, какъ между Венерой Милосской и глыбой мрамора. Геній самаго обыкновеннаго ремесленника точно такъ же подымаетъ его надъ обрабатываемымъ имъ матеріаломъ, какъ геній Ньютона, вычисляющаго разстоянія, массы и перевороты небесныхъ тѣлъ, возвышаетъ его надъ инертными сферами. Вы требуете для таланта и генія соотвѣтственныхъ почестей и благъ: оцѣните же мнѣ талантъ дровосѣка, я вамъ оцѣню тогда талантъ Гомера. Если что можетъ быть платой за духовную высоту, то только духовная высота. Это и имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда различные производители платятъ другъ другу дань восхищенія и похвалы. Но если рѣчь идетъ объ обмѣнѣ продуктовъ, имѣющемъ цѣлью удовлетвореніе взаимныхъ потребностей? Этотъ обмѣнъ можетъ происходить только при условіи полнаго невниманія къ генію и таланту, какъ къ таковымъ, по законамъ, которые построены не на расплывчатомъ и не имѣющемъ значенія восхищеніи, а на равновѣсіи между активомъ и пассивомъ, однимъ словомъ, на торговой ариѳметикѣ.

Не не надо думать, что свобода купли-продажи является единственнымъ основаніемъ для равенства заработной платы, и что общество не имѣетъ другого средства противъ превосходства таланта, кромѣ этой, своего рода инерціи, не имѣющей ничего общаго съ правомъ. Я сейчасъ объясню, почему одно и то же вознагражденіе достаточно для всѣхъ способностей, почему разница въ заработной платѣ является несправедливостью. Я покажу, что таланту присуща обязанность подчиняться уровню общества, даже могучую силу генія я приведу въ зависимость отъ равенства имуществъ. Я только что развилъ отрицательныя основанія для равенства вознагражденія различныхъ способностей, теперь я дамъ этому прямую и положительную мотивировку.

Послушаемъ сначала нашего политико-эконома, его мудрствованія всегда въ высшей степени забавны. Къ тому же, безъ него, безъ его восхитительныхъ нелѣпицъ и сногсшибательныхъ аргументовъ, мы ничего не вынесли-бы. Равенство, такъ ненавистное политико-эконому, всѣмъ обязано именно политической экономіи.

Если семейство врача (въ текстѣ стоитъ *адвоката*, но это не такъ хорошо подходитъ для даннаго примѣра) истратило на его воспитаніе 40000 фр., мы можемъ считать эту сумму какъ-бы разъ навсегда помѣщенной въ ренту на его имя. Мы въ такомъ случаѣ въ правѣ предположить, что она приноситъ ежегодно 4000 фр. Если врачъ зарабатываетъ 30000 фр. въ годъ, то, стало быть, 26000 фр. составляютъ доходъ съ его личнаго таланта, даннаго ему природой. Такъ что, если считать по 10%, этотъ природный капиталъ составитъ 260000 фр.; кромѣ того, родители врача дали ему въ издержкахъ на его образованіе капиталъ въ 40000 фр.—то и другое вмѣстѣ составляетъ его имущество" (Сэй, *полный курсъ* и т. д.).

Сэй дѣлитъ имущество врача на двѣ части: одна состоитъ изъ капитала, пошедшаго на его обученіе, другую создаетъ его личный талантъ. Это дѣленіе справедливо, оно согласно съ природой вещей, оно пользуется

ЦАБ "Автотрасс"

всеобщимъ признаніемъ, оно главный козырь у тѣхъ, кто исходитъ изъ неравенства способностей. Я принимаю безпрекословно этотъ козырь; посмотримъ, къ чему онъ ведетъ.

1) Сэй ставитъ 40000 фр., составляющихъ издержки на обученіе врача, въ его *активъ*; но эти 40000 фр. должны быть отнесены на счетъ его *пассива*. Вѣдь эти издержки были сдѣланы на него, но не имъ; слѣдовательно, онъ не только не можетъ присвоить себѣ эти 40000 фр., а, напротивъ, долженъ вычесть ихъ изъ своего заработка и отдать ихъ тому, кому они принадлежатъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что Сэй говоритъ о *доходѣ*, вмѣсто того чтобъ говорить о *вознагражденіи*; онъ исходитъ изъ ложнаго принципа производительности капиталовъ. Итакъ, издержки на воспитаніе таланта составляютъ личный долгъ этого послѣдняго; уже одинъ фактъ существованія таланта дѣлаетъ его должникомъ въ размѣрѣ той суммы, которая понадобилась на производство его. Это такъ вѣрно, такъ далеко отъ всякихъ тонкостей, что, если въ любой семьѣ воспитаніе одного ребенка стоило вдвое или втрое больше, чѣмъ воспитаніе его братьевъ, послѣдніе имѣютъ право требовать себѣ соотвѣтственнаго вознагражденія изъ общаго наслѣдства, прежде чѣмъ приступятъ къ дѣлежу его. Это не встрѣчаетъ никакихъ трудностей, когда имущество несовершеннолѣтнихъ управляется опекуномъ.

2) Сказанное мною объ обязательствѣ таланта возвратить издержки своего обученія вовсе не приводитъ нашего политико-экономa въ замѣшательство: человѣкъ таланта, наслѣдуя свою семью, наслѣдуетъ также долгъ въ 40000 фр., тяготѣющій надъ нимъ, и становится такимъ образомъ собственникомъ его. Мы исходимъ изъ права таланта и приходимъ къ праву захвата; всѣ вопросы, поставленные нами во 2-ой главѣ, являются снова передъ нами: Что такое право захвата? Что такое наслѣдованіе? Есть-ли право наслѣдства право на накопленіе или нѣтъ? Отъ кого отецъ врача имѣлъ свое имущество? Былъ-ли онъ собственникомъ или только узуфруктoромъ? Если онъ былъ богатъ, то объясните мнѣ его богатство; если онъ былъ бѣденъ, то какъ онъ могъ сдѣлать такія значительныя издержки? Если онъ получалъ вспомоществованія, то какимъ образомъ эти вспомоществованія могутъ создать привиллегію въ пользу облагодѣтельствованнаго и противъ его благодѣтелей? и т. д.

3) „Остаются 26000 фр., какъ доходъ его личнаго таланта, даннаго ему природой“ (Сэй, sufr. cit.). Отсюда Сэй заключаетъ, что талантъ нашего врача равняется капиталу въ 260000 фр. Нашъ ловкій счетчикъ беретъ слѣдствіе за принципъ: талантъ нельзя оцѣнивать по его доходу; напротивъ, вознагражденіе должно быть установлено въ зависимости отъ таланта. Вѣдь можетъ случиться, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ нашъ врачъ не заработаетъ ни сантима: слѣдуетъ-ли заключить изъ этого, что талантъ или состояніе его равны нулю? А между тѣмъ къ такому, очевидно абсурдному, выводу ведетъ насъ аргументація Сэя.

Итакъ, оцѣнка таланта на деньги— вещь невозможная, такъ какъ талантъ и экю—величины несоизмѣримыя. Можете-ли вы привести какое-нибудь солидное основаніе въ доказательство того, что врачъ долженъ зарабатывать вдвое, втрое и во-стократъ больше мужика? Это безконечно трудная проблема, которую до сихъ поръ рѣшали только алчность, гнетъ и нужда. Право таланта должно быть опредѣлено не такимъ образомъ. Но какъ?

4) Прежде всего я утверждаю, что врачъ не можетъ очутиться въ менѣе благопріятномъ положеніи, нежели всякій другой производитель, онъ не можетъ остаться за предѣлами равенства. Я не стану даже доказывать этого. Но присовокупляю: онъ точно такъ-же не можетъ стать выше этого равенства, его талантъ есть коллективная собственность, ко-

ЦАБ "Автограф"

торой онъ вовсе не оплатилъ, онъ всегда остается должникомъ за него.

Точно такъ-же какъ появленіе каждаго новаго орудія производства есть продуктъ коллективной силы, талантъ и знанія отдѣльной личности являются продуктомъ общаго разумѣнія и науки, постепенно создаваемой множествомъ мыслителей съ помощью множества второстепенныхъ средствъ. Оплативши своихъ учителей, свои учебники, дипломы и прочія издержки, врачъ далеко не уплатилъ еще за свой талантъ, точно такъ-же какъ капиталистъ, уплативши заработную плату своимъ рабочимъ, нисколько не оплатилъ своего замка и территоріи. Человѣкъ таланта и самъ участвуетъ въ дѣлѣ созданія изъ него полезнаго орудія; онъ, стало быть, тоже—владѣлецъ послѣдняго; но не собственникъ. Въ немъ заодно имѣется свободный работникъ и накопленный общественный капиталъ; какъ работникъ, онъ распоряжается инструментомъ, машиной, которые въ данномъ случаѣ ничто иное, какъ его собственная способность; какъ капиталъ, онъ не принадлежитъ себѣ, онъ эксплуатируетъ себя не для себя, а для другихъ.

Скорѣе можно было-бы найти въ талантѣ мотивы не въ пользу повышенія, а, напротивъ, пониженія его вознагражденія сравнительно съ общей нормой, если-бы его превосходство не защищало его отъ упрека въ требуемыхъ имъ жертвахъ. Всякій производитель получаетъ воспитаніе, всякій работникъ есть талантъ, т. е. коллективная собственность, но созданіе этихъ талантовъ не всегда одинаково дорого. Чтобы сдѣлать кого нибудь земледѣльцемъ или ремесленникомъ, требуется немного учителей, немного лѣтъ, немного рутины; творческое усиліе и, если позволено будетъ такъ выразиться, продолжительность соціальной беременности пропорціональны высотѣ таланта. Но врачъ, поэтъ, артистъ, ученый производятъ мало и поздно, тогда какъ производительная дѣятельность земледѣльца менѣе случайна и не требуетъ цѣлаго ряда лѣтъ. Итакъ, каковы-бы ни были способности индивидуума,—какъ только онѣ стали фактомъ, онъ не принадлежитъ болѣе самому себѣ; мы можемъ провесть параллель между нимъ и сырымъ матеріаломъ, попавшимъ въ руки мастера: въ немъ жила возможность *стать* тѣмъ, что онъ есть, но сдѣлало его общество тѣмъ, что онъ *есть*. Можетъ-ли горшокъ сказать горшечнику: я то, что я есть, тебѣ я ничѣмъ не обязанъ.

Справедливое вознагражденіе артиста, ученаго, поэта заключается уже въ одномъ томъ, что общество разрѣшаетъ имъ предаться исключительно наукѣ и искусству; такимъ образомъ они работаютъ на самомъ дѣлѣ не для себя, а для общества, которое создало ихъ и освободило отъ всякой другой повинности. На крайній случай общество можетъ обойтись безъ прозы и безъ стиховъ, безъ музыки и живописи, безъ знакомства съ *движеніемъ луны и полярной звѣзды*; но оно ни одинъ день не можетъ обойтись безъ пищи и жилища.

Нѣтъ спору, человѣкъ живетъ не хлѣбомъ единымъ; по Евангелію, онъ долженъ жить также *словомъ Божьимъ*, т. е. любить и творить добро, познавать и восхищаться прекраснымъ, изучать чудеса природы. Но прежде чѣмъ культивировать свою душу, необходимо прокормить свое тѣло; эта вторая потребность сильна своей неизбѣжностью, первая—своимъ благородствомъ. Очаровывать и познавать людей—благодарная задача, но кормить ихъ тоже почетная обязанность. Итакъ, если общество, слѣдуя принципу раздѣленія труда, поручаетъ одному изъ своихъ членовъ задачу въ области искусства или науки и освобождаетъ его отъ обыкновеннаго труда, оно должно вознаградить его за всѣ тѣ продукты промышленности, которые оно помѣшало ему производить,—но вотъ и все. Если онъ потребуетъ больше, общество можетъ отказаться отъ его услугъ и такимъ образомъ свести его притязанія на нуль. Ему

ЦАБ "Анархо"

придется въ такомъ случаѣ добывать себѣ пропитаніе трудомъ, къ которому онъ не имѣетъ призванія; геній восчувствуетъ тутъ свою слабость, когда вынужденъ будетъ влачить самое жалкое существованіе.

Говорятъ, одна знаменитая пѣвица потребовала у россійской императрицы Екатерины II гонораръ въ 20000 рублей.—Я не плачу столько своимъ фельдмаршаламъ, замѣтила ей Екатерина II.—Въ такомъ случаѣ, отвѣтила пѣвица, пусть Ваше Величество велитъ пѣть своимъ фельдмаршаламъ.

Если-бъ Франція, которая богаче и сильнѣе Екатерины II, заявила Рашели: играйте за 100 луидоровъ или-же идите на кухню; или-же Дюпрэ: пойте за 2400 фр. или идите копать грядки—какъ вы думаете, читатель, оставятъ-ли Рашель и Дюпрэ послѣ этого сцену? Они первые раскаятся въ этомъ.

Рашель, говорятъ, получаетъ отъ Comédie-Française 60000 фр. въ годъ; для ея таланта это мало. Почему не 100,000, не 200,000 франковъ? Почему не вотировать ей liste civile? Какая мелочность! Торговаться съ такой артисткой, какъ Рашель!

Мнѣ скажутъ, интенданство не въ состояніи платить ей больше, не впадая въ дефицитъ, оно вполнѣ признаетъ огромный талантъ своей молодой пайщицы, но назначая ея гонораръ, необходимо было также принять во вниманіе доходы и расходы общества.

Все это правильно, но подтверждаетъ лишь сказанное мною: талантъ артиста можетъ быть безграниченъ, но его денежныя требованія необходимо должны быть ограничены; съ одной стороны, полезностью его продукта для оплачивающаго его общества, съ другой стороны—рессурсами послѣдняго; другими словами, требованіе продавца находитъ себѣ противовѣсъ въ правѣ покупателя.

Рашель, говорите вы, доставляетъ Théatre-Français болѣе, чѣмъ 60000 фр. дохода. Согласенъ; но оставимъ театръ въ сторонѣ; съ кого Théatre Français взимаетъ эти деньги?—Со зрителей, которые вольны поступать, какъ имъ заблагоразсудится.—Да, но свободны-ли тѣ рабочіе, съемщики квартиръ, арендаторы, заемщики, отъ которыхъ эти зрители получаютъ деньги, платимыя ими за спектакль? И если лучшая часть ихъ продукта потребляется безъ нихъ въ театрѣ, неужели, по вашему мнѣнію, семьи ихъ ни въ чемъ не нуждаются? Пока французскій народъ, по зрѣломъ размышленіи, не выскажется категорически, какой гонораръ онъ считаетъ возможнымъ назначить всѣмъ артистамъ, ученымъ и общественнымъ функціонерамъ, до тѣхъ поръ гонораръ, получаемый Рашелью и ея коллегами, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ принудительной контрибуціей, которая вырвана у народа силою, для того чтобы потворствовать тщеславію и разнузданности.

Мы не свободны, не достаточно просвѣщены — вотъ почему мы совершаемъ сдѣлки, въ которыхъ оказываемся въ дуракахъ, вотъ почему работникъ платитъ по векселямъ, которые престижъ власти и эгоизмъ таланта выставляютъ на имя зрителя-тунеядца, вотъ откуда этотъ вѣчный скандалъ чудовищныхъ неравенствъ, которыя поощряетъ. которымъ апплодируетъ наше общественное мнѣніе.

Вся нація, и только нація, платитъ своимъ писателямъ, ученымъ, артистамъ и функціонерамъ—въ этомъ отношеніи совершенно безразлично, черезъ чьи руки они получаютъ свой гонораръ. По какому масштабу она должна платить имъ? По масштабу равенства. Я доказалъ это на почвѣ оцѣнки таланта; слѣдующая глава, въ которой я доказываю невозможность всякаго общественнаго неравенства, подтвердитъ это.

Что доказало все наше предыдущее изложеніе? до смѣхотворности простыя вещи.

ЦАБ "Автограф"

Точно такъ же какъ путникъ не присваиваетъ себѣ въ собственность дорогу, по которой онъ идетъ, такъ земледѣлецъ не можетъ присваивать себѣ поля, которое онъ засѣваетъ;

Если тѣмъ не менѣе трудящійся eo ipso присваиваетъ себѣ въ собственность эксплуатируемый имъ матеріалъ, то это право должно быть признано за каждымъ работникомъ;

Всякій капиталъ, матеріальный и интеллектуальный, является общимъ дѣломъ и, слѣдовательно, составляетъ коллективную собственность;

Сильный не имѣетъ права препятствовать труду слабаго, шустрый не имѣетъ права пользоваться простотой другого;

Наконецъ, никого нельзя заставить купить то, къ чему у него нѣтъ охоты, а тѣмъ болѣе платить за то, чего онъ не покупалъ: мѣновая стоимость продукта не зависитъ ни отъ мнѣнія покупателя, ни отъ мнѣнія продавца и исключительно отъ того, сколько на него потрачено времени и издержекъ; такимъ образомъ собственность каждаго всегда остается одинаковой.

Не правда-ли, это очень прѣсныя истины? Но я вамъ преподнесу другія, читатель, которыя еще превзойдутъ эти въ своей прѣсности. Нашъ методъ прямая противоположность методу геометріи: послѣдняя переходитъ отъ простыхъ проблемъ къ болѣе труднымъ; мы же, напротивъ, начали съ самыхъ невозможныхъ положеній, а кончимъ аксіомами.

Однако, прежде чѣмъ закончить эту главу, я долженъ изложить еще одну изъ этихъ изъ ряду вонъ выходящихъ истинъ, до которой не додумались до сихъ поръ ни юристы, ни экономисты.

§ 8. Въ справедливомъ строѣ трудъ уничтожаетъ собственность.

Это положеніе—выводъ изъ обоихъ предыдущихъ параграфовъ; поэтому сначала мы резюмируемъ ихъ.

Изолированный человѣкъ въ состояніи удовлетворить лишь очень незначительную часть своихъ потребностей, вся сила его въ обществѣ и въ разумной комбинаціи общихъ усилій. Раздѣленіе труда и сотрудничество увеличиваютъ количество и разнообразіе продуктовъ; спеціализація труда повышаетъ качество предметовъ потребленія.

Итакъ каждый человѣкъ живетъ работой тысячъ различныхъ работниковъ; каждый работникъ получаетъ свое потребленіе, а съ нимъ вмѣстѣ и средства воспроизводства исключительно отъ общества. Дѣйствительно, кто рѣшится сказать: Я самъ произвожу то, что потребляю, и не имѣю ни въ комъ надобности? Земледѣлецъ, котораго политико-экономы прежняго времени считали единственнымъ дѣйствительнымъ продуцентомъ; земледѣлецъ, который нуждается въ жилищѣ, обстановкѣ, одеждѣ и пищѣ; земледѣлецъ, который пользуется помощью плотника, столяра, портного, булочника, мясника, лавочника, кузнеца и т. д.— неужели этотъ земледѣлецъ можетъ гордиться тѣмъ, что производитъ все самъ?

То, что вы потребляете, вы получаете отъ всѣхъ членовъ общества, по той-же причинѣ производство одного предполагаетъ производство всѣхъ. Одинъ продуктъ невозможенъ безъ другихъ продуктовъ; изолированная отрасль промышленности вещь невозможности. Какую жатву собралъ-бы съ своей нивы земледѣлецъ. если-бъ другіе не производили для него плуговъ, возовъ, овина, одежды и т. п. Что сдѣлалъ-бы ученый, не будь книгопродавцевъ, что дѣлалъ-бы типографщикъ безъ литейщика и механика, эти, въ свою очередь, безъ множества другихъ работниковъ? Этотъ перечень легко вести дальше, но мы не дѣлаемъ этого—иначе

ЦАБ "Автограф"

насъ могутъ упрекнуть, что мы впадаемъ въ общія мѣста. Всѣ отрасли производства находятся между собой во взаимодѣйствіи и образуютъ одно цѣлое, всѣ онѣ заодно служатъ другъ другу цѣлью и средствомъ всѣ различія таланта представляютъ собой лишь серію метаморфозъ отъ низшаго къ высшему.

Итакъ въ каждомъ продуктѣ участвуютъ всѣ отрасли производства—это фактъ неоспоримый и не встрѣтившій до сихъ поръ возраженія—отсюда слѣдуетъ, что всѣ отрасли производства являются общимъ дѣломъ, такъ что каждый продуктъ, выходящій изъ рукъ производителя, оказывается съ самаго начала отягощеннымъ общественной гипотекой. Самъ производитель имѣетъ право только на часть продукта; числитель этой дроби равенъ единицѣ, знаменатель—числу членовъ общества. Правда, что зато производитель имѣетъ право на всѣ продукты другого рода—такимъ образомъ онъ имѣетъ гипотеку на продукты всѣхъ другихъ, точно такъ-же какъ они имѣютъ и на его продуктъ. Но вѣдь ясно, что эти взаимныя гипотеки не только не допускаютъ собственности, а напротивъ, уничтожаютъ ее со владѣніемъ включительно. Работникъ не является даже владѣльцемъ своего продукта, не успѣетъ онъ закончить его, какъ общество уже требуетъ его.

Но—скажутъ мнѣ—пусть такъ, пусть продуктъ и не принадлежитъ производителю; однако общество даетъ каждому работнику эквивалентъ его продукта—этотъ эквивалентъ, эта заработная плата, это вознагражденіе, это жалованіе и становится его собственностью. Вѣдь не станете вы отрицать, что эта собственность, наконецъ, вполнѣ законна? А если работникъ не потребляетъ цѣликомъ этого эквивалента и дѣлаетъ сбереженія, кто посмѣетъ оспаривать ихъ у него?

Работникъ не имѣетъ права собственности даже на цѣну своего труда; онъ не можетъ безусловно распоряжаться ею. Не дадимъ себя въ обманъ фикціи справедливости: то, что полагается работнику въ обмѣнъ за его продукты, сдается ему не какъ вознагражденіе за сдѣланную работу, а какъ авансъ и средство для будущей работы. Мы потребляемъ прежде, чѣмъ производимъ; на исходѣ дня работникъ можетъ сказать: я отработалъ свои вчерашнія издержки, завтра я отработаю сегодняшній расходъ. Въ каждый моментъ его жизни на его текущемъ счету имѣются авансы со стороны общества; онъ умираетъ, не покрывши ихъ, онъ не могъ покрыть ихъ—какъ-же ему въ такомъ случаѣ еще сберечь деньгу?

Вы говорите о сбереженіяхъ: это стиль собственника. При господствѣ равенства невозможны сбереженія, не имѣющія цѣлью дальнѣйшее производство или непосредственное пользованіе. Почему? потому что, разъ это сбереженіе не можетъ быть капитализировано, оно становится безцѣльнымъ, не имѣетъ никакой causa finalis. Это станетъ яснѣе читателю въ слѣдующей главѣ.

Подведемъ итоги:

Работникъ есть должникъ общества, онъ умираетъ несостоятельнымъ должникомъ общества. Собственникъ есть вѣроломный держатель вклада; онъ съ одной стороны отрицаетъ, что получилъ на храненіе вкладъ, съ другой стороны требуетъ уплаты за дни, мѣсяцы и годы своего храненія.

Быть-можетъ, изложенные нами принципы покажутся слишкомъ метафизическими нѣкоторымъ читателямъ. Поэтому мы приведемъ ихъ еще разъ въ болѣе конкретной формѣ, доступной для самихъ узкихъ головъ, и чреватой въ высшей степени интересными послѣдствіями.

До сихъ поръ я разсматривалъ собственность, какъ возможность *исключить* другихъ; разсмотримъ ее теперь, какъ возможность *обирать другихъ*.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Собственность невозможна.

Послѣдній резонъ собственниковъ, сокрушительный аргументъ, успокаивающій ихъ своей безусловной непреложностью,—это то, что равенство условій невозможно. Равенство—химера, восклицаютъ они тономъ, не допускающимъ возраженія; подѣлите сегодня имущества на равныя части, завтра-же это равенство исчезнетъ.

Къ этому банальному доводу, который они съ невѣроятной заносчивостью тычатъ намъ на каждомъ шагу, они никогда не преминутъ прибавить слѣдующій комментарій, такъ сказать, въ родѣ Gloria Patri: Если-бы всѣ люди были равны, никто не захотѣлъ-бы работать.

Это поется на различные лады:

Если-бы всѣ были господами, никто не захотѣлъ-бы повиноваться.

Если не будетъ больше богатыхъ, кто будетъ давать работу бѣднымъ?...

А если не будетъ бѣдныхъ, кто станетъ работать на богатыхъ?...

Однако, нечего считаться. Лучше отвѣтимъ на нашъ вопросъ.

Если я докажу, что, напротивъ, собственность невозможна; что собственность есть противорѣчіе, химера, утопія; если я докажу это уже не на основаніи метафизическихъ и юридическихъ соображеній, а съ помощью цифръ, уравненій и вычисленій—каковъ будетъ тогда испугъ и изумленіе собственника! Какъ полагаете вы, читатель?

Числа управляютъ міромъ, mundum regunt numeri: это такъ-же вѣрно для міра морали и политики, какъ и для міра звѣздъ и молекулъ. Элементы права тѣ-же, что элементы алгебры; законодательство и управленіе ничто иное, какъ искусство классифицированія и приведенія въ равновѣсіе различныхъ силъ; вся юриспруденція заключается въ правилахъ ариѳметики. Эта и слѣдующая глава послужатъ фундаментомъ для нашей невѣроятной доктрины. Онѣ откроютъ читателю новые, необозримые горизонты; мы найдемъ въ численныхъ отношеніяхъ синтезъ философіи и наукъ, и, полные восторга и удивленія передъ этой глубокой и величественной простотой природы, воскликнемъ вмѣстѣ съ Апостоломъ: „Да, Предвѣчный все сдѣлалъ съ помощью числа, вѣса и мѣры“. Мы поймемъ, что равенство условій не только возможно, но что только оно и возможно: кажущаяся невозможность равенства объясняется тѣмъ, что мы предполагаемъ его или при режимѣ собственности, или при режимѣ коммунизма—обѣ эти политическія формы одинаково противоположны природѣ человѣка. Наконецъ, мы увидимъ, что это равенство осуществляется съ каждымъ днемъ безъ нашего вѣдома, осуществляется въ то самое время, какъ мы толкуемъ о его неосуществимости; что близокъ моментъ, когда оно окажется повсюду осуществленнымъ нами, хотя мы не искали и даже не желали его; что въ равенствѣ, съ равенствомъ и на равенствѣ долженъ сказаться естественный и правдивый политическій строй.

Кто-то сказалъ, что, если-бы люди заинтересованы были въ отрицаніи ариѳметическихъ истинъ, они такъ или иначе нашли-бы средство подвергнуть ихъ сомнѣнію; въ такой степени они ослѣплены и порабощены своими страстями. Вамъ представляется здѣсь случай сдѣлать этотъ курьезный экспериментъ. Я буду теперь нападать на собственность не съ помощью ея собственныхъ афоризмовъ, а на почвѣ цифръ и счета. Держите ухо востро, господа собственники, вы должны провѣрить мои вычисленія: если, къ несчастью для васъ, они окажутся правильными, дѣло ваше потеряно.

ЦАБ "Авт...раф"

Доказывая невозможность собственности, я окончательно докажу несправедливость ея. Въ самомъ дѣлѣ.

Справедливое тѣмъ паче *полезно;*
Полезное тѣмъ паче *вѣрно;*
Вѣрное тѣмъ паче *возможно.*

Слѣдовательно, все, что выходитъ изъ предѣловъ возможности, eo ipso не можетъ быть ни истиннымъ, ни полезнымъ, ни справедливымъ. мы можемъ a priori судить о справедливости факта по возможности его; если онъ абсолютно невозможенъ, стало-быть, онъ абсолютно несправедливъ.

Собственность физически и математически невозможна.

Доказательство.

Аксіома: Собственность есть право на доходъ (aubaine), который собственникъ присваиваетъ себѣ съ вещи, закрѣпленной за нимъ?

Это положеніе—настоящая аксіома. Ибо:

1) Оно не есть опредѣленіе, не излагаетъ содержанія права собственности: права продавать, обмѣнивать, дарить предметъ; права преобразовывать его, измѣнять, потреблять, разрушать, употреблять и злоупотреблять и пр. Всѣ эти права—слѣдствія собственности, которыя можно разсматривать каждое отдѣльно; но мы не будемъ здѣсь дѣлать этого и займемся исключительно собственностью, какъ правомъ господина на свою вещь, на доходъ съ нея.

2) Это положеніе пользуется всеобщимъ принятіемъ; кто отрицаетъ его, тотъ отрицаетъ факты, тотъ немедленно опровергается повседневной дѣйствительностью.

3) Это положеніе обладаетъ непосредственной очевидностью, потому что формулируемый имъ фактъ всегда сопровождаетъ собственность, въ дѣйствительности или возможности, въ этомъ фактѣ обыкновенно проявляется и сказывается собственность.

4) Наконецъ, отрицаніе его ведетъ къ противорѣчію: право господина въ такой степени присуще собственности, такъ тѣсно связано съ ней, что тамъ, гдѣ его нѣтъ, собственность сводится къ нулю.

Примѣчанія. Это право господина на доходъ съ своей вещи носитъ различныя имена, смотря по тому, что доставляетъ этотъ доходъ: *аренда* участковъ, *сдача въ наемъ* домовъ и мебели, *рента* съ безсрочныхъ фондовъ, *процентъ* съ денегъ, *прибыль*, *выгода, доходъ* съ обмѣна (три вещи, которыя не слѣдуетъ смѣшивать съ заработной платой или легитимной цѣной труда).

Доходъ этотъ, l'aubaine, есть родъ регаліи, приношеніе натурой—онъ полагается собственнику въ силу его номинальнаго и метафизическаго захвата; печать его положена на вещь, и этого достаточно, чтобы никто не могъ занять послѣдней безъ *его* разрѣшенія.

Собственникъ можетъ дать это разрѣшеніе безвозмездно; обыкновенно онъ продаетъ его. Фактически эта продажа—подлогъ и вымогательство; но благодаря фикціи закона, эта продажа почему-то (строго наказуемая въ иныхъ случаяхъ) въ другихъ случаяхъ становится для собственника источникомъ прибыли и почета.

ЦАБ "Автограф"

Благодарность, которую требуетъ себѣ собственникъ за предоставленіе его права, выражается въ денежныхъ знакахъ или въ дивидендѣ натурой, части ожидаемаго продукта. Такъ что, благодаря праву на доходъ съ своей вещи, собственникъ пожинаетъ не сѣявши, не производитъ и потребляетъ, не работаетъ и наслаждается. Боги собственности очень отличается отъ кумировъ Псалмиста: послѣдніе имѣли руки, но не дотрагивались ни до чего, эти-же наоборотъ *manus habent et palpabunt.*

Въ этомъ правѣ господина на его вещь все сверхъестественно и таинственно. Страшныя церемоніи сопровождаютъ инвеституру собственника, точно такъ-же какъ нѣкогда постриженіе въ монахи. Это прежде всего *освященіе* его вещи, освященіе, посредствомъ котораго всенародно заявляется, что они должны уплачивать собственнику полагающуюся мзду, каждый разъ когда захотятъ, на основаніи полученнаго отъ него разрѣшенія, пользоваться его вещью.

Во вторыхъ, это *анаѳема*, которая запрещаетъ дотрагиваться до вещи собственника (за исключеніемъ вышеприведеннаго случая), даже въ отсутствіи послѣдняго, и объявляетъ всякаго посягающаго на собственность святотатцемъ, безчестнымъ преступникомъ, заслужившимъ быть преданнымъ въ руки свѣтской власти.

Въ-третьихъ, это актъ *посвященія*: собственникъ или святой—патронъ, Богъ—покровитель мысленно обитаетъ въ предметѣ собственности, какъ божество въ своемъ святилищѣ. Благодаря этому акту, субстанція предмета, такъ сказать, стала плотью и кровью собственника, который отнынѣ живетъ въ своей вещи, во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ.

Это точная передача доктрины юристовъ. „Собственность—говоритъ Туллье—есть *моральное качество*, присущее предмету, *реальныя узы*, связывающія предметъ съ его собственникомъ и нерасторжимыя безъ него". Локкъ почтительно сомнѣвался въ томъ, что Богъ не въ состояніи сдѣлать матерію *мыслящей*; Туллье утверждаетъ, что собственникъ дѣлаетъ ее *нравственной*. Что-жъ еще не достаетъ, чтобъ объявить собственника богомъ? Во всякомъ случаѣ, не поклоненія.

Собственность есть право на доходъ съ вещи, т. е. возможность производить не работая; а производить не работая значитъ дѣлать нѣчто изъ ничего, однимъ словомъ, творить—это во всякомъ случаѣ не труднѣе, чѣмъ дѣлать матерію нравственной. Юристы, стало-быть, вправѣ примѣнять къ собственникамъ слѣдующія слова священнаго писанія: „Ego dixi: Dii estis et filii Excelsi omnes" (говорю вамъ: вы всѣ боги и сыновья Всевышняго).

Собственность есть право на доходъ съ вещи: эта аксіома будетъ для насъ то-же самое, что имя апокалипсическаго звѣря, имя, въ которомъ заключается вся тайна этого звѣря. Какъ извѣстно, кто проникнетъ въ тайну этого имени, тотъ получитъ даръ провидѣнія и побѣдитъ звѣря. Вѣрно: основательное толкованіе этой аксіомы поможетъ намъ убить сфинксъ собственности. И исходя изъ этого чрезвычайно характернаго *права на доходъ съ вещи*, мы прослѣдимъ эту старую змѣю во всѣхъ ея изгибахъ, сосчитаемъ всѣ смертоносныя кольца этого чудовища-дракона, голова котораго съ ея тысячью щупалецъ и хоботковъ до сихъ поръ всегда ускользала отъ меча самыхъ отважныхъ враговъ, оставляя имъ огромные куски своего трупа. Чтобы побѣдить чудовище, нужна была не смѣлость, а нѣчто другое: ему ужъ было такъ на роду написано, что оно издохнетъ не прежде, чѣмъ явится вооруженный волшебнымъ жезломъ пролетарій.

Добавленія. 1) *Количество дохода пропорціонально предмету собственности.* Каковъ бы ни былъ уровень процентовъ, 3,5 или 10 со ста, понизится-ли онъ до $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_{10}$—безразлично, законъ роста остается одинъ и тотъ-же. Вотъ этотъ законъ:

ЦАБ "Автограф"

Каждый капиталъ, оцѣненный на деньги, можетъ быть разсматриваемъ, какъ членъ ариѳметической прогрессіи, имѣющей показателемъ 100; доходъ съ этого капитала будетъ соотвѣтствующимъ членомъ другой ариѳметической прогрессіи, корень которой есть уровень процентовъ. Такъ, капиталъ въ 500 фр. будетъ пятымъ членомъ первой ариѳметической прогрессіи, доходъ съ него, считая по 3%, далъ намъ въ пятомъ членѣ другой прогрессіи:

100.	200.	300.	400.	500.
3.	6.	9.	12.	15.

Знакомство съ этимъ видомъ *логариѳмовъ*, которые вычислены до очень высокихъ степеней у собственниковъ въ ихъ таблицахъ, дастъ намъ ключъ къ самымъ замѣчательнымъ загадкамъ и поведетъ насъ отъ одного сюрприза къ другому.

Согласно этой *логариѳмической* теоріи права господина на доходъ съ своей вещи (droit d'aubaine), можно опредѣлить собственность и доходъ съ нея, какъ *число, логариѳмъ котораго равняется суммѣ его единицъ, дѣленной на сто и помноженной на уровень процентовъ*. Напримѣръ, домъ, оцѣненный въ 100000 фр. и отданный внаемъ по 5%, приноситъ 5000 фр. дохода, по формулѣ $\frac{100000 \times 5}{100} = 5000$. Съ другой стороны, земля, приносящая 3000 фр. дохода по $2^1/_2$%, стоитъ 120000 фр., по формулѣ:

$$\frac{3000 \times 100}{2^1/_2} = 120000.$$

Въ первомъ случаѣ прогрессія, выражающая ростъ процентовъ, имѣетъ показателемъ 5, во второмъ—$2^1/_2$.

Замѣчаніе.—Доходъ, извѣстный подъ именемъ аренды, ренты, процента, платится ежегодно, наемная плата считается по недѣлямъ, мѣсяцамъ, годамъ; прибыль и валюта покупается ежегодно каждый разъ при совершеніи обмѣна. Такъ-что доходъ зависитъ заодно отъ времени и отъ вещи: лихва растетъ, какъ ракъ, foenus serpit sicut cancer.

2) *Доходъ, уплачиваемый собственнику держателемъ вещи, прямая потеря для послѣдняго.* Ибо, если собственникъ долженъ былъ-бы давать взамѣнъ этого что-либо еще кромѣ разрѣшенія пользоваться его вещью, его право собственности не было-бы совершенно, онъ не владѣлъ-бы jure optimo jure perfecto, т. е. не былъ-бы настоящимъ собственникомъ. Итакъ все, что переходитъ изъ рукъ держателя въ руки собственника по праву хозяина и въ качествѣ уплаты за разрѣшеніе пользоваться вещью,—все это безвозвратно пріобрѣтается послѣднимъ и, пропадаетъ, потеряно для перваго; держатель можетъ получить обратно что-нибудь изъ этого дохода лишь въ видѣ подарка, милостыни, заработной платы или цѣны за доставленные имъ товары. Однимъ словомъ, доходъ хозяина пропадаетъ для заемщика; или, какъ энергически сказалъ-бы римлянинъ, res perit solventi.

3) *Право на доходъ имѣетъ мѣсто и относительно самого собственника, точно такъ-же какъ къ чужимъ лицамъ.* Хозяинъ вещи различаетъ въ себѣ владѣльца и собственника и взимаетъ съ себя за пользованіе своей собственностью таксу, равную той, которую онъ могъ-бы получить отъ другого лица; такъ-что капиталъ приноситъ проценты самому-же капиталисту, точно такъ-же какъ заемщику и коммандитисту. Дѣйствительно, если вмѣсто того, чтобы получать 500 фр. за отдачу внаемъ моего дома, я предпочитаю самъ поселиться въ немъ и пользо-

ЦАБ "Автограф"

ваться имъ,—ясно, что я оказываюсь своимъ собственнымъ должникомъ на сумму, равную той, отъ которой я отказался; этотъ принципъ въ полномъ ходу въ торговлѣ, а политико-экономы считаютъ его аксіомой. Поэтому капиталисты, которые къ тому-же сами являются собственниками своего оборотнаго капитала, высчитываютъ свою прибыль, хотя и не платятъ никому процентовъ, по тому, что имъ остается за вычетомъ ихъ жалованья, ихъ содержанія и процентовъ съ ихъ капитала. По той-же причинѣ лица, ссужающія деньги, оставляютъ у себя какъ можно меньше денегъ; всякій капиталъ необходимо приноситъ проценты, поэтому, разъ никто не платитъ этихъ процентовъ, они учитываются съ капитала, который такимъ образомъ оказывается урѣзаннымъ. Слѣдовательно, благодаря праву на доходъ, капиталъ самъ себя урѣзываетъ; несомнѣнно, это имѣлъ въ виду Паниньанъ въ своей изящной и энергичной формулѣ: *Foenus mordet solidum*. Прошу извиненія передъ читателемъ, что я такъ часто прибѣгаю здѣсь къ латыни: это дань, которую я отдаю самому ростовщическому изъ всѣхъ народовъ.

Первый тезисъ.

Собственность невозможна, потому что она требуетъ нѣчто отъ ничего.

Разборъ этого положенія сводится къ вопросу о происхожденіи арендной платы (fermage) *), вызвавшему столько споровъ среди политико-экономовъ. Когда я читаю то, что писало большинство изъ нихъ, я не могу подавить въ себѣ чувство презрѣнія и гнѣва при видѣ всей этой кучи глупостей, въ которыхъ не знаешь, чего больше: мерзости или абсурдовъ. Это похоже было-бы на исторію со слономъ на лунѣ, если-бы не жестокія послѣдствія! Искать разумнаго и легитимнаго происхожденія того, что есть и можетъ быть только воровствомъ, вымогательствомъ и грабежомъ, — это должно было быть вѣнцомъ въ маніи собственниковъ, апогеемъ одержимости, до котораго въ состояніи была довести умы, въ другихъ отношеніяхъ просвѣщенные, извращенность эгоизма.

„Земледѣлецъ, говоритъ Сэй, есть фабрикантъ хлѣба, который въ числѣ другихъ орудій, служащихъ ему для обработки его сырого матеріала, употребляетъ большой инструментъ, названный нами полемъ. Если онъ не собственникъ, а лишь арендаторъ этого поля, онъ платитъ собственнику за производительное пользованіе этимъ орудіемъ. Арендаторъ вознаграждаетъ себя на покупателѣ, этотъ, въ свою очередь, на другомъ, пока продуктъ не доходитъ до потребителя; потребитель возмѣщаетъ первый авансъ плюсъ всѣ тѣ, которые дали возможность продукту очутиться въ его рукахъ".

Оставимъ въ сторонѣ всѣ послѣдующіе авансы, съ помощью которыхъ продуктъ доходитъ до потребителя, займемся теперь исключительно первоначальнымъ авансомъ, рентой, которую фермеръ платитъ собственнику. Спрашивается, на какомъ основаніи собственникъ взимаетъ эту ренту (rente).

Согласно Рикардо, Макъ-Куллоху и Миллю, рента (fermage) въ узкомъ смыслѣ есть ничто иное, какъ *излишекъ продукта самой плодородной почвы надъ продуктомъ менѣе плодородныхъ участковъ*; такъ что рента съ плодородныхъ участковъ уплачивается выше съ того момента, когда ростъ населенія заставляетъ перейти къ обработкѣ менѣе плодородныхъ участковъ.

*) Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ употребляетъ терминъ рента (rente). *Прим. перев.*

ЦАБ "Автограф"

Трудно найти здѣсь какой-либо смыслъ. Какимъ образомъ изъ различнаго достоинства почвы можетъ вытекать право на почву? Какимъ образомъ различные сорта humus'a могутъ родить принципъ законодательства и политики? Эта метафизика такъ тонка или такъ непроницаема для мѣня, что я прихожу въ тѣмъ большее недоумѣніе, чѣмъ больше думаю о ней.—Пусть территорія А въ состояніи прокормить 10.000 обитателей, территорія Б—только 9000; пусть обѣ онѣ занимаютъ одинаковое пространство; когда ростъ населенія на территоріи А заставитъ его перейти къ воздѣлыванію территоріи Б, поземельные собственники на первой территоріи будутъ взимать съ ея фермеровъ ренту, разсчитанную въ пропорціи 10 : 9. Это, думается мнѣ, хотятъ сказать Рикардо, Макъ-Кулохъ и Милль. Но если территорія А кормитъ столько жителей, сколько могутъ жить на ней, т. е. если жители территоріи А, при данной численности ихъ, имѣютъ какъ разъ только необходимое для жизни, то изъ какихъ средствъ они будутъ платить ренту?

Если бы рѣчь шла лишь о томъ, что различіе въ качествахъ почвы было *толчкомъ*, *поводомъ*, но не *причиной* ренты, мы извлекли-бы изъ этого простого замѣчанія очень цѣнный выводъ, что рента основана была на стремленіи къ равенству. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ люди имѣютъ равное право на владѣніе хорошими землями, никто не можетъ быть вынужденъ, безъ соотвѣтственнаго вознагражденія, воздѣлывать плохія земли. Въ этомъ смыслѣ рента была-бы, по Рикардо, Макъ-Кулоху и Миллю, вознагражденіемъ, имѣющимъ цѣлью уравновѣсить прибыль и труды. Надо сознаться, что эта система осуществленія равенства оставляетъ желать многаго; но во всякомъ случаѣ она вытекаетъ изъ добрыхъ намѣреній. Интересно, какіе выводы могли-бы сдѣлать изъ нея Рикардо, Макъ-Кулохъ и Милль въ пользу собственности? Ихъ теорія побиваетъ ихъ же самихъ.

По мнѣнію Мальтуса, источникъ ренты заключается въ томъ, что земля даетъ больше, чѣмъ нужно для прокормленія ея воздѣлывателей. Я спросилъ-бы Мальтуса, почему успѣшность труда должна создавать въ пользу лѣнтяевъ право на участіе въ продуктѣ?

Но мистеръ Мальтусъ ошибается въ формулировкѣ того факта, о которомъ онъ говоритъ. Да, земля можетъ дать больше, чѣмъ нужно для прокормленія воздѣлывающихъ ее, если понимать подъ *воздѣлывателями* только фермеровъ (съемщиковъ, арендаторовъ). Портной тоже шьетъ больше платьевъ, чѣмъ нужно было-бы для его собственнаго потребленія, столяръ изготовляетъ больше мебели, чѣмъ нужно ему лично. Но различныя ремесла предполагаютъ и поддерживаютъ другъ друга, отсюда слѣдуетъ, что *воздѣлывателями земли* должны быть названы не только земледѣлецъ, но всѣ категоріи ремесленниковъ и художниковъ, вплоть до врача и профессора. Мальтусовскій принципъ ренты есть принципъ торговли; основной законъ послѣдней заключается въ эквивалентности обмѣниваемыхъ продуктовъ, все, что нарушаетъ эту эквивалентность, нарушаетъ законъ. Это ошибка въ оцѣнкѣ, ее надо намъ исправить.

Бьюкананъ, комментаторъ Смита, видѣлъ въ рентѣ только результатъ монополіи и считалъ производительнымъ исключительно трудъ. Сообразно съ этимъ онъ полагаетъ, что безъ этой монополіи продукты были-бы дешевле; источникомъ ренты являлось для него только гражданское законодательство. Этотъ взглядъ стоитъ на одной ступени съ тѣмъ, который видитъ источникъ собственности въ законодательствѣ. Но отчего законодательство, которое должно воплощать собой разумъ, санкціонировало эту монополію? Кто говоритъ монополія, тотъ необходимо исключаетъ всякую справедливость; сказать, что рента есть монополія, освященная закономъ, все равно, что сказать: несправедливость основана на справедливости—явное противорѣчіе.

ЦАБ "Автограф"

Сэй отвѣчаетъ Бьюканану, что собственникъ вовсе не монополистъ, такъ какъ монополистъ „не повышаетъ степени полезности товара".

Но развѣ собственникъ повышаетъ полезность продуктовъ, производимыхъ арендаторомъ его участка? Развѣ онъ пахалъ, сѣялъ, жалъ, молотилъ, мололъ, пололъ? Вотъ тѣ операціи, съ помощью которыхъ фермеръ и его помощники повышаютъ полезность предметовъ, которые они потребляютъ, для того чтобы быть въ состояніи снова производить ихъ.

„Поземельный собственникъ повышаетъ полезность товаровъ съ помощью своего орудія, которымъ является земля. Это орудіе получаетъ матеріалъ, изъ котораго образуется хлѣбъ, въ одномъ видѣ и возвращаетъ его въ дргомъ. Дѣйствіе земли есть химическій процессъ, который, разрушая матеріалъ, въ то-же время умножаетъ его. Такимъ образомъ каждый участокъ производитъ полезное; и если онъ (участокъ?) заставляетъ платить за это собственнику прибыль или ренту, то онъ даетъ потребителю нѣчто взамѣнъ послѣднихъ. Онъ даетъ ему произведенную имъ полезность; именно потому, что земля производитъ эту полезность, она оказывается такой-же производительной, какъ трудъ".

Пояснимъ все это.

Кузнецъ, изготовляющій для земледѣльца земледѣльческія орудія, производитель, доставляющій ему его повозку, плотникъ, строющій ему овинъ, каменьщикъ, токарь и прочія лица, изготовляющія орудія для земледѣльческаго производства и такимъ образомъ являющіяся участниками послѣдняго, — всѣ они производители полезностей; это даетъ имъ право на часть продукта.

„Безъ спора, говоритъ Сэй; но земля—тоже орудіе, услуги котораго должны быть оплачены; слѣдовательно"...

Согласенъ съ тѣмъ, что земля есть орудіе; но кто употребляетъ его? Собственникъ? Быть-можетъ, это онъ сообщаетъ почвѣ ея силу и плодородіе съ помощью активныхъ свойствъ своего права собственности, того *нравственнаго достоинства,* которое это право придаетъ почвѣ? Монополія собственника состоитъ въ томъ, что онъ взимаетъ плату за пользованіе землей, хотя онъ не произвелъ самъ этого орудія. Пусть явится передъ ними Творецъ и потребуетъ для себя ренту, мы будемъ считаться съ нимъ; или-же пусть собственникъ, его мнимый уполномоченный, предъявитъ намъ свои полномочія.

„Служба собственника, прибавляетъ Сэй, удобна для него; въ этомъ нельзя не признаться".

Наивное признаніе.

„Но мы не можемъ обойтись безъ него. Не будь собственности, земледѣльцы дрались-бы другъ съ другомъ изъ за поля, не имѣющаго собственника, и оно такъ-бы и осталось невоздѣланнымъ"...

Итакъ роль собственника заключается въ томъ, что онъ примиряетъ между собой земледѣльцевъ, обирая ихъ... Какой разумъ! Какая справедливость! Какая удивительная наука! Если послушать нашихъ политико-экономовъ, собственникъ—это новый Perrin-Daudin, который рѣшаетъ споръ двухъ путешественниковъ изъ-за устрицы тѣмъ, что раскрываетъ ее, высасываетъ содержимое и отдаетъ ее имъ словами:

Судъ присуждаетъ каждому изъ васъ по одной скорлупѣ.

Можно-ли сказать нѣчто худшее по адресу собственности?

Не объяснитъ-ли намъ Сэй, почему земледѣльцы, которые, не будь собственниковъ, подрались-бы между собой изъ-за владѣнія землей, не дерутся теперь съ собственниками изъ-за этого самаго владѣнія землей? Очевидно, потому, что они считаютъ послѣднихъ законными владѣльцами; потому, что уваженіе передъ мнимымъ правомъ беретъ въ нихъ верхъ надъ алчностью. Во второй главѣ я доказалъ, что для под-

ЦАБ: Автограф

держанія общественнаго порядка достаточно одного владѣнія безъ собственности; неужели труднѣе согласить между собою владѣльцевъ безъ хозяевъ, нежели фермеровъ, зависящихъ отъ собственниковъ? Неужели люди труда, подчиняюшіеся во вредъ себѣ мнимому праву тунеядцевъ, станутъ нарушать естественное право производителя и промышленника? Какъ! Если объявить, что колонъ теряетъ свои права на землю съ того момента, какъ перестаетъ занимать ее, это должно сдѣлать его болѣе жаднымъ? Невозможность налагать контрибуцію на трудъ другого будетъ источникомъ ссоръ и тяжбъ? Логика политико-экономовъ единственная въ своемъ родѣ. Но мы еще не пришли къ концу. Допустимъ, что собственникъ законный хозяинъ земли.

„Земля есть орудіе производства", говорятъ они; это вѣрно. Но превращая существительное въ прилагательное, заявляя, что „земля есть производительное орудіе", они совершаютъ непростительную ошибку.

Согласно Кенэ и старой школѣ въ политической экономіи, всякое производство имѣетъ источникомъ землю; Смитъ, Рикардо, де-Траси, напротивъ, видятъ источникъ производства въ трудѣ. Сэй и большинство слѣдовавшихъ за нимъ политико-экономовъ, учатъ, что производительны *и* земля, *и* трудъ, *и* капиталы. Это экономическій эклектизмъ. На самомъ-же дѣлѣ *ни* земля, *ни* трудъ, *ни* капиталы не производительны; производство построено на всѣхъ этихъ трехъ одинаково необходимыхъ, элементахъ, но безплодныхъ, если брать ихъ каждый въ отдѣльности.

Политическая экономія трактуетъ о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ или стоимостей; но какихъ стоимостей? стоимостей, созданныхъ промышленной дѣятельностью человѣка, т. е. преобразованій, которымъ человѣкъ подвергаетъ матеріалъ, для того чтобы сдѣлать его пригоднымъ для своего пользованія, а вовсе не самостоятельныхъ продуктовъ природы. Если трудъ человѣка сводится только къ тому, чтобы протянуть руку и взять себѣ тотъ или иной предметъ, онъ не производитъ никакой стоимости; на этой стадіи морская соль, ключевая вода, полевыя травы, деревья въ лѣсу словно не существуютъ для него. Море, безъ рыбака и его сѣтей, не даетъ намъ рыбъ; лѣсъ, безъ дровосѣка и его топора, не даетъ намъ ни топлива, ни строительнаго матеріала; лугъ безъ жнеца не даетъ намъ сѣна. Природа есть какъ-бы обширное поле для эксплуатаціи и производства; но она производитъ только для себя; въ экономическомъ смыслѣ ея продукты не являются еще продуктами для человѣка.

Капиталы, орудія и машины одинаково непроизводительны. Молотъ и наковальня не куютъ безъ кузнеца и желѣза; мельница не мелетъ безъ мельника и зерна и т. д. Положите рядомъ орудія и сырье; бросьте плугъ и сѣмена на плодоносную почву; оборудуйте кузницу, зажгите въ ней огонь и закройте ее—вы не получите никакого продукта такимъ образомъ. Нижеслѣдующее замѣчаніе принадлежитъ политико-эконому, въ которомъ здравый смыслъ сильнѣе, чѣмъ у его собратій: „Сэй, говоритъ онъ, приписываетъ капиталамъ активную роль, которая чужда ихъ природѣ: сами по себѣ они представляютъ изъ себя лишь мертвыя орудія, не болѣе". *(І. Дрозъ. Политическая экономія).*

Наконецъ, если соединить трудъ и капиталы, но плохо комбинировать ихъ, въ результатѣ тоже не получится еще производства. Воздѣлывайте песчаную пустыню, бейте рѣчную воду, пропускайте черезъ рѣшето типографскій шрифтъ, все это не дастъ вамъ ни хлѣба, ни рыбы, ни книгъ. Вашъ трудъ будетъ такъ-же непроизводителенъ, какъ трудъ арміи Ксеркса, которая въ теченіе двадцати четырехъ часовъ била розгами волны Геллеспонта; по разсказу Геродота, повелитель персовъ приказалъ тремъ милліонамъ своихъ воиновъ наказать такимъ образомъ морскую стихію за то, что она разрушила его понтонный мостъ.

ЦАБ "Автограф"

Орудія и капиталы, земля, трудъ, взятые въ отдѣльности, абстрактно, могутъ считаться производительными лишь въ метафорическомъ смыслѣ. Собственникъ, требующій себѣ платы за право пользоваться его орудіемъ, производительной силой его земли, основывается на безусловно ложномъ фактѣ, на мнимой производительности капиталовъ; взимая плату за воображаемый продуктъ ихъ, онъ буквально получаетъ нѣчто за ничто.

Возраженіе. Но вы говорите, что кузнецъ, каретникъ, вообще всякій ремесленникъ имѣетъ право на продуктъ, потому что поставляютъ инструменты для его производства; разъ земля есть орудіе производства, почему она въ состояніи дать своему дѣйствительному или предполагаемому собственнику право на часть продукта, точно такъ-же какъ это имѣетъ мѣсто съ производителями плуговъ и повозокъ?

Отвѣтъ. Это Гордіевъ узелъ собственности; необходимо распутать его, чтобы понять что-нибудь въ странностяхъ права d'aubaine, права хозяина на доходъ со своей вещи.

Рабочій, изготовляющій или починяющій земледѣльческія орудія, получаетъ за это плату всего *одинъ разъ*, въ моментъ доставки, или въ нѣсколько пріемовъ; какъ только цѣна уплачена, орудія не принадлежатъ больше изготовившему ихъ рабочему. Онъ никогда не требуетъ двойного вознагражденія за одно и то-же орудіе, за одну и ту-же починку; если онъ ежегодно дѣлится съ фермеромъ, то это потому, что онъ ежегодно что-нибудь производитъ на него.

Собственникъ-же ничего не уступаетъ изъ своего орудія; онъ вѣчно взимаетъ за него плату и вѣчно сохраняетъ его за собой.

Чиншъ, получаемый собственникомъ, не имѣетъ предметомъ расходы на содержаніе и починку орудія; эти расходы падаютъ на арендатора орудія и занимаютъ собственника, лишь поскольку онъ заинтересованъ въ сохранности своей вещи. Если онъ беретъ на себя заботу объ этомъ, онъ не преминетъ вознаградить себя болѣе высокими авансами.

Точно такъ-же чиншъ не представляетъ собой продукта орудія, потому что орудіе само по себѣ ничего не производитъ: мы уже убѣдились въ этомъ и еще рѣшительнѣе убѣдимся въ этомъ на послѣдствіяхъ.

Наконецъ, чиншъ не представляетъ собой участія собственника въ производствѣ; это участіе могло-бы заключаться лишь въ уступкѣ части или всего орудія, какъ мы видѣли это на примѣрѣ кузнеца, но въ такомъ случаѣ собственникъ перестаетъ быть собственникомъ, что противорѣчитъ идеѣ собственности.

Итакъ, между собственникомъ и арендаторомъ не происходитъ ни обмѣна стоимостей, ни обмѣна услугъ; стало-быть, какъ мы формулировали выше въ нашей аксіомѣ, чиншъ (fermage) есть настоящая повинность (aubaine), обирательство, основанное единственно на обманѣ и насиліи съ одной стороны, на слабости и невѣдѣніи—съ другой.

Продукты, говорятъ политико-экономы, *можно покупать только за продукты.* Этотъ афоризмъ есть приговоръ собственности. Разъ собственникъ не производитъ ни лично, ни черезъ посредство своего орудія и получаетъ продукты въ обмѣнъ на ничего, онъ или паразитъ, или мошенникъ. Разъ собственность не можетъ существовать какъ право, она, значитъ, невозможна.

Добавленія. 1) Республиканская конституція 1793 года жестоко ошибалась, опредѣливши собственность, какъ „право пользоваться плодами своего труда"; она должна была сказать: Собственность есть право пользоваться и располагать по своему усмотрѣнію добромъ другого, плодомъ чужого труда и производства.

2) Каждый владѣлецъ земли, дома, мебели, машинъ, инструментовъ, чеканенныхъ денегъ и т. д., отдающій свою вещь внаемъ по цѣнѣ,

ЦАБ "Автограф"

превышающей расходы на починку, причемъ эти расходы падаютъ на сдающаго внаемъ и представляютъ собой продукты, которые онъ обмѣниваетъ на другіе продукты, каждый такой владѣлецъ есть просто-напросто мазурикъ, виновный въ шантажѣ и вымогательствѣ. Однимъ словомъ, всякая плата, покупаемая подъ предлогомъ возмѣщенія убытковъ, но на самомъ дѣлѣ какъ цѣна ссуды, есть актъ собственности, воровство.

Историческій комментарій. Дань, налагаемая націей-побѣдительницей на націю побѣжденную, есть настоящій чиншъ, рента, fermage. Сеньоріальныя (помѣщичьи) права, уничтоженныя революціей 1789 года: десятина, мертвая рука, барщина и т. д.—все это были различныя формы права собственности; тѣ, которые пользовались ими подъ именемъ благородныхъ, сеньоровъ, аббатовъ и пр., были ничто иное, какъ собственники. Защищать собственность въ наше время значитъ осуждать революцію.

Второй тезисъ.

Собственность невозможна, потому что при наличности ея производство обходится дороже, чѣмъ оно стоитъ.

Предыдущій тезисъ касался области законодательства; этотъ—относится къ экономической области. Онъ долженъ доказать, что собственность, источникъ которой—насиліе, создаетъ въ результатѣ призрачныя стоимости (non-valeurs).

„Производство, говоритъ Сэй, есть одинъ сплошной обмѣнъ; для того чтобъ этотъ обмѣнъ былъ производителенъ, необходимо, чтобъ стоимость всѣхъ сдѣланныхъ усилій была уравновѣшена стоимостью произведеннаго продукта. Если это условіе не выполнено, обмѣнъ былъ не равенъ, производитель отдалъ больше, чѣмъ получилъ".

А такъ какъ неизбѣжная основа стоимости—полезность предмета, то отсюда слѣдуетъ, что всякій безполезный предметъ обязательно не имѣетъ стоимости, не можетъ быть предметомъ мѣны, стало-быть, не можетъ служить для *уплаты* за усилія производителей.

Производство можетъ быть равно потребленію, но никогда не будетъ въ состояніи превзойти его; ибо дѣйствительное производство имѣется только тамъ, гдѣ производятся полезности, а полезность только тамъ, гдѣ есть возможность потребленія. Такимъ образомъ всякій продуктъ, который не можетъ быть потребленъ, благодаря чрезвычайному обилію его, становится, въ непотребленной своей части, вещью безполезной, лишенной стоимости, не годящейся для обмѣна, а потому годящейся также для уплаты за что-либо; это болѣе не продуктъ.

Потребленіе, въ свою очередь, чтобы быть легитимнымъ, чтобы быть истиннымъ потребленіемъ, должно снова производить полезности; ибо, если оно непроизводительно, продукты, уничтожаемые имъ, оказываются аннулированными стоимостями, они производились, значитъ, съ тѣмъ, чтобы безслѣдно исчезнуть съ лица земли, быть окончательно потерянными,—это обстоятельство обезцѣниваетъ ихъ ниже ихъ стоимости. Человѣкъ можетъ разрушать, но потреблять онъ можетъ только то, что производитъ вновь. Итакъ, въ справедливомъ хозяйствѣ производство и потребленіе уравнены другъ съ другомъ.

Имѣя въ виду все вышеизложенное, представимъ себѣ теперь племя изъ тысячи семействъ, заключенное въ опредѣленной территоріи и лишенное внѣшней торговли. Это племя будетъ для насъ осколкомъ со всего человѣчества, которое, если взять весь земной шаръ, тоже фактически изолировано. Разница между однимъ племенемъ и всѣмъ человѣчествомъ чисто-численная, экономическіе результаты въ обоихъ случаяхъ совершенно одни и тѣ-же.

ЦАБ "Автограф"

Предположимъ, что эти тысяча семействъ занимаются исключительно хлѣбопашествомъ и должны ежегодно уплачивать натурой 10% изъ ихъ продукта ста частнымъ лицамъ изъ ихъ среды. Мы видимъ, что здѣсь право хозяина, господина, на доходъ съ его собственности, право d'aubaine похоже на прямой вычетъ изъ общественнаго производства. На что пойдетъ этотъ вычетъ?

Врядъ-ли на продовольствованіе племени, потому-что это продовольствованіе не имѣетъ ничего общаго съ рентой (fermage). Этотъ вычетъ не можетъ также быть платой за услуги и продукты, потому что собственники, работая наравнѣ съ другими, работаютъ только на себя. Наконецъ, онъ будетъ безполезенъ для рантье, такъ какъ ихъ собственная жатва дала имъ достаточно продукта для ихъ личнаго потребленія, а въ обществѣ, не знающемъ торговли и промышленности, они не въ состояніи раздобыть себѣ другіе продукты—такимъ образомъ рента лишь лишаетъ ихъ возможности утилизировать свои доходы.

Въ подобномъ обществѣ десятая часть продукта остается безъ потребленія; слѣдовательно, десятая часть труда остается не оплаченной: производство обходится дороже, чѣмъ оно стоитъ.

Предположимъ теперь, что 300 изъ нашихъ хлѣбопашцевъ перешли ко всякаго рода другимъ производствамъ: 100 занимаются огородничествомъ и винодѣліемъ, 60 сапожнымъ и портняжнымъ промысломъ, 50—столярнымъ и кузнечнымъ дѣломъ, 80—различными другими профессіями, и чтобъ сдѣлать этотъ перечень совсѣмъ полнымъ, предположимъ еще 7 школьныхъ учителей, 1 мэра, 1 судью и 1 священника. Каждое производство производитъ въ своей области для всего племени. Если общая сумма производства равняется 1000, то потребленіе каждаго работника будетъ равно 1, а именно: хлѣба, мяса, злаковъ,—0,700, вина и овощей—0,100, обуви и одежды—0,060, желѣзныхъ издѣлій и мебели—0,050, различныхъ продуктовъ—0,080, обученіе—0,007, управленіе—0,002, месса—0,001. Итого: 1.

Но общество должно платить ренту въ размѣрѣ 10%; мы сейчасъ увидимъ, что въ сущности безразлично, платятъ-ли ее одни замледѣльцы или всѣ работники, результатъ получается одинъ и тотъ-же. Фермеръ поднимаетъ цѣну своего хлѣба пропорціонально своему долгу; другіе производители тоже слѣдуютъ этой тенденціи на повышеніе; послѣ нѣкоторыхъ колебаній равновѣсіе возстановляется, въ концѣ концовъ каждый членъ общества уплатилъ приблизительно одинаковую сумму. Жестоко ошибутся тѣ, что думаютъ, что только фермеры платятъ поземельную ренту: вся нація платитъ ее.

Итакъ, послѣ вычета 10%, потребленіе каждаго работника уменьшается въ слѣдующей пропорціи: хлѣба—0,630, вина и овощей—0,090, одежды и обуви—0,054, желѣзныхъ издѣлій и мебели—0,045, другихъ продуктовъ—0,072, школьное дѣло—0,0063, администрація—0,0018, месса—0,0009. Итого 0,9.

Работникъ произвелъ 1, а потребляетъ только 0,9; слѣдовательно, онъ теряетъ $^1/_{10}$ на цѣнѣ своего труда; производство его дороже, чѣмъ оно стоитъ въ дѣйствительности. Съ другой стороны, десятина, взимаемая собственниками, все-же остается эфемерной стоимостью; ибо, будучи сами людьми труда, они имѣютъ съ чего жить, девять десятыхъ своего продукта, какъ и другіе работники,—имъ не недостаетъ ничего. Какая польза имъ отъ того, что ихъ доля хлѣба, вина, мяса, одежды, жилища и т. д. будетъ удвоена, разъ они не въ состояніи ни потребить, ни обмѣнять ее. Итакъ цѣна ренты остается для нихъ, какъ и для прочихъ работниковъ, эфемерной стоимостью, non-valeur, и улетучивается въ ихъ рукахъ. Расширьте нашу гипотезу, увеличьте число и разнообразіе продуктовъ—вы не измѣните этого результата.

ЦАБ "Автограф"

До сихъ поръ я разсматривалъ собственника, какъ участника въ производствѣ, причемъ понималъ это участіе не въ духѣ Сэя, не только какъ услуги его орудія, а какъ дѣйствительный, собственноручный трудъ собственника. Легко понять, что при подобныхъ условіяхъ собственность никогда не будетъ имѣть мѣста? Что-же получается?

Собственникъ, по всему своему складу капризное и ненасытное животное, безъ стыда и совѣсти, не можетъ ужиться тамъ, гдѣ господствуетъ порядокъ и дисциплина; собственность хороша для него только тѣмъ, что онъ можетъ распоряжаться ей, какъ душѣ угодно, когда и какъ ему заблагоразсудится. Увѣренный въ своемъ достаткѣ, онъ отдается праздной жизни сибарита: играетъ, съ жиру бѣсится, гоняется за всякими диковинками, чтобы разсѣяться. Чтобы пользоваться своей собственностью, собственникъ долженъ отказаться отъ обыкновеннаго образа жизни и броситься въ омутъ роскоши и зазорныхъ наслажденій

Вмѣсто того, чтобы отказаться отъ ренты, которая все равно былабы обезцѣнена въ ихъ рукахъ, вмѣсто того чтобъ облегчить такимъ образомъ условія общественнаго труда, наши сто собственниковъ почіютъ на лаврахъ. Они перестаютъ работать, это уменьшаетъ на 100 абсолютную сумму продукта, тогда какъ потребленіе остается тѣмъ-же; производство и потребленіе, повидимому, уравновѣшиваютъ теперь другъ друга. Но разъ собственники перестали работать, потребленіе ихъ становится непроизводительнымъ—согласно началамъ политической экономіи; значитъ, теперь въ обществѣ имѣются, не какъ прежде, сто работъ, не оплаченныхъ продуктомъ, но сто продуктовъ, потребленныхъ безъ работы; дефицитъ остается все тѣмъ-же, стоитъ-ли онъ въ той или иной рубрикѣ бюджета. Одно изъ двухъ: или аѳоризмы политической экономіи невѣрны, или собственность, оказывающаяся въ противорѣчіи съ ними, невозможна.

Политико-экономы считаютъ всякое непроизводительное потребленіе зломъ, расхищеніемъ достоянія всего человѣчества; они не устаютъ призывать собственниковъ къ умѣренности, труду и бережливости; проповѣдываютъ имъ необходимость стать полезными членами общества, давать назадъ производству то, что они получаютъ отъ него; они мечутъ громы и молніи противъ праздности и роскоши. Конечно, это очень похвальная мораль; жаль только, что она лишена всякаго смысла. Собственникъ, который работаетъ или, какъ говорятъ политико-экономы, *становится полезнымъ членомъ общества*, получаетъ вознагражденіе за эту работу и эту пользу; развѣ это дѣлаетъ его менѣе празднымъ, что касается той собственности, которую онъ не эксплуатируетъ самъ и которая тѣмъ не менѣе приноситъ ему доходъ? Что-бы онъ ни дѣлалъ, роль его остается непроизводительной; онъ перестанетъ дармоѣдничать только тогда, когда не будетъ собственникомъ.

Однако это еще самое незначительное изъ золъ, порождаемыхъ собственностью. Мы можемъ еще понять, что общество кормитъ праздныхъ людей; въ обществѣ всегда будутъ слѣпые, калѣки, помѣшанные и слабоумные—оно въ состояніи прокормить нѣсколькихъ лѣнтяевъ. Но вотъ гдѣ усложняются и увеличиваются невозможности.

Третій тезисъ.

Собственность невозможна, потому что, при данномъ капиталѣ, производство пропорціонально труду, а не собственности.

Если рента по 10% составляетъ 100, продуктъ долженъ равняться 100; для того чтобы продуктъ равнялся 1000, требуется трудъ 1000 рабочихъ. Отсюда слѣдуетъ, что распростившись съ нашими 100 работниками-собственниками, которые всѣ имѣли одинаковое право вести жизнь

ЦАБ "Автограф"

рантье, мы оказываемся лишенными возможности выплачивать имъ ихъ доходъ. Въ самомъ дѣлѣ, производительная сила равнялась прежде 1000, теперь она равна 900, производство сократилось до 900, десятая часть этого составляетъ 90. Передъ нами слѣдующая альтернатива: или 10 изъ 100 собственниковъ не получатъ своей ренты, если остальные 90 настаиваютъ на томъ, чтобъ получить свою ренту полностью, или-же всѣ они соглашаются на сокращеніе своего дохода на 10%. Вѣдь не работнику-же, который исполнялъ всѣ свои функціи, который производилъ такъ-же какъ и прежде, терпѣть отъ ухода собственника, собственникъ самъ долженъ нести послѣдствія своей праздности. Но въ такомъ случаѣ собственникъ становится бѣднѣе, именно потому, что желаетъ пользоваться своей собственностью; пользуясь своимъ правомъ, онъ теряетъ его; собственность словно таетъ и улетучивается изъ нашихъ рукъ; чѣмъ ближе мы подошли къ ней, тѣмъ труднѣе поймать ее. Что-же это за право, которое измѣняется, смотря по численнымъ отношеніямъ въ обществѣ, и можетъ быть уничтожено ариѳметической комбинаціей?

Работникъ-собственникъ получалъ 1) въ качествѣ работника заработную плату (0,9) и 2) въ качествѣ собственника ренту (0,1). Онъ сказалъ себѣ: мнѣ достаточно моей ренты, мнѣ нѣтъ надобности работать и имѣть излишекъ. Но доходъ, на который онъ разсчитывалъ, вдругъ сокращается на одну десятую, и собственникъ даже не можетъ понять, какъ это произошло. Дѣло въ томъ, что принимая участіе въ производствѣ, онъ самъ создавалъ эту одну десятую, которой теперь ему не хватаетъ; онъ думалъ тогда, что работаетъ только на себя самого, а, между тѣмъ, самъ того не замѣчая, онъ терялъ на обмѣнѣ своихъ продуктовъ, долженъ былъ самъ себѣ уплачивать одну десятую своей-же ренты. Какъ и всякій другой, онъ производилъ 1, а получалъ только 0,9.

Если-бы вмѣсто 900 работниковъ было всего 500, общая сумма уплачиваемой ренты сократилась бы до 50; при 100 работникахъ она составитъ только 10. Мы можемъ, значитъ, установить слѣдующую аксіому: *Доходъ, приносимый собственностью, долженъ падать по мѣрѣ увеличенія числа тунеядцевъ.*

Этотъ выводъ ведетъ насъ къ другому, еще болѣе поразительному. Мы въ одинъ пріемъ, не уничтожая собственности, не обижая собственниковъ, можемъ избавиться отъ всѣхъ тяготъ собственности, и къ тому-же чрезвычайно консервативнымъ путемъ.

Мы видѣли, что если въ обществѣ изъ 1000 тружениковъ рента равна 100, то въ обществѣ изъ 900 она равна 90, при 800—80, при 100—10 и т. д. Такъ что, если-бы въ обществѣ былъ только 1 рабочій, рента равнялась-бы 0,10,—безразлично, какова-бы ни была стоимость и величина присвоенной въ частную собственность территоріи. Слѣдовательно, *при данномъ земельномъ капиталѣ, производство пропорціонально труду, а не собственности.*

Опредѣлимъ теперь на основаніи этого принципа максимумъ дохода со всякой собственности.

Чѣмъ былъ вначалѣ арендный договоръ? Это контрактъ, по которому собственникъ уступаетъ арендатору владѣніе своей землей и требуетъ взамѣнъ часть того продукта, который онъ, собственникъ, извлекалъ изъ нея. Если, благодаря увеличенію семьи арендатора, она окажется въ десять разъ сильнѣе семьи собственника и будетъ производить въ десять разъ больше, имѣетъ ли собственникъ право удесятерить арендную плату? Его право не въ томъ, что „чѣмъ больше ты производишь, тѣмъ больше я требую“, а вотъ что: „чѣмъ больше я предостав-

ЦАБ "Автохлам"

ляю тебѣ, тѣмъ больше я требую". Приростъ семьи арендатора, число рабочихъ рукъ въ ней, средства его труда, причины роста производства— все это не касается собственника; его притязанія должны сообразоваться съ той производительной силой, которая имѣется въ немъ, а не съ той, которая имѣется у другихъ. Собственность даетъ право на доходъ съ земли, а не на головы ея обитателей. На какомъ основаніи человѣкъ, еле-еле способный воздѣлать нѣсколько морговъ, будетъ требовать отъ общества въ 10.000 разъ больше и ссылаться на свою собственность въ 10.000 гектаровъ? Съ какой стати цѣна аренды должна расти вмѣстѣ съ умѣньемъ и силой арендатора, а не сообразно той пользѣ, которую можетъ извлечь изъ своей земли собственникъ? Итакъ, мы приходимъ къ слѣдующему, второму экономическому закону: *Доходъ съ собственности соизмѣряется частью производства собственника.*

Но что представляетъ изъ себя это производство? Другими словами, когда хозяинъ участка отдаетъ его въ аренду фермеру, въ какомъ смыслѣ онъ можетъ дѣйствительно утверждать, что онъ уступаетъ нѣчто арендатору?

Производительная сила собственника, какъ и всякаго работника, равна 1; значитъ, уступая свою землю, онъ лишаетъ себя продукта тоже въ размѣрѣ 1. Если норма дохода (aubaine) есть 10%, то максимальный доходъ будетъ 0,1.

Но, какъ мы видѣли, съ уходомъ каждаго собственника отъ производства, сумма производства уменьшается на единицу, поэтому, если доходъ, полагающійся ему тогда, когда онъ принимаетъ участіе въ производствѣ, равенъ 0,1, въ случаѣ ухода его отъ производства, онъ падаетъ до 0,09, по общему закону сокращенія ренты. Это ведетъ насъ къ слѣдующей, послѣдней формулѣ: *Максимальный доходъ собственника равняется квадратному корню изъ продукта 1 работника* (считая этотъ продуктъ выраженнымъ какимъ-нибудь числомъ); *въ случаѣ праздности собственника этотъ доходъ сокращается на дробь, числитель которой—единица, а знаменатель—число, выражающее собою продуктъ.*

Такъ напримѣръ, максимальный доходъ празднаго или работающаго внѣ общества за свой счетъ собственника будетъ равенъ 90 фр., если считать его по 10% со средняго производства одного рабочаго въ 1.000 фр. Итакъ, если Франція насчитываетъ 1 милліонъ собственниковъ, имѣющихъ по 1.000 фр. дохода и потребляющихъ его непроизводительнымъ образомъ, то на самомъ дѣлѣ имъ полагается, по самому точному разсчету и по строгости закона, не милліардъ, какъ они забираютъ ежегодно, а только 90 милліоновъ.

Эти 910 милліоновъ во всякомъ случаѣ представляютъ собой сокращеніе тяготъ, падающихъ преимущественно на работающій классъ, но мы не пришли еще къ концу съ нашими вычисленіями, и работникъ не знаетъ еще своихъ правъ во всей полнотѣ ихъ.

Мы поставили право собственника на доходъ съ его вещи въ правильныя рамки, принимая во вниманіе праздность собственника. Но что такое это право на доходъ съ своей вещи? Признаніе права захвата. Но такъ какъ право захвата равно для всѣхъ, каждый человѣкъ является въ такомъ случаѣ собственникомъ, имѣетъ одинаковое право на это; каждый человѣкъ имѣетъ, стало-быть, право на доходъ, равный извѣстной части его продукта. Другими словами, если право собственности обязываетъ работника платить собственнику ренту, то это же право заставляетъ собственника платить такую же ренту работнику, а такъ какъ ихъ права одни и тѣ же, то разница между ними равна нулю.

Примѣчаніе. Если чиншъ, арендная плата, рента (le fermage) можетъ по закону составлять лишь извѣстную часть предполагаемаго про-

ЦАБ "Автограф"

дукта собственника, каковы-бы ни были размѣры и характеръ этой собственности, то то-же самое имѣетъ мѣсто по отношенію къ большому количеству отдѣльныхъ мелкихъ собственниковъ: ибо, хотя отдѣльное лицо въ состояніи эксплуатировать каждую изъ этихъ собственностей, оно не можетъ эксплуатировать всѣ ихъ разомъ.

Итакъ мы резюмируемъ: право хозяина на доходъ съ своей вещи можетъ существовать только въ очень ограниченныхъ предѣлахъ, указанныхъ законами производства; это право уничтожается правомъ захвата, но безъ него, безъ этого права хозяина и господина на доходъ съ своей вещи, нѣтъ собственности; слѣдовательно, собственность невозможна.

Тезисъ четвертый.

Собственность невозможна, потому что она несетъ намъ смерть. Если-бы право на доходъ съ своей вещи подчинялось законамъ разума и справедливости, оно свелось-бы на простое вознагражденіе, *максимумъ* котораго никогда не превысилъ-бы для одного работника извѣстной части того продукта, который онъ въ состояніи произвести; мы только-что доказали это. Но съ какой стати это право на доходъ—или на воровство (не будемъ бояться называть вещи своими именами)—будетъ подчиняться разуму, съ которымъ оно не имѣетъ ничего общаго? Собственникъ не довольствуется тѣмъ доходомъ, который полагается ему согласно здравому смыслу и природѣ вещей: онъ требуетъ въ десять, въ сто, въ тысячу, въ милліонъ разъ больше. Собственными усиліями онъ извлекъ-бы изъ вещи только продуктъ равный 1, а между тѣмъ требуетъ, чтобы общество, которое не имъ, конечно, создано, платило ему не пропорціонально его, собственника, производительной способности, а настоящую подушную подать; онъ оцѣниваетъ своихъ собратьевъ по ихъ силѣ, числу и производству. У земледѣльца родится сынъ; отлично—говоритъ собственникъ—еще однимъ доходомъ больше. Какъ произошла, эта метаморфоза изъ поземельной ренты въ подушную подать? Почему наши юристы и теологи, столь мудрые и краснорѣчивые мужи, не помѣшали этому расширенію господскихъ правъ?

Исходя изъ своей личной производительной способности, собственникъ вычисляетъ, сколько работниковъ требуется для эксплуатаціи его собственности; онъ дѣлитъ послѣднюю на соотвѣтствующее число частей и говоритъ: Каждый будетъ платить мнѣ. Итакъ, чтобы умножить свой доходъ, ему достаточно раздѣлить его собственность. Онъ вычисляетъ не процентъ, полагающійся ему въ пропорціи его собственнаго труда, а процентъ съ его капитала; благодаря этой передержкѣ, собственность, которая въ рукахъ хозяина можетъ произвесть лишь продуктъ, равный единицѣ, приноситъ ему десять, сто, тысячу, милліонъ. Отнынѣ ему надо только зарегистровывать имена работниковъ, являющихся къ нему; задача его сводится къ выдачѣ разрѣшеній и квитанцій.

Мало того, что собственнику выпало на долю такое пріятное занятіе; онъ не соглашается даже на дефицитъ, вытекающій изъ его бездѣйствія,—дефицитъ этотъ падаетъ опять-таки на производителя, съ котораго собственникъ требуетъ уплаты въ прежнемъ, несокращенномъ размѣрѣ. Разъ рента взошла до своей высшей точки, собственникъ уже никогда больше не понизитъ ее; дороговизна средствъ жизни, рѣдкость рабочихъ рукъ, неблагопріятное время года, даже смертные случаи—все это его нисколько не касается: да и почему ему терпѣть отъ условій климата и погоды, разъ онъ все-равно не работаетъ?

Здѣсь передъ нами открывается новый рядъ феноменовъ.

Сэй, который безукоризненно разсуждаетъ всякій разъ, когда рѣчь идетъ о налогахъ, но никакъ не хочетъ понять, что собственникъ точно

ЦАБ "Автограф"

такъ-же обираетъ фермера, какъ сборщикъ податей, вторитъ Мальтусу:

„Если сборщикъ податей, его помощники и т. д. потребляютъ шестую часть продукта, они вынуждаютъ производителя кормиться, одѣваться, жить на пять шестыхъ его продукта. — Съ этимъ соглашаются, но въ то-же время заявляется, что каждый имѣетъ возможность жить на пять шестыхъ своего продукта. Если хотите, я тоже соглашусь съ этимъ; но я позволю себѣ спросить васъ, думаете-ли вы. что производитель будетъ точно такъ-же въ состояніи свести концы съ концами, если у него будутъ брать не одну шестую, а двѣ шестыхъ, треть его продукта?—Нѣтъ, но онъ все-же будетъ жить такъ или иначе.—Въ такомъ случаѣ, я васъ спрошу, будетъ-ли онъ жить, если у него отберутъ двѣ трети его дохода?.. три четверти? Но я вижу, что вы не отвѣчаете мнѣ больше".

Если бы запѣвало французскихъ политико-экономовъ не былъ такъ ослѣпленъ своими предразсудками насчетъ собственности, онъ понялъ бы, что рента ведетъ точно къ такому же результату.

Возьмемъ слѣдующій примѣръ: крестьянская семья, состоящая изъ шести особъ: отца, матери и четырехъ дѣтей, живетъ эксплуатаціей своего небольшого отцовскаго участка. Я предполагаю, что, при извѣстномъ трудолюбіи, они оказываются въ состояніи свести концы съ концами: они имѣютъ свое жилище, топливо, одежду, свой хлѣбъ насущный, не дѣлаютъ долговъ, но не дѣлаютъ также сбереженій. Они живутъ изъ году въ годъ; въ счастливый годъ отецъ позволяетъ себѣ выпить немного больше вина, дочери покупаютъ себѣ платье, сыновья шляпу; на столѣ появляется сыръ, иногда и мясо. Я заявляю, что они разоряютъ себя.

Ибо, согласно третьему добавленію къ нашей аксіомѣ, они должны сами себѣ проценты съ капитала, который является ихъ собственностью; если оцѣнить этотъ капиталъ хотя бы только въ 8.000 фр., то, считая по $2^1/_2\%$, получаются 200 фр. процентовъ въ годъ. Если эти 200 фр. не вычитываются изъ валоваго дохода, не сберегаются для капитализаціи, а идутъ на потребленіе, семья наша имѣетъ ежегодный дефицитъ въ 200 фр., такъ что въ сорокъ лѣтъ эти добрые люди, ничего не подозрѣвая, съѣдятъ все свое имущество и окажутся банкротами.

Этотъ выводъ кажется смѣшнымъ; но это печальная истина.

Приходитъ воинскій наборъ... Что такое наборъ? Актъ собственности, который правительство въ одинъ прекрасный день осуществляетъ надъ семьями мирныхъ обывателей, кража людей и денегъ. Крестьяне неохотно разстаются со своими сыновьями: я нахожу, что это вполнѣ правильно съ ихъ стороны. Врядъ ли пребываніе въ казармѣ можетъ быть полезно для двадцатилѣтняго юноши: онъ или развращается тамъ, или проклинаетъ свою судьбу, гнушается самого себя. Вы можете въ общемъ судить о состояніи духа у солдатъ по ихъ ненависти ко всякому мундиру: распутникъ или несчастный — вотъ что представляютъ собой французскіе солдаты. Этого не должно бы быть, но это есть. Разспросите сто тысячъ человѣкъ и будьте увѣрены, всѣ они до единаго подтвердятъ мои слова.

Чтобы выкупить своихъ двухъ рекрутовъ, нашъ крестьянинъ раскошеливается на 4.000 фр., которые ему приходится занять: по 5%, вотъ уже 200 фр., о которыхъ мы только что говорили. Если до сихъ поръ производство семьи регулярно покрывалось потребленіемъ ея и составляло 1.200 фр., т. е. 200 фр. на человѣка, то теперь—для уплаты этихъ процентовъ—необходимо, чтобы или шесть работниковъ производили за семерыхъ, или чтобы они потребляли не за шестерыхъ, а за пятерыхъ. Сократить потребленіе? Но какъ отказаться отъ и безъ того самыхъ необходимыхъ потребностей! Производить больше тоже невозможно: семья

ЦАБ "Автограф"

наша не умѣетъ производить ни больше, ни лучше. Быть можетъ, помириться на серединѣ: потреблять какъ пять съ половиной и производить какъ шесть съ половиной? Наши мужички скоро почувствуютъ, что съ желудкомъ нельзя торговаться; дальше извѣстнаго предѣла нельзя идти въ своемъ воздержаніи; то, что можно урѣзать отъ безусловно необходимаго безъ вреда для здоровья, составляетъ очень мало, а что касается увеличенія продукта, то стоитъ наступить засухѣ, эпидеміи, сильному морозу, и всѣ надежды земледѣльца идутъ прахомъ. Однимъ словомъ, рента останется неуплаченной, проценты будутъ расти и расти, пока наша убогая мыза будетъ продана съ торговъ, а владѣлецъ ея прогнанъ на всѣ четыре стороны.

Такимъ образомъ, семья, жившая счастливо, пока она не пользовалась правомъ собственности, впадаетъ въ нищету, какъ только ей пришлось прибѣгнуть къ нему. Собственность будетъ удовлетворена только тогда, если земледѣлецъ будетъ въ состояніи однимъ своимъ словомъ заставить свою землю увеличиться въ размѣрахъ и сдѣлать ее плодотворной. Въ качествѣ простого владѣльца участка, человѣкъ извлекаетъ изъ него достаточно средствъ для своего существованія; но когда онъ претендуетъ на право собственника, этотъ участокъ для него недостаточенъ. Онъ производитъ только то, что потребляетъ, плодъ его труда является лишь возмездіемъ за его старанія; на долю же орудія труда не остается ничего.

Платить то, что онъ не въ состояніи произвести, — вотъ какова участь фермера, съ тѣхъ поръ какъ собственникъ удалился отъ общественнаго производства, для того чтобы эксплуатировать работника съ помощью новыхъ пріемовъ.

Вернемся теперь къ нашей первой гипотезѣ.

Наши девятьсотъ работниковъ, вполнѣ увѣренные, что они и на этотъ разъ произвели не меньше предыдущаго, чрезвычайно изумлены, когда послѣ уплаты арендной платы (ренты) оказывается, что они стали на одну десятую бѣднѣе, чѣмъ годъ передъ тѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ эту десятую часть производилъ и платилъ прежде собственникъ-работникъ, который участвовалъ тогда въ производствѣ и общественныхъ тяготахъ; теперь же эта десятая часть не была произведена, а все же уплачена; значитъ, она должна отразиться на потребленіи. Чтобъ покрыть этотъ непонятный дефицитъ, работникъ дѣлаетъ заемъ, въ полной увѣренности, что онъ отдастъ занятое, но вмѣсто этого въ слѣдующемъ году у него уже новый заемъ плюсъ проценты съ перваго. У кого онъ занимаетъ? У собственника. Собственникъ занимаетъ работнику излишекъ, полученный имъ отъ того же работника; этотъ излишекъ, который онъ по настоящему долженъ былъ бы возвратить, въ свою очередь приноситъ ему доходъ подъ видомъ ссуды на проценты. Долги растутъ въ безконечность, собственникъ отказывается давать ссуды производителю, который никогда не возвращаетъ ихъ, и въ результатѣ производитель, постоянно обкрадываемый и постоянно занимающій то, что у него же крадутъ, кончаетъ банкротствомъ.

Допустимъ, что собственникъ, который нуждается въ фермерѣ для своихъ доходовъ, освобождаетъ его отъ его обязательствъ; актъ величайшей благотворительности, за который священникъ превознесетъ его въ своей проповѣди; а бѣдный арендаторъ, огорошенный такимъ безграничнымъ милосердіемъ, наученный катехизисомъ молиться за своихъ благодѣтелей, даетъ себѣ слово удвоить свои усилія и лишенія и во что-бы то ни стало отдать его долгъ этому благородному хозяину.

На этотъ разъ онъ принимаетъ свои мѣры: повышаетъ цѣну на хлѣбъ. То-же самое дѣлаетъ и промышленникъ со своимъ продуктомъ.

ЦАБ "Автограф"

Наступаетъ реакція, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній рента, которую крестьянинъ разсчитывалъ перенесть на промышленника, возвращается почти къ тому-же самому уровню, что прежде. Крестьянинъ радуется своему успѣху, а на самомъ дѣлѣ онъ опять потерялъ, хотя не въ такой степени, какъ прежде. Послѣднее объясняется тѣмъ, что повышеніе цѣнъ, охватившее всѣ продукты, коснулось также собственника; поэтому работники стали бѣднѣе не на одну десятую, а на девять сотыхъ. Но это все еще долгъ, изъ-за котораго приходится занимать и платить проценты, откладывать деньги и урѣзывать свой бюджетъ. Урѣзывать себя изъ-за девяти сотыхъ, которыхъ не слѣдовало-бы платить и которыя все-таки платятъ; урѣзывать себя ради погашенія долговъ, ради процентовъ съ нихъ. Наступитъ неурожайный годъ и это урѣзываніе становится ужъ совсѣмъ голодовкой. Вы скажете: надо больше работать. Но вѣдь чрезмѣрный трудъ такъ-же истощаетъ, какъ голодовка; что-же еще станетъ, если они оба подадутъ другъ другу руки?—*Надо работать больше*; это, очевидно, равносильно тому, что *надо производить больше*. Но какъ происходитъ производство? Путемъ сочетанія труда, капиталовъ и почвы. Что касается труда, то фермеръ беретъ его на себя; но капиталы образуются только путемъ сбереженія; а если-бы фермеръ былъ въ состояніи скопить себѣ что-нибудь, онъ по-просту расплатился-бы со своими долгами. Впрочемъ, допустивши даже, что въ капиталахъ у него недостатка нѣтъ, скажите, на что они могутъ пригодиться ему, если величина воздѣлываемаго имъ участка остается неизмѣнной. Больше земли— вотъ что нужно.

Въ концѣ концовъ вы скажете, быть можетъ, что надо работать лучше и производительнѣе? Но рента была вычислена для средняго производства, которое не можетъ быть увеличено — въ противномъ случаѣ собственникъ увеличилъ-бы ренту. Развѣ крупные землевладѣльцы не увеличивали постепенно арендной платы, по мѣрѣ роста населенія и развитія промышленности, которые открывали имъ глаза на то, что можетъ извлечь общество изъ ихъ земель? Собственникъ остается въ сторонѣ отъ общественной работы; но, подобно коршуну, онъ крутитъ надъ своей жертвой, ежеминутно готовый налетѣть на нее.

Факты, констатированые нами на обществѣ изъ тысячи человѣкъ, повторяются въ болѣе крупномъ масштабѣ въ каждой націи и во всемъ человѣчествѣ, но съ безконечными варіаціями и деталями, на которыхъ мы не будемъ здѣсь останавливатся.

Въ итогѣ: собственность сначала обираетъ работника съ помощью ростовщическихъ процентовъ, а затѣмъ медленно убиваетъ его, высасывая изъ него послѣдніе жизненные соки. Безъ грабежа и убійства собственность — ничто; съ грабежемъ и убійствомъ она тоже приходитъ скоро къ концу, потому что сама подрубаетъ сукъ подъ собой—слѣдовательно, она невозможна.

Тезисъ пятый.

Собственность невозможна, потому что при существованіи ея общество идетъ вѣрными шагами къ гибели.

Когда черезъ-чуръ нагрузить осла, онъ брыкается; человѣкъ-же напрягаетъ всѣ свои усилія и тащится дальше. На этой неукротимой энергіи, отлично знакомой собственнику, послѣдній строитъ всѣ свои надежды. Вольный работникъ производитъ 10; для меня — думаетъ собственникъ—онъ произведетъ 12.

Дѣйствительно, прежде чѣмъ допустить конфискацію своего имущества, прежде чѣмъ сказать прости отцовской кровлѣ, крестьянинъ, о которомъ шла у насъ рѣчь, дѣлаетъ еще одну отчаянную попытку: онъ

ЦАБ "Автор..."

арендуетъ новые участки. Онъ посѣетъ на треть больше, и такъ какъ ему принадлежитъ половина новаго продукта, онъ соберетъ на одну шестую больше и уплатитъ ренту. Печальная перспектива! Чтобъ увеличить свое производство на одну шестую, онъ долженъ увеличить свой трудъ не на одну, а на двѣ шестыя. Такой цѣной онъ собираетъ свою жатву и платитъ аренду (ренту), которую онъ передъ Богомъ никому не долженъ

Въ свою очередь, промышленникъ тоже прибѣгаетъ къ подобному средству. Фермеръ удваиваетъ свой трудъ и отнимаетъ землю у сосѣдей; промышленникъ понижаетъ цѣны своихъ товаровъ, прилагаетъ всѣ усилія, чтобъ концентрировать въ своихъ рукахъ производство и продажу, уничтожить своихъ конкуррентовъ. Для удовлетворенія собственности работникъ прежде всего долженъ производить за предѣлы своихъ потребностей; впослѣдствіи является также необходимость производить свыше своихъ силъ; потому что, благодаря уходу работниковъ, ставшихъ собственниками, одно всегда является слѣдствіемъ другого. Но для того чтобы производить свыше своихъ силъ и потребностей, необходимо захватить производство другихъ, вытѣснить ихъ изъ производства, стало быть, уменьшить число производителей. Такимъ образомъ собственникъ уменьшаетъ производство во-первыхъ тѣмъ, что перестаетъ самъ принимать въ немъ участіе, и во-вторыхъ тѣмъ, что способствуетъ нагроможденію труда въ отдѣльныхъ рукахъ. Посчитаемъ-ка.

Дефицитъ работника послѣ уплаты имъ ренты составлялъ, какъ мы видѣли, одну десятую; на эту сумму онъ будетъ стараться увеличить свое производство. Онъ не видитъ другого пути къ этому, какъ увеличеніе своего труда, такъ онъ и поступаетъ. Недовольство собственниковъ, которымъ не удалось получить полностью ихъ ренту, выгодныя предложенія и обѣщанія со стороны другихъ фермеровъ, которыхъ они считаютъ болѣе прилежными, болѣе работящими, болѣе надежными; тайные ходы и интриги—все это вызываетъ перемѣщеніе въ распредѣленіи работъ и исключеніе извѣстнаго числа производителей. На 900 человѣкъ 90 будутъ вытѣснены, для того чтобы другіе могли увеличить свое производство на одну десятую. Но увеличится-ли общая сумма продукта? Ничего подобнаго. Передъ нами будутъ 810 рабочихъ, производящихъ столько, сколько 900; между тѣмъ какъ они должны были-бы произвесть столько, сколько 1000. Съ другой стороны, такъ какъ рента сообразуется съ земельнымъ капиталомъ, а не съ трудомъ, она нисколько не уменьшится, долги растутъ, какъ прежде, и къ этому присоединяется еще изнуреніе работника. Общество разъ за разомъ опустошаетъ свои ряды; оно окончательно погибло-бы, если-бы несостоятельность, банкротства, экономическія и политическія катастрофы не возстановляли періодически нарушенное равновѣсіе и не затемняли такимъ образомъ истинныхъ причинъ общей нужды.

Вслѣдъ за накопленіемъ въ однихъ рукахъ капиталовъ и земель—въ подобномъ же направленіи дѣйствуютъ и нѣкоторые экономическіе пріемы, они тоже исключаютъ изъ производства извѣстное число работниковъ. Фермеръ и предприниматель говорятъ себѣ: мнѣ будетъ съ чего платить мою ренту и мои проценты, если я буду платить меньше заработной платы. И вотъ великолѣпныя изобрѣтенія, предназначенныя для того, чтобы сдѣлать трудъ человѣка болѣе мелкимъ и быстрымъ, превращаются въ адскія машины, которыя тысячами убиваютъ рабочихъ.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ графиня Страффордъ изгнала изъ своихъ владѣній 15.000 человѣкъ, своихъ арендаторовъ. Этотъ актъ частной администраціи былъ повторенъ въ 1820 г. другимъ крупнымъ шотландскимъ землевладѣльцемъ, лишившимъ крова 600 фермерскихъ семействъ (Tissot, *du Suicide et de la Révolte).*

ЦАБ "Автограф"

Цитируемый мною авторъ написалъ краснорѣчивыя страницы о духѣ возмущенія, волнующемъ современное общество, но онъ не говоритъ намъ, какъ онъ отнесся бы къ мятежу этихъ отверженныхъ, осудилъ ли бы онъ ихъ? Что касается меня, то я заявляю во всеуслышаніе, что этотъ мятежъ является въ моихъ глазахъ самымъ святымъ долгомъ и первѣйшимъ правомъ человѣка; и единственное мое желаніе теперь—это проложить моей profession de foi путь къ сердцу читателя.

Общество губить себя: 1) насильственнымъ и періодическимъ исключеніемъ работниковъ (мы уже познакомились съ этимъ фактомъ, будемъ еще имѣть съ нимъ дѣло ниже), 2) сокращеніемъ потребленія производителя въ пользу собственника. Вначалѣ оба эти вида самоубійства имѣютъ мѣсто одновременно; но вскорѣ первый изъ нихъ получаетъ новый толчекъ отъ второго, голодъ и ростовщичество съ одной стороны дѣлаютъ трудъ еще болѣе необходимымъ, съ другой—все болѣе уменьшаютъ шансы найти работу.

Согласно началамъ коммерціи и политической экономіи, промышленное предпріятіе преуспѣваетъ въ томъ случаѣ, если продуктъ его равняется: 1) проценту съ капитала, 2) стоимости содержанія (стоимости использованной части) этого капитала, 3) суммѣ, полученной всѣми рабочими и предпринимателями; далѣе предпріятіе должно также, по мѣрѣ возможности, приносить ту или другую прибыль.

Фискальный и хищническій геній собственности, дѣйствительно достоинъ удивленія; доходъ собственника носитъ различныя имена, и вотъ собственникъ умудряется получать не одинъ разъ, а по числу этихъ именъ: 1) въ формѣ процента, 2) въ формѣ прибыли. Если входить въ мануфактурное предпріятіе 100.000 фр. и, за вычетомъ издержекъ, получать 5.000 фр. въ годъ, то это не прибыль, а только проценты съ капитала. Но собственникъ не станетъ работать даромъ; какъ левъ въ баснѣ, онъ заставитъ васъ уплатить ему по всѣмъ его претензіямъ, такъ что для другихъ пайщиковъ не останется ни куска.

Ego primam tollo, nominor quia leo:
Secundam quia sum fortis tribuetis mihi:
Tum quia plus valeo, me sequetur tertia:
Malo adficietur, si quis quartam tetigerit.

Я не знаю ничего болѣе удачнаго, чѣмъ эта басня.

Я предприниматель, я беру себѣ первую часть;
Я работникъ, я беру вторую;
Я капиталистъ, я беру третью;
Я собственникъ, я беру все.

Въ четырехъ стихахъ Федръ резюмировалъ всѣ виды собственности.

Я утверждаю, что этотъ процентъ и, въ еще большей степени, эта прибыль невозможны.

Что представляютъ собой рабочіе по отношенію другъ къ другу? Это различные члены большого промышленнаго общества; каждому изъ нихъ, согласно принципу раздѣленія труда и функцій, поручается извѣстная часть общаго производства. Предположимъ, что это общество состоитъ изъ трехъ слѣдующихъ субъектовъ: скотовода, дубильщика и сапожника. Общественная промышленность заключается въ производствѣ обуви. Если я поставлю вопросъ, какая доля общественнаго продукта полагается здѣсь каждому производителю, любой школьникъ отвѣтитъ мнѣ, что по правиламъ торговли и товарищества каждый изъ трехъ производителей долженъ получить по одной трети. Нашъ вопросъ не въ

ЦАБ "Автограф"

томъ, чтобъ уравновѣсить права рабочихъ, вступившихъ между собой въ товарищество; намъ надо доказать, что, устроили-ли они между собой это товарищество или нѣтъ, наши три промышленника вынуждены дѣйствовать такъ, какъ члены товарищества; ихъ волей-неволей соединяетъ природа вещей, математическая необходимость.

Для производства обуви необходимы три операціи: доставка скота, выдѣлка кожъ, кройка и шитье обуви. По выходѣ изъ коровника у фермера кожа стоитъ, наприм., 1; по выходѣ изъ чана дубильщика она стоитъ уже 2, а по выходѣ изъ лавки сапожника 3. Каждый работникъ произвелъ извѣстную степень полезности, изъ суммы этихъ степеней состоитъ стоимость продукта. Чтобы получить извѣстное количество этого продукта, каждый производитель долженъ уплатить, во-первыхъ, за свой собственный трудъ и, во-вторыхъ, за трудъ другихъ производителей. За 10 въ башмакахъ фермеръ дастъ 30 сырой кожей, а дубильщикъ 20—дубленой кожей. 10 въ башмакахъ стоятъ 30 въ сырой кожѣ, благодаря обѣимъ операціямъ дубленія и шитья; точно такъ-же 20 въ дубленой кожѣ стоятъ 30 въ сырой кожѣ, благодаря работѣ дубильщика. Если сапожникъ потребуетъ за своихъ 10 отъ фермера не 30, а 33, а отъ дубильщика не 20, а 22 его товара, обмѣнъ не состоится; иначе-бъ вышло, что фермеръ и дубильщикъ, заплативъ 10 за работу сапожника, должны будутъ выкупать по 11 то, что они сами отдали за 10,—а это не возможно.

Но что-же! Вѣдь это тѣмъ не менѣе происходитъ сплошь да рядомъ; только этимъ объясняется выигрышъ промышленника, называется-ли онъ рентой, арендной платой, процентомъ или прибылью. Если вернуться къ нашему примѣру и предположить, что сапожникъ занялъ у кого-нибудь деньги подъ проценты (онъ долженъ купить себѣ инструменты и кожу и имѣть, чѣмъ жить, до возвращенія его издержекъ), то ясно, что для уплаты этихъ процентовъ онъ вынужденъ будетъ выигрывать на фермерѣ и дубильщикѣ; но такъ какъ этотъ выигрышъ невозможенъ безъ обмана, проценты упадутъ все-же на несчастнаго сапожника и задушатъ его.

Я взялъ для примѣра вымышленный случай, который не встрѣчается въ дѣйствительности въ такомъ простомъ видѣ: на свѣтѣ нѣтъ человѣческаго общества, исполняющаго всего 3 операціи. Самое отсталое общество насчитываетъ уже многочисленные промыслы; въ настоящее время число различныхъ промышленныхъ функцій (я понимаю подъ промышленной функціей всякую полезную функцію—занятіе) превышаетъ быть можетъ, тысячу. Но каково-бы ни было число функціонеровъ, остается въ силѣ слѣдующій экономическій законъ: *Для того, чтобы производитель въ состояніи былъ прожить, его заработная плата должна давать ему возможность выкупить свой продуктъ.*

Политико-экономы не могутъ игнорировать этотъ кардинальный законъ ихъ, такъ сказать, науки; почему-же они такъ упорно стоятъ за собственность, за неравенство заработной платы, за законность ростовщичества и прибыли—все вещи, которыя противорѣчатъ этому экономическому закону и дѣлаютъ невозможными правильныя сдѣлки между членами общества? Предприниматель покупаетъ на 100000 фр. сырого матеріалу, платитъ 50000 фр. заработной платы и желаетъ получить за готовый продуктъ 200000 фр., т. е. выиграть 50000 фр. на матеріалѣ и работѣ своихъ рабочихъ. Но если поставщикъ сырого матеріала и рабочіе не въ состояніи выкупить на получаемые ими 150000 фр. то, что они произвели для предпринимателя, то съ чего-же имъ жить? Я долженъ развить этотъ вопросъ; здѣсь необходимы детали.

Если рабочій получаетъ въ среднемъ за свой трудъ 3 фр. въ день,

ЦАБ "Автограф"

то его работодатель—буржуа, продавая этотъ трудъ подъ формой товара, долженъ получить за него болѣе 3 фр.—только при этомъ условіи онъ выиграетъ на немъ что-нибудь кромѣ своего собственнаго жалованья, хотя-бы только проценты на свой матеріалъ. Рабочій не можетъ, слѣдовательно, выкупить то, что онъ произвелъ на счетъ хозяина. Въ такомъ положеніи находятся всѣ сословія безъ исключенія: портной, шляпочникъ, столяръ, кузнецъ, дубильщикъ, каменьщикъ, ювелиръ, типографъ, приказчикъ и т. д. и т. д. вплоть до хлѣбопашца и винодѣла, всѣ они не могутъ выкупить обратно своихъ продуктовъ, потому что они производятъ на хозяина, который, въ той или иной формѣ, выигрываетъ на продажѣ этихъ продуктовъ,—слѣдовательно, имъ придется платить за свой собственный трудъ дороже, чѣмъ они сами получаютъ за него.

Во Франціи 20 милліоновъ тружениковъ во всѣхъ отрасляхъ науки, искусства и промышленности производятъ всѣ полезныя для человѣка вещи. Предположимъ, что ихъ заработная плата составляетъ въ годъ 20 милліардовъ; но благодаря собственности и массѣ всякихъ доходовъ, премій, вычетовъ, процентовъ, прибылей, чинша, аренды, ренты, выигрышей всѣхъ родовъ и видовъ, собственники и хозяева оцѣниваютъ продуктъ въ 25 милліардовъ; что это значитъ? Это значитъ, что работники, вынужденные покупать обратно эти продукты, необходимые имъ для жизни, должны платить 5 за то, что они произвели за 4, или постить каждый пятый день.

Если есть во Франціи экономистъ, способный доказать невѣрность моего вычисленія, я требую, чтобы онъ сдѣлалъ это; я обязуюсь тогда взять назадъ всѣ мои несправедливыя и злостныя нападки противъ собственности.

Посмотримъ теперь, какія послѣдствія вытекаютъ изъ этой прибыли.

Если-бы заработная плата была одной и той-же во всѣхъ профессіяхъ, дефицитъ, причиняемый вычетомъ въ пользу собственника, вездѣ давалъ-бы себя одинаково чувствовать; но въ то-же время причина ала была-бы настолько очевидной, что ее бы давно уже замѣтили и устранили. Но въ области заработной платы, начиная отъ заработка чернорабочаго и кончая министромъ, господствуетъ такое-же разнообразіе какъ въ области собственности; поэтому эксплуатація идетъ рикошетомъ отъ болѣе сильнаго къ болѣе слабому—чѣмъ ниже положеніе работника на общественной лѣстницѣ, тѣмъ больше онъ испытываетъ лишеній, послѣдній классъ народа, другіе буквально обираютъ до нага и съѣдаютъ живьемъ.

Рабочій народъ не можетъ купить себѣ ни тканей, которыя онъ самъ ткетъ, ни мебели, которую онъ фабрикуетъ, ни металловъ, которые онъ-же куетъ, ни драгоцѣнныхъ камней, которые онъ-же шлифуетъ, ни картинъ, которыя онъ гравируетъ. Онъ не можетъ раздобыть себѣ ни хлѣба, посѣяннаго имъ-же, ни вина, выхоженнаго его-же заботами, ни мяса взращенныхъ имъ-же животныхъ. Ему не позволяется жить въ домахъ, которые онъ построилъ, присутствовать на представленіяхъ, которыя онъ оплачиваетъ, вкушать покой, котораго требуетъ его тѣло—а почему? Потому что для этого надо было-бы покупать всѣ эти вещи по стоимости ихъ производства, а этого не дозволяетъ право собственности. На вывѣскахъ роскошныхъ магазиновъ, передъ которыми съ восхищеніемъ останавливается бѣднякъ, крупными буквами написано: *это плодъ твоего труда, но не тебѣ это достанется* (Sic vos non vobis!)

Всякій хозяинъ-мануфактуристъ, дающій работу 1000 рабочимъ и

ЦАБ "Автограф

выигрывающій на каждомъ одинъ су въ день, готовитъ раззореніе 1000 рабочихъ; всякій, получающій прибыль, является союзникомъ голода. Но народъ не пользуется даже тѣмъ трудомъ, который отдаетъ его въ руки собственниковъ. Почему? Потому, что недостаточность заработной платы заставляетъ работниковъ отнимать другъ у друга работу, такъ что они сначала сами себя раззоряютъ конкурренціей, а потомъ становятся жертвой нужды. Дадимъ себѣ трудъ прослѣдить этотъ фактъ.

Рабочій не можетъ выкупить свой продуктъ на полученную имъ заработную плату; значитъ, продуктъ произведенъ не для производителя. Для кого-же онъ предназначается? Для болѣе богатаго потребителя, другими словами, лишь для извѣстной части общества. Работа всѣхъ членовъ общества даетъ продуктъ для всего общества; съ другой стороны, если только часть общества является потребительницей, то рано или поздно части общества придется почить на лаврахъ и не работать. Но не работать—это значитъ итти вѣрными шагами къ гибели, этотъ удѣлъ грозитъ въ одинаковой степени и работнику, и собственнику, вы не можете выйти изъ этой проблемы.

Нельзя себѣ представить болѣе печальнаго зрѣлища, какъ несчастныхъ производителей, бьющихся, какъ рыба о ледъ, въ борьбѣ съ этой математической необходимостью, съ этой силой цифръ, которая скрыта отъ нихъ въ водоворотѣ житейской борьбы.

Пусть 100000 рабочихъ печатнаго дѣла въ состояніи поставлять книги для 34 милліоновъ людей, предположимъ далѣе, что цѣна книгъ доступна лишь для трети потребителей. Ясно, что эти 100000 рабочихъ произведутъ въ три раза больше того, что въ состояніи продать книгопродавцы. Для того чтобы производство шло въ уровень съ потребленіемъ, необходимо, чтобы рабочіе работали всего одинъ день изъ трехъ или-же чтобы они смѣнялись по третямъ каждую недѣлю, каждый мѣсяцъ или каждую четверть года—другими словами, въ остальныя двѣ трети своей жизни исчезали съ лица земли. Но промышленность, управляемая собственностью, не признаетъ этой регламентаціи; для нея важно производить много въ короткое время, потому что чѣмъ больше масса продуктовъ, чѣмъ быстрѣе процессъ производства, тѣмъ меньше цѣна каждаго отдѣльнаго экземпляра продукта. При первыхъ признакахъ истощенія заготовленныхъ продуктовъ, мастерскія наполняются, всѣ берутся за работу; торговля процвѣтаетъ, хозяева и рабочіе поздравляютъ себя съ успѣхомъ. Но чѣмъ горячѣе работа, тѣмъ больше придется потомъ бездѣйствовать; чѣмъ больше вы радуетесь, тѣмъ больше будете плакать впослѣдствіи. При режимѣ собственности цвѣты промышленности служатъ только для надгробныхъ вѣнковъ: трудящійся рабочій копаетъ свою собственную могилу.

Въ то время какъ мастерская стоитъ безъ работы, капиталъ продолжаетъ приносить проценты; хозяинъ, понятно, старается поддержать свое производство, сокращая издержки его. На сцену выступаетъ уменьшеніе заработной платы, машины, дѣтскій и женскій трудъ, обезцѣненіе ручной работы и ухудшеніе фабриката. Производство еще держится, потому что сокращеніе издержекъ производства позволяетъ расширить рынокъ сбыта; но этому скоро долженъ наступить конецъ, потому что низкія цѣны покоятся исключительно на увеличеніи и ускореніи производства, послѣднее, слѣдовательно, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, имѣетъ тенденцію превысить потребленіе. И вотъ производство останавливается, потому что заработной платы съ трудомъ хватаетъ на прокормленіе рабочаго; здѣсь результаты собственности становятся во-истину ужасными: рабочіе не имѣютъ никакихъ сбереженій, никакихъ запасовъ или капиталовъ, которые позволили-бы имъ продержаться хоть еще одинъ лишній

ЦАБ "Автограф"

день. Сегодня хозяинъ закрываетъ мастерскую; завтра рабочій бродитъ по улицамъ съ голоднымъ желудкомъ; послѣзавтра—смерть въ больницѣ или отдыхъ въ тюрьмѣ.

Эта страшная ситуація усложняется еще новыми фактами. Благодаря нагроможденію товаровъ и крайнему паденію цѣнъ, предприниматель въ скоромъ времени оказывается не въ состояніи платить проценты за взятые имъ капиталы; иностранные акціонеры спѣшатъ забрать свои капиталы, производство пріостанавливается, работы нѣтъ. Люди удивляются тогда, что капиталы уходятъ изъ торговли и наводняютъ биржу; и изъ устъ Бланки я слышалъ однажды горькія жалобы на неразумie и невѣжество капиталистовъ. Причина этого движенія капиталовъ очень проста; но именно поэтому политико-экономъ не могъ замѣтить ее или, вѣрнѣе, не смѣлъ указать на нее; этой причиной является исключительно *конкурренція*.

Я называю конкурренціей не только соперничество двухъ производствъ въ одной и той-же отрасли, но общія и одновременныя усилія всѣхъ индустрій обогнать другъ друга. Это дошло теперь до того, что цѣна товаровъ еле покрываетъ издержки производства и продажи; такъ что, послѣ вычета заработной платы, не остается ровно ничего, даже процентовъ для капиталиста.

Итакъ, первой причиной застоевъ въ промышленности и торговли является процентъ съ капитала, процентъ, который древніе единодушно клеймятъ именемъ *лихвы*, когда онъ является цѣной за деньги, но никто еще не рѣшился осудить въ другихъ его наименованіяхъ: какъ чиншъ (наемную плату), ренту или прибыль; какъ-будто рядъ занятыхъ вещей можетъ оправдать вознагражденіе за заемъ, *воровство*!

Доходъ капиталиста позволяетъ всегда заключить объ интенсивности и частости торговыхъ кризисовъ; и обратно. Хотите-ли вы знать, въ чемъ заключается регуляторъ общества? Освѣдомитесь о суммѣ активныхъ, т. е. несущихъ проценты, капиталовъ и о легальной нормѣ процентовъ. Ходъ событій будетъ однимъ сплошнымъ рядомъ краховъ, а сила ихъ и число будутъ зависѣть отъ дѣятельности капиталовъ.

Въ 1839 г. число банкротствъ въ одномъ Парижѣ составляло 1064; эта пропорція наблюдалась и въ первые мѣсяцы 1840 г., а теперь, когда я пишу эти строки, кризисъ, по всѣмъ видимостямъ, не пришелъ еще къ концу. Кромѣ того, по слухамъ, число фирмъ, ликвидирующихъ свои дѣла, немного превосходитъ число объявленныхъ банкротствъ; судите по этому потоку о засасывающей силѣ пучины.

Общество уничтожается то незамѣтно и хронически, то рѣзкими періодическими взрывами; это зависитъ отъ различныхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаетъ собственность. Въ странѣ мелкой собственности и мелкой промышленности права и требованія отдѣльныхъ лицъ уравновѣшиваютъ другъ друга, такъ что сила потока парализуется; здѣсь, собственно говоря, не существуетъ собственности, такъ какъ господскія права остаются почти безъ примѣненія. Положеніе работниковъ, въ смыслѣ обезпеченности ихъ жизни, приблизительно такое-же, какъ если-бы между ними господствовало абсолютное равенство; они лишены всѣхъ выгодъ свободной и полной ассоціаціи, но ихъ жизни, по крайней мѣрѣ, не грозитъ опасность. За исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ жертвъ права собственности (никто, конечно, не догадывается о настоящей причинѣ ихъ несчастья), общество кажется вполнѣ спокойнымъ въ этомъ подобіи равенства; но будьте осторожны, оно уравновѣшено на клинкѣ шпаги—малѣйшій толчокъ, и оно упадетъ и разобьется на смерть.

Обыкновенно вихрь собственности локализируеся; съ одной стороны, рента останавливается на извѣстномъ пунктѣ, съ другой стороны, бла-

ЦАБ "Автограф"

Годаря конкурренціи и излишку производства, цѣна продуктовъ промышленности не увеличивается; такъ-что положеніе крестьянина не измѣняется и зависитъ только отъ погоды. Итакъ разрушительное дѣйствіе собственности направлено главнымъ образомъ противъ промышленности. Потому мы говоримъ обыкновенно *торговые кризисы*, а не *земледѣльческіе кризисы*: фермера собственность сокрушаетъ постепенно, тогда какъ промышленника она губитъ однимъ ударомъ. Поэтому также застои въ мануфактурахъ, гибель имуществъ, блокада рабочаго класса, часть котораго регулярно отправляется на большую дорогу, въ госпитали, тюрьмы и на каторгу.

Подведемъ итоги:

Собственность продаетъ работнику, продуктъ по цѣнѣ, превышающей ту, которую она ему платитъ за него; поэтому она невозможна.

Приложеніе къ пятому тезису.

1. Извѣстные реформаторы и даже большинство публицистовъ, которые, не принадлежа къ той или другой школѣ, изыскиваютъ средства для улучшенія положенія самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса населенія, придаютъ теперь большое значеніе раціональной организаціи труда. Въ особенности усердствуютъ въ этомъ отношеніи ученики Фурье— они все превозносятъ намъ свою *фаланстеру* и въ то-же время глумятся надъ глупостью и смѣхотворностью другихъ сектъ. Эта полдюжина несравненныхъ геніевъ дошла до великолѣпнаго открытія: *пять плюсъ четыре равняются девяти, отымите два, останется девять* и оплакиваютъ неразуміе Франціи, которая отказывается вѣрить этой невѣроятной ариѳметикѣ *).

Дѣйствительно, фурьеристы заявляютъ себя съ одной стороны какъ охранители собственности и хозяйскихъ правъ, которыя они опредѣлили слѣдующимъ образомъ: *Каждому по его капиталу, труду и таланту*; съ другой стороны, они желаютъ, чтобы рабочій пользовался всѣми благами общества, а это значитъ, его-же собственнымъ продуктомъ. Не правда-ли, это все равно, что сказать рабочему: Работай, ты будешь имѣть 3 франка въ день; ты будешь жить на 55 су, остальное отдашь собственнику и употребишь такимъ образомъ свои 3 франка?

Если эти слова не самое точное резюме системы Ш. Фурье, я готовъ подписаться своей кровью подъ всѣми фаланстерскими нелѣпицами.

Какая польза отъ реформы промышленности и сельскаго хозяйства, короче—къ чему работать, если остается собственность, и трудъ никогда не можетъ покрыть издержекъ?

Безъ отмѣны собственности организація труда является лишь еще одной новой иллюзіей. Учетверите производство (послѣ всего сказаннаго я не считаю это невозможнымъ), это все-же будетъ напраснымъ трудомъ: если излишекъ продукта не находитъ потребителя, онъ не имѣетъ стоимости, и собственникъ не соглашается взять его въ качествѣ процента; если-же онъ будетъ потребленъ, то всѣ отрицательныя стороны собственности опять возстаютъ передъ нами. Надо сознаться, что теорія влеченія страстей отказывается служить здѣсь: въ своемъ стремленіи гармонировать *страсть* собственности, страсть зловредную, чтобы ни говорилъ Фурье, онъ самъ подставилъ себѣ ножку.

---

*) О Фурье разсказываютъ, что, когда ему приходилось помножить цѣлое число на дробь, у него всегда получалось число, немного больше, чѣмъ множимое. Онъ утверждалъ, что въ состояніи гармоніи ртуть должна отвердѣвать при температурѣ выше нуля; это равносильно тому, какъ если-бъ онъ сказалъ, что гармоніи дадутъ намъ раскаленный ледъ. Я спросилъ разъ одного очень умнаго фаланстериста, какого мнѣнія онъ объ этой физикѣ. *Я не знаю*, отвѣтилъ онъ, *но вѣрю*. Этотъ самый господинъ не вѣрилъ въ реальность существующаго.

ЦАБ "Аверкаро"

Абсурдность фаланстерскаго хозяйства такъ очевидна, что многіе считаютъ Фурье, несмотря на всѣ его реверансы передъ собственниками, тайнымъ врагомъ собственности. Этотъ взглядъ можетъ основываться на спеціальныхъ соображеніяхъ; тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь присоединиться къ нему. Иначе пришлось-бы преувеличить долю шарлатанства въ Фурье въ ущербъ его искренности. Я лучше буду исходить изъ невѣжества Фурье (которое къ тому-же установлено) чѣмъ изъ его двуличности. Что касается учениковъ его, то о нихъ можно составить себѣ мнѣніе только тогда, когда они разъ навсегда и безъ всякой reservatio mentalis, напрямки заявятъ, хотятъ-ли они сохранить собственность или нѣтъ, и что они понимаютъ подъ своимъ хваленымъ девизомъ: *Всякому по его капиталу, труду и таланту.*

II. Однако — замѣтитъ намъ полуобращенный собственикъ — если упразднить банкъ, ренты, аренду, съемку, ростовщичество, наконецъ, самое собственность, не даетъ-ли это намъ возможность распредѣлять продукты сообразно способностямъ каждаго? Это была мысль Сен-Симона, она стала также мыслью Фурье, это голосъ человѣческой совѣсти, вѣдь нельзя требовать, чтобъ министръ жилъ точно такъ-же, какъ мужикъ.

Ахъ, Мидасъ, длинныя-же у тебя уши! Какъ! Неужели ты никогда не поймешь, что привиллегированное положеніе и — droit d'aubaine, право собственника на доходъ съ его вещи, въ сущности одно и то-же? Сен-Симонъ хотѣлъ совмѣстить неравенство и общину, Фурье неравенство и собственность; это, конечно, было далеко не самымъ безобиднымъ промахомъ со стороны обоихъ учителей и ихъ овецъ. Но ты, человѣкъ разсчета, человѣкъ хозяйства, человѣкъ, знающій наизусть свои *логариѳмическія* таблицы, какъ это ты могъ впасть въ такую грубую ошибку? Развѣ ты забылъ, что съ точки зрѣнія политической экономіи продуктъ человѣка оцѣнивается лишь по потраченному на него труду, совершенно безразлично — каковы-бы ни были способности этого человѣка, и что трудъ человѣка стоитъ лишь столько, сколько его потребленіе? Ты напоминаешь мнѣ нашего великаго творца конституцій, жалкаго Пинейро-Ферейра, этого Сійэса девятнадцатаго столѣтія, который дѣлитъ націю на двѣнадцать классовъ гражданъ или, если хочешь, двѣнадцать ступеней—и назначаетъ однимъ содержаніе въ 100.000 фр., другимъ—80.000; затѣмъ 25000, 15000, 10000 и т. д., до 1500 и 1000 фр., минимумъ бюджета свободнаго гражданина. Пинейро любитъ ранги и отличія, государство безъ сановниковъ было для него такой-же невозможной вещью, какъ армія безъ барабанщиковъ; а такъ какъ онъ также любилъ или воображалъ, что любитъ свободу, равенство и братство, то онъ сдѣлалъ изъ благъ и золъ нашего стараго общества эклектическій винегретъ, который и преподноситъ намъ въ видѣ своей доморощенной конституціи. Восхитительный Пинейро! Свобода вплоть до пассивнаго повиновенія, братство вплоть до единства языка, равенство вплоть до жюри и гильотины—вотъ его идеалъ республики. Непризнанный геній, нашъ вѣкъ былъ недостоинъ тебя, потомство отомститъ за тебя.

Слушай, собственникъ. Фактически неравенство способностей существуетъ; но юридически оно недопустимо, оно не считается, не существуетъ. Одного Ньютона хватитъ на цѣлое столѣтіе и на 30 милліоновъ человѣкъ; психологъ восторгается рѣдкостью такого превосходнаго генія, но законодатель знаетъ только рѣдкость общественной функціи генія. Но рѣдкость функціи не создаетъ привиллегіи въ пользу функціонера, а именно по слѣдующимъ, одинаково непреложнымъ, причинамъ.

1) По мысли Создателя рѣдкость генія вовсе не должна была вести къ тому, чтобы общество падало ницъ передъ человѣкомъ, одареннымъ необычайными способностями; создавая генія, Провидѣніе заботилось

ЦАБ "Автограф"

лишь о томъ, чтобы каждая функція была исполнена къ вящему благу всего человѣчества.

2) Талантъ въ гораздо большей степени является продуктомъ общества, нежели даромъ природы; онъ представляетъ собой накопленный капиталъ—лицо, получающее его, является лишь его депозиторомъ. Безъ общества, безъ даваемаго имъ воспитанія и его могучей поддержки прекраснѣйшій характеръ останется позади самыхъ посредственныхъ способностей—даже въ той области, которая должна создать его славу. Чѣмъ обширнѣе знанія человѣка, чѣмъ грандіознѣе его фантазія. чѣмъ богаче его таланты,—тѣмъ дороже обошлось его воспитаніе, тѣмъ блистательнѣе и многочисленнѣе были его предшественники и учителя, тѣмъ значительнѣе его долгъ передъ обществомъ. Земледѣлецъ производитъ отъ колыбели до могилы; плоды науки и искусства согрѣваютъ поздно и рѣдко, часто дерево чахнетъ, не принесши плодовъ. Воспитывая талантъ, общество приноситъ жертву своимъ надеждамъ.

3) Для сравненія способностей у насъ нѣтъ никакого критерія; неравенство талантовъ—даже при одинаковыхъ условіяхъ развитія—сводится лишь къ спеціальности дарованій.

4) Неравное вознагражденіе, какъ и право собственности, экономически невозможно. Я беру самый благопріятный случай: каждый работникъ изготовилъ максимальную сумму продукта; если по справедливости распредѣлить между ними продуктъ, то каждому должна достаться часть, равная общей суммѣ продукта, дѣленной на число производителей. Что останется послѣ этого дѣленія для спеціальнаго вознагражденія крупныхъ талантовъ? Ровно ничего.

Быть можетъ, вы предложите наложить съ этой цѣлью контрибуцію на всѣхъ производителей? Но въ такомъ случаѣ ихъ потребленіе не будетъ равно ихъ производству, ихъ заработная плата не оплатитъ ихъ участія въ производствѣ, работникъ не будетъ въ состояніи выкупить своего продукта—мы снова будемъ имѣть передъ собой режимъ собственности со всѣми его бѣдствіями. Не говорю уже о кривдѣ, учиненной по отношенію къ пострадавшему рабочему, объ уязвленномъ самолюбіи, о ненависти и соперничествѣ, которыя пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтутъ на этой почвѣ; всѣ эти соображенія могутъ имѣть свое значеніе, но не ведутъ прямо къ цѣли.

Разъ задача каждаго работника легка и кратка, а средства для успѣшнаго выполненія ея одинаковы, откуда возьмутся здѣсь крупные и мелкіе производители? Съ другой стороны, если всѣ функціи равны другъ другу, потому ли что всѣ таланты и способности въ дѣйствительности равны между собой, потому ли что они проявляются въ сотрудничествѣ всего общества, то съ какимъ правомъ тотъ или иной функціонеръ станетъ ссылаться на превосходство своего генія и требовать соотвѣтственнаго вознагражденія?

Но что я говорю! При равенствѣ заработная плата всегда соотвѣтствуетъ способностямъ работника. Что представляетъ собой заработная плата въ народномъ хозяйствѣ? Производительное потребленіе работника. Уже сама производительная дѣятельность работника является потребленіемъ его, равнымъ его производству—производству, которое требуется съ него. Астрономъ производитъ свои наблюденія, поэтъ—стихи, ученый—опыты; при этомъ они потребляютъ свои инструменты, книги, поѣздки съ научной цѣлью и т. д.; общество дѣлаетъ для нихъ возможнымъ это потребленіе, какого-же еще соотвѣтствующаго вознагражденія станутъ для себя требовать наши астрономы, поэтъ и ученый? Нашъ выводъ: въ равенствѣ и только въ равенствѣ требованіе Сен-Симона: *Каждому по его способности, каждой способности по ея дѣламъ* находитъ себѣ полное и дѣйствительное осуществленіе.

ЦАБ "Анархія"

III. Тяжкая рана, страшная и постоянно зіяющая рана собственности, заключается въ томъ, что она постоянно и необходимо создаетъ излишекъ населенія, какъ ни уменьшать это послѣднее. Во всѣ вѣка раздавались жалобы на излишекъ населенія; собственность всегда чувствовала себя стѣсненной наличностью пауперизма, не замѣчая, что она является единственной причиной его—нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ тѣ разнообразныя средства, которыя придумывала собственность для устраненія этого зла. Жестокость и нелѣпость оспариваютъ здѣсь другъ у друга пальму первенства.

Въ древнемъ мірѣ обычнымъ средствомъ было выбрасываніе младенцевъ. Истребленіе рабовъ оптомъ и въ розницу, внѣшнія и междуусобныя войны, тоже дѣлали свое дѣло. Въ древнемъ Римѣ, гдѣ собственность была всесильна и неумолима, эти три средства практиковались такъ долго и съ такимъ успѣхомъ, что въ концѣ концовъ имперія оказалась безъ обитателей. Когда пришли варвары, они не нашли людей; поля не были воздѣлываемы; улицы итальянскихъ городовъ заросли травой.

Въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ эту миссію исполняетъ голодъ: онъ съ большимъ успѣхомъ истребляетъ съ лица земли бѣдняковъ. Такъ какъ рисъ является здѣсь чуть ли не единственной пищей бѣднаго люда, достаточно какой-нибудь случайной помѣхи вродѣ засухи, и въ нѣсколько дней голодъ губитъ миріады людей; и мандаринъ-историкъ запишетъ въ лѣтописи Небесной Имперіи, что въ такомъ-то и такомъ-то году, при такомъ-то императорѣ, голодъ унесъ въ могилу 20, 30, 50, 100 тысячъ жителей. Мертвые зарыты въ землю, живые снова принимаются за производство потомства, пока снова не настанетъ голодъ и пойдетъ косить направо и налѣво. Повидимому, конфуціанская экономика всегда сводилась къ этому круговороту,

Я заимствую у одного современнаго писателя-экономиста слѣдующія детали:

„Съ четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтія пауперизмъ является язвой англійскаго народнаго хозяйства; противъ нищихъ издаются драконовскіе законы". (А между тѣмъ населеніе тогдашней Англіи не составляло и четверти ея нынѣшняго народонаселенія).

Эдуардъ запрещаетъ давать милостыню, подъ угрозой тюрьмы... Декреты 1547 и 1656 г. высказываются въ такомъ же духѣ на случай рецидива.—Елизавета постановила, что каждый приходъ долженъ кормить своихъ бѣдныхъ. Но что такое бѣдный? Карлъ II постановилъ, что сорокадневное пребываніе въ общинѣ безъ возраженій со стороны послѣдней, даетъ въ ней право гражданства; но если община заблаговременно заявляетъ протестъ, пришелецъ вынужденъ убираться во свояси. Яковъ II модифицируетъ это постановленіе, Вильгельмъ тоже. А пока что, пока совершались эти изслѣдованія, донесенія и модификаціи, пауперизмъ все растетъ, рабочій изнемогаетъ и умираетъ.

Налогъ для бѣдныхъ превосходитъ въ 1744 г. 40 милліоновъ франковъ, въ 1783, 1784, 1785 г.—средніе годы—онъ составляетъ 53 милліона; въ 1813 г. болѣе 187 милліоновъ 500 тысячъ франковъ; въ 1816 г -250 милліоновъ; въ 1817 г. его вычисляютъ въ 317 милліоновъ.

Въ 1821 г. насчитывалось до 4 милліоновъ бѣдныхъ, приписанныхъ по приходамъ, т. е. отъ трети до четверти всего населенія Англіи.

Франція. Въ 1544 г. Франциск I ввелъ принудительный налогъ-милостыню для бѣдныхъ. Въ 1566, 1586 г. издаются подобные же эдикты для всего королевства.

При Людовикѣ XIV-мъ въ столицѣ насчитывалось 40.000 нищихъ (по времени столько же, сколько и теперь). Противъ нищенства были

ЦАБ "Автограф"

изданы строгіе ордонансы. Въ 1740 г. Парижскій парламентъ декретируетъ, въ свою очередь, принудительный налогъ-милостыню.

Конституанта, испуганная размѣрами ала и трудностями борьбы съ нимъ, декретируетъ возстановленіе *statu quo*.

Конвентъ объявляетъ *долгомъ націи* помощь нищимъ.—Его законъ остается безъ выполненія.

Наполеонъ тоже ищетъ средствъ помочь алу: его законъ прибѣгаетъ къ изолированію бѣдныхъ. Такимъ путемъ—говорилъ онъ—я избавлю богатыхъ отъ назойливости нищихъ и отъ отталкивающаго зрѣлища бѣдноты и нужды. О, великій мужъ!

Изъ этихъ фактовъ — а ихъ можно было-бы привесть гораздо больше—вытекаетъ слѣдующее: во-первыхъ, что пауперизмъ не зависитъ отъ народонаселенія, во-вторыхъ, что всѣ средства, испробованныя для его искорененія, оказывались до сихъ поръ недѣйствительными.

Католическая церковь строила больницы, монастыри, восхваляла благостыню, другими словами—поощряла нищенство; геній ея, говорившій устами ея священнослужителей, шелъ дальше.

Свѣтская власть въ христіанскихъ государствахъ то налагала на богатыхъ подати въ пользу бѣдныхъ, то изгоняла или запирала въ тюрьмы бѣдныхъ: первое средство является насиліемъ надъ правомъ собственности, второе—убійствомъ и гражданской смертью.

Политико-экономы новаго времени вообразили себѣ, что причина пауперизма заключается исключительно въ излишкѣ населенія и поэтому сочиняютъ главнымъ образомъ средства для предотвращенія слишкомъ быстраго его роста. Одни желали-бы, чтобъ бѣднымъ запретили вступать въ бракъ; съ одной стороны, значитъ, ополчаются противъ церковнаго целибата, а съ другой предлагаютъ ввести обязательный целибатъ для бѣдныхъ, который необходимо долженъ будетъ стать источникомъ разврата.

Другіе несогласны съ этимъ средствомъ, слишкомъ крайнимъ, какъ они говорятъ, и отымающимъ у бѣдняка *единственное удовольствіе, которое онъ знаетъ на свѣтѣ*. Они хотѣли-бы только внушить бѣднякамъ *благоразуміе*. Мнѣніе Мальтуса, Сисмонди, Сэя, Дроза, Дюшателя и др. Но если вы хотите, чтобы бѣдняки были благоразумны, пусть богатые показываютъ имъ примѣръ благоразумія; почему разрѣшить богатому вступать въ бракъ съ 18 лѣтъ, а бѣдняку лишь въ 30?

Вообще желательно было-бы, чтобы на эту тему высказались вполнѣ опредѣленно; что это за супружеское благоразуміе, которое такъ настоятельно рекомендуютъ рабочему? Здѣсь можно опасаться самыхъ досадныхъ недоразумѣній, и я думаю, что политико-экономы не вполнѣ согласны между собой на этотъ счетъ. „Наивные священники возмущаются, когда говорятъ о благоразуміи въ бракѣ: они боятся, что это значитъ возставать противъ слова Божьяго: *плодитесь и размножайтесь*. Чтобы быть послѣдовательными, они должны были-бы наложить анаѳему на всѣхъ живущихъ въ безбрачіи“ (I. Droz. Economie politique).

Дрозъ слишкомъ честный человѣкъ и слишкомъ мало теологъ, чтобы понять причину возмущенія казуистовъ, и это цѣломудренное невѣдѣніе служитъ лучшимъ доказательствомъ чистоты его намѣреній. Религія никогда не поощряла раннихъ браковъ, а порицаемое ею *благоразуміе* относится къ тому сорту, который охарактеризовалъ въ латинскихъ словахъ Санхо: An licet ob metum liberorum semen extra vas ejicere?

Дестю-де-Траси, повидимому, не сочувствуетъ ни тому, ни другому благоразумію, онъ говоритъ: „Признаюсь, я не раздѣляю ни точки зрѣнія моралистовъ, желающихъ сохранить и стѣснить наши наслажденія, ни мнѣнія политиковъ, стоящихъ за быстрый ростъ населенія и увели-

ЦАБ "Автоград"

ченіе рождаемости". По его мнѣнію, пусть люди любятся и женятся, сколько душѣ угодно. Но любовь и браки усиливаютъ въ результатѣ нищету. Нашъ философъ нисколько не обезпокоенъ этимъ. Вѣрный своему догмату о необходимости зла, онъ отъ зла ожидаетъ разрѣшенія всѣхъ проблемъ. „Всѣ классы общества одинаково размножаются, излишекъ высшихъ классовъ постепенно переходитъ въ низшіе, а излишекъ послѣдняго класса неизбѣжно истребляется нищетой". Эта философія имѣетъ мало открытыхъ приверженцевъ; но она имѣетъ то неоспоримое преимущество передъ другими, что подтверждается на практикѣ. Она была недавно преподнесена Франціи и съ парламентской трибуны, во время преній объ избирательной реформѣ; *бѣдные будутъ всегда*; этимъ политическимъ афоризмомъ министръ разбилъ въ пухъ и прахъ аргументацію Араго. Да, *бѣдные будутъ всегда*—при режимѣ собственности!

Фурьеристы, подарившіе міру уже столько чудесъ, и въ этой области остались вѣрны своему характеру. Они изобрѣли четыре средства для сокращенія, по желанію, роста народонаселенія.

1) *Крѣпость женщины.* Опытъ говоритъ однако обратное. Если крѣпкія женщины и не забеременѣваютъ всегда быстрѣе другихъ, то во всякомъ случаѣ онѣ рожаютъ самыхъ жизнеспособныхъ дѣтей. Преимущество материнства остается за ними.

2) *Всестороннее упражненіе* или равномѣрное развитіе всѣхъ физическихъ способностей человѣка. Но почему, при *равномѣрномъ развитіи* всѣхъ способностей, способность дѣторожденія должна уменьшиться?

3) *Гастрософическій режимъ*, что въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ философія чревоугодничества. Фурьеристы утверждаютъ, что обильная и растительная пища сдѣлаетъ женщинъ безплодными, точно такъ-же какъ обиліе соковъ дѣлаетъ цвѣты красивѣе и богаче, но портитъ ихъ плодъ. Но аналогія невѣрна: выкидышъ плода у цвѣтовъ происходитъ оттого, что пыльники или мужскіе органы превращаются въ лепестки, какъ можно наблюдать, напримѣръ, на розахъ, и оттого, что обиліе влаги отняло у пыльниковъ ихъ производительную силу. Для того чтобы гастрософическій режимъ привелъ къ ожидаемымъ отъ него результатамъ, недостаточно откармливать самокъ, надо также сдѣлать импотентными самцевъ.

4) *Явнобрачные нравы*, или всенародный конкубинатъ. Не могу взять въ толкъ, почему поклонники фаланстеры прибѣгаютъ къ греческимъ словамъ (les moeurs phanérogames), когда эти самыя идеи можно отлично высказать и на французскомъ языкѣ. Это средство, такъ-же какъ и предыдущее, заимствовано изъ арсенала нашей цивилизаціи: Фурье самъ ссылается на примѣръ публичныхъ женщинъ. Но фактъ тотъ, что въ этой области далеко еще не все выяснено; Паранъ-Дюшатле прямо заявляетъ это въ своей книгѣ *о Проституціи*.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, постоянная народная практика, философія, политическая экономія и, наконецъ, новѣйшіе реформаторы находятъ слѣдующія средства противъ пауперизма и дѣторожденія: мастурбацію, онанизмъ *), педерастію, трибадизмъ, поліандрію, проституцію, кастрацію, изолированіе, вытравленіе плода и дѣтоубійство **).

*) Hoc inter se differunt onanismus et manuspratio, nempe quod haec à solitario exercetur, iile autem à duobus reciprocatur, masculo scilicet et faemina. Porro foedam hanc onanismi venerem ludentes uxoria mariti habent nunc omnium suavissimam.

**) Въ недавнее время въ Англіи вышла брошюра, авторъ которой, называющій себя ученикомъ Мальтуса, открыто требуетъ дѣтоубійства. Онъ предлагаетъ *ежегодное избіеніе младенцевъ* во всѣхъ семьяхъ, въ которыхъ число дѣтей окажется, выше уста-

ЦАБ "Автограф"

Такъ какъ всѣ эти средства оказались недостаточными, то остается одна проскрипція.

Къ несчастью, обрушиваясь на бѣдняковъ, проскрипція лишь увеличитъ ихъ пропорцію. Если процентъ, взимаемый собственникомъ съ продукта, составляетъ, скажемъ, лишь одну двадцатую продукта (по закону, онъ равняется двадцатой долѣ капитала), то изъ этого вытекаетъ, что 20 работниковъ производятъ лишь за 19; потому что между ними имѣется тотъ, кого называютъ собственникомъ—онъ ѣстъ за двоихъ. Предположимъ теперь, что 20-ый работникъ, бѣдный, будетъ убитъ; въ слѣдующій годъ производство уменьшится на $^1/_{20}$; поэтому 19-му работнику придется отдать свою долю и погибнуть. Собственнику должна быть уплачена не $^1/_{20}$-ая часть продукта девятнадцати работниковъ, а $^1/_{20}$-ая продукта двадцати (смотри третій тезисъ), поэтому всякій оставшійся въ живыхъ работникъ долженъ отдать изъ своего продукта $^1/_{20}$-ую плюсъ $^1/_{400}$; другими словами, теперь долженъ отправиться къ праотцамъ уже одинъ на 19. Итакъ, пока существуетъ собственность, истребленіе бѣдняковъ лишь увеличиваетъ ихъ пропорцію въ общемъ числѣ населенія.

Мальтусъ, который съ такой ученостью доказалъ, что народонаселеніе растетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ производство увеличивается лишь въ прогрессіи ариѳметической, не замѣтилъ этой *пауперизирующей* силы собственности. Если-бъ не это, онъ понялъ-бы, что прежде чѣмъ искать средствъ противъ чрезмѣрнаго дѣторожденія, надо уничтожить сначала право собственности, потому что, какъ-бы ни богата и обширна была почва, она всегда будетъ имѣть излишекъ населенія, если на ней допущено право собственности.

Вы спросите, быть-можетъ, какое-же средство предложу я, для того чтобы держать въ равновѣсіи народонаселеніе. такъ какъ рано или поздно придется рѣшить эту проблему. Читатель позволитъ мнѣ не называть здѣсь этого средства. Потому что, по моему мнѣнію, не имѣетъ смысла утверждать что нибудь безъ доказательствъ; а для того, чтобы изложить вамъ, мое средство во всей его полнотѣ, мнѣ понадобился-бы, по крайней мѣрѣ, цѣлый трактатъ. Это нѣчто столь простое и великое, столь обыденное и благородное, столь истинное и непризнанное, столь святое и вульгарное, что назвавши его, не приводя доказательствъ и объясненій, я вызову только смѣхъ и презрѣніе.. Ограничусь слѣдующимъ: осуществите равенство, и это средство предстанетъ передъ вами — одна истина влечетъ за собой другую, точно такъ-же какъ заблужденія и преступленія.

Тезисъ шестой.

Собственность невозможна, потому что она мать тиранніи.

Что такое правительство? Правительство—это публичное хозяйство, верховное управленіе работъ и имуществъ всей націи.

Нація какъ-бы одно большое товарищество, въ которомъ всѣ граждане являются акціонерами; каждый имѣетъ совѣщательный голосъ на общемъ собраніи, а при равенствѣ акцій участвуетъ также въ голосованіи. Но при режимѣ собственности паи акціонеровъ составляютъ крайне различныя суммы, поэтому одинъ изъ акціонеровъ имѣетъ нѣсколько сотъ

новленной ей закономъ нормы; для погребенія излишнихъ дѣтей онъ предлагаетъ устроить особое роскошное кладбище, украшенное статуями, клумбами, фонтанами и цвѣтами. Матери будутъ приходить въ этотъ чудный уголокъ мечтать о блаженствѣ своихъ ангелочковъ и будутъ возвращаться домой вполнѣ утѣшенныя, для того чтобы произвесть на свѣтъ новый комплексъ ихъ, который, въ свою очередь, постигаетъ таже участь.

ЦАБ "Автограф"

голосовъ, другой—только одинъ голосъ. Если, напримѣръ, я имѣю милліонъ дохода, т. е. обладаю собственностью въ 30—40 милліоновъ, которая составляетъ одну тридцатитысячную часть національнаго капитала, то ясно, что верховное управленіе моимъ добромъ составляетъ одну тридцатитысячную всего правительства, что—предполагая составъ націи въ 34 милліона человѣкъ—я одинъ стою столько, сколько 1133 простыхъ акціонеровъ.

Слѣдовательно, Араго вполнѣ правъ, требуя избирательнаго права для всѣхъ національныхъ гвардейцевъ: каждый гражданинъ записанъ по меньшей мѣрѣ на одну національную акцію, которая даетъ ему право на одинъ голосъ. Но знаменитый ораторъ долженъ былъ-бы въ то-же время требовать для каждаго гражданина столько голосовъ, сколько онъ имѣетъ акцій, какъ это принято въ торговыхъ обществахъ. Иначе это равносильно было-бы тому, что общество распоряжается имуществомъ частныхъ лицъ, не спрашивая этихъ послѣднихъ, а это противорѣчитъ праву собственности.

Итакъ отдѣльный гражданинъ можетъ и долженъ быть надѣленъ суверенитетомъ лишь пропорціонально своей собственности; отсюда слѣдуетъ, что мелкіе акціонеры отдали въ полное распоряженіе крупнымъ акціонерамъ, которые могутъ, при желаніи, сдѣлать изъ нихъ своихъ рабовъ, женить ихъ по своей прихоти, отбирать у нихъ женъ, превращать ихъ сыновей въ евнуховъ, а дочерей въ наложницъ, выбрасывать стариковъ на улицу; они даже вынуждены поступать такъ, если не предпочтутъ сами нести бремя содержанія своихъ слугъ. Именно въ такомъ положеніи находится теперь Великобританія: Джонъ-Буль, равнодушный къ свободѣ, равенству и человѣческому достоинству, предпочитаетъ служить и попрошайничать. Но ты, bonhomme Jaques?

Собственность несовмѣстима съ политическимъ и гражданскимъ равенствомъ, стало-быть, не возможна.

Историческій комментарій. 1) Декретируя вдвое больше голосовъ для третьяго сословія, Генеральные Штаты 1789 г. совершили крупное насиліе надъ собственностью. Знать и духовенство владѣло тремя четвертями всей территоріи Франціи, поэтому они должны были составить три четверти національнаго представительства. Гегемонію третьяго сословія въ парламентѣ оправдываютъ тѣмъ, что народъ одинъ несетъ почти всю тяжесть налоговъ. Этотъ аргументъ былъ-бы дѣйствительнымъ, если-бъ дѣло было только въ вотированіи налоговъ; но рѣчь шла также о реформѣ правительства и конституціи; а въ такомъ случаѣ это двойное число голосовъ было узурпаціей и насиліемъ надъ собственностью.

2) Если-бы нынѣшніе представители радикальной оппозиціи получили власть въ свои руки, они дали-бы всякому національному гвардейцу пассивное и активное избирательное право. Это, опять-таки, насиліе надъ собственностью.

Они провели-бы конверсію ренты: насиліе надъ собственностью.

Они издали-бы въ интересахъ общества законы о вывозѣ скота и хлѣба: насиліе надъ собственностью.

Они измѣнили-бы податную систему: насиліе надъ собственностью.

Они провели-бы безплатное народное обученіе: заговоръ противъ собственности.

Они провели-бы организацію труда, т. е. обезпечили-бы рабочему работу и участіе въ прибыляхъ: конецъ собственности.

А между тѣмъ эти-же самые радикалы являются ревностными защитниками собственности, радикальное доказательство, что они не вѣдаютъ, что творятъ и къ чему стремятся.

3) Такъ какъ собственность является главной причиной привиллегій

ЦАБ "Автограф"

и деспотизма, республиканская присяга: *„Клянусь въ ненависти къ монархіи“*, должна получить иную формулировку; отнынѣ всякій новопоступающій членъ тайнаго общества долженъ заявить: *„Клянусь въ ненависти къ собственности“*.

Седьмой тезисъ.

Собственность невозможна, потому что потребляя свою часть она теряетъ ее, сберегая—аннулируетъ ее, капитализируя—обращаетъ ее противъ производства.

I) Если вмѣстѣ съ политико-экономами смотрѣть на рабочаго, какъ на живую машину, то заработная плата является издержками, необходимыми на содержаніе и починки этой машины. Хозяинъ мануфактуры, имѣющій рабочихъ и служащихъ съ 3, 5, 10 и 15 франками ежедневнаго заработка, а самому себѣ назначившій 20 фр. за свою верховную администрацію, не считаетъ всѣ свои издержки потерянными капиталомъ: онъ знаетъ, что онѣ вернутся къ нему въ видѣ продукта. Итакъ *трудъ есть производительное потребленіе.*

Что такое собственникъ? Это машина, которая не функціонируетъ; если она функціонируетъ, то только для своего удовольствія и каприза, при этомъ она остается совершенно непроизводительной.

Что такое потребленіе собственника? Это значитъ потреблять не работая, потреблять непроизводительно. Ибо, повторяемъ, то, что собственникъ потребляетъ какъ рабочій, должно быть ему оплачено; онъ не даетъ свой трудъ въ обмѣнъ за его собственность, потому что въ такомъ случаѣ онъ eo ipso пересталъ-бы быть собственникомъ. Потребляя, какъ работникъ, собственникъ выигрываетъ или, по крайней мѣрѣ, ничего не теряетъ, такъ какъ все возвращается; потребляя, какъ собственникъ, онъ бѣднѣетъ. Итакъ пользованіе собственности построено на ея уничтоженіи; чтобъ дѣйствительно быть собственникомъ, надо перестать быть собственникомъ.

Работникъ, потребляющій свою заработную плату, это машина въ дѣйствіи. Собственникъ, потребляющій свой доходъ, это бездонная пропасть; его потребленіе все равно, что поливать песокъ или сѣять на камнѣ. Все это такъ вѣрно, что собственникъ, не желающій или не умѣющій быть производительнымъ работникомъ и чувствующій, что, пользуясь своей собственностью, онъ безвозвратно лишается ея, прибѣгнулъ къ слѣдующему средству: онъ заставляетъ вмѣсто себя работать другого. Это политическая экономія въ своей неподражаемой справедливости называетъ: *производить посредствомъ своего капитала, посредствомъ своего орудія*! А на самомъ дѣлѣ это слѣдуетъ назвать такъ: *производить посредствомъ своего раба, какъ разбойникъ и тиранъ*!.. Воръ тоже могъ-бы сказать: я произвожу.

Потребленію собственника дано было названіе *роскоши*, въ отличіе отъ *полезнаго* потребленія. Послѣ всего сказаннаго нами, ясно, что роскошь не является непремѣнно доказательствомъ богатства націи, что, напротивъ, чѣмъ роскошнѣе будетъ жизнь (собственниковъ), тѣмъ бѣднѣе нація, et vice versa. Политико-экономы — надо отдать имъ эту справедливость—размалевали роскошь такими ужасными красками, внушили собственникамъ такой страхъ передъ ней, что въ наше время очень много собственниковъ, чтобъ не сказать всѣ стыдятся своей праздности и всѣ работаютъ, копятъ, капитализируютъ. Это значитъ изъ огня да въ полымя.

Я повторяю, и это никогда не мѣшаетъ повторять: собственникъ, полагающій, что трудъ его даетъ ему право на его доходы, и получающій вознагражденіе за этотъ трудъ, есть функціонеръ, получающій двойную

ЦАБ "Авторао"

плату; вотъ и вся разница между празднымъ и работающимъ собственникомъ. Своимъ трудомъ собственникъ зарабатываетъ, продуцируетъ только свою плату, но не свои доходы. А такъ какъ, благодаря своему положенію, онъ въ состояніи забрать въ свои руки самыя доходныя занятія,—конечно, громадное преимущество для него,—то можно сказать, что работа собственника приноситъ обществу скорѣе вредъ, нежели пользу. Что-бы ни дѣлалъ собственникъ, фактъ тотъ, что потребляя свои доходы, онъ непроизводительно уничтожаетъ ихъ, и эта потеря не оправдывается и не возмѣщается его оплаченнымъ трудомъ; она положила-бы крышку собственности, если-бъ послѣдняя не черпала-бы постоянно новые соки изъ чужого производства.

II. Итакъ, когда собственникъ потребляетъ продуктъ, онъ его уничтожаетъ (непроизводительно); но дѣло еще хуже, когда ему приходитъ въ голову копить. Его сбереженія идутъ прямо на тотъ свѣтъ; ихъ ужъ больше не увидишь, даже дыма отъ нихъ, caput mortuum вы не увидите. Если-бъ можно было сообщаться съ луной и собственникамъ пришла фантазія отправить туда свои сбереженія, по прошествіи нѣкотораго времени они перенесли-бы всю нашу планету на ея спутника.

Собственникъ, дѣлающій сбереженія, самъ не беретъ и другимъ не даетъ, не пользуется вещью самъ и не даетъ другимъ пользоваться ею; для него она ни собственность, ни владѣніе. Какъ скупецъ, онъ прячетъ свое сокровище; онъ не пользуется имъ. Пусть онъ пожираетъ его глазами, пусть спитъ съ нимъ, засыпаетъ, сжимая его въ своихъ объятіяхъ; все равно—его экю не родятъ ему другихъ экю. Собственность неполна безъ пользованія ея, безъ потребленія нѣтъ пользованія, а потребленіе невозможно безъ потери собственности; такова неумолимая альтернатива, передъ которой по волѣ судебъ очутился собственникъ. Проклятіе собственности!

III. Собственникъ, не потребляющій, а капитализирующій свой доходъ, обращаетъ его противъ производства и такимъ образомъ уже дѣлаетъ собственность невозможной. Чѣмъ больше онъ увеличиваетъ проценты, тѣмъ больше ему приходится сокращать заработную плату; а чѣмъ больше онъ сокращаетъ заработную плату, другими словами, чѣмъ больше онъ урѣзываетъ съ содержанія и починки машинъ, тѣмъ болѣе онъ понижаетъ количество труда, съ количествомъ труда и количество продукта; а вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ сокращаетъ также самый источникъ своихъ доходовъ. Приведемъ примѣръ, который сдѣлаетъ это осязательнымъ.

Возьмемъ имѣніе, состоящее изъ пахотныхъ земель, луговъ, виноградниковъ, усадьбы хозяина и помѣщенія для арендатора, и стоющее вмѣстѣ со всей обстановкой 100000 франковъ; въ основу оцѣнки положена норма процентовъ по три со ста. Если собственникъ, вмѣсто того чтобъ потреблять свой доходъ, вложитъ его, правда, не на расхищеніе, а на укрѣпленіе своего имѣнія, сможетъ-ли онъ требовать отъ своего арендатора на 90 франковъ въ годъ больше за тѣ 3000 фр., которые онъ капитализируетъ такимъ образомъ? Очевидно нѣтъ; потому что, при такомъ положеніи дѣлъ, арендаторъ, который не производитъ больше, чѣмъ прежде, скоро вынужденъ будетъ работать за ничто—что я говорю?—добавлять еще отъ своего, чтобъ сократить за собой аренду.

Въ самомъ дѣлѣ, доходъ можетъ расти только при условіи увеличенія производительнаго капитала; мраморныя стѣны и золотые плуги не принесутъ вамъ ни одного лишняго гроша. Но такъ какъ нельзя безпрестанно все пріобрѣтать да пріобрѣтать, награждать имущество, или какъ говорили римляне, *вести далѣе свои владѣнія*, такъ какъ, съ другой стороны, у собственника всегда остается излишекъ для капитализаціи,

ЦАБ "Автограф"

то въ результатѣ право собственности неизбѣжно оказывается невозможнымъ, полное пользованіе имъ неосуществимымъ.

Однако, вопреки этой невозможности, собственность все-же продолжаетъ капитализировать, а капитализируя, увеличиваетъ свои проценты; не останавливаясь на множествѣ частныхъ примѣровъ изъ области торговли, мануфактурной промышленности и банка, я приведу здѣсь болѣе важный фактъ, касающійся всѣхъ гражданъ: я имѣю въ виду безконечный ростъ государственнаго бюджета.

Подати растутъ съ каждымъ годомъ, трудно сказать съ точностью, въ какой именно части государственнаго хозяйства происходитъ это увеличеніе, потому что есть ли такой человѣкъ, который вообще въ состояніи разобраться въ бюджетѣ? Самые искусные финансисты то и дѣло расходятся между собой по тому или другому вопросу: что же намъ думать о наукѣ управленія, если главы ея не могутъ придти къ соглашенію насчетъ цифръ? Какова бы ни была непосредственная причина этого роста бюджета, фактъ тотъ, что подати растутъ въ устрашающей прогрессіи, весь свѣтъ видитъ это, весь свѣтъ говоритъ объ этомъ, но никто, какъ видно, не замѣчаетъ главной причины этого *). Я же говорю, что это и не можетъ быть иначе, что это необходимо, неизбѣжно.

Народъ является какъ бы арендаторомъ у крупнаго землевладѣльца, называемаго *правительствомъ*, которому онъ платитъ арендную плату, ренту, извѣстную подъ именемъ *налоговъ*. Когда правительство ведетъ войну, теряетъ или выигрываетъ сраженіе, реформируетъ армію, строитъ памятникъ, роетъ каналъ, открываетъ новое шоссе или желѣзнодорожную линію, оно дѣлаетъ заемъ, а плательщики налоговъ должны платить проценты по этому займу; другими словами, правительство, не увеличивая источникъ производства, увеличиваетъ свой активный капиталъ, оно капитализируетъ точно такъ же, какъ частный собственникъ, о которомъ у насъ шла рѣчь выше.

Разъ правительство сдѣлало заемъ и обязалось платить опредѣленные проценты, то ихъ нельзя уже снять съ бюджета. Потому что для этого пришлось бы или урѣзать рантье, а это значитъ нарушить права собственности, или же объявить государственный банкротъ, что равносильно злостному попранію самаго принципа государства; развѣ что правительство уплатитъ свой долгъ, но это возможно только путемъ новаго займа: экономить на своихъ расходахъ оно не можетъ, потому что уже самый фактъ заключенія займа свидѣтельствуетъ о томъ, что обыкновенныхъ поступленій не хватало; производительное употребленіе расходуемыхъ правительствомъ денегъ можетъ имѣть мѣсто только при расширеніи производительнаго капитала, а это расширеніе противорѣчитъ нашей гипотезѣ; остается, наконецъ, только назначить новый налогъ для погашенія долга—вещь невозможная, потому что, если распредѣлить его поровну между всѣми гражданами, половина и даже больше гражданъ не въ силахъ будутъ платить его; если же бремя его падетъ только на богатыхъ, это будетъ насиліемъ, покушеніемъ на собственность. Финансовая практика давно уже показала, что займы, хотя и чрезвычайно

*) «Финансовое положеніе англійскаго правительства выступило на свѣтъ Божій въ засѣданіи палаты лордовъ 22-го Января; оно не блестяще. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ расходы превосходятъ доходы, и министерство сводитъ балансъ только съ помощью займовъ, которые приходится заключать каждый годъ. Въ 1838 и 1839 г. оффиціально признанный дефицитъ составлялъ 47.500.000 фр. Въ смѣтѣ на 1840 г. расходы превосходили доходы на 22.500.000 фр. Эти цифры приведены были лордомъ Рипономъ. Лордъ Мельбурнъ отвѣтилъ ему слѣдующее: Благородный графъ, къ несчастью, правъ, что государственные расходы вее растутъ, я тоже, долженъ сказать, что *нельзя надѣяться* на сокращеніе или облегченіе этихъ расходовъ» (*National*, 26 Января 1840 г.).

ЦАБ "Аврора"

опасное средство, но все еще самое удобное, самое вѣрное и дешевое; и вотъ правительства занимаютъ, да занимаютъ, т. е. постоянно капитализируютъ, увеличиваютъ бюджетъ.

Итакъ бюджетъ не только никогда не можетъ быть уменьшенъ, а, напротивъ, долженъ безпрестанно расти. Это такой простой, осязательный фактъ, что удивительно, какъ это онъ ускользнулъ отъ господъ экономистовъ со всей ихъ премудростью. Если-же онъ не ускользнулъ отъ нихъ, почему они умолчали о немъ?

Историческій комментарій. Въ настоящее время возлагаютъ много надеждъ на одну финансовую операцію, отъ которой ожидаютъ значительнаго облегченія бюджета; мы говоримъ о конверсіи пятипроцентной ренты. Если абстрагировать отъ политической и легальной стороны этого вопроса и имѣть въ виду только финансовую сторону его, то вѣдь ясно, что сегодня мы проведемъ конверсію пятипроцентной ренты въ четырехпроцентную, а черезъ нѣсколько времени тѣ-же соображенія и необходимости заставятъ насъ конвертировать ее въ трехпроцентную, затѣмъ въ двухпроцентную, въ однопроцентную, а на-послѣдокъ совсѣмъ уничтожить всякое подобіе ренты. Но это равносильно фактическому уничтоженію собственности и введенію равенства. Что-жъ, я думаю, интеллигентной націи подобаетъ предупредить неминуемую революцію, пойти ей на встрѣчу, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать подъ гнетомъ неизбѣжной необходимости.

Восьмой тезисъ.

Собственность невозможна, потому что ея тенденція къ накопленію безконечна, а проявляется лишь на конечныхъ величинахъ.

Если-бы люди жили въ равенствѣ и признали за однимъ изъ нихъ исключительное право на собственность, если-бъ этотъ единственный собственникъ занялъ-бы всему человѣчеству 100 франковъ на сложные проценты подъ условіемъ уплаты его потомкамъ въ двадцать пятомъ поколѣніи, то черезъ 600 лѣтъ эти 100 франковъ, считая по 5% въ годъ, превратились-бы въ 107.854.010.777.600 франковъ; если считать весь національный капиталъ Франціи въ 40 милліардовъ, то эта сумма оказывается больше его въ 2.696 1/3 разъ. Она болѣе чѣмъ въ двадцать разъ провосходитъ всѣ движимыя и недвижимыя стоимости земного шара.

Если-бы кто-нибудь въ царствованіе Людовика Святаго занялъ туже сумму въ 100 фр. и отказался, а вслѣдъ за нимъ и наслѣдники его, отъ уплаты ея, если-бы установлена была mala fides этихъ послѣднихъ, и что давность всегда была прерываема въ законный срокъ, то, по нашимъ законамъ, послѣдній наслѣдникъ присужденъ былъ-бы къ возвращенію этихъ 100 фр. вмѣстѣ съ процентами и процентами на проценты; это составидо-бы, какъ мы видѣли, около 108.000 милліардовъ.

Вы на каждомъ шагу можете наблюдать куда болѣе быстрый сортъ имуществъ; въ приведенномъ примѣрѣ мы предположили прибыль въ пять процентовъ; но она нерѣдко равняется 10, 20, 50 и даже 100 %.

Фурьеристы, непримиримые враги равенства (сторонникамъ равенства они дали кличку *requins*), строятъ свои надежды на томъ, что они учетверятъ производство и такимъ образомъ удовлетворятъ всѣ требованія капитала, труда и таланта. Но учетверите, удесятерите производство, увеличьте его хоть во сто разъ—собственность, благодаря своей тенденціи къ накопленію, благодаря своей капитализаціи, очень скоро поглотитъ и продукты, капиталы, и землю купно съ рабочими. Или вы запретите фаланстерѣ капитализацію и отдачу подъ проценты? Въ такомъ случаѣ объясните мнѣ, что вы понимаете подъ собственностью?

ЦАБ "Автограф"

Я не буду продолжать этихъ подсчетовъ, которые каждый можетъ варіировать до безконечности, съ моей стороны было-бы ребячествомъ ухватываться за нихъ. Я спрашиваю лишь, какимъ правиломъ руководятся судьи, когда устанавливаютъ величину полагающихся истцу процентовъ? или, чтобы подойти къ вопросу съ болѣе высокой точки зрѣнія, я спрашиваю:

Взвѣсилъ-ли законодатель, вводившій въ Республику принципъ собственности, всѣ ея послѣдствія? Зналъ-ли онъ законъ возможнаго? Если да, почему Кодексъ ни слова не говоритъ объ этомъ, почему собственнику предоставленъ этотъ ужасающій просторъ въ увеличеніи его имущества и требованіи процентовъ, судьѣ—въ признаніи и опредѣленіи размѣровъ собственности, государству—въ безпрестанномъ декретированіи новыхъ налоговъ? За какими предѣлами народъ имѣетъ право отказать правительству въ требуемомъ имъ бюджетѣ, арендаторъ отказаться платить аренду, промышленникъ—проценты на капиталъ? До какого пункта можетъ простираться эксплуатація работника тунеядцемъ? Гдѣ начинается право на обирательство, и гдѣ оно кончается? Когда работникъ можетъ сказать собственнику: я не долженъ тебѣ болѣе ничего? Когда собственность должна считаться удовлетворенной? Когда не позволяется больше красть?

Если законодатель зналъ законъ возможнаго, но не считался съ нимъ, то гдѣ-же его справедливость? Если онъ не зналъ его, то гдѣ-же его премудрость? Можемъ-ли мы подчиниться авторитету такого несправедливаго или непредусмотрительнаго законодателя?

Если наши хартіи и кодексы построены на абсурдной гипотезѣ, то чему-же учатъ въ нашихъ юридическихъ школахъ? Какую цѣну имѣютъ приговоры нашего кассаціоннаго суда? О чемъ разсуждаютъ наши палаты? Что такое *политика*? Кого мы называемъ *государственнымъ дѣятелемъ*? Что означаетъ собой *юриспруденція*? Не правильнѣе-ли будетъ сказать *юрисигноранція?*

Если всѣ наши учрежденія построены на ошибкѣ въ вычисленіи, то вѣдь каждое изъ нихъ сплошная ложь? И если все соціальное зданіе построено на абсолютной невозможности собственности, то не ясно-ли изъ этого, что правительство, подъ которымъ мы живемъ, есть химера, а наше общество—утопія?

Тезисъ девятый.

Собственность невозможна, потому что она безсильна противъ собственности.

1) Согласно третьему добавленію къ нашей аксіомѣ, собственникъ самъ себѣ долженъ проценты, словно чужой; этотъ тезисъ пользуется всеобщимъ признаніемъ. Ничего проще на первый взглядъ; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего болѣе нелѣпаго, болѣе невозможнаго и противорѣчиваго.

Промышленникъ, говорятъ намъ, платитъ самъ себѣ наемную плату за свой домъ и капиталъ; онъ *платитъ себѣ*—это значитъ, что онъ покупаетъ эту плату отъ покупателей его продуктовъ; въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что онъ хочетъ получить прибыль не съ собственности, а на продаваемыхъ имъ товарахъ; можетъ-ли онъ въ такомъ случаѣ платить себѣ 1 фр. за то, что ему стоитъ 90 сант., и выигрываетъ на этомъ? Нѣтъ: такимъ путемъ онъ лишь переложитъ деньги изъ одного кармана въ другой, безъ всякой прибыли для себя.

То, что имѣетъ силу для одного индивидуума, торгующаго съ самимъ собой, имѣетъ силу также для всякаго торговаго общества. Образуйте цѣпь изъ десяти, пятнадцати, двадцати производителей, удлиняйте

ЦАБ "Автограф"

ее, сколько угодно; если производитель A выигрываетъ на производителѣ B, то согласно началамъ экономіи, послѣдній долженъ вознаградить себя на C, C на D, и такъ далѣе до Z.

Но на комъ вознаградитъ себя Z за прибыль, взятую въ началѣ первымъ производителемъ A? *На потребителѣ*, отвѣчалъ Сэй. О несчастный Эскобаръ! А кто такой этотъ производитель, какъ не тѣ-же A, B, C, D и т. д. или Z. На комъ возмѣститъ свой ущербъ Z? Если на A, то, значитъ, никто не получилъ прибыли; значитъ, нѣтъ собственности. Если же Z является козломъ отпущенія, онъ съ этого момента перестаетъ быть пайщикомъ нашего торговаго общества, потому что оно отказываетъ ему въ правѣ на собственность и прибыль, которое признаетъ за другими членами.

А такъ какъ нація, человѣчество являются однимъ громаднымъ производительнымъ товариществомъ и не могутъ выйти за свои предѣлы, то значитъ ни одинъ человѣкъ не можетъ обогащаться иначе, какъ на счетъ другого. Чтобы осуществить право собственности, право на доходъ съ нея для A, надо отказать въ немъ Z; мы видимъ здѣсь, можетъ ли равенство правъ быть дѣйствительно безъ равенства условій,—несправедливость политической экономіи бросается здѣсь въ глаза. „Когда я, предприниматель-промышленникъ, покупаю трудъ рабочаго, я не считаю его заработной платы въ чистомъ продуктѣ моего предпріятія; наоборотъ, я вычитываю ее; но рабочій считаетъ ее въ своемъ чистомъ подуктѣ“... (*Сэй, Политическая экономія*).

Это значитъ, что весь заработокъ рабочаго есть *чистый продуктъ*; тогда какъ въ доходѣ предпринимателя *чистый продуктъ* получается только по вычетѣ его жалованья. Но почему только предприниматель имѣетъ право на прибыль? Почему въ этомъ правѣ, которое въ сущности является самымъ правомъ собственности, отказывается рабочему? На языкѣ экономической науки, рабочій представляетъ собой капиталъ; а вѣдь каждый капиталъ долженъ кромѣ издержекъ на его содержаніе и возстановленіе, приносить проценты; объ этомъ собственникъ не приминетъ позаботиться, почему же рабочему воспрещается брать проценты съ его капитала, которымъ является онъ самъ?

Итакъ собственность есть неравенство правъ; если-бъ она не была имъ, она была бы равенствомъ имуществъ, значитъ, вообще исчезла бы съ лица земли. Конституціонная хартія гарантируетъ всѣмъ равенство правъ—слѣдовательно, собственность не можетъ существовать рядомъ съ конституціей, невозможна.

2) Можетъ ли собственникъ участка A, потому только, что онъ собственникъ этого участка, завладѣть участкомъ B своего сосѣда?—Нѣтъ, отвѣчаютъ собственники: и что общаго имѣетъ это съ собственностью? А вотъ сейчасъ увидите это.

Имѣетъ ли C, торговецъ шляпами, право заставить своего сосѣда D, тоже торговца шляпами, закрыть свою лавочку и прекратить свою торговлю?—Ничего подобнаго.

Но C хочетъ зарабатывать съ каждой шляпы по 1 фр., тогда какъ D ограничивается 50 сантимами; ясно, что скромность D вредитъ интересамъ C; имѣетъ ли поэтому послѣдній право воспрепятствовать торговать D?—Конечно, нѣтъ.

D воленъ продавать свои шляпы на 50 сант. дешевле, чѣмъ C; поэтому C, въ свою очередь, воленъ уменьшить цѣну своихъ на 1 фр. D бѣденъ, а C богатъ; но по прошествіи одного-двухъ лѣтъ, D разоренъ этой конкурренціей, и C оказывается полнымъ хозяиномъ рынка. Можетъ ли D жаловаться на C; требовать съ него вознагражденія за разбитую торговлю и собственность?—Нѣтъ, потому-что D въ правѣ

ЦАБ "Автограф"

былъ бы поступить такимъ же образомъ, какъ С, если бы былъ богаче его.

Точно такимъ же образомъ крупный собственникъ А можетъ сказать мелкому собственнику В: продай мнѣ твое поле, иначе ты не продашь своего хлѣба. При этомъ онъ поступитъ вполнѣ правильно, В не имѣетъ права жаловаться на него. Если А захочетъ, онъ можетъ сокрушить В, только потому что онъ богаче его. А и С обобрали В и D не по праву собственности, а по праву силы. На основаніи права собственности оба сосѣда А и В ничего не могли сдѣлать другъ другу; они не могли отнять одинъ у другого свои владѣнія, не могли разбогатѣть одинъ на счетъ другого; право сильнаго—вотъ источникъ экспропріаціи.

По праву сильнаго мануфактуристъ сокращаетъ заработную плату, а богатый купецъ и обезпеченный собственникъ продаютъ свои продукты по такой цѣнѣ, какъ имъ захочется. Предприниматель говоритъ рабочему: ты воленъ предложить свои услуги другому, я же могу принять ихъ, могу и не принять, я даю тебѣ столько-то.—Купецъ говоритъ своему покупателю: вы можете взять или не взять товаръ; вы хозяинъ надъ своими деньгами, точно такъ же какъ я хозяинъ надъ моимъ товаромъ: я хочу за него столько-то. Кто же уступитъ? Конечно, слабѣйшій.

Итакъ безъ словъ собственность оказывается безпомощной противъ собственности, потому что безъ силы она не можетъ расти, увеличивать свои доходы: слѣдовательно, безъ силы собственность недѣйствительна.

Историческій комментарій.—Вопросъ о колоніальномъ и туземномъ сахарѣ во-очію доказываетъ эту невозможность собственности. Предоставьте самимъ себѣ обѣ эти индустріи, и колоніи непремѣнно раззорятъ фабриканта въ метрополіи. Чтобъ охранить свеклу, надо наложить пошлину на тростниковый сахаръ; чтобъ защитить собственность одного надо обидѣть собственность другого. Самое замѣчательное въ этомъ вопросѣ это какъ разъ то, на что меньше всего обращали вниманіе: то, что, такъ или иначе, собственность должна быть нарушена здѣсь. Обложите всякую промышленность пропорціональной пошлиной, такъ чтобы уравновѣсить ихъ на рынкѣ—вы создаете такимъ образомъ *максимумъ* и вдвойнѣ посягаете на собственность: съ одной стороны, ваша пошлина нарушаетъ свободу торговли, съ другой — она не считается съ равенствомъ собственниковъ. Поддерживая свеклу, вы посягаете на собственность плательщика налоговъ. Если же эксплуатировать оба сорта сахару въ интересахъ націи, какъ воздѣлываются, напримѣръ, различные сорта табаку, то это значитъ обречь на гибель цѣлую сферу собственности. Второй исходъ былъ бы самымъ простымъ и наилучшимъ; но чтобъ склонить націю къ этому, необходимы умныя головы и благородные сердца—а теперь нельзя разсчитывать на это.

Конкурренція, иначе говоря: свобода торговли или вообще собственность въ области обмѣна долго еще будетъ основой нашего торговаго законодательства, которое—въ экономическомъ отношеніи—охватываетъ всѣ наши гражданскіе законы и систему управленія. А что такое эта конкурренція. Поединокъ, въ которомъ право рѣшается оружіемъ.

Кто лжетъ, обвиняемый или свидѣтель? спрашивали наши предки-варвары.—Пусть они вступятъ въ бой между собой—рѣшалъ еще болѣе дикій судья: кто побѣдитъ, тотъ правъ.

Кто изъ насъ двоихъ будетъ продавать товаръ сосѣду?—Выставьте свой товаръ въ лавкѣ, рѣшаетъ экономистъ: самый хитрый или продувной изъ васъ будетъ самымъ честнымъ человѣкомъ и наилучшимъ купцомъ.

Это весь смыслъ Кодекса Наполеона.

ЦАБ "Автограф"

Тезисъ десятый.

Собственность невозможна, потому что она отрицаетъ равенство.

Развитіе этого тезиса будетъ резюме изъ всѣхъ предыдущихъ.

1) *Продукты покупаются только на продукты* — это принципъ экономическаго права. Собственность можно было бы защищать только какъ множительницу полезнаго; но такъ какъ она ничего не производитъ, то это немыслимо.

2) *Продуктъ долженъ равняться труду*—это законъ экономики; но фактъ тотъ, что при режимѣ собственности продуктъ стоитъ дороже своего производства.

3) Другой экономическій законъ: *При данномъ капиталѣ, производство соизмѣряется уже не съ его величиной, а съ производительной силой*; собственность же требуетъ, чтобы доходъ всегда былъ пропорціоналенъ капиталу, внѣ зависимости отъ труда; она не признаетъ этого отношенія равенства между дѣйствіемъ и причиной.

4) и 5) Какъ насѣкомое — свой шелкъ, такъ рабочій производитъ только для себя; собственность требуетъ двойного продукта и не будучи въ состояніи получить его, грабитъ и убиваетъ рабочаго.

6) Природа дала каждому человѣку только одинъ разумъ, одинъ разсудокъ, одну волю; собственность признаетъ за однимъ индивидуумомъ нѣсколько голосовъ, приписываетъ ему такимъ образомъ множество душъ.

7) Всякое непроизводительное потребленіе равносильно полному уничтоженію вещи; собственность, потребляя, сберегая, капитализируя вещь, производитъ лишь *безполезное*, источникъ безплодія и смерти.

8) Всякое удовлетвореніе естественнаго права устанавливаетъ равновѣсіе; другими словами, право на вещь требуетъ владѣнія этой вещью. Такъ между правомъ на свободу и состояніемъ свободнаго человѣка имѣется равновѣсіе, то же самое между правомъ быть отцомъ и положеніемъ отца, между правомъ на безопасность и гарантіями, представляемыми обществомъ. Но право на доходъ съ собственности никогда не уравновѣшивается полученіемъ этого дохода; потому что разъ полученный доходъ даетъ право на другой, этотъ другой на третій и т. д. безъ конца. Собственность никогда не оказывается адэкватной своему объекту, поэтому право собственности противно природѣ и разуму.

9) Наконецъ, собственность не существуетъ сама собой; она существуетъ и дѣйствуетъ, только благодаря посторонней причинѣ, силѣ или *обману;* другими словами, собственность вовсе не равняется собственности, это отрицаніе, ложь, *ничто.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Психологическій анализъ идеи справедливаго и несправедливаго и опредѣленіе принципа правительства и права.

Собственность невозможна, равенство не существуетъ. Первая ненавистна намъ, но мы желаемъ ея; второе владѣетъ всѣми нашими мыслями, но мы не умѣемъ осуществить его. Кто объяснитъ намъ этотъ глубокій антагонизмъ между нашей совѣстью и волей? Кто покажетъ

ЦАБ "Автограф"

намъ причину этого злосчастнаго заблужденія, ставшаго самымъ священнымъ принципомъ справедливости и общества?

Я имѣю смѣлость взяться за эту задачу и надѣюсь на успѣхъ.

Но прежде чѣмъ разсказать, какъ человѣкъ нарушилъ справедливость необходимо опредѣлить, что такое справедливость?

Часть первая.

§ 1. О нравственномъ чувствѣ у человѣка и животныхъ.

Философы часто задавались вопросомъ, гдѣ проходитъ точная граница между разумомъ человѣка и животныхъ. По своему обыкновенію они наговорили кучу глупостей, пока рѣшились обратиться къ единственному раціональному средству, наблюденію. Скромному ученому Ф. Кювье, который, быть-можетъ, и не интересовался вовсе философіей, суждено было положить конецъ ихъ нескончаемымъ спорамъ, съ помощью одного простого различія, но одного изъ тѣхъ геніальныхъ различеній, которыя стоятъ больше, чѣмъ цѣлая система: онъ отдѣлилъ *инстинктъ* отъ *разума*.

Но никто еще не поставилъ себѣ слѣдующаго вопроса:

Отличается-ли нравственное чувство въ человѣкѣ и животномъ по существу или только по степени?

Если-бъ кто-нибудь выступилъ въ старое время въ защиту второго взгляда, его обвинили-бы въ кощунствѣ, въ оскорбленіи морали и религіи; свѣтскіе и духовные суды осудили-бы его въ одинъ голосъ. И какимъ возвышеннымъ слогомъ заклеймили-бы этотъ безнравственный парадоксъ! „Совѣсть—воскликнули-бы возмущенные судьи — совѣсть, это драгоцѣнное достояніе человѣка, данное только ему одному; понятіе справедливости и несправедливости, заслуженнаго и незаслуженнаго, его высокая привиллегія; только человѣку, вѣнцу творенія, дана безподобная способность сопротивляться земнымъ склонностямъ, выбирать между добромъ и зломъ, и все болѣе уподобляться Богу, съ помощью свободы и справедливости... Нѣтъ, святой образъ добродѣтели запечатлѣнъ былъ только въ сердцѣ человѣка“. Слова, полныя чувства, но лишенныя смысла.

Человѣкъ есть говорящее и общественное животное, zoon logikon kai politikon, сказалъ Аристотель. Это опредѣленіе лучше, чѣмъ всѣ другія, данныя послѣ него; я не дѣлаю здѣсь исключенія даже для знаменитаго опредѣленія, даннаго Бональдомъ: *человѣкъ есть разумъ, пользующійся органами.* Дефиниція Бональда имѣетъ два недостатка: во-первыхъ, она объясняетъ извѣстное неизвѣстнымъ, живое существо—разумомъ, а во-вторыхъ умалчиваетъ о существенномъ свойствѣ человѣка, его животной природѣ.

Итакъ человѣкъ есть животное, живущее въ обществѣ. Подъ обществомъ надо понимать извѣстный комплексъ отношеній, другими словами—систему. Но всякая система существуетъ лишь при опредѣленныхъ условіяхъ. Каковы-же условія, каковы *законы* человѣческаго общества?

Что такое *право* людей, что такое *справедливость*?

Не имѣетъ смысла повторять вслѣдъ за различными философами: Это божественный инстинктъ, голосъ съ неба, путеводная звѣзда нашей природы, свѣтъ, осѣняющій всякаго пришельца въ этотъ міръ, законъ, живущій внутри насъ; это голосъ совѣсти, требованіе разума, внутреннее вдохновеніе, настроеніе нашихъ чувствъ; по другимъ, это эгоизмъ, правильно понятый собственный интересъ; или-же врожденное понятіе, категорическій императивъ практическаго разума, источникъ котораго лежитъ въ идеяхъ чистаго разума; это влеченіе страстей и т. д. и т. д.

ЦАБ "Авангард"

Все это, быть-можетъ, такъ-же вѣрно, какъ и красиво на первый взглядъ но все это ровно ничего не говоритъ намъ. Вы можете продолжить этотъ перечень на цѣлыхъ десять страницъ (а вѣдь на эту тему писались уже тысячи томовъ), вопросъ не подвинется ни на шагъ впередъ.

Справедливость есть общая польза, говоритъ Аристотель; это вѣрно, но тавтологія. „Противъ того, что цѣлью законодателя должно быть общественное благо, нельзя привесть ни одного вѣскаго аргумента—говоритъ Ш. Контъ въ своемъ Traité de législation; но констатируя этотъ принципъ, вы такъ же мало подвинете впередъ законодательство, какъ не подвинете впередъ медицину заявленіемъ, что цѣлью врачей должно быть врачеваніе больныхъ".

Пойдемъ по другому пути. *Право* есть комплексъ принциповъ, управляющихъ обществомъ; справедливость, въ субъективномъ смыслѣ, есть соблюденіе этихъ принциповъ. Быть справедливымъ значитъ повиноваться общественному инстинкту; совершить актъ справедливости значитъ совершить соціальный актъ. Будемъ наблюдать за людьми въ различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, намъ легко будетъ рѣшить, когда они поступаютъ соціально и когда нѣтъ; въ результатѣ мы придемъ путемъ наведенія къ *закону*.

Начнемъ съ самыхъ простыхъ и ясныхъ фактовъ.

Мать, защищающая сына отъ опасности и носящая всѣ лишенія, для того, чтобъ прокормить его, поступаетъ съ нимъ соціально; это добрая мать; та-же мать, которая покидаетъ своего ребенка, не вѣрна соціальному инстинкту (любовь матери одно изъ многочисленныхъ проявленій этого инстинкта), это извращенная мать.

Когда я бросаюсь въ воду, чтобы спасти утопающаго, я дѣйствую, какъ его братъ и товарищъ; если-же вмѣсто того, чтобъ помочь ему, я содѣйствую его гибели, я его врагъ и убійца.

Подающій милостыню поступаетъ съ нищимъ, какъ съ своимъ товарищемъ, правда, не какъ съ товарищемъ во всемъ и для всего, а только въ той суммѣ, которую онъ дѣлитъ съ нимъ; тотъ, кто силой или хитростью завладѣваетъ продуктомъ другого, уничтожаетъ въ самомъ себѣ общественность, это разбойникъ.

Самаритянинъ, поднимающій на дорогѣ раненаго путника, перевязывающій его раны, покрѣпляющій его и дающій ему деньги, заявляетъ себя его союзникомъ, его ближнимъ; священникъ, который пройдетъ мимо этого путника, даже не оглянувшись, не товарищъ, не союзникъ его, а врагъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ дѣйствуетъ по какому-то внутреннему влеченію къ своему ближнему, по какой-то тайной симпатіи, которая заставляетъ его любить, радоваться и страдать вмѣстѣ съ ближнимъ; чтобы противостоять этому влеченію, необходимо усиліе воли, необходимо пойти противъ своей природы.

Но все это не создаетъ еще различія между человѣкомъ и животными. У животныхъ мать съ опасностью для жизни, съ храбростью, которая напоминаетъ нашихъ героевъ, умирающихъ за отечество, защищаетъ своихъ дѣтенышей, дорогихъ ей, въ періодъ своей безпомощности, становится ихъ союзницей.

Нѣкоторыя животныя соединяются въ группы для охоты, ищутъ, зовутъ другъ друга,—поэтъ сказалъ бы, приглашаютъ другъ друга для дѣлежа добычи; въ минуту опасности они помогаютъ, защищаютъ, предупреждаютъ другъ друга; слонъ умѣетъ помочь своему товарищу вылѣзть изъ ямы; при нападеніи волковъ коровы образуютъ кругъ вокругъ своихъ телятъ и встрѣчаютъ врага рогами; лошади и свиньи сбѣгаются на крики отчаянія, испускаемые одной изъ нихъ. Описывать-ли ихъ

ЦАБ "Автограф"

браки, нѣжность самцевъ къ ихъ самкамъ, ихъ вѣрность другъ другу? Впрочемъ, чтобъ быть вполнѣ справедливымъ, замѣтимъ, что эти столь трогательныя проявленія общественности, братства, любви къ ближнему, не мѣшаютъ животнымъ ссориться, драться другъ съ другомъ, рвать другъ друга на части въ борьбѣ изъ-за пищи и самки; сходство между ними и нами, какъ вы видите, полное.

Соціальный инстинктъ бываетъ сильнѣе и слабѣе какъ у человѣка, такъ и у животныхъ, но сущность его одна и та-же. Союзъ человѣка съ его подобными болѣе необходимъ, болѣе постояненъ; животное, повидимому, болѣе закалено противъ одиночества. Общительныя потребности человѣка болѣе властны, болѣе сложны; въ животномъ онѣ, повидимому, не такъ глубоки, не такъ разнообразны. Короче, у человѣка цѣль общества—сохраненіе индивидуума и вида, у животныхъ больше сохраненіе вида.

Пока, значитъ, мы не нашли ничего, на что человѣкъ могъ бы претендовать, какъ на свое исключительное достояніе: общественный инстинктъ, моральное чувство общи ему съ животнымъ; человѣкъ воображаетъ, что нѣсколько фактовъ милосердія, справедливости и преданности уподобляютъ его Богу, и не замѣчаетъ, что онъ слѣдуетъ въ нихъ чисто-животному влеченію. Мы добры, мы сострадательны, мы справедливы точно такъ-же, какъ вспыльчивы, прожорливы, расточительны, мстительны—однимъ словомъ совсѣмъ какъ животныя. Наши величайшія добродѣтели сводятся въ послѣднемъ счетѣ на слѣпыя раздраженія нашихъ инстинктовъ: и это предметъ для боготворенія и апоѳеоза!

Однако между нами, двуногими и двурукими—съ одной стороны и другими живыми существами—съ другой все-же есть разница; въ чемъ она заключается?

Ученикъ философіи поспѣшитъ отвѣтить: эта разница заключается въ томъ, что мы имѣемъ сознаніе нашей общительности, а животныя не имѣютъ его; въ томъ, что мы думаемъ и разсуждаемъ о движеніяхъ нашего соціальнаго инстинкта, тогда какъ у животныхъ нѣтъ ничего подобнаго.

Я иду дальше: благодаря рефлексіи и разсужденію, которыя, повидимому, свойственны только намъ, людямъ, мы знаемъ, что противленіе управляющему нами соціальному инстинкту,—мы называемъ его *справедливостью*,—вредно—сначала для другихъ, а затѣмъ и для насъ самихъ; разумъ учитъ насъ, что эгоистъ, воръ, убійца, измѣнникъ обществу грѣшитъ противъ природы, беретъ на себя вину по отношенію къ другимъ и къ самому себѣ, если сознательно сдѣлаетъ зло; наконецъ, чувство нашего соціальнаго инстинкта съ одной стороны и разума—съ другой заставляютъ насъ думать, что всѣ подобные намъ должны нести отвѣтственность за свои дѣйствія. Это источникъ угрызеній совѣсти, возмездія и карающаго правосудія.

Но все это говоритъ лишь въ пользу того, что человѣкъ и животныя одарены различной степенью разумности, а не различными эффектами. Ибо, при сужденіяхъ о нашихъ отношеніяхъ къ себѣ подобнымъ, мы разсуждаемъ также о самыхъ тривіальныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, о томъ, какъ мы пьемъ, ѣдимъ, выбираемъ жену, жилище, мы разсуждаемъ обо всемъ рѣшительно, нѣтъ вещи, на которую не простиралась бы наша способность сужденія. Наше знаніе явленій внѣшняго міра не вліяетъ на ихъ причины и законы; точно также рефлексія, освѣщая намъ наши инстинкты, уясняя намъ нашу чувственную природу, не въ состояніи измѣнить ихъ; она показываетъ намъ нашу нравственную природу, но не въ силахъ вызвать въ ней какія-либо преобразованія. Недовольство самимъ собой, которое мы испытываемъ послѣ какой-нибудь ошибки съ нашей стороны, возмущеніе, охватывающее насъ при видѣ явной несправ-

ведливости, идея заслуженнаго наказанія и должнаго возмездія,—все это результаты рефлексіи, а не непосредственные результаты инстинкта, нашихъ страстей и аффектовъ. Несравненно болѣе глубокое пониманіе нашихъ соціальныхъ обязанностей—я не говорю вообще: пониманіе, потому что животныя тоже имѣютъ сознаніе своихъ ошибокъ и, съ другой стороны, приходятъ въ возбужденіе, когда одинъ изъ ихъ товарищей подвергается нападенію — сознаніе добра и зла не создаетъ въ области морали существенной разницы между человѣкомъ и животными.

§ 2. О первой и второй ступени общественности.

Я настаиваю на только что констатированномъ мною фактѣ, одномъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ антропологіи.

Симпатія, которая влечетъ насъ къ жизни обществомъ, темное, импульсивное чувство, всегда готовое подчиниться моменту, не различая заслуги и старшинства, не помня старыхъ правъ. Это собака плохой расы, слушающаяся всѣхъ, кто позоветъ ее; это грудной ребенокъ, который всякаго мужчину считаетъ папой, а всякую женщину своей кормилицей; это животное, лишенное общества представителей своего вида и привязывающееся къ товарищу своего одиночества. Эта основная черта общественнаго инстинкта дѣлаетъ для насъ невыносимой и даже ненавистной дружбу людей поверхностныхъ, бросающихся въ объятія каждому встрѣчному, расточающихъ любезности направо и налѣво и въ своемъ увлеченіи забывающихъ свои старыя и серьезныя привязанности. Ошибка этихъ господъ не въ ихъ чувствахъ, а въ сужденіяхъ. На этой стадіи общественность является своего рода магнитизмомъ, который возбуждаетъ въ насъ видъ человѣка—токъ его не исходитъ изъ того, кто его испытываетъ, онъ можетъ быть взаимнымъ, не сообщеннымъ: любовью, благоволеніемъ, жалостью, симпатіей, называйте это, какъ хотите, вы не найдете здѣсь ничего, подымающаго человѣка надъ животнымъ, ничего, ставящаго человѣка на особую ступень.

Вторая стадія общительности—справедливость, мы можемъ опредѣлить ее, какъ *признаніе за другимъ такой же личности, какъ мы сами.* Въ области чувства это одинаково имѣется у человѣка, какъ и у животныхъ; что касается познанія, то только человѣкъ создаетъ себѣ понятіе *справедливаго*, но это, какъ мы сейчасъ замѣтили, ничего не измѣняетъ въ самой сущности нравственности. Мы увидимъ ниже, что человѣкъ подымается дальше, на третью ступень общительности, которая остается недоступной для животныхъ. Но сначала я долженъ дать метафизическое доказательство, что *общество*, *справедливость*, *равенство*—три эквивалентныхъ термина, которые всегда можно употреблять одинъ вмѣсто другого.

Если я въ моментъ кораблекрушенія успѣлъ спастись на лодкѣ и забралъ съ собой немного провизіи, обязанъ ли я помочь человѣку, который на моихъ глазахъ борется съ волнами и ежеминутно можетъ пойти ко дну?—Да, я обязанъ спасти его, иначе я совершаю преступленіе противъ общества, человѣкоубійство.

Но обязанъ ли я также дѣлить съ нимъ мою провизію?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, выразимся иначе: если принципъ общества обязателенъ для лодки, обязателенъ ли онъ также для съѣстныхъ припасовъ? Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, общественный долгъ, долгъ союзника абсолютенъ; захватъ вещи отдѣльнымъ человѣкомъ вторичный моментъ, онъ остается въ подчиненіи его соціальной природѣ; владѣніе получаетъ свой исключительный характеръ лишь съ

ЦАБ "Автор"

того момента, когда всѣмъ дано одинаковое право на захватъ. Нашъ долгъ затемняется здѣсь нашей способностью предусматривать впередъ; она, держа насъ въ страхѣ передъ возможной опасностью, толкаетъ насъ къ узурпаціи, дѣлаетъ изъ насъ воровъ и убійцъ. Животныя не соображаютъ ни долга инстинкта, ни опасностей, могущихъ произойти изъ этого для нихъ же. Странно было бы, если бы разумъ послужилъ бы для человѣка, самаго общественнаго изъ животныхъ, толчкомъ для неповиновенія закону. Кто ищетъ въ обществѣ только выгоду для себя, тотъ обманываетъ общество; ужъ лучше пусть Господь отыметъ у насъ разумъ, чѣмъ позволитъ ему служить орудіемъ для нашего эгоизма.

Какъ? Вы утверждаете, что я долженъ дѣлить свой хлѣбъ, заработанный мною хлѣбъ, мой хлѣбъ съ чужимъ человѣкомъ, котораго я совсѣмъ не знаю, котораго я больше никогда не увижу, который, быть-можетъ, отплатитъ мнѣ черной неблагодарностью?. Если бы, по крайней мѣрѣ, этотъ хлѣбъ былъ заработанъ сообща, если бы этотъ незнакомецъ что-нибудь сдѣлалъ, чтобы заслужить его, онъ могъ бы требовать своей части, его трудъ давалъ бы ему право на это; но безъ этого что между нами общаго? Мы не производили вмѣстѣ; мы не будемъ также вмѣстѣ ѣсть.

Ошибка этого разсужденія заключается въ слѣдующемъ: оно предполагаетъ возможнымъ, что одинъ производитель не является необходимо товарищемъ, общественникомъ другого.

Когда два или больше лицъ устроятъ между собой общество, сговорятся насчетъ его основаній, изложатъ ихъ на бумагѣ и скрѣпятъ своей подписью, тогда не можетъ быть никакой трудности насчетъ вытекающихъ отсюда результатовъ. Предположимъ, наприм., что два человѣка образовали товарищество для рыбной ловли; весь свѣтъ согласится со мной, что, если одинъ не поймаетъ ничего, онъ тѣмъ не менѣе имѣетъ право на уловъ своего товарища. Если два купца образуютъ торговую компанію, ихъ прибыли и убытки простираются одинаково на обоихъ, пока существуетъ эта компанія. Каждый производитъ не для себя, а для общества, и когда наступаетъ моментъ дѣлежа, человѣкъ разматривается не какъ производитель, а какъ членъ общества. Вотъ почему не участвуютъ въ дѣлежѣ продукта ни рабъ, которому плантаторъ даетъ его солому и рисъ, ни нашъ цивилизованный рабочій, которому капиталистъ платитъ всегда слишкомъ незначительную заработную плату; они не являются товарищами своего господина, хотя производятъ вмѣстѣ съ нимъ. Точно такъ же лошадь, везущая нашу повозку, волъ, запряженный въ нашъ плугъ, не являются нашими товарищами, общественниками, хотя участвуютъ вмѣстѣ съ нами въ производствѣ; мы забираемъ ихъ продуктъ и не дѣлимъ его съ ними. Положеніе служащихъ намъ животныхъ и рабочихъ одинаково: творя добро тѣмъ и другимъ, мы дѣлаемъ это не изъ чувства справедливости, а исключительно по добротѣ *).

Но возможно ли, чтобы мы, люди, не были всѣ союзниками, общественниками? Вспомнимъ, что было говорено въ двухъ предыдущихъ главахъ; еслибъ даже мы хотѣли противнаго, сама сила вещей, нужды нашего потребленія, законы производства, математическій принципъ обмѣна дѣлаютъ насъ по-неволѣ товарищами, ассоціируютъ насъ. Только

*) По древне-еврейски совершить по отношенію къ кому нибудь актъ благотворительности значитъ *совершить справедливое;* по гречески, *сочувствовать, сострадать человѣку,* (Εὐεμοτινεῖν, отсюда французское *aumone*); по-латыни, *творить дѣла любви и благостыни;* по-французски, *faire l'aumône, творить милостыню.* Мы видимъ, какъ въ этихъ различныхъ терминахъ понятіе постепенно съуживается: первый терминъ означаетъ долгъ, второй уже только симпатію, третій доброту (не обязательную, а лишь похвальную добродѣтель), четвертый—дѣло вкуса.

ЦАБ "Автограф"

собственникъ является исключеніемъ изъ этого правила; онъ производитъ при помощи своего права на доходъ и не ассоціированъ ни съ кѣмъ, слѣдовательно, не обязанъ дѣлить съ кѣмъ бы то ни было свой продуктъ, точно также какъ никто не обязанъ дѣлиться съ нимъ своимъ продуктомъ. За исключеніемъ собственниковъ, мы всѣ работаемъ одинъ на другого, мы ничего не въ состояніи сдѣлать безъ помощи другого, мы безпрерывно обмѣниваемся нашими продуктами и услугами. Что же все это, какъ не общественные акты?

Торговое, промышленное, земледѣльческое товарищество немыслимо иначе, какъ на началахъ равенства; равенство является неизбѣжнымъ условіемъ его существованія; такъ что во всѣхъ дѣлахъ, касающихся этого общества, нарушить равенство, нарушить справедливость и поступить противъ общества сводится къ одному и тому же. Приложите этотъ принципъ ко всему человѣчеству; послѣ того, что вы прочитали здѣсь, читатель, я думаю, вы съумѣете сдѣлать это безъ меня.

Согласно вышесказанному, человѣкъ, захватывающій въ свое владѣніе участокъ земли и заявляющій: это — мой участокъ, не грѣшитъ противъ справедливости, пока другіе люди точно такъ же въ состояніи захватывать въ свою пользу другіе участки; далѣе онъ не грѣшитъ противъ справедливости, если имѣя въ виду устроиться въ другомъ мѣстѣ, онъ обмѣнитъ свой участокъ на другой, эквивалентный ему. Но если онъ поставитъ вмѣсто себя другого и скажетъ ему: Ты работай, а я буду отдыхать, онъ нарушитъ справедливость, товарищество, *равенство*, это будетъ собственникъ.

И обратно, дармоѣдъ, прожигатель жизни, который, не исполняя никакой общественной задачи, тѣмъ не менѣе пользуется такъ же, какъ всякій другой, часто даже въ большей степени, общественными продуктами,—такой человѣкъ долженъ быть преслѣдуемъ, какъ воръ и паразитъ; нашъ долгъ передъ нами самими не давать ему ничего; но такъ какъ онъ всетаки долженъ жить, надо поставить его подъ контроль и обязать его къ труду.

Общительность есть какъ бы притяженіе одушевленныхъ существъ; справедливость есть то же притяженіе, сопровождаемое рефлексіей и сознаніемъ. Но подъ какой общей идеей, подъ какой категоріей познанія представляется намъ справедливость? Подъ категоріей равныхъ величинъ. Отсюда античное опредѣленіе справедливости: Justum aequale est injustum inaequale.

Итакъ, въ чемъ заключается справедливость? Въ предоставленіи каждому равныхъ благъ, при условіи равнаго труда; это соціальный образъ дѣйствій. Нашему эгоизму это не понравится; но нельзя бороться противъ необходимости и очевидности.

Что такое право захвата? Это естественный способъ дѣлежа земли, отдавая ее работникамъ въ порядкѣ ихъ явки; это право исчезаетъ передъ общимъ интересомъ, который, какъ интересъ всего общества, является также интересомъ оккупирующаго.

Въ чемъ заключается право труда? Это право на участіе въ пользованіи общимъ продуктомъ при выполненіи требуемыхъ условій; это право общества, право равенства.

Справедливость, продуктъ комбинаціи идеи и инстинкта, проявляется въ человѣкѣ съ того самаго момента, какъ онъ становится способнымъ чувствовать и мыслить. Поэтому ее сочли врожденнымъ намъ, первичнымъ чувствомъ,—мнѣніе, невѣрное логически и хронологически. Зато мнѣ кажется, что справедливость, — если можно такъ выразиться,— ублюдокъ по своему происхожденію, плодъ интеллектуальной и чувственной способности, является однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ

ЦАБ "Автограф"

въ пользу единства и простоты нашего *я*; организмъ не можетъ самъ по себѣ создать такихъ смѣшеній, точно такъ же какъ изъ чувства слуха и чувства зрѣнія не образуется двойное чувство, наполовину—слухъ, наполовину—зрѣніе.

Благодаря своей двойной природѣ, справедливость окончательно устанавливаетъ всѣ наши положенія во II-ой, III-ьей и IV-ой главѣ. Съ одной стороны, разъ идея *справедливости* тождественна съ идеей общества, а общество необходимо предполагаетъ равенство, мы необходимо должны найти равенство въ основѣ всѣхъ софизмовъ, сочиненныхъ въ защиту собственности, ибо собственность можно отстаивать только, какъ справедливый и соціальный фактъ, а между тѣмъ собственность отрицаетъ равенство—слѣдовательно, доказывая, что собственность отвѣчаетъ требованіямъ общества, вы доказываете, что несправедливое справедливо, неравное—равно, все сплошныя противорѣчія. Съ другой стороны, понятіе равенства, второй элементъ справедливости, дано намъ въ математическихъ отношеніяхъ вещей, поэтому собственность, или неравное распредѣленіе благъ между работниками, нарушая необходимое равновѣсіе между трудомъ, производствомъ и потребленіемъ, должна оказаться невозможной.

Итакъ всѣ люди ассоціированы между собой, всѣ они должны оказывать другъ другу одинаковую справедливость, всѣ—равны. Слѣдуетъ ли изъ этого, что предпочтенія, оказываемыя нами извѣстнымъ лицамъ, съ которыми насъ связываетъ любовь или дружба, несправедливы?

Это требуетъ объясненія.

Я выше предположилъ случай, что мой ближній находится въ опасности, а я въ состояніи помочь ему; предположимъ теперь, что къ помощи моей одновременно взываютъ два человѣка, оба подверженные смертельной опасности; имѣю ли я право, долженъ ли я спѣшить сначала на помощь къ тому, съ которымъ я связанъ узами крови, дружбы, благодарности и уваженія, и рисковать смертью другого? Да. А почему? Потому что на лонѣ универсальнаго общества для каждаго изъ насъ существуетъ столько же частныхъ обществъ, сколько вообще имѣется индивидуумовъ, и что, въ силу самого же общественнаго принципа, мы должны выполнять налагаемыя ими на насъ обязательства въ порядкѣ ихъ близости къ намъ. Сообразно съ этимъ мы должны предпочитать всѣмъ другимъ нашихъ отца, мать, дѣтей, друзей, союзниковъ и пр. Но въ чемъ заключается это предпочтеніе?

Судья долженъ рѣшить процессъ между его другомъ и недругомъ; является ли и это случаемъ, гдѣ онъ можетъ отдать предпочтеніе своему *близкому товарищу* передъ *менѣе близкимъ товарищемъ* и рѣшить процессъ въ пользу своего друга, хотя правда оказалась не на его сторонѣ? Нѣтъ. Потому что, потворствуя несправедливости этого друга, онъ становится соучастникомъ его въ нарушеніи общественнаго договора: онъ въ нѣкоторомъ родѣ составляетъ вмѣстѣ съ нимъ лигу противъ всей массы членовъ общества. Предпочтеніе можетъ имѣть мѣсто только въ нашихъ личныхъ дѣлахъ, какъ любовь, уваженіе, довѣріе, дружба, которыя мы не можемъ дарить всѣмъ членамъ общества. Такъ на пожарѣ отецъ долженъ прежде спасать своего ребенка, а затѣмъ уже думать о ребенкѣ своего сосѣда; но приговоръ судьи не есть его личное и факультативное дѣло, поэтому онъ не имѣетъ права покровительствовать одному во вредъ другому.

Эта теорія частныхъ обществъ, какъ бы образующихъ вокругъ насъ концентрическіе круги въ предѣлахъ одного большого круга — общества въ обыкновенномъ смыслѣ, даетъ намъ ключъ ко всѣмъ проблемамъ, могущимъ возникнуть на почвѣ столкновеній между различными видами

ЦАБ "Автограф"

общественныхъ обязанностей, проблемами, которыя дали большинство сюжетовъ для античныхъ трагедій.

У животныхъ справедливость носитъ въ нѣкоторомъ родѣ отрицательный характеръ; за исключеніемъ защиты дѣтенышей, групповой охоты и погони за добычей, защиты стада и отдѣльныхъ случаевъ взаимной поддержки, она заключается не столько въ положительныхъ велѣніяхъ, сколько въ устраненіи препятствій. Больная особь, не могущая стать на ноги, неразумная особь, упавшая въ обрывъ, не получатъ отъ другихъ ни помощи, ни пищи; если онѣ не въ силахъ собственными средствами выздоровѣть и избавиться отъ бѣды, жизнь ихъ въ опасности; имъ нечего ждать ухода во время своей болѣзни, не отъ кого ожидать пищи въ своемъ одиночествѣ. Равнодушіе ихъ товарищей къ ихъ судьбѣ вытекаетъ столько же изъ убожества ихъ умственнои жизни, сколько изъ бѣдности ихъ рессурсовъ. Впрочемъ, животнымъ не чужды различныя степени близости, соблюдающіяся между людьми: имъ знакомы сосѣдская дружба, дружба по привычкѣ, родственная близость, они отдаютъ предпочтеніе одному индивидууму передъ другимъ. Сравнительно съ нами эта дружба не такъ прочна у нихъ, скоро забывается, это лишь темное, почти безсознательное чувство; но тождество имѣется, и наше превосходство въ этомъ отношеніи зависитъ исключительно отъ нашей сознательности.

Благодаря нашей памяти и проницательности нашего сужденія, мы въ состоянія умножать и комбинировать акты, внушаемые намъ общественнымъ инстинктомъ; придавать имъ большую силу и интенсивность и сообразовать ихъ со степенью важности каждаго отдѣльнаго случая. У животныхъ, живущихъ обществами, есть справедливость, но они не знаютъ ея и не думаютъ о ней; они повинуются своему инстинкту безъ всякой философіи и умозрѣнія. Ихъ *я* не умѣетъ соединить общественнаго чувства съ понятіемъ равенства,—понятіемъ, котораго они не имѣютъ, потому что оно отвлеченно. Мы же, напротивъ, благодаря нашей мыслительной способности, можемъ согласиться между собой насчетъ своихъ правъ и исходимъ при этомъ изъ того принципа, что общество требуетъ равнаго дѣлежа; мы даже пошли слишкомъ далеко въ этомъ. Но во всемъ этомъ наше сознаніе играетъ самую незначительную роль; доказательствомъ этого служитъ то, что идея *права*, являющаяся въ видѣ проблесковъ въ нѣкоторыхъ ближайшихъ намъ по разуму животныхъ, очевидно, находится на такомъ же уровнѣ у дикихъ народностей, а оттуда уже эволюціонируетъ на высоту Платоновъ и Франклиновъ. Прослѣдите эволюцію нравственнаго чувства въ индивидуумахъ и эволюцію законодательства у народовъ и вы убѣдитесь, что идея справедливости и законодательнаго совершенства постоянно пропорціональна степени культурности людей. Понятіе справедливости, которое философы считали простымъ, оказывается, значитъ, дѣйствительно сложнымъ: его создаетъ съ одной стороны единственный инстинктъ, съ другой—идея равной заслуги; точно такъ же понятіе виновности дается намъ чувствомъ оскорбленной справедливости и понятіемъ свободнаго выбора.

Подведемъ итогъ: сущность инстинкта не измѣняется, благодаря привходящему сюда сознанію, и соціальные факты, разсмотрѣнные нами до сихъ поръ, построены на животной общественности. Мы знаемъ, что представляетъ собой справедливость, или общественность, являющаяся намъ на почвѣ равенства. У насъ нѣтъ ничего, отличающаго насъ отъ животныхъ.

ЦАБ "Автоматика"

§ 3. О третьей ступени общественности.

Читатель, быть можетъ, не забылъ сказанное мною въ III-ей главѣ о раздѣленіи труда и разнообразіи индивидуальныхъ способностей. Сумма талантовъ и способностей людей одинакова, природа ихъ сходна; всѣ мы, сколько насъ ни есть, рождаемся поэтому математиками, философами, артистами, наемниками, земледѣльцами, но мы не рождаемся въ одинаковой степени всѣмъ этимъ, и между различными людьми въ обществѣ, между различными способностями въ человѣкѣ имѣется безконечная градація. Это различіе въ интенсивности однихъ и тѣхъ же способностей, это преимущество таланта въ извѣстной области является, какъ мы сказали, самой основой нашего общества. Разумъ и природный геній распредѣлены природой съ такой экономіей и предусмотрительностью, что общественному организму никогда не грозитъ излишекъ или недостатокъ спеціальныхъ талантовъ, и каждый работникъ, исполняя свою работу, всегда можетъ пріобрѣсть познанія, необходимыя для пользованія трудами и открытіями всѣхъ другихъ членовъ общества. Благодаря этой столь мудрой и простой предусмотрительности природы, работникъ не оказывается изолированнымъ на своей спеціальной работѣ; онъ въ мысляхъ сообщается съ себѣ подобными, а потомъ роднится съ ними и чувствомъ, такъ что у него любовь вытекаетъ изъ знанія.

Не такъ въ обществахъ животныхъ. Въ каждомъ видѣ способности, очень ограниченныя по своему числу, а, если онѣ не далеко ушли отъ простого инстинкта, и по своей силѣ — одинаковы у всѣхъ особей; каждая особь умѣетъ то, что умѣютъ другія, не лучше и не хуже, умѣетъ находить кормъ, укрываться отъ врага, рыть нору, свивать гнѣздо и т. д. Свободныя и располагающія сами собой, онѣ не ожидаютъ и не прибѣгаютъ къ помощи товарищей, которые, въ свою очередь, тоже обходятся собственными средствами.

Общественныя животныя живутъ другъ подлѣ друга безъ всякаго общенія мыслей; они всѣ дѣлаютъ одно и то же, имъ нѣтъ, чему учиться, что запоминать, они видятъ, чувствуютъ другъ друга, сталкиваются между собой, но не проникаютъ во внутреннюю жизнь сосѣда. Люди постоянно обмѣниваются между собой своими мыслями и чувствами, продуктами и услугами. Все, что дѣлается въ обществѣ, все, что узнаешь здѣсь, полезно для человѣка; но изъ этого огромнаго количества продуктовъ и идей отдѣльный человѣкъ производитъ и усваиваетъ лишь крохотную толику, это атомъ въ сравненіи съ солнцемъ. Человѣкъ является человѣкомъ только благодаря обществу, а оно, въ свою очередь, держится только гармоніей образующихъ его силъ.

У животныхъ общество *простой*, у человѣка—*сложный* модусъ. Человѣкъ связанъ съ человѣкомъ тѣмъ же инстинктомъ, который связываетъ животное съ животнымъ. Но ассоціація людей носитъ другой характеръ, нежели ассоціація животныхъ; отсюда и вся разница въ ихъ моральной жизни.

Я доказалъ—быть можетъ, слишкомъ многословно,—что неравенство условій нельзя оправдать ни первоначальнымъ захватомъ, ни превосходствомъ таланта, труда и способностей; я доказалъ это на основаніи политической экономіи и духа законовъ, считающихъ собственность основой гражданскаго строя. Равенство условій необходимо вытекаетъ изъ естественнаго права, изъ свободы, изъ законовъ производства, изъ границъ физической природы и самого принципа общества; но оно не ставитъ общественное чувство въ рамки приходо-расходной книги; любовь и благотворительность идутъ дальше; когда хозяинъ подвелъ свой балансъ, вступаетъ въ свои права душа, она знаетъ другую, свою собственную справедливость, и сердце расцвѣтаетъ въ безконечностн своихъ чувствъ.

ЦАБ "Автограф"

Общественное чувство пріобрѣтаетъ тогда новый характеръ, смотря по тому, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собой данныя лица; для сильнаго оно является пріятнымъ сознаніемъ своего благородства; между равными это открытая и сердечная дружба; въ слабѣйшемъ счастливое чувство благодарности и восхищенія.

Человѣкъ, выдающійся своей силой, талантомъ или смѣлостью, знаетъ, что онъ всѣмъ обязанъ обществу, безъ котораго онъ самъ ничто и ничто не въ состояніи сдѣлать; онъ знаетъ, что общество квитъ съ нимъ, поступая съ нимъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ членовъ. Но онъ не можетъ не видѣть въ то-же время превосходства своихъ способностей, онъ не можетъ не сознавать своей силы и высоты; онъ добровольно приноситъ на алтарь человѣчества свои дарованія. считаетъ себя орудіемъ природы, заявляетъ, что только ее слѣдуетъ благословлять и славословить за его таланты; эта исповѣдь ума и сердца, это дѣйствительное преклоненіе передъ Верховнымъ Существомъ отличаютъ человѣка, они подымаютъ его на такую ступень общественной морали, которая недоступна животному. Геркулесъ ниспровергалъ чудовищъ и наказывалъ разбойниковъ во благо Греціи, Орфей училъ дикихъ и грубыхъ Пелазговъ, и оба они не желали никакой награды за это, вотъ благороднѣйшія творенія поэзіи, вотъ самое высокое проявленіе справедливости и добродѣтели.

Восторги самоотверженія неописуемы.

Если позволено мнѣ будетъ сравнить человѣческое общество съ хоромъ въ греческихъ трагедіяхъ, я сказалъ-бы, что фаланга возвышенныхъ умовъ и великихъ душъ это—строфа, а масса мелкихъ сошекъ—*антистрофа*. Масса, исполняющая обременительныя и вульгарныя работы, всесильная своей численностью и гармоническимъ ансамблемъ ея функцій, совершаетъ то, что первые задумали. Руководимая талантами, она ничего не должна имъ; однако восхищается ими и воздаетъ имъ хвалу и уваженіе.

Благодарность имѣетъ свои восторги и преклоненія.

Но сердцу моему мило равенство. Благодѣтельность извращается въ тиранію, восхищеніе въ сервилизмъ; дружба-же дочь равенства. О, друзья мои, я хотѣлъ-бы жить среди васъ безъ подражателей, безъ славы, хотѣлъ-бы, чтобы насъ соединяло равенство, и жребій указалъ-бы каждому его мѣсто. Пускай я прежде умру, чѣмъ узнаю, кого изъ васъ я долженъ почитать болѣе всѣхъ другихъ.

Дружба—манна небесная для сердца человѣка.

Великодушіе, благодарность (я здѣсь имѣю въ виду только ту благодарность, которая проистекаетъ изъ восхищенія передъ высшей мощью) и дружба—это три различныхъ оттѣнка одного чувства, которое я назову *соціальной пропорціональностью* или *équité* *).

Послѣдняя ничего не измѣняетъ въ справедливости, но справедливость всегда беретъ въ основу эту équité, прибавляетъ сюда уваженіе и создаетъ такимъ образомъ въ человѣкѣ третью ступень общественности. Equité—назовемъ ее по-русски человѣчность—дѣлаетъ для насъ заодно долгомъ и наслажденіемъ помогать слабому, нуждающемуся въ насъ существу, превращать его въ равнаго намъ; платить сильному дань благодарности и уваженія, не становясь его рабомъ; любить нашего ближняго, друга, равнаго за то, что мы получаемъ отъ него хотя-бы въ видѣ мѣны. Человѣчность есть общественность, которую разумъ и справедливость подняли до идеала; въ самомъ обыденномъ видѣ она представляетъ

*) Я понимаю здѣсь подъ *équité* то, что римляне называли *humanitas*, т. е. специфическую общественность человѣка. *Humanitas*, мягкая и привѣтливая ко всѣмъ, умѣетъ различать, никого не обижая, ранги, добродѣтели и способности: это распредѣляющая справедливость общественной симпатіи и всеобщей любви.

ЦАБ "Автограф"

собой *учтивость* или *вѣжливость*, къ которой, у нѣкоторыхъ народовъ, сводятся почти всѣ соціальныя обязанности.

Это чувство неизвѣстно животнымъ; они способны любить, привязываться, оказывать предпочтеніе, но не понимаютъ уваженія; мы не находимъ у нихъ ни благородства, ни восхищенія, ни этикета.

Это чувство не вытекаетъ изъ ума, который разсчитываетъ, взвѣшиваетъ, соображаетъ, но не любитъ; который видитъ и не чувствуетъ. Точно такъ же какъ справедливость есть смѣшанный продуктъ общественнаго инстинкта и рефлексіи, такъ и человѣчность есть результатъ сочетанія справедливости и вкуса, понимая подъ послѣднимъ нашу способность оцѣнки и идеализаціи.

Этотъ результатъ, третья и послѣдняя ступень общественности у человѣка, опредѣляется сложнымъ характеромъ человѣческаго сожительства или ассоціаціи; неравенство или вѣрнѣе разнообразіе способностей и функцій человѣка имѣютъ тенденцію къ изолированію отдѣльныхъ работниковъ и поэтому требуютъ болѣе интенсивной общественности.

Вотъ почему сильный, подавляющій слабаго своей поддержкой, вызываетъ нашъ гнѣвъ; вотъ почему тупое невѣжество, которое съ одинаковымъ чувствомъ смотритъ на чудеса искусства и произведенія вульгарнѣйшей индустріи, возбуждаетъ наше безконечное презрѣніе; вотъ почему такъ ненавистна намъ напыщенная посредственность, которая самодовольно заявляетъ: *Я заплатилъ тебѣ и ничего болѣе не долженъ тебѣ.*

Общительность (*общественность*), *справедливость*, *человѣчность*— вотъ точная характеристика того инстинкта, который заставляетъ насъ искать общенія съ подобными намъ; это три стадіи его; въ области внѣшняго міра онъ сводится къ слѣдующей формулѣ: *Равенство въ продуктахъ природы и труда.*

Эти три стадіи общественности взаимно предполагаютъ и поддерживаютъ другъ друга; безъ справедливости нѣтъ человѣчности; общество безъ справедливости есть *nonsens*. Дѣйствительно, если я вознаграждаю талантъ тѣмъ, что несправедливо отнимаю у другого, я не оказываю должнаго уваженія таланту; если я присваиваю себѣ большій пай, чѣмъ другой членъ общества, то между нами нѣтъ настоящей ассоціаціи. Справедливость есть общественность, проявляющаяся въ допущеніи всѣхъ къ пользованію вещественными благами, которыя могутъ быть только измѣряемы на вѣсъ и т. д.; человѣчность есть справедливость, сопровождаемая восхищеніемъ и уваженіемъ,—вещи неизмѣримыя.

Отсюда вытекаютъ нѣсколько послѣдствій.

1) Мы вольны оказывать одному больше уваженія, чѣмъ другому (во всѣхъ возможныхъ степеняхъ), но не вольны удѣлять ему большую долю въ пользованіи вещественными благами. Долгъ справедливости предшествуетъ долгу человѣчности, онъ раньше былъ наложенъ на насъ. Древніе восторгались женщиной, которая будучи вынуждена выбирать между смертью брата и супруга, выбрала послѣднюю, потому что можно найти второго мужа, но не второго брата; я же говорю, что, повинуясь голосу человѣчности, она поступила противъ справедливости, поступила дурно: супружескія узы тѣснѣе братской любви, и къ тому же жизнь ближняго не принадлежитъ намъ.

На томъ-же самомъ основаніи законодатель не можетъ подъ предлогомъ различія талантовъ допустить неравную заработную плату: распредѣленіе продуктовъ дѣло справедливости и относится къ области политической экономіи, а не нашихъ аффектовъ.

Наконецъ, что касается наслѣдованія, завѣщаній и подарковъ, общество должно имѣть въ виду заодно и семейныя привязанности, и свои

ЦАБ "Автограф"

собственныя права; оно не можетъ допустить, чтобы любовь или личныя склонности брали верхъ надъ справедливостью. Общество не можетъ терпѣть концентраціи капиталовъ и производства въ однихъ рукахъ, оно не должно также допускать, чтобъ одни отбирали у другихъ работу. Здѣсь не можетъ играть роли то, что сынъ, многолѣтній сотрудникъ своего отца, является самымъ способнымъ продолжателемъ его дѣла, что умирая человѣкъ всегда лучше всякаго другого найдетъ себѣ достойнаго преемника (это подскажетъ ему естественное чувство и любовь къ своему дѣлу). Но общество предоставляетъ наслѣднику право выбирать между нѣсколькими одновременно доставшимися ему наслѣдствами *).

2) Равенство, справедливость, общество могутъ имѣть мѣсто только между представителями одного и того-же вида; они невозможны, напримѣръ, между волкомъ и козой, между козой и человѣкомъ, человѣкомъ и Богомъ, а еще меньше между Богомъ и человѣкомъ. Приписывая Высшему Существу справедливое и любвеобильное отношеніе ко всякой твари, мы поступаемъ въ духѣ чистѣйшаго антропоморфизма; эпитеты правый, милосердный и др. должны исчезнуть изъ нашихъ молитвъ, мы можемъ считать Бога справедливымъ и добрымъ только въ его отношеніяхъ къ другимъ богамъ; но Богъ единъ, онъ одинокъ, не можетъ поэтому испытывать соціальные аффекты, вродѣ доброты и справедливости. Скажете-ли вы, что пастухъ справедливъ по отношенію къ своимъ овцамъ и собакамъ? Нѣтъ. Если онъ захочетъ получить отъ шестимѣсячной овечки столько же шерсти, сколько даетъ двухлѣтній баранъ, если онъ будетъ требовать отъ молодой собаки такой-же службы, какъ отъ стараго дога, мы не скажемъ, что онъ несправедливъ, а просто-на-просто назовемъ его съумасшедшимъ. Человѣкъ и животное не составляютъ между собой общества, хотя могутъ чувствовать привязанность другъ къ другу: человѣкъ любитъ животныхъ какъ *вещи*, какъ *чувствительныя вещи*, если хотите, но не какъ *личности*. Философія освободила понятіе Божества отъ страстей, навязанныхъ ему суевѣріемъ, ей придется устранить

*) Справедливость и гуманность никогда не понимались, какъ слѣдуетъ.

«Предположимъ, что надо надѣлить или распредѣлить между Аяксомъ и Ахилломъ военную добычу. Пусть она равняется 12. Если-бы оба героя были равны, то ихъ доля въ добычѣ тоже была-бы равной: Ахиллъ получилъбы 6 и Аяксъ — 6. Если держаться этого ариѳметическаго равенства, Терситу тоже должна была-бы достаться такая-же часть, какъ Ахиллу, что было-бы въ высшей степени несправедливо и возмутительно. Чтобъ избѣгнуть этой несправедливости, мы сравнимъ достоинство обоихъ героевъ и назначимъ каждому часть, пропорціональную его достоинству. Предположимъ, что Ахиллъ вдвое превосходитъ Аякса: въ такомъ случаѣ Ахиллъ долженъ будетъ получить 8, Аяксъ—4. Это будетъ не ариѳметическое, а пропорціональное равенство. Это сравненіе заслугъ, rationum, Аристотель называетъ справедливостью распредѣленія; оно происходитъ въ геометрической пропорціи». (Toullier, Droit francais selod l'ordre du Code.

Были-бы Ахиллъ и Аяксъ компаньоны или нѣтъ? Въ этомъ весь вопросъ. Если они не составляли между собой товарищества, а просто были оба на службѣ у Агамемнона, который платилъ имъ за нее, то мы не можемъ ничего сказать противъ правила Аристотеля: рабовладѣлецъ можетъ обѣщать двойную порцію водки тому, кто отработаетъ вдвое больше. Это законъ рабовъ, законъ деспотизма. Но если Ахиллъ и Аяксъ компаньоны, значитъ, они равны между собой. Какое намъ дѣло до того, что Ахиллъ имѣетъ силу четырехъ, Аяксъ—только двухъ мужей? Вѣдь послѣдній всегда можетъ заявить, что онъ свободенъ; что, если Ахиллъ силенъ, какъ четыре, то пятеро все же могутъ убить его; наконецъ, что, идя въ бой, онъ, Аяксъ, рискуетъ столько-же, сколько Ахиллъ. Тѣ-же соображенія можно примѣнить и къ Терситу; если онъ не умѣетъ стараться, то сдѣлайте изъ него повара, служителя, полового; если онъ ни къ чему не годенъ, отправьте его въ больницу; но вы ни въ коемъ случаѣ не имѣете права насиловать его и предписывать ему свои законы.

Для человѣка возможны только два состоянія; жизнь въ обществѣ и внѣ общества. Въ обществѣ всѣ находятся на совершенно одинаковомъ положеніи, если не считать того уваженія и почета, которыхъ всякій можетъ добиться для себя. Внѣ общества человѣкъ есть предметъ эксплуатаціи, орудіе и капиталъ, нерѣдко также досадный и ненужный аксессуаръ.

ЦАБ "Автор..."

изъ него также тѣ добродѣтели, которыми надѣлила его наше щедрое благочестіе *).

Если-бы Богъ сошелъ на землю и поселился среди насъ, мы не могли-бы ни любить его—развѣ только если бы онъ уподобился человѣку; ни приносить ему что-либо, если-бы онъ самъ ничего не творилъ; ни слушать его, если-бы онъ не доказалъ намъ, что мы заблуждаемся; ни поклоняться ему, если-бы онъ не доказалъ намъ своего всемогущества. Всѣ законы нашей природы: чувственные, экономическіе и духовные предписываютъ намъ обращаться съ нимъ въ такомъ случаѣ, какъ съ другими людьми, т. е. разумно, справедливо и гуманно. Я дѣлаю изъ этого тотъ выводъ, что, если Богъ когда-либо приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ человѣкомъ, онъ долженъ для этого самъ стать человѣкомъ.

Пусть короли—подобія Бога на землѣ, носители его воли; если такъ, то, значитъ, и они могутъ требовать отъ насъ любви, богатства, повиновенія и славы только въ томъ случаѣ, если сами работаютъ, какъ мы, если живутъ съ нами въ общественномъ союзѣ, производятъ пропорціонально своимъ расходамъ, разсуждаютъ со своими слугами, а сами творятъ великія дѣла. Если-же короли являются общественными чиновниками (есть и такое мнѣніе!), то популярность ихъ въ еще большей степени зависитъ отъ ихъ личнаго обаянія и любезности; они могутъ требовать повиновенія себѣ только на основаніи ихъ полномочій; ихъ содерженіе, liste civile, равняется всей суммѣ производства общества, дѣленной на число гражданъ.

Итакъ юриспруденція, политическая экономія, психологія, словно сговорившись, въ одинъ голосъ диктуютъ намъ законъ равенства. Право и обязанность, вознагражденіе таланта и труда, порывы любви и энтузіазма—все это наперед урегулировано по опредѣленному масштабу, все сводится къ цифрамъ и равенству. Равенство условій и состояній—вотъ основное начало всѣхъ обществъ; всеобщая солидарность—вотъ санкція этого закона.

Равенство это ни разу еще не было осуществлено; причина—наши страсти и невѣжество, но, чѣмъ больше мы противимся закону равенства, тѣмъ ярче выступаетъ его необходимость; исторія, ходъ событій на каждомъ шагу свидѣтельствуетъ объ этомъ. Общество идетъ отъ уравненія къ уравненію; государственные перевороты представляютъ для экономиста ничто иное, какъ преобразованіе взаимно сокращающихся алгебраическихъ величинъ или-же выведеніе неизвѣстнаго съ помощью непогрѣшимаго метода времени. Числа — Провидѣніе исторіи. Несомнѣнно, прогрессъ человѣчества заключаетъ другіе элементы; но среди множества тайныхъ пружинъ, двигающихъ исторію народовъ, самыми могучими, самыми регулярными и безспорными являются періодическія возстанія пролетаріата противъ собственности. Собственность, раззорявшая народъ—а вѣдь населеніе все увеличивалось,—была главнымъ началомъ и источникомъ всѣхъ революцій. Религіозныя и завоевательныя войны причиняли лишь преходящія пертурбаціи (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онѣ

---

*) Между мужчиной и женщиной можетъ быть любовь, страсть, узы привычки, все что угодно, но только не общество въ настоящемъ значеніи этого слова. Мужчина и женщина сдѣланы изъ различнаго тѣста. Различіе половъ воздвигаетъ между ними такую-же стѣну, какъ различія породы среди животныхъ. Поэтому я далеко не сторонникъ того, что называютъ теперь эмансипаціей женщины, и скорѣе уже буду стоять за то, чтобъ женщину держали въ терему, (a mettre la femme en réclusion), если дойдетъ до этой крайности.

Право женщины и ея отношенія къ мужчинѣ должны еще только быть установлены; брачное законодательство точно такъ же какъ и все гражданское законодательство должно быть создано (съизнова),

ЦАБ "Автограф"

кончались истребленіемъ цѣлой расы), чисто-математическій прогрессъ народной жизни быстро залечивалъ нанесенныя ими раны. Такую силу представляетъ собой аккумуляція собственности, таковъ законъ упадка и смерти общества.

Взгляните на средневѣковую Флоренцію, республику купцовъ и мѣнялъ, раздираемую борьбой партій, такъ называемыхъ Вельфовъ и Гиббелиновъ, которые въ сущности были ничѣмъ инымъ, какъ партіей мелкаго люда и партіей аристократовъ-собственниковъ; на Флоренцію, управляемую банкирами и въ концѣ концовъ падшую подъ бременемъ долговъ *). Взгляните на древній Римъ; съ самаго его возникновенія въ немъ свирѣпствуетъ ростовщичество, тѣмъ не менѣе городъ процвѣтаетъ, пока весь извѣстный тогда міръ доставлялъ *работу* грознымъ пролетаріямъ столицы; въ промежуткахъ между внѣшними войнами онъ истекалъ кровью отъ жестокихъ междуусобицъ; въ концѣ концовъ онъ умираетъ отъ истощенія, когда вмѣстѣ со своей прежней энергіей народъ потерялъ послѣднюю искру нравственнаго чувства. Карѳагенъ, городъ денегъ и торговли, безпрестанно раздираемъ внутренними междуусобицами. Тиръ, Сидонъ, Іерусалимъ, Ниневія, Вавилонъ одинъ за другимъ гибнутъ жертвами конкурренціи и того, что мы теперь называемъ отсутствіемъ рынковъ сбыта. Эти знаменитые примѣры краснорѣчиво говорятъ намъ, какая участь ждетъ всѣ современныя націи, если народъ, если Франція не скажетъ своего могучаго слова, не объявитъ въ порывѣ гнѣва уничтоженія режима собственности.

Я могъ-бы считать здѣсь свою задачу оконченной. Я доказалъ право бѣдняка, обирательство его богатымъ. Я требую справедливости; исполненіе—не мое дѣло. Если мнѣ возразятъ, что недостаточно доказать, необходимо также организовать равенство, а главное—осуществить его безъ слишкомъ большой ломки существующаго, если мои противники думаютъ такимъ образомъ выиграть еще нѣсколько лѣтъ незаконнаго пользованія своей привиллегіей, то я вправѣ отвѣтить имъ: забота объ угнетенныхъ должна стоять на первомъ планѣ, передъ ней стушевываются всѣ затрудненія нашихъ министровъ, равенство — основной законъ, на которомъ построено общественное хозяйство и юриспруденція. Право на трудъ и на равное участіе въ продуктахъ не можетъ считаться со страхами власть имущихъ; пролетарію вовсе нѣтъ надобности улаживать противорѣчія между различными уложеніями, а тѣмъ паче терпѣть отъ ошибокъ правительства; напротивъ, гражданская и административная власть должны позаботиться о томъ, чтобъ обновить себя на почвѣ политическаго и имущественнаго равенства. Разъ зло найдено, оно должно быть уничтожено; законодатель не въ правѣ отговариваться тѣмъ, что не знаетъ, чѣмъ замѣнить существующій режимъ. Нельзя отсрочивать введенія въ права. Справедливость, справедливость! Признаніе нашего права, реабилитація пролетарія!—А потомъ уже, господа судьи и консулы, возитесь со своей полиціей и правительствомъ.

Впрочемъ, я думаю, ни одинъ изъ моихъ читателей не упрекнетъ меня въ томъ, что я умѣю только разрѣшать, а не строить. Доказывая принципъ равенства, я заложилъ фундаментъ соціальнаго зданія; я сдѣлалъ больше—я показалъ дорогу для разрѣшенія политическихъ и юридическихъ вопросовъ. Что касается самого содержанія науки (объ обществѣ), признаюсь, я знаю только основной ея принципъ—и не знаю никого, кто могъ бы похвастать тѣмъ, что проникъ въ нее глубже. Много людей кричатъ во всѣ стороны: идите ко мнѣ, у меня истина; а на са-

*) «Денежный сундукъ Козьмы Медичи былъ могилой Флорентійской свободы», какъ выразился Мишле въ Collège de France.

ЦАБ "Автограф"

момъ дѣлѣ это не истина, а лишь ихъ личное мнѣніе, ихъ горячее убѣжденіе. Наука объ обществѣ, какъ всѣ науки человѣка, никогда, никогда не будетъ совершенной: проблемы ея безконечно глубоки и разнообразны. Мы врядъ ли справились съ первыми, азбучными истинами этой науки; доказательство: мы не вышли еще изъ періода системъ и все еще руководимся не фактами, а голосомъ большинства. Одно грамматическое общество рѣшало даже вопросы лингвистики большинствомъ голосовъ; пренія нашихъ палатъ были бы смѣшны, если-бъ результаты ихъ не были такъ печальны. Задача дѣйствительнаго публициста въ наше время заставитъ замолчать доморощенныхъ реформаторовъ и шарлатановъ, пріучить публику требовать доказательства, а не символы и программы. Прежде чѣмъ разсуждать о соціальной наукѣ, необходимо опредѣлить объектъ ея, установить ея методъ и принципъ; надо очистить ее отъ загромождающихъ ее предразсудковъ. Это должно быть задачей нащего девятнадцатаго вѣка.

Что касается меня, я поклялся и останусь вѣренъ своему разрушительному дѣлу, буду искать истину на развалинахъ (стараго строя). Я ненавижу половинчатую работу; и вы можете мнѣ вѣрить, читатель: если я осмѣливался занесть руку на ковчегъ завѣта, я не ограничусь уже только тѣмъ, что сниму съ него крышку. Надо развѣнчать таинства святая святыхъ несправедливости, разбить скрижали стараго завѣта и бросить всѣ предметы стараго культа на съѣденіе свиньямъ. Мы имѣемъ хартію (конституцію), сводъ всей политической науки, символъ двадцати легислатуръ; кодексъ (уложеніе), гордость завоевателя, чашу античной мудрости. Но изъ этой хартіи, изъ этого кодекса не останется камня на камнѣ. Пусть наши ученые имѣютъ это въ виду и уже теперь начнутъ готовиться къ возсозданію ихъ на новыхъ началахъ.

Но гдѣ разбито заблужденіе, тамъ должна быть на лицо истина. Поэтому для завершенія этого мемуара я долженъ дать отвѣтъ на важнѣйшую проблему политической науки, занимающую теперь всѣ умы:

Какова будетъ форма общественнаго устройства, когда будетъ уничтожена собственность? Будетъ ли это коммунизмъ?

Часть вторая.

Происхожденіе собственности.

§ 1. Источники нашихъ заблужденій.

Для того чтобъ найти истинный общественный строй, необходимо отвѣтить прежде на слѣдующій вопросъ:

Какъ возникла собственность, если она не является естественнымъ состояніемъ человѣка? Какъ объяснить, что соціальный инстинктъ, столь безошибочный у животныхъ, измѣнилъ здѣсь человѣку? Почему человѣкъ, рожденный для общества, до сихъ поръ не живетъ въ товариществѣ?

Я сказалъ выше, что люди образуютъ между собой *сложное* товарищество. Пусть этотъ терминъ не совсѣмъ вѣренъ, фактъ, на который онъ указываетъ, все же остается фактомъ — мы имѣемъ въ виду роль талантовъ и индивидуальныхъ способностей. Кто не видитъ, что, благодаря своему безконечному разнообразію, эти таланты и способности, въ

ЦАБ "Аграф"

свою очередь, порождаютъ безконечное разнообразіе въ области нашей воли, что они необходимо кладутъ свою печать на весь характеръ, склонности и, если можно такъ выразиться, форму нашего *я*?

Что въ области свободы и разума столько-же типовъ, сколько головъ, столько-же оригиналовъ, сколько индивидуумовъ; ихъ вкусы, настроенія, склонности покоются на разнородныхъ идеяхъ и никакъ не могутъ сойтись между собой. Природа и инстинктъ предназначаютъ человѣка для общественной жизни, но его непостоянная и разносторонняя личность противится этому.

Въ животныхъ обществахъ всѣ особи дѣлаютъ одно и то же: ихъ одушевляетъ одна воля, одинъ духъ. Общество животныхъ есть скопище круглыхъ ли, кривыхъ ли, кубическихъ ли, но всегда совершенно одинаковыхъ между собой атомовъ; ихъ личность одна и та же у всѣхъ, можно сказать, что всѣ они словно повинуются одному *я*. Работы, исполняемыя животными (сообща или въ одиночку), являются точными коніями ихъ специфическихъ свойствъ: точно такъ же какъ пчелиный улей состоитъ изъ совершенно однородныхъ индивидовъ, такъ и соты состоятъ изъ всегда одинаковыхъ и правильныхъ клѣтокъ.

Совсѣмъ не то разумъ человѣка, онъ въ одно и то же время отвѣчаетъ соціальной природѣ человѣка и потребностямъ личности; легко понять, что это ведетъ къ удивительному разнообразію человѣческихъ желаній. Желанія пчелы всегда постоянны и одинаковы, потому что ею руководитъ неизмѣнный инстинктъ, единый инстинктъ, въ которомъ заключается вся ея жизнь, ея счастье и бытіе. У людей же имѣются различные таланты, разумъ ихъ не постояненъ, отсюда пестрота и разнообразіе ихъ желаній: человѣкъ ищетъ общества, но бѣжитъ отъ гнета и однообразія; онъ подражаетъ другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ влюбленъ въ свои идеи и безъ ума отъ своихъ произведеній.

Если бы каждый человѣкъ, какъ пчела, съ самаго рожденія обладалъ готовымъ талантомъ, вполнѣ законченными, специфическими знаніями, однимъ словомъ, врожденными функціями, и въ тоже время лишенъ былъ способности разсуждать, рефлексіи,—общество организовалось бы само собой. Передъ нами была бы слѣдующая картина: одинъ пашетъ поле, другой строитъ дома, третій куетъ металлы, четвертый шьетъ одежду, другіе завѣдываютъ распредѣленіемъ продуктовъ. Никто изъ нихъ не задумывается о смыслѣ своей работы, не спрашиваетъ о томъ, работаетъ ли онъ больше или меньше положеннаго, каждый слѣдуетъ своему велѣнію, доставляетъ продуктъ, получаетъ плату, отдыхаетъ, и все это безъ всякихъ счетовъ, безъ всякой зависти къ другому, безъ жалобы на распредѣляющаго продукты,—послѣдній, дѣйствительно, не въ состояніи сдѣлать здѣсь что-нибудь несправедливое. Короли управляютъ и не царствуютъ, потому что царствовать значитъ быть на положеніи откармливающагося *собственника*, какъ говорилъ Бонапартъ; имъ не приходится отдавать распоряженій, такъ какъ каждый и безъ нихъ на своемъ посту, они служатъ скорѣе сборными пунктами, нежели средоточіемъ власти и обсужденія. Это сытый коммунизмъ, но не сознательная и добровольная ассоціація.

Но человѣкъ силенъ только, благодаря своимъ наблюденіямъ и опыту. Наблюденія и опытъ предполагаютъ размышленіе—онъ размышляетъ; онъ разсуждаетъ, не можетъ не разсуждать; размышляя онъ предается иллюзіямъ, разсуждая онъ ошибается, но считаетъ себя правымъ, упорствуетъ, полагается только на самого себя и презираетъ другихъ. Съ этого момента онъ становится въ изолированое положеніе, потому что подчиниться большинству значитъ отказаться отъ своей воли и разума, т. е. отказаться отъ своего собственнаго я, а это невозможно.

ЦАБ "Автограф"

Эта изоляція, этотъ эгоизмъ разума и индивидуализмъ убѣжденій продолжаются до тѣхъ поръ, пока опытъ и наблюденіе не приведутъ его къ истинѣ.

Еще одно, послѣднее сравненіе, и всѣ эти факты станутъ еще очевиднѣе.

Если бы въ одинъ прекрасный день слѣпой, но гармоническій инстинктъ пчелъ обогащенъ былъ рефлексіей и разумомъ, это былъ бы конецъ для маленькаго общества пчелинаго улья. Во-первыхъ, пчелы не преминули бы испробовать какой-нибудь новый пріемъ, напримѣръ, придать клѣткамъ своихъ сотъ круглую или четвероугольную форму. Системы и открытія пошли бы своимъ чередомъ, пока долгая практика купно съ ученой геометріей не отдала бы преимуществъ формѣ шестиугольника.

Возникли бы возстанія. Трутни должны были бы сами заботиться о себѣ, маткамъ пришлось бы взяться за трудъ. Среди пчелъ-работницъ возникли бы несогласія, зависть, каждая захочетъ работать исключительно на себя, и въ концѣ концовъ улей опустѣетъ, пчелы погибнутъ. Зло, какъ змѣя, скрытая среди розъ, проникаетъ въ медовую республику именно съ помощью разума и сужденія, которые должны были лишь послужить ей къ вящей славѣ.

Это зло—въ занимающемъ насъ вопросѣ: общественный непорядокъ объясняется, стало-быть, очень просто нашей способностью разсуждать. Пауперизмъ, преступленія, мятежи, войны — дѣти неравенства, которое въ свою очередь создано собственностью; собственность родилъ эгоизмъ, эгоизмъ—плодъ нашей личной жизни (sens prive), которая происходитъ въ прямой линіи отъ автократіи разума. Человѣкъ началъ свою карьеру не преступленіями, не дикостью, а въ дѣтскомъ невѣдѣніи и неопытности. Одаренный властными инстинктами, подчиненными однако разуму, онъ сначала думаетъ мало, плохо разсуждаетъ; но мало-по-малу, цѣной многихъ ошибокъ, мысли его крѣпнутъ, разумъ совершенствуется. Это дикарь, который жертвуетъ всѣмъ ради какой-нибудь бездѣлушки, а затѣмъ раскаивается и плачетъ; Исавъ, который продалъ свое старшинство за чечевичную похлебку, а потомъ желаетъ сдѣлать эту сдѣлку недѣйствительной; современный рабочій, работающій безъ гарантій и безпрестанно требующій повышенія заработной платы, потому что ни онъ, ни его патронъ не понимаютъ, что внѣ равенства заработная плата всегда недостаточна. Это Навуѳаилъ, умирающій въ борьбѣ за свое наслѣдіе; Катонъ, линяющій себя жизни, для того чтобы не стать рабомъ; Сократъ, защищающій свободу мысли до роковой чаши; это третье сословіе, требующее свободы въ 1789 г., скоро это будетъ народъ, требующій равенства въ средствахъ производства и заработной платѣ.

Человѣкъ рожденъ для общества, онъ стремится во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ равенству и справедливости; но онъ любитъ также свободу и славу; трудность удовлетворить заодно всѣ эти различныя потребности и была первой причиной деспотизма воли и вытекающей изъ него собственности. Съ другой стороны, человѣкъ постоянно нуждается въ обмѣнѣ своихъ продуктовъ; онъ не въ состояніи точно вычислить стоимость различныхъ продуктовъ и довольствуется приблизительнымъ опредѣленіемъ, согласно съ своимъ пристрастіемъ и капризомъ; и пускается въ неправильную торговлю, результатомъ которой всегда являются богатства однихъ и бѣдность другихъ. Такимъ образомъ самыя крупныя бѣды человѣка проистекаютъ отъ неразумной общительности (общественности), отъ той самой справедливости, которой человѣчество такъ гордится и которую оно примѣняетъ съ такимъ поразительнымъ невѣжествомъ. Вопросы справедливости, прикладной справедливости — цѣлая наука, и

ЦАБ."Автограф"

открытіе ея и пропаганда ея рано или поздно положитъ конецъ общественному непорядку, просвѣтятъ насъ относительно нашихъ правъ и обязанностей.

Этого послѣдовательнаго, мучительнаго воспитанія нашего инстинкта, этой медленной, незамѣтной трансформаціи нашихъ самопроизвольныхъ воспріятій въ обдуманныя знанія мы не находимъ у животныхъ, ихъ инстинктъ всегда остается однимъ и тѣмъ же и не преображается разумомъ.

Согласно Фр. Кювье, который такъ удачно провелъ различіе между инстинктивной и разумной жизнью животнаго, „инстинктъ есть первичная, самостоятельная сила, какъ и чувствительность, раздражительность и разумность животнаго. Волкъ и лисица, узнающія и избѣгающія западни, въ которую они разъ попали, лошадь и собака, которыя научаются понимать даже тѣ и иныя слова наши и повинуются намъ, поступаютъ такъ въ силу присущей имъ *разумности*. Собака, прячущая остатки своего обѣда, пчела, строющая соты, птица, свивающая гнѣздо, дѣйствуютъ только по *инстинкту*. Инстинкты имѣются у всѣхъ живыхъ тварей до человѣка включительно: новорожденный младенецъ инстинктивно сосетъ грудь матери. Но у человѣка почти все происходитъ сознательно, инстинктъ дополняется у него сознательностью. У животныхъ мы видимъ обратное: инстинктъ данъ имъ, какъ дополненіе къ ихъ смышленности". (Flourens. Résumé analytique des observations de F. Cuvier).

Чтобы составить себѣ ясное представленіе объ инстинктѣ, мы должны предполагать, что животныя имѣютъ въ своемъ sensorium'ѣ врожденные, неизмѣнные образы и ощущенія, которые вліяютъна ихъ поведеніе точно такъ же, какъ обыкновенныя внѣшнія ощущенія. Ихъ всюду сопровождаетъ эта, если хотите мечта или галлюцинація; во всемъ, что касается ихъ инстинкта, ихъ можно считать лунатиками". (F. Cuvier. Introduction au régne animal).

Итакъ разумъ и инстинктъ одинаково присущи человѣку и животнымъ, хотя и въ различныхъ степеняхъ; что же отличаетъ человѣка? По Кювье, его отличаетъ *рефлексія* или ретроспективное уясненіе *нашихъ собственныхъ модификацій*.

Это не ясно и требуетъ поясненія.

Признавая за животными разумность (intelligence), мы должны также признать за ними въ извѣстной степени и рефлексію; безъ рефлексіи нѣтъ разумности, и самъ Кювье доказалъ это на множествѣ фактовъ. Но обратимъ вниманіе на то, какъ этотъ ученый наблюдатеаь опредѣляетъ тотъ видъ рефлексіи, который отличаетъ насъ отъ животныхъ: *способность видѣть наши собственныя модификаціи*. Я попытаюсь уяснить это и дополню по мѣрѣ силъ моихъ лаконизмъ философа-натуралиста.

Разумность животныхъ не вноситъ никакихъ измѣненій въ ихъ инстинктивные поступки; она дана имъ только для особыхъ, неожиданныхъ случаевъ, могущихъ смутить ихъ покой. У человѣка же, напротивъ, инстинктивныя движенія постоянно преображаются въ сознательную дѣятельность. Такъ, напримѣръ, человѣкъ общителенъ по инстинкту, но на каждомъ шагу инстинктъ замѣняется здѣсь размышленіемъ и свободнымъ выборамъ; первоначально языкъ человѣка былъ продуктомъ инстинкта*), поэзія его была плодомъ вдохновенія; а теперь дѣлая изъ

*) „Вопросъ о происхожденіи языка рѣшенъ въ сущности Ф. Кювье съ того момента, какъ онъ провелъ различіе между инстинктивной и сознательной жизнью животнаго. Языкъ вовсе не есть обдуманное, произвольное или условное открытіе; онъ не

ЦАБ "Автограф"

грамматики науку, изъ поэзіи искусство; человѣкъ, невольно, позволю себѣ сказать—инстинктивно вѣритъ въ Бога и будущую жизнь, въ силу—эту вѣру онъ выразилъ въ чудовищныхъ, затѣмъ въ странныхъ, красивыхъ, утѣшительныхъ или грозныхъ формахъ; всѣ эти различные культы, надъ которыми глумилось фривольное безбожіе восемнадцатаго вѣка, ничто иное какъ языки, которыми говорило религіозное чувство человѣка; придетъ время, и человѣкъ уяснитъ себѣ, что такое Богъ, къ которому витаютъ его мысли, и на что можно надѣяться на томъ другомъ свѣтѣ, къ которому летитъ его душа.

Человѣкъ не дорожитъ тѣмъ, что дѣлаетъ инстинктивно, онъ презираетъ это; а если восхищается, то не какъ чѣмъ то своимъ, а какъ дѣломъ природы; поэтому имена первыхъ изобрѣтателей канули въ вѣчность, поэтому мы равнодушны къ религіи, а пріемы ея вызываютъ у насъ только усмѣшку. Человѣкъ цѣнитъ только продукты рефлексіи и размышленія. Самыя удивительные продукты инстинкта являются въ его глазахъ лишь счастливыми *находками*; продукты разума онъ называетъ *открытіями* (я чуть не сказалъ: творчествомъ). Инстинктъ рождаетъ страсти и энтузіазмъ; разумъ создаетъ преступленія и добродѣтель.

Для развитія своего разума человѣкъ пользуется не только собственными, но и чужими наблюденіями; онъ регистрируетъ ихъ, собираетъ въ лѣтописи, такъ что растетъ не только умственный багажъ индивидуума, но и всего рода. У животныхъ не существуетъ передачи знаній; воспоминанія каждой особи погибаютъ вмѣстѣ съ ней.

Итакъ недостаточно считать одну рефлексію отличіемъ человѣка отъ животныхъ; надо имѣть также въ виду *настоящую тенденцію вашего инстинкта превратится въ сознаніе.* Пока человѣкъ во власти инстинкта, онъ не сознаетъ того, что дѣлаетъ. Если бы имъ руководилъ только инстинктъ, какъ это мы видимъ у животныхъ, онъ никогда не ошибался бы, не зналъ бы ни зла, ни заблужденій. Но Создатель одарилъ насъ рефлексіей, для того чтобы нашъ инстинктъ сталъ разумомъ. А такъ какъ эта рефлексія и вытекающее изъ нея познаніе имѣютъ различныя степени, на первыхъ порахъ рефлексія скорѣе мѣшаетъ, нежели помогаетъ инстинкту. Такъ что въ началѣ наша мыслительная способность заставляетъ насъ поступать противно нашей природѣ и назначенію; мы впадаемъ въ заблужденія, творимъ зло и страдаемъ отъ этого; пока инстинктъ, ведущій насъ къ добру, и рефлексію, искушающую насъ на зло, не замѣнитъ наука о добрѣ и злѣ, наука, которая вѣрными шагами ведетъ насъ къ одному и заставляетъ сторониться другого.

Такимъ образомъ зло, т.-е. заблужденіе и его послѣдствія, является первороднымъ сыномъ двухъ антагонистическихъ способностей: инстинкта

данъ намъ ни въ откровеніи свыше, ни въ сверхъестественныхъ задаткахъ; языкъ—инстинктивный и безсознательный продуктъ человѣка, точно такъ же какъ улей—продуктъ инстинктивной и безсознательной дѣятельности пчелинаго роя. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что языкъ не есть продуктъ человѣка, его разума; дѣйствительно, механизмъ языка кажется намъ тѣмъ геніальнѣе и удивительнѣе, чѣмъ онъ свободнѣе отъ рефлексіи. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и неоспоримыхъ фактовъ филологической науки. См. между прочимъ латинскую диссертацію Ф. Г. Бергмана, Страсбургъ, 1839 г., въ которой ученый авторъ доказываетъ, какимъ образомъ фонетика возникаетъ изъ ощущенія; какъ языкъ развивается въ трехъ послѣдовательныхъ періодахъ; какъ человѣкъ одаренъ съ самаго своего появленія на свѣтъ способностью инстинктивнаго творчества языка и теряетъ ее по мѣрѣ развитія его разума; наконецъ, что изученіе языковъ есть настоящая наука, естественная наука. Нынѣшняя Франція имѣетъ первоклассныхъ филологовъ, обладающихъ рѣдкимъ талантомъ и глубокой философской эрудиціей; эти скромные ученые строятъ свою науку почти безъ вѣдома публики, они съ такимъ рвеніемъ отдаются изслѣдованіямъ, которыми позорно брезгаютъ другіе, что невольно думается, они нарочно бѣгутъ отъ апплодисментовъ толпы, которыхъ такъ ищутъ другіе".

ЦАБ "Автотрак"

и рефлексіи; добро, или истина, должно быть вторымъ, неизбѣжнымъ плодомъ ихъ соединенія. Будемъ продолжать эту аллегорію: зло есть продуктъ кровосмѣшенія между двумя противоположными силами, добро рано или поздно будетъ законнымъ плодомъ ихъ святого и таинственнаго союза.

Собственность, обязанная своимъ происхожденіемъ нашей способности сужденія, выростаетъ на сравненіи. (Игра словъ: faculté de raisonner и comparaisons. Перев.). Но точно такъ же какъ рефлексія и разсужденіе слѣдуютъ послѣ интуиціи, наблюденіе послѣ ощущенія, опытъ послѣ инстинкта, точно такъ же собственность болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ коммунизмъ. Коммунизмъ, или простая ассоціація, есть неизбѣжная цѣль, первоначальный подъемъ общественности, ея первое непосредственное проявленіе, это первая стадія цивилизаціи. Въ этой стадіи общественной эволюціи (юристы называютъ ее *отрицательнымъ коммунизмомъ*) человѣкъ приближается къ человѣку, дѣлитъ съ нимъ земные злаки, молоко и мясо животныхъ; мало-по-малу изъ отрицательнаго, какимъ этотъ коммунизмъ остается, пока человѣкъ ничего не производитъ, онъ переходитъ въ положительный, питаемый развитіемъ труда и производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ автономія мысли и страшная способность разсуждать о добрѣ и злѣ внушаютъ человѣку, что, если равенство есть необходимое условіе общества, то коммунизмъ есть первый видъ рабства.

Облечемъ все это въ гегеліанскую формулу:

Коммунизмъ, первый фазисъ, первая дефиниція общественности, есть первая форма соціальнаго развитія, *тезисъ*; собственность, противоположность коммунизма—*антитезисъ*. Намъ остается найти третій членъ, *синтезъ*, чтобы имѣть рѣшеніе нашей проблемы. Этотъ синтезъ необходимый результатъ поправки тезиса антитезисомъ; слѣдовательно, мы должны изслѣдовать ихъ свойства и устранить изъ нихъ то, что враждебно общественности; то, что останется отъ обоихъ, образуетъ въ своемъ союзѣ истинную форму человѣческой ассоціаціи.

§ 2. Отличительныя черты коммунизма и собственности.

1) Не смѣю скрыть, что никто еще не представлялъ себѣ общественный строй внѣ собственности или коммунизма; этому трижды проклятому заблужденію собственность обязана всѣмъ, что она есть. Недостатки коммунизма такъ очевидны, что критикамъ его не нужно было много искусства, чтобъ отравить ею людей. Безаппелляціонность его несправедливыхъ приговоровъ, его насилованіе личныхъ симпатій и антипатій, желѣзное ярмо, налагаемое имъ на волю человѣка, нравственная пытка, которой онъ подвергаетъ совѣсть человѣка, дряблость, на которую онъ осуждаетъ общественную жизнь, и наконецъ, его блаженное и тупое однообразіе, сковывающее свободную, активную и разсуждающую личность—все это возмутило здравый смыслъ человѣка и безповоротно осудило коммунизмъ.

Авторитеты и примѣры, на которые ссылаются въ пользу коммунизма, говорятъ въ сущности противъ него: коммунистическая республика Платона построена на рабствѣ, республика Ликурга прибѣгаетъ къ труду илотовъ, которые должны были все производить для своихъ хозяевъ и такимъ образомъ давали имъ возможность предаваться исключительно войнѣ и гимнастическимъ упражненіямъ. Ж.-Ж. Руссо, смѣшивавшій коммунизмъ и равенство, тоже сказалъ гдѣ-то, что безъ рабства не представляетъ себѣ возможности равенства. Коммунистическія общины первыхъ христіанъ не продержались долѣе одного столѣтія и

ЦАБ "Автограф"

скоро выродились въ монашескіе скиты; всѣ путешественники посѣтившіе іезуитскія коммуны въ Парагваѣ, находятъ, что положеніе негровъ въ нихъ ничуть не отличается отъ рабства; фактъ, что милосердные отцы вынуждены были окружить себя стѣнами и рвами, чтобы воспрепятствовать повальному бѣгству своихъ неофитовъ. Бабувистовъ, которыми руководилъ скорѣе экзальтированный страхъ передъ собственностью, нежели опредѣленная доктрина, погубила утрировка ихъ принциповъ; сенсимонисты, желавшіе совмѣстить коммунизмъ и неравенство, прошли, какъ маскарадный чадъ. Величайшая опасность, которой можетъ подвергнуться современное общество,—это потерпѣть еще разъ кораблекрушеніе на этомъ подводномъ камнѣ.

Странное дѣло! Систематическій коммунизмъ, сознательное отрицаніе собственности задуманъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ предразсудка собственности; въ основѣ всѣхъ теорій коммунистовъ лежитъ та-же собственность.

Правда, члены коммуны не имѣютъ никакой собственности; но сама коммуна является собственницей, не только собственницей матеріальныхъ предметовъ, но и людей и ихъ желаній. Благодаря этому принципу державной собственности, трудъ, который долженъ быть для насъ только естественнымъ требованіемъ нашей природы, превращается въ обязательство, налагаемое человѣкомъ на человѣка; это дѣлаетъ его ненавистнымъ. Этотъ коммунизмъ предписываетъ своимъ членамъ пассивное повиновеніе, несовмѣстимое съ разсуждающей волей человѣка; онъ не допускаетъ никакихъ возраженій противъ своихъ уставовъ, а, какъ ни превозноси ихъ, они никогда не будутъ безъ изъяна; жизнь, талантъ, всѣ способности человѣка принадлежатъ государству, которое можетъ употреблять ихъ въ общее благо такъ, какъ ему заблагоразсудится; частныя общества строжайше воспрещаются, потому что терпѣть ихъ значитъ ввести въ общину другія, мелкія общины, стало-быть, и частную собственность; сильный долженъ работать за слабаго, хотя это можетъ быть только благодѣяніемъ, но не обязанностью, это можно рекомендовать, но не приказывать; прилежный будетъ исполнять урокъ лѣниваго, хотя это несправедливо; талантъ—урокъ идіота, хотя это нелѣпо; наконецъ, человѣкъ долженъ принесть въ жертву свое *я*, свою непосредственность, свой геній, свои склонности и смиренно преклониться передъ величіемъ и непреложностью коммуны. Все это вытекаетъ изъ принципа собственности, лежащаго въ основѣ этого коммунизма.

Коммунизмъ есть неравенство, но не въ томъ смыслѣ, какъ собственность, а въ обратномъ. Собственность есть эксплуатація слабаго сильнымъ; коммунизмъ—эксплуатація сильнаго слабымъ. При режимѣ собственности неравенство является результатомъ силы, будетъ ли эта сила силой физической или духовной, силой событій, случаемъ, счастьемъ, силой богатства и т. д. Въ коммунизмѣ неравенство проистекаетъ изъ посредственности таланта и труда, которую ставятъ на одну доску съ силой. Это обидное уравненіе возмущаетъ нашу совѣсть и вызываетъ ропотъ достойныхъ; ибо если сильный можетъ признать за собой долгъ помогать слабому, то только какъ долгъ благородства, онъ никогда не согласится стоять съ нимъ на одной доскѣ (il ne supportera jamais la comparaison). Оба они должны быть поставлены въ одинаковыя условія труда и вознагражденія, но между ними не должны никогда возникать подозрѣнія, что одинъ изъ нихъ не исполняетъ общей задачи.

Коммунизмъ это—гнетъ и рабство. Человѣкъ согласенъ подчиниться закону долга, служить родинѣ, помогать друзьямъ, но онъ хочетъ работать по собственному выбору, сколько и когда ему угодно; онъ желаетъ распорядиться своимъ временемъ, повиноваться одной необходимости, по

ЦАБ "Авангард"

своему выбирать себѣ друзей, занятія и время отдыха; помогать не по приказу, а по собственному желанію; жертвовать собой изъ эгоизма, а не изъ рабскаго принужденія. Коммунизмъ безусловно препятствуетъ свободному развитію нашихъ способностей, нашихъ благороднѣйшихъ влеченій, сокровеннѣйшихъ чувствъ; если вы найдете средство примирить его съ требованіями индивидуальнаго разума и воли, то будьте увѣрены: передъ вами ужъ не будетъ болѣе коммунизмъ, отъ него останется только имя—а такъ какъ мы искренне стремимся къ истинѣ, намъ слѣдуетъ избѣгать всякаго слововерченія.

Итакъ, коммунизмъ нарушаетъ автономію совѣсти и равенство: первую—тѣмъ, что связываетъ умъ и сердце, парализуетъ нашу свободу въ области мысли и фактовъ, второе—тѣмъ, что равно вознаграждаетъ трудъ и лѣнь, талантъ и глупость, чуть ли не порокъ и добродѣтель. Впрочемъ, если собственность не возможна потому, что всѣ въ перегонку стараются пріобрѣсть ее, то коммунизмъ скоро станетъ невозможнымъ благодаря соревнованію лѣности.

2) Въ свою очередь, собственность нарушаетъ равенство своей исключительностью и привилегіей, а свободу—деспотизмомъ. Первое я достаточно развилъ въ трехъ предыдущихъ главахъ; здѣсь ограничусь тѣмъ, что окончательно докажу тождественность собственности и воровства.

Воръ значитъ по латыни *fur* и *latro*, первое—отъ греческаго *pherô*, латинскаго *fero*, уношу; второе отъ *lathroô*, разбойничаю, латинскаго *lateo*, прячусь. Греки имѣютъ еще слово *kleptês* отъ *kleptô*, ворую; корень его тотъ же что въ *kaluptô*, прикрываю, прячу. Согласно этимъ этимологическимъ указаніямъ, воръ—человѣкъ, который—все равно какъ—прячетъ, уноситъ не принадлежащую ему вещь.

Евреи выражали ту же самую мысль словомъ *gannab*, воръ отъ глагола *ganab*, класть на сторону, уносить: *lo thi-gnob* (8-ая заповѣдь), не украдь, т.-е. не клади ничего въ сторону, не удерживай ничего для себя. Такъ поступаетъ человѣкъ, который обѣщаетъ при своемъ вступленіи въ общество отдать ему все, что онъ имѣетъ, но втайнѣ сохраняетъ часть про себя, какъ это сдѣлалъ знаменитый Ананія.

Этимологія глагола *voler* (красть) еще болѣе поучительна. *Voler* или *faire la vole* происходитъ отъ латинскаго *vola*, ладонь руки, это значитъ: забрать всѣ взятки въ карточной игрѣ; воръ, значитъ, тотъ, кто беретъ все, беретъ себѣ львиную долю. Возможно, что слово *voler* взято изъ воровского жаргона, перешло оттуда въ нашъ обиходный языкъ, а изъ него въ стиль законодателя.

Воровство совершается на безконечно различные лады, законодатель очень искусно различаетъ и классифицируетъ ихъ, смотря по степени ихъ жестокости или заслуженности, и въ одномъ случаѣ воздаетъ воровству дань уваженія, въ другомъ—караетъ его.

Воруютъ: 1) нападая на большой дорогѣ, 2) безъ соучастниковъ или цѣлой бандой, 3) съ помощью взлома, 4) утайки, 5) злостнаго банкротства, 6) подлога частныхъ или оффиціальныхъ документовъ, 7) поддѣлки монеты.

Въ эту категорію входятъ всѣ воры, которые дѣйствуютъ одной силой или явнымъ мошенствомъ: бандиты, бродяги, пираты, корсары и флибустьеры, древніе герои гордились этими почетными титулами и считали свое ремесло не только прибыльнымъ, но также благороднымъ. Немвродъ, Тезей, Язонъ и его Аргонавты; Іафетъ, Давидъ, Ромулъ, Хлодвигъ и всѣ его потомки—меровинги; Робертъ Гюискаръ, Танкредъ, Богемундъ и большинство норманнскихъ витязей — всѣ они были разбой-

ЦАБ "Автограф"

никами и ворами. Героическій характеръ воровства сказывается въ слѣдующихъ словахъ, вкладываемыхъ Гораціемъ въ уста Ахиллу:

Jura neget sibi nata, nihil non arroget armis *),

а также въ слѣдующей фразѣ изъ завѣщанія Іакова (*Бытіе*, гл. 48), которую евреи примѣняютъ къ Давиду, а христіане къ ихъ Христу: *Manus ejus contra omnes*, его рука ограбитъ всѣхъ. Въ наши дни разбойникъ, богатырь древности, безпощадно преслѣдуется; законъ караетъ его ремесло позоромъ и тюрьмой, а то и эшафотомъ. Какой печальный поворотъ во взглядахъ!

Крадутъ: 8) какъ шулеръ, 9) какъ шантажистъ, 10) злоупотребляя довѣріемъ другого, 11) съ помощью игры и лоттереи.

Законы Ликурга поощряли эту вторую категорію, для того чтобъ развить находчивость и сообразительность молодежи; это хитрость Улиссовъ, Солоновъ, Синоновъ, древнихъ и нынѣшнихъ іудеевъ отъ Іакова до Дейца; цыганъ, арабовъ и всѣхъ дикарей. Во время Людовиковъ XIII-го и XIV-го невѣрная игра не считалась чѣмъ-то безчестнымъ, шулерство въ нѣкоторомъ родѣ входило въ правила игры, и многіе честные люди не брезгали возможностью исправить съ помощью ловкаго маневра капризы фортуны. Даже въ наше время у крестьянъ всѣхъ странъ считается большимъ достоинствомъ *умѣть сдѣлать сдѣлку*, т.-е. надуть покупателя; это такъ вошло въ обычай, что обманутый не сердится на обманувшаго. Извѣстно, какъ тяжело было нашему правительству отказаться отъ лоттереи; оно чувствовало, что отмѣна лоттереи—ударъ въ сердце собственности. Шулеръ и шарлатанъ выѣзжаютъ главнымъ образомъ на своей ловкости, хитрости, краснорѣчіи и изобрѣтательности; иногда они ставятъ также ловушки для чужой алчности; поэтому наше Уголовное Уложеніе, для котораго умъ немного выше мускульной силы, сочло нужнымъ создать изъ этихъ четырехъ разновидностей вторую категорію и примѣняетъ къ ней только исправительныя, не позорящія наказанія. Обвиняйте послѣ этого законы въ безбожіи и матеріализмѣ!

Крадутъ: 12) съ помощью ростовщическихъ процентовъ.

Эта категорія, ставшая столь ненавистной послѣ возвѣщенія Евангелія и такъ строго наказуемая теперь, служитъ переходомъ отъ недозволеннаго воровства къ дозволенному. Согласно своей двойственной природѣ, она даетъ мѣсто множеству противорѣчій въ законѣ и морали, противорѣчій, которыми очень искусно пользуются люди финансоваго и коммерческаго міра. Такъ, ростовщикъ, ссужающій подъ ипотеки по 10, 12 и 15 процентовъ, рискуетъ громаднымъ штрафомъ, если попадется въ руки закона; банкиръ же, который беретъ тѣ же проценты—правда, не за ссуду, а подъ видомъ обмѣна или учета, т.-е. продажи, пользуется покровительствомъ королевской привилегіи. Но различіе между банкиромъ и ростовщикомъ чисто-номинальное; ростовщикъ ссужаетъ подъ залогъ движимаго или недвижимаго имущества, банкиръ дѣлаетъ ссуду на цѣнныя бумаги; какъ и ростовщикъ, онъ взимаетъ проценты впередъ; какъ ростовщикъ, онъ можетъ искать съ заемщика, если залогъ пропадаетъ, т.-е. вексель не оплачивается — доказательство, что онъ не продаетъ, а ссужаетъ деньги. Банкиръ ссужаетъ на короткій срокъ, тогда какъ заемъ у ростовщика можетъ быть заключенъ на годъ, два, три, девять лѣтъ и т. д.; но разница въ срокѣ и нѣкоторыя формальныя различія не измѣняютъ сущности контракта. Что касается капиталистовъ, которые помѣщаютъ свои капиталы въ государственныхъ бумагахъ или въ торговыхъ предпріятіяхъ, по 3, 4, 5 процентовъ, т.-е. получаютъ сравни-

*) Мое право - это мой щитъ и копье.—Генералъ Броссаръ говорилъ, какъ Ахиллъ: „Мое копье и щитъ раздобудутъ мнѣ вино, золото и женщинъ".

ЦАБ "Автограф"

тельно съ банкирами и ростовщиками менѣе высокіе ростовщическіе проценты, то они сливки общества, цвѣтъ честныхъ людей. Умѣренность въ воровствѣ—вотъ и вся добродѣтель *).

Крадутъ: 13) съ помощью ренты, арендной и наемной платы.

Авторъ *Писемъ къ провинціалу* (Паскаль) много потѣшилъ добрыхъ христіанъ семнадцатаго столѣтія своимъ іезуитомъ Эскобаромъ и договоромъ Могатра. „Договоръ Могатра, говоритъ Эскобаръ, заключается въ томъ, что вы покупаете матерію за дорогую цѣну и въ кредитъ и сейчасъ же продаете ее назадъ тому же лицу за наличныя и по болѣе дешевой цѣнѣ". Эскобаръ нашелъ аргументы, оправдывающіе этотъ видъ ростовщичества. Паскаль и всѣ янсенисты издѣвались надъ нимъ. Но что сказалъ бы сатирикъ Паскаль, и ученый Николь, и непобѣдимый Арно, если бы отецъ Антуанъ Эскобаръ изъ Вальядолида привелъ бы имъ слѣдующій аргументъ: Наемный контрактъ заключается въ томъ, что вы дорого и въ долгъ покупаете недвижимость, для того, чтобы по прошествіи извѣстнаго времени продать ее за дешевую цѣну тому же лицу; съ той лишь разницей, что, для упрощенія операціи, покупатель платитъ лишь разницу между первой и второй цѣной. Если вы находите, что наемный конктрактъ и Могатра не одно и то же, я васъ немедленно опровергну; если же вы признаете ихъ тождество, вы должны согласиться съ моей теоріей, иначе вы осуждаете ренту и аренду.

Услышавъ эти ужасныя разсужденія іезуита, синьоръ Монтальтъ ударилъ бы въ набатъ и возопилъ бы, что общество въ опасности, что іезуиты подкапываются подъ его основанія.

Крадутъ: 14) съ помощью торговли, если прибыль торговца превышаетъ законное вознагражденіе его обязанностей.

---

*) Интересной и благодарной темой было бы подвергнуть разбору писателей, писавшихъ о ростовщичествѣ, или, какъ выражаются нѣкоторые (конечно, для приличія), о ссудѣ на проценты. Теологи всегда боролись съ ростовщичествомъ; но такъ какъ они всегда признавали законность арендной и наемной платы, проценты съ ссуды, очевидно, ничѣмъ не отличаются отъ наемной платы, они и запутались въ лабиринтѣ всякихъ тонкостей и различій и кончили тѣмъ, что не знаютъ, какъ имъ смотрѣть на ростовщичество. Церковь, эта царица морали, такъ гордящаяся чистотой своего ученія, оставалась въ постоянномъ невѣдѣніи относительно истинной природы собственности и роста; она даже устами своихъ жрецовъ прокламировала самыя печальныя заблужденія на этотъ счетъ. Non potest mutuum, — говоритъ Бенедиктъ XIV. — locationi ullo pacto comparari. Согласно Боссюэту «рента такъ же далека отъ ростовщичества, какъ небо отъ земли». Можно ли съ такими идеями осуждать ссуду подъ проценты? а главное: какъ оправдать Евангеліе, которое формально высказывается противъ ростовщичества? Дѣйствительно, теологи въ крайнемъ затрудненіи: они не могутъ не согласиться съ экономическими аргументами, которые такъ неопровержимо доказываютъ тождественность процента за ссуду съ наемной платой, они не смѣютъ болѣе осуждать ссуду на проценты, но такъ какъ Евангеліе запрещаетъ отдавать деньги въ ростъ, они должны отыскать что-нибудь другое, что можно назвать этимъ именемъ. Итакъ, что такое ростовщичество? Нѣтъ болѣе забавнаго зрѣлища, какъ эти „наставники народовъ" въ ихъ колебаніи между престижемъ Евангелія, которое, по ихъ словамъ, *не могло говорить на-обумъ*, и авторитетомъ экономическихъ доказательствъ; ничто, по моему, не возвышаетъ такъ Евангеліе, какъ это отпаденіе его ложныхъ пророковъ. Салмазій, смѣшивающій процентъ съ наемной платой, былъ опровергнутъ Гроціемъ, Пуффендорфомъ, Burlamaqui, Вольфомъ, Гейнеціусомъ; но любопытнѣе всего, что Салмазій *признался въ своей ошибкѣ*. Вмѣсто того, чтобъ заключить изъ отожествленія процента и наемной платы у Салмазія, что всякій доходъ съ собственности не законенъ, и такимъ путемъ притти къ евангелическому равенству, изъ этого былъ сдѣланъ совершенно другой выводъ: такъ какъ весь свѣтъ считаетъ дозволеннымъ взимать ренту и наемную плату, и разъ согласиться, что процентъ на деньги ничѣмъ не отличается отъ нихъ, то вообще не существуетъ ничего, что можно было бы назвать ростомъ; слѣдовательно, слова Іисуса Христа *иллюзія, нуль*, но можетъ ли согласиться съ этимъ вѣрующій?

Если бы мой мемуаръ появился во время Боссюэта, этотъ великій теологъ *доказалъ бы* ссылками на Св. Писаніе, отцовъ церкви, традицію, соборы и папъ, что собственность есть божественное право, тогда какъ ростощичество—дьявольское навожденіе; мое еретическое произведеніе было бы сожжено, а автора засадили бы въ Бастилію.

ЦАБ "Автограф"

Извѣстно, какъ опредѣляютъ торговлю: *Искусство покупать за 3 фр. то, что стоитъ 6, и продавать за 6 то, что стоитъ 3.* Между такой торговлей и воровствомъ по-американски разница только въ пропорціи обмѣненныхъ стоимостей однимъ словомъ, въ величинѣ прибыли.

Крадутъ: 15) получая прибыль на своемъ продуктѣ, получая синекуру или крупное жалованье.

Фермеръ, который продавая потребителю свой хлѣбъ за извѣстную цѣну, опускаетъ въ моментъ развѣса руку въ кулекъ и забираетъ горсть зерна, несомнѣнно, воръ; профессоръ, получающій отъ государства жалованье за свои лекціи и продающій ихъ вторично публикѣ черезъ посредство книжнаго магазина, воръ; обладатель синекуры, который получаетъ крупный кушъ за свое ничегонедѣланіе, воръ; всякій функціонеръ и работникъ, производящій только 1, а плату получающій за 4, 100, 1000,—воръ; издатель этой книги и я, авторъ ея, воры, потому что мы продаемъ ее по цѣнѣ вдвое большей ея дѣйствительной стоимости.

Итакъ, подведемъ резюме:

Послѣ эпохи отрицательнаго коммунизма, которую древніе поэты называютъ *золотымъ вѣкомъ*, справедливость является намъ въ видѣ права сильнаго, ея первый дебютъ. Въ обществѣ, которое ищетъ себѣ устоевъ и организаціи, неравенство способностей должно было вызвать мысль о заслугахъ; принципъ равенства внушаетъ ему идею поставить въ зависимость отъ личныхъ заслугъ не только престижъ человѣка въ обществѣ, но и распредѣленіе матеріальныхъ благъ; а такъ какъ въ то время главнымъ и чуть ли не единственнымъ достоинствомъ считалась физическая сила, то самый сильный, ἄριστος, какъ самый заслуженный, лучшій членъ общества, имѣлъ право на лучшую долю; если ему отказываютъ въ ней, онъ—естественное дѣло—беретъ ее себѣ силой. Отсюда одинъ шагъ къ требованію права собственности на всѣ возможные предметы.

Таковъ былъ характеръ героическаго права, которое сохранилось—по крайней мѣрѣ, въ традиціи—у грековъ и римлянъ до послѣднихъ дней ихъ республикъ. Платонъ выводитъ передъ нами въ „Горгіасѣ" нѣкоего Калликлеса, который очень умно защищаетъ право сильнаго, и котораго серьезно опровергаетъ Сократъ, защитникъ равенства, τοῦ ἴσου. О великомъ Помпеѣ разсказываютъ, что онъ легко краснѣлъ, и что тѣмъ не менѣе у него вырвались однажды слова: *Какъ же уважать законы съ оружіемъ въ рукахъ!?* Характерная черта для человѣка, въ которомъ борются нравственное чувство и честолюбіе; онъ старается оправдать себя сентенціей героя и разбойника.

Изъ права сильнаго произошла эксплуатація человѣка человѣкомъ, иначе—рабство, ростовщичество или дань, налагаемая побѣдителемъ на побѣжденнаго врага, и вся столь многочисленная свора податей, налоговъ, регалій, барщинъ, оброковъ, ренты, чинша и т. д., и т. д., однимъ словомъ—собственность.

За правомъ сильнаго послѣдовало право хитраго, какъ второй видъ справедливости; право ненавистное героямъ, которые не были сильны на этомъ поприщѣ и много теряли здѣсь. Въ сущности это та же сила, только не физическая, а духовная сила. Умѣніе обмануть непріятеля тоже казалось заслугой и достоинствомъ; но сильные всегда стояли за открытый бой. Въ тѣ времена вѣрность данному слову и присягѣ носила чисто буквальный, формальный характеръ: Uti lingua nuncupassit, ita jus esto—какъ сказалъ языкъ, такъ пусть будетъ по праву, гласитъ законъ Двѣнадцати Таблицъ. Хитрость, или вѣрнѣе—вѣроломство была почти вся политика древняго Рима. Вико приводитъ между прочимъ слѣдующій фактъ, на который ссылается также Монтескье: Римляне обѣщали Кар-

ЦАБ "Автограф"

ѳагенянамъ сохранить ихъ достояніе и ихъ *городъ*, но нарочно употребили выраженіе *civitas*, означающее общество, государство; Карѳагеняне же поняли подъ этимъ городъ въ матеріальномъ смыслѣ, *urbs* и принялись за постройку новыхъ городскихъ стѣнъ. Тогда Римляне пошли на нихъ войной, обвиняя ихъ въ нарушеніи договора; исходя изъ героическаго права, они считали эту войну вполнѣ справедливой и нисколько не смущались тѣмъ, что подвели врага этой хитростью.

Изъ права хитраго произошла прибыль промышленника, торговца и банкира; коммерческіе подвохи; претензіи всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ украшаютъ почетными именами *таланта* и *генія*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти претензіи надо бы считать высшей степенью нахальства и подлости; наконецъ, всѣ виды общественнаго неравенства.

Въ тѣхъ сортахъ воровства, которые воспрещаются закономъ, сила и хитрость выступаютъ открыто и безъ всякихъ околичностей; въ дозволенномъ воровствѣ онѣ прячутся подъ маску произведенной стоимости, пользуются этимъ (предлогомъ), чтобъ обобрать свою жертву.

Прямое насиліе и обманъ уже давно были отвергнуты въ одинъ голосъ; но ни одна нація не дошла еще до того, чтобъ сбросить съ себя иго воровства въ его союзѣ съ талантомъ, трудомъ и владѣніемъ. Отсюда всѣ колебанія казуистики и безчисленныя противорѣчія юриспруденціи.

Право силы и хитрости, воспѣтыя рапсодами въ пѣсняхъ Иліады и Одиссеи, вдохновляло всѣхъ законодателей Греціи, духъ его живетъ въ римскомъ правѣ, откуда онъ перешелъ и въ наши нравы и законы. Христіанство ничего здѣсь не измѣнило; не будемъ взваливать вину на Евангеліе, которое священники никогда не понимали и не могли объяснить своей паствѣ—они, какъ и юристы, тоже находились во власти злыхъ доктринъ. Невѣжество соборовъ и папъ въ области морали стояло на одномъ уровнѣ съ невѣжествомъ форума и преторовъ; это глубокое невѣжество въ вопросахъ права, справедливости, общества—убиваетъ церковь и является вѣчнымъ позоромъ ея ученія. Вѣроломство римской и прочихъ христіанскихъ церквей на лицо; всѣ онѣ исковеркали ученіе Іисуса Христа; всѣ онѣ впали въ заблужденія какъ въ своей моральной, такъ и религіозной доктринѣ; всѣ онѣ виновны въ ложныхъ, нелѣпыхъ, убійственныхъ положеніяхъ, полныхъ неравенства и несправедливости. Пусть проситъ прощенія у Бога и у людей эта церковь, которая назвала себя непогрѣшимой и извратила свою мораль; пусть ея реформированныя сестры смирятся.. и народъ столько терпѣвшій, но кроткій и религіозный, оцѣнитъ это*).

Эволюція права въ его различной формулировкѣ прошла тѣ-же стадіи, какъ и различные виды собственности; правосудіе все гонитъ передъ собой воровство, загоняетъ его во все болѣе и болѣе узкія границы. До сихъ поръ право побѣждало кривду, равенство—неравенство только

---

*) «Я возвѣщаю Евангеліе, я живу имъ», говорилъ апостолъ, понимая подъ этимъ, что онъ живетъ своимъ трудомъ; католическое духовенство предпочло жить доходами съ собственности. Извѣстна борьба средневѣковыхъ коммунъ противъ аббатовъ и епископовъ, бывшихъ крупными земельными собственниками и сеньорами; папскія отлученія, метавшія громъ и молніи въ защиту церковной собственности. И въ наше время еще оффиціальные органы французскаго духовенства доказываютъ, что доходъ церковныхъ лицъ является не жалованіемъ, а вознагражденіемъ за отнятую третьимъ сословіемъ въ 1789 году церковную собственность. Духовенство предпочитаетъ жить доходами съ собственности, чѣмъ трудомъ.

Одна изъ самыхъ главныхъ причинъ нищеты Ирландіи это — огромные доходы англійскаго духовенства. Мы видимъ, что еретики и правовѣры, протестанты и паписты ни въ чемъ не могутъ упрекнуть другъ друга; всѣ они одинаково заблуждались въ области справедливости, всѣ грѣшили противъ восьмой заповѣди: *Не укради!*

ЦАБ "Автограф"

въ силу инстинкта и самаго хода вещей; но послѣдній тріумфъ нашей общественности будетъ дѣломъ нашего разума, иначе мы попадемъ въ другой феодальный хаосъ: или нашъ *разумъ* ждетъ эта слава или *недостойная природа* наша ввергнетъ насъ въ бездну несчастья.

Второй результатъ собственности—деспотизмъ. Такъ какъ деспотизмъ неизбѣжно соединяется въ умѣ съ понятіемъ законной власти, я долженъ въ своемъ изложеніи причинъ деспотизма коснуться также вопроса о законной власти, о ея принципѣ.

Какую форму правительства предпочесть намъ?—Какъ, неужели вы можете еще спрашивать объ этомъ, удивится, конечно, мой молодой читатель: вѣдь вы республиканецъ.—Да, республиканецъ; но это слово ничего не говоритъ. Res publica значитъ общее дѣло, общее благо; всякій, кто стремится къ общему благу—безразлично, подъ той или иной государственной формой, можетъ назвать себя республиканцемъ. Короли тоже республиканцы.—Ладно. Но вѣдь вы демократъ?—Нѣтъ.—Какъ? Чего добраго, вы окажетесь монархистомъ?—Нѣтъ.—Конституціоналистомъ?—Сохрани Боже! — Значитъ, вы аристократъ?—Ничего подобнаго. — Вы хотите смѣшанной формы правленія?—Ужъ совсѣмъ нѣтъ.—Что же вы?—Я анархистъ.

— Ага, я понимаю васъ; вы иронизируете по адресу правительства.—Нисколько. Вы слыхали мою profession de foi, она серьезный и зрѣлый продуктъ моихъ думъ. Хотя я и большой приверженецъ порядка, я—анархистъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Слушайте.

У животныхъ, живущихъ обществами, повиновеніе молодыхъ старымъ и сильнымъ вытекаетъ именно изъ ихъ молодости; а привычка, которая играетъ у нихъ роль совѣсти, обусловливаетъ то, что власть остается за самымъ старымъ индивидомъ, хотя онъ, въ свою очередь, становится слабымъ. Гдѣ имѣется вожакъ, онъ почти всегда оказывается самымъ старымъ членомъ стада. Я говорю „почти всегда“, потому что установленный порядокъ можетъ быть нарушенъ взрывомъ страстей. Тогда власть переходитъ къ другому; она, значитъ, опять начала съ силы, а затѣмъ сохраняется по привычкѣ. Дикія лошади живутъ табунами; во главѣ табуна идетъ вожакъ, за которымъ онѣ довѣрчиво слѣдуютъ, онъ даетъ сигналъ къ бѣгству и схваткѣ.

„Вскормленная нами овца слѣдуетъ за нами, но она слѣдуетъ точно такъ же за своимъ стадомъ, среди котораго она появилась на свѣтъ. Она видитъ въ человѣкѣ ничто иное, какъ *вожака ея стада*... Человѣкъ является для домашнихъ животныхъ лишь членомъ ихъ общества; все искусство его заключается въ томъ, чтобъ, заставить ихъ считать его своимъ компаньономъ; онъ скоро становится ихъ вождемъ, благодаря своему духовному превосходству. Такъ что человѣкъ не вноситъ измѣненія въ *естественное состояніе* этихъ животныхъ, какъ думалъ Бюффонъ; напротивъ, онъ именно извлекаетъ выгоду изъ этого естественнаго состоянія. Другими словами, до него животныя были *общественными*, онъ ихъ дѣлаетъ *домашними*, становясь ихъ компаньономъ, ихъ начальникомъ. Итакъ, прирученіе животнаго лишь частный случай, простая модификація, извѣстное слѣдствіе его общественной природы. Всѣ домашнія животныя по своей природѣ животныя общественныя“. (Flourens Resumé des observations de F. Cuvier).

Общественныя животныя слѣдуютъ за вожакомъ *по инстинкту*; но отмѣтимъ то, что упустилъ Ф. Кювье: роль этого вожака покоится цѣликомъ на *интеллектѣ*. Вожакъ не учитъ другихъ членовъ стада соединяться подъ его предводительствомъ, размножаться, обороняться отъ врага, бѣжать отъ него; во всѣхъ этихъ пунктахъ его подчиненные такъ же умны, какъ онъ. Но, благодаря своему опыту, онъ умѣетъ

ЦАБ "Авангард"

найтись въ какомъ-нибудь непредвидѣнномъ обстоятельствѣ; въ трудныхъ ситуаціяхъ его частный интеллектъ приходитъ на помощь общему инстинкту; онъ разсуждаетъ, онъ рѣшаетъ, онъ ведетъ; однимъ словомъ, его благоразуміе управляетъ членами общества для вящаго блага всѣхъ.

Человѣкъ, живущій согласно своей природѣ въ обществѣ, естественно, тоже слѣдуетъ своему вожаку или вождю. Первоначально такимъ вождемъ является отецъ, патріархъ, старѣйшина, т.-е. свѣдущій человѣкъ, мудрецъ, функціи котораго покоятся исключительно на разсудочной дѣятельности. Родъ человѣческій, какъ и другія общественныя животныя, имѣетъ свои инстинкты, свои врожденныя способности, свои общія идеи, свои категоріи чувства и разума; всѣ вожди, законодатели или короли ровно ничего не изобрѣли, не сочинили, не вложили своего, они ограничивались управленіемъ общества согласно съ пріобрѣтеннымъ ими опытомъ, причемъ они всегда исходили изъ общихъ вѣрованій и мнѣній.

Философы, вносящіе въ мораль и исторію свое мрачное настроеніе демагоговъ, утверждаютъ, что родъ человѣческій не зналъ въ началѣ ни вождей, ни королей; они ничего не смыслятъ въ природѣ человѣка. Монархія, абсолютная монархія точно такъ-же, какъ демократія, и даже въ большей степени, чѣмъ демократія, является первобытной формой правленія. Мы видимъ, что въ самыя отдаленныя времена герои, разбойники, искатели приключеній добывали себѣ короны и становились королями; на этомъ основаніи смѣшиваютъ въ одну кучу монархію и деспотизмъ. Но монархія такъ-же стара, какъ самъ человѣкъ; она имѣлась въ періодъ отрицательнаго коммунизма; героизмъ-же и порождаемый имъ деспотизмъ являются только съ первой формулировкой идеи справедливости, т.-е. съ царствомъ силы. Съ тѣхъ поръ, когда сильнѣйшій сталъ считаться достойнѣйшимъ и лучшимъ, старѣйшинѣ пришлось уступить ему мѣсто, и монархія превратилась въ деспотизмъ.

Стихійное, инстинктивное и, такъ сказать, физіологическое происхожденіе монархіи придало ей въ началѣ сверхчеловѣческій характеръ; люди приводятъ его въ связь съ Богами, отъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, произошли первые цари; отсюда божественныя генеалогіи королевскихъ фамилій, воплотившіеся боги, мессіанскія басни; отсюда доктрины божественнаго права, которыя до сихъ поръ сохранили за собой чудачныхъ послѣдователей.

Монархія была въ началѣ выборной, потому что въ эпоху, когда человѣкъ производитъ мало и поэтому не имѣетъ ничего своего, собственность еще слишкомъ слаба, чтобъ создать идею наслѣдственности и обезпечить сыну королевство его отца. Но по мѣрѣ того, какъ стали расчищать новины и строить города, каждая функція, какъ и все прочее, становится частной собственностью; такимъ образомъ королевскія и жреческія функціи пріобрѣтаютъ наслѣдственный характеръ; даже самыя обыденныя занятія становятся наслѣдственными, что повлекло за собой дѣленіе на касты, мѣстничество, презрѣніе къ разночинцу —это обстоятельство подтверждаетъ мои слова о наслѣдованіи сына отцу, какъ объ указанномъ намъ природой способѣ замѣщать вакантныя функціи и завершать начатую работу.

Время отъ времени появлялись честолюбцы - узурпаторы, *похитители престола*; это побудило называть однихъ, законными, легитимными королями, другихъ—*тиранами*. Но намъ не должны импонировать имена: исторія знаетъ возмутительныхъ королей и очень сносныхъ тирановъ. Каждая монархія можетъ быть хороша, если она единственно возможная (въ данное время) форма правленія; но она никогда не можетъ быть легитимной. Ее не дѣлаютъ законной ни наслѣдственное, ни выборное на-

ЦАБ "Автограф"

чало, ни всеобщее голосованіе, ни превосходство суверена, ни санкція религіи и времени. Подъ какой формой она ни является намъ, подъ монархической, олигархической, демократической, монархія, или управленіе человѣка человѣкомъ, не законна и абсурдна.

Человѣкъ всегда старается найти *правило*, позволяющее ему самымъ совершеннымъ и краткимъ способомъ удовлетворять свои нужды; на первыхъ порахъ это—живое, видимое, осязательное правило: это — его отецъ, его господинъ, его король. Чѣмъ меньше его знанія, тѣмъ безусловнѣе его повиновеніе, его довѣріе къ своему руководителю. Но человѣкъ, законъ котораго — сообразовать свое поведеніе съ нормой, т.-е. приходить къ ней путемъ разсужденія и размышленія, человѣкъ разсуждаетъ насчетъ приказовъ своихъ вождей; эти разсужденія — протестъ противъ авторитета, начало непослушанія. Съ того момента, когда человѣкъ начинаетъ доискиваться мотивовъ державной воли, его можно считать мятежникомъ. Если онъ повинуется уже не потому, что король такъ велѣлъ, а потому, что король доказалъ это, мы можемъ сказать, что онъ не признаетъ болѣе никакого авторитета, что онъ дѣлаетъ самого себя своимъ королемъ. Горе тому, кто осмѣлится быть его вождемъ и не представитъ ему другой санкціи своихъ законовъ, кромѣ авторитета большинства: рано или поздно меньшинство станетъ большинствомъ, и неразумный деспотъ будетъ свергнутъ, всѣ его законы разбиты.

По мѣрѣ того какъ общество становится просвѣщеннѣе, королевскій авторитетъ уменьшается; это фактъ, засвидѣтельствованный всей исторіей. На первыхъ порахъ національной жизни люди могутъ разсуждать сколько угодно, это имъ не идетъ въ прокъ, потому что они не имѣютъ ни методовъ, ни принциповъ, не знаютъ, какъ пользоваться своимъ разумомъ; они не знаютъ, правы-ли они или ошибаются. Королевскій авторитетъ безграниченъ въ эту эпоху, у людей нѣтъ еще знаній, которыя могли бы ему противорѣчить. Но мало-по-малу опытъ создаетъ привычки, а привычки, въ свою очередь—обычаи; затѣмъ обычаи принимаютъ форму правилъ, послѣднія превращаются въ положенія, однимъ словомъ, въ законы; король, живой законъ, вынужденъ склониться передъ ними. Наступаетъ время, когда обычаи и законы такъ размножились, что воля суверена, такъ сказать, связана общей волей; вступая на престолъ, онъ вынужденъ присягать, что будетъ управлять согласно обычаямъ страны; онъ является лишь исполнительной властью общества, законы котораго созданы безъ него.

До сихъ поръ все это происходитъ инстинктивнымъ путемъ, такъ сказать, безъ вѣдома сторонъ. Но вотъ къ какому концу неминуемо приводитъ это движеніе; мы сейчасъ увидимъ это.

Постепенно просвѣщаясь и пріобрѣтая запасъ идей, человѣкъ въ концѣ концовъ приходитъ къ понятію *науки*, т.-е. системы знаній, соотвѣтствующихъ дѣйствительности и почерпнутыхъ изъ наблюденія. Онъ создаетъ науку о неорганическихъ тѣлахъ, науку объ органическихъ тѣлахъ, о духовной жизни человѣка, систему міра. Какъ-же ему не искать также систему общества? Но, дойдя до этой вершины, онъ видитъ, что истина (въ этой области), или политическая наука совершенно не зависима отъ воли суверена, отъ мнѣнія большинства и народныхъ вѣрованій; что короли и министры, магистраты и народы, поскольку рѣчь идетъ объ ихъ волѣ, не имѣютъ никакого значенія для науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему становится яснымъ, что, если человѣкъ рожденъ для общества, онъ освобождается отъ отцовской власти съ того момента, какъ разумъ его станетъ на ноги, и воспитаніе его будетъ закончено, — онъ становится тогда компаньономъ своего отца; что его настоящій властелинъ и король—это разъ доказанная истина; что политика—наука, а не

ЦАБ "Авеграф"

игра; и что роль законодателя сводится въ концѣ концовъ къ методическому исканію истины.

Итакъ, власть человѣка надъ человѣкомъ находится — въ каждомъ данномъ обществѣ—въ обратномъ отношеніи къ уровню умственнаго развитія, достигнутаго обществомъ; мы можемъ вычислить ея вѣроятную продолжительность, если взвѣсимъ, насколько распространено въ обществѣ стремленіе къ истинному правительству, т.-е. правительству, построенному на истинѣ. И точно такъ-же, какъ право сильнаго и хитраго теряетъ почву по мѣрѣ расширенія понятія справедливости и въ концѣ концовъ должно перейти въ равенство; такъ гегемонія воли смѣняется гегемоніей разума и въ результатѣ растворится въ научномъ соціализмѣ. Собственность и монархія съ самого начала свѣта идутъ къ своему разложенію; точно такъ-же, какъ человѣкъ ищетъ справедливости въ равенствѣ, такъ общество ищетъ порядка въ анархіи.

Анархія, отсутствіе всякаго господина, властелина *) — вотъ та форма правленія, къ которой мы приближаемся съ каждымъ днемъ; вкоренившаяся у насъ манера брать человѣка за указку и его волю за законъ заставляетъ насъ видѣть въ этой новой формѣ правленія лишь хаосъ и безпорядокъ. Разсказываютъ, одинъ парижскій обыватель семнадцатаго вѣка, услышавъ, что въ Венеціи нѣтъ короля, вытаращилъ глаза отъ удивленія; добрякъ надрывалъ себѣ животики со смѣху и никакъ не могъ раскусить эту странную для него новость. Такъ силенъ нашъ предразсудокъ; мы всѣ, сколько насъ ни есть, желаемъ себѣ вождя или вождей; у меня въ рукахъ теперь брошюра, авторъ которой, горячій коммунистъ, мечтаетъ о диктатурѣ, словно второй Маратъ. Самые передовые изъ насъ желаютъ лишь возможно большаго числа сувереновъ, королевство національной гвардіи—вотъ объектъ самыхъ пламенныхъ желаній ихъ, и вскорѣ, конечно, найдутся, люди которые, завидуя гражданской милиціи, потребуетъ, чтобы всѣ были королями; но тогда я скажу: нѣтъ, никто не король, мы всѣ, хотимъ ли или не хотимъ этого, товарищи. Всѣ вопросы внутренней политики должны рѣшаться по даннымъ департаментской статистики; всякій вопросъ внѣшней политики есть дѣло международной статистики. Наука управленія должна быть сосредоточена въ одной изъ секцій академіи наукъ, постоянный секретарь ея является само собою премьеръ-министромъ; а такъ какъ каждый гражданинъ можетъ написать докладную записку въ Академію, то всѣ граждане—законодатели; мнѣніе человѣка имѣетъ значеніе лишь поскольку оно доказано, поэтому никто не можетъ на мѣсто разума поставить свою волю, нѣтъ болѣе королей.

Всѣ вопросы законодательства и политики—объектъ науки, а не дѣло вкуса; *законодательная власть* принадлежитъ только разуму, систематически доказанной истинѣ. Признавать за той или другой властью право санкціи и право *veto*—это верхъ тираніи. Справедливость и законность такъ же не зависимы отъ нашего сочувствія, какъ и математическія истины. Надо только знать ихъ, и онѣ сами собой становятся обязательны; надо только подумать и поработать, и онѣ откроются намъ. Какую же роль играетъ народъ, если онъ не является сувереномъ и источникомъ законодательной власти? Народъ есть стражъ закона, народъ есть *исполнительная власть*. Всякій гражданинъ можетъ заявить: это вѣрно, это справедливо; но его убѣжденіе обязываетъ только его одного; провозглашаемая имъ истина только тогда становится законна, когда получаетъ (всеобщее) признаніе. Но это значитъ признать законъ?

*) Обыкновенно слово *анархія* понимаютъ въ смыслѣ отсутствія принципа, отсутствія всякой нормы; поэтому изъ него сдѣлали синонимъ *безпорядка*.

ЦАБ "Автограф"

Это значитъ провѣрить математическую или метафизическую операцію, повторить опытъ, сдѣлать наблюденіе, констатировать фактъ. Только нація имѣетъ право сказать: *Мы приказываемъ и повелѣваемъ.*

Согласенъ, что все это ставитъ на голову традиціонныя идеи, что я какъ будто замышляю перевернуть (всю) нашу политическую жизнь. Но прошу читателя принять въ соображеніе, что, начавши парадоксомъ, я долженъ на каждомъ шагу натыкаться на новые парадоксы и кончить парадоксами, если я разсуждалъ вѣрно. Впрочемъ, я не вижу, какая опасность грозитъ свободѣ, если въ рукахъ гражданъ вмѣсто пера законодателя окажется мечъ закона. Исполнительная власть по существу связана съ волей, и потому чѣмъ больше носителей ея, тѣмъ лучше; это настоящая область народнаго суверенитета *).

Собственникъ, воръ, герой, суверенъ—вѣдь всѣ эти слова синонимы—объявляютъ свою волю закономъ и не терпятъ ни противорѣчій, ни контроля, другими словами, требуютъ для себя и законодательной, и исполнительной власти. Королевская власть уступаетъ свое мѣсто дѣйствительному, научному закону только цѣной упорной, жестокой борьбы, и послѣ собственности этотъ безпрерывный процессъ является самымъ могучимъ факторомъ исторіи, самымъ главнымъ источникомъ политическихъ дѣятелей. Примѣры этого имѣются въ большомъ множествѣ и говорятъ сами за себя, такъ что мнѣ не зачѣмъ останавливаться на нихъ.

Собственность необходимо ведетъ къ деспотизму, къ господству произвола и ненасытныхъ вожделѣній; это въ такой степени присуще ей, что достаточно посмотрѣть кругомъ насъ, вспомнить физіономію собственности, и мы сейчасъ убѣдимся въ этомъ. Собственность есть право *употреблять и злоупотреблять.* Но разъ задача управленія заключается въ экономіи, разъ его единственная цѣль—производство и потребленіе, распредѣленіе труда и продуктовъ, то можетъ ли оно ужиться съ собственностью? Если продукты составляютъ частную собственность, какъ же ихъ собственникамъ не быть царями и царями деспотическими, царями въ пропорціи ихъ богатства? И если каждый собственникъ—августѣйшій властелинъ въ своей собственности, неприкосновенный царекъ въ своихъ владѣніяхъ, то какъ же такому правительству собственниковъ не быть хаосомъ и вавилонскимъ столпотвореніемъ?

§ 3. Опредѣленіе третьей формы общественнаго устройства. Заключеніе.

Итакъ, если брать въ основу собственность, невозможно ни управленіе, ни общественное хозяйство, ни администрація.

Коммунизмъ стремится къ *равенству* и *закону;* собственность, рож-

*) Если подобныя идеи проникнутъ когда-нибудь въ умы, это будетъ концомъ представительнаго правленія и тираніи говоруновъ. Было время, когда наука, мысль, слово обозначались однимъ словомъ; когда рѣчь шла объ умномъ и ученомъ человѣкѣ, говорили: онъ прекрасно говоритъ. Но уже давно слово, рѣчь были абстрагированы отъ науки и разума; мало-по-малу эта абстракція. выражаясь словами логиковъ, реализовалась въ жизни общества; такъ что у насъ есть теперь всякаго рода *ученые;* которые ни слова не выронили, и *говоруны,* которыхъ нельзя назвать учеными даже въ искусствѣ рѣчи. Философъ теперь уже не ученый; это—краснобай. Законодатель, поэтъ были прежде великими божественными людьми; теперь это—говоруны. Говорунъ—это голосистый звонокъ, который при малѣйшемъ толчкѣ издаетъ долгій, нескончаемый звукъ; потокъ его краснорѣчія тѣмъ неудержимѣе, чѣмъ поразительнѣе нищета его мысли. Говоруны правятъ міромъ, они оглушаютъ, убиваютъ насъ, пьютъ нашу кровь, грабятъ насъ и смѣются надъ нами. А ученые молчатъ; чуть они скажутъ что, у нихъ отнимаютъ слово. Такъ пусть же они пишутъ!

ЦАБ "Автограф"

денная изъ автономіи разума и чувства личной заслуги, требуетъ во всемъ *независимости* и *пропорціональности*.

Но считая закономъ однообразіе и равенствомъ нивеллировку, коммунизмъ становится деспотическимъ и несправедливымъ; собственность, благодаря своему деспотизму и хищничеству, скоро оказывается гнетущей и антисоціальной.

Цѣль коммунизма и собственности хороша, но результаты ихъ обоихъ плохи. А почему? Потому что оба они носятъ исключительный характеръ и не считаются съ двумя элементами общественной жизни. Коммунизмъ отвергаетъ независимость и пропорціональность; собственность не согласуется съ равенствомъ и закономъ.

Вообразимъ себѣ общество, построенное на этихъ четырехъ принципахъ: равенствѣ, законѣ, независимости и пропорціональности. Мы увидимъ, что:

1) такъ какъ равенство заключается только въ *равенствѣ условій*, т.-е. *средствъ*, а не въ *равенствѣ благосостоянія* (послѣднее, при равныхъ средствахъ, должно быть дѣломъ работника), оно ни въ коемъ случаѣ не нарушаетъ справедливости;

2) *законъ*, построенный на знаніи фактовъ, стало-быть, опирающійся на необходимость, нисколько не стѣсняетъ независимости;

3) взаимная *независимость* индивидуумовъ, или автономія отдѣльнаго разума проистекаетъ изъ различія талантовъ и способностей и не представляетъ опасности въ предѣлахъ закона;

4) *пропорціональность*, ограниченная сферой мысли и чувства и исключенная изъ области матеріальныхъ благъ, не противорѣчитъ справедливости и общественному равенству.

Эту третью форму общества, синтезъ коммунизма и собственности, мы назовемъ *свободой* *).

Итакъ, въ нашемъ опредѣленіи свободы мы отличаемъ коммунизмъ и собственность, иначе оно было бы жалкимъ эклектизмомъ. Съ помощью аналитическаго метода мы изслѣдуемъ, что они оба содержатъ въ себѣ истиннаго, отвѣчающаго требованіямъ природы и законамъ общественности; мы устраняемъ изъ нихъ чуждые элементы. Въ результатѣ получаемъ адэкватное выраженіе естественной формы человѣческаго общества, однимъ словомъ—свободу.

Свобода есть равенство, потому что свобода существуетъ только въ обществѣ, а безъ равенства нѣтъ общества.

Свобода есть анархія, потому что она не признаетъ режима воли, а только авторитетъ закона, т.-е. необходимости.

Свобода есть безконечное разнообразіе, потому что въ предѣлахъ закона она считается съ волей каждаго.

Свобода есть пропорціональность, потому что она предоставляетъ полный просторъ честолюбію заслуги и соревнованію изъ-за славы.

Мы можемъ теперь сказать словами Кузена: „Нашъ принципъ истиненъ, хорошъ, соціаленъ; не побоимся же сдѣлать изъ него всѣ выводы“.

Общественный характеръ человѣка — вотъ истинный источникъ морали, принципъ и правило всѣхъ нашихъ дѣйствій; путемъ размышленія и рефлексіи онъ превращается въ *справедливость*, развитіе дарованій дѣлаетъ его *гуманностью*, а формула его—*свобода*. Это тотъ всеобщій двигатель, котораго ищетъ философія, который укрѣпляетъ ре-

*) Libertas. liberare, libratio, libra, liberté, delivrer, libration. balance (вѣсы, равновѣсіе) livre (фунтъ)—всѣ эти слова имѣютъ общее происхожденіе. Свобода есть равновѣсіе между правами и обязанностями; сдѣлать человѣка свободнымъ значитъ уравновѣсить, уравнять его съ другими.

ЦАБ "Автограф"

лигія, эгоизмъ вытѣсняетъ, а чистый разумъ никогда не въ состояніи замѣнить. *Право* и *долгъ* возникаютъ у насъ изъ *потребности*; разсматриваемая по отношенію къ внѣшнимъ существамъ, эта потребность является *правомъ*, а по отношенію къ намъ самимъ—*долгомъ*.

Это потребность ѣсть и спать; наше право добывать себѣ предметы, необходимые для сна и пропитанія; нашъ долгъ пользоваться этимъ, когда этого требуетъ природа.

Это потребность работать, чтобы жить; наше право, нашъ долгъ.

Это потребность любить свою жену и дѣтей; нашъ долгъ — быть ихъ опорой и защитникомъ, наше право быть любимымъ ими болѣе, чѣмъ кто другой. Супружеская вѣрность — предписаніе справедливости; прелюбодѣяніе—преступленіе противъ общества.

Это потребность обмѣнивать наши продукты на другіе продукты; наше право получать въ обмѣнъ эквивалентный продуктъ, а такъ какъ мы потребляемъ прежде, чѣмъ производимъ, то нашъ долгъ, еслибъ это было въ нашей власти, чтобы нашъ послѣдній продуктъ слѣдовалъ за нашимъ послѣднимъ потребленіемъ. Самоубійство есть злость банкротства.

Это потребность исполнять нашу задачу согласно внушеніямъ нашего разума; наше право свободнаго самоопредѣленія; нашъ долгъ признавать его въ другихъ.

Это потребность быть цѣнимымъ другими людьми; нашъ долгъ заслужить ихъ похвалы; наше право быть судимыми по нашимъ дѣламъ.

Свобода вовсе не находится въ противорѣчіи съ наслѣдственными и завѣщательными правами; она лишь предупреждаетъ нарушеніе равенства. Выбирайте, говоритъ она, одно наслѣдство изъ двухъ, но не сосредоточивайте въ своихъ рукахъ обоихъ. Всѣ наши законы о дарственномъ и прочихъ переходахъ имуществъ, объ усыновленіи должны быть передѣланы.

Свобода благопріятствуетъ соревнованію, не уничтожаетъ его; при общественномъ равенствѣ соревнованіе заключается въ работѣ на равныхъ условіяхъ, награду свою оно находитъ въ самомъ; себѣ его побѣда никому не приноситъ вреда.

Свобода рукоплещетъ самоотверженію, но она можетъ обойтись и безъ него. Для соціальнаго равновѣсія достаточно одной справедливости; самоотверженіе есть утрировка. Но счастливъ тотъ, кто можетъ сказать: Я жертвую собой *).

Свобода по самому существу своему носитъ организующій характеръ: чтобъ обезпечить равенство между людьми; равновѣсіе между націями, необходимо, чтобы земледѣліе и промышленность, центры просвѣщенія и торговли, складочные пункты распредѣлялись согласно географическимъ и климатическимъ условіямъ каждой страны, согласно съ

*) Въ недавно вышедшемъ первомъ номерѣ ежемѣсячнаго журнала L'Egalitaire самоотверженіе выставляется въ качествѣ принципа равенства. Это значитъ смѣшивать всѣ понятія. Самоотверженіе предполагаетъ самую высшую степень неравенства; искать равенства въ самоотверженіи значитъ признавать равенство противнымъ природѣ. Равенство должно быть основано на справедливости, на строгомъ правѣ, на началахъ, признаваемыхъ самимъ собственникомъ: иначе оно никогда не будетъ имѣть мѣста. Самоотверженіе выше справедливости; оно не можетъ быть сдѣлано обязательнымъ, какъ законъ, потому что сущность его заключается въ томъ, что оно не требуетъ вознагражденія. Конечно, желательно было бы, чтобы всѣ поняли необходимость самоотверженія, и идея L'Egalitaire'а очень хорошій примѣръ; но, къ несчастью, она ни къ чему не можетъ повести. Въ самомъ дѣлѣ, что вы скажете человѣку, который скажетъ вамъ: я не хочу жертвовать собой? Заставите ли вы его принести эту жертву? Но вынужденное самопожертвованіе называется угнетеніемъ, рабствомъ, эксплуатаціей человѣка человѣкомъ. Таково, напримѣръ, самопожертвованіе пролетаріевъ въ пользу собственности.

ЦАБ "Автограф"

качествомъ продуктовъ, съ природными талантами и характеромъ жителей и т. д.; распредѣленіе это должно быть справедливо и разумно, такъ чтобы нигдѣ не было ни излишка, ни недостатка въ населеніи, потребленіи и продуктѣ. Здѣсь начинается наука о публичномъ и частномъ правѣ, истинная политическая экономія. Теперь дѣло за юристами: освобожденные отъ ложнаго принципа собственности, они должны формулировать ихъ законы и умиротворять міръ. У нихъ нѣтъ недостатка въ учености и талантахъ; точка опоры дана имъ *).

Я исполнилъ поставленную себѣ задачу: собственность разбита, она болѣе не поднимется. Вездѣ, гдѣ будутъ читать эту книгу, гдѣ будутъ знать о ней, она посѣетъ сѣмя смерти для собственности; рано или поздно привилегія и рабство осуждены здѣсь на погибель; деспотизмъ воли смѣнится царствомъ разума. Въ самомъ дѣлѣ, какіе софизмы, какіе закоренѣлые предразсудки могутъ устоять противъ слѣдующихъ простыхъ положеній?

1) Частное *владѣніе* *) есть условіе общественной жизни; *собственность* есть общественное самоубійство—это доказываютъ пять тысячъ лѣтъ исторіи собственности. Владѣніе согласно съ правомъ, собственность противна праву. Уничтожьте собственность и сохраните владѣніе; благодаря одному этому измѣненію въ принципѣ, вы измѣните всѣ законы, правительство, народное хозяйство, учрежденія—вы изгоните зло со свѣта.

2) Такъ какъ право захвата равно для всѣхъ, владѣніе измѣняется вмѣстѣ съ числомъ владѣльцевъ: собственность не можетъ образоваться.

3) Такъ какъ результатъ труда тоже одинаковъ для всѣхъ, собственность теряется при чужомъ трудѣ и чиншѣ.

---

*) Изъ всѣхъ современныхъ соціалистовъ ученики Фурье долгое время казались мнѣ самыми передовыми и единственными, заслуживающими это имя. Если бъ они съумѣли понять свою задачу, умѣли говорить къ народу, пробуждать симпатіи и молчать о томъ, чего они не понимаютъ; если бы они не заявляли такихъ задорныхъ претензій и обнаружили больше уваженія передъ общимъ разумомъ, быть-можетъ, они дали бы начало реформѣ. Но какъ объяснить, что эти горячіе реформаторы постоянно дѣлаютъ земные поклоны передъ властью и богатствомъ, т.-е. передъ самымъ что ни на есть антиреформаціоннымъ? Какъ это они не возьмутъ въ толкъ, что въ вѣкъ разума люди хотятъ быть обращены не съ помощью миѳовъ и аллегорій, а доказательствъ и разума? Неумолимые враги цивилизаціи, какъ же это они заимствуютъ у нея самый печальный продуктъ ея, собственность, неравенство членовъ и состояній, конкубинатъ, проституцію и что тамъ еще? теургію, магію и сатанинство? Зачѣмъ эти безконечныя разглагольствованія противъ морали, метафизики, психологіи, если вся ихъ система построена на злоупотребленіи этими науками, въ которыхъ они ни аза не смыслятъ? Какой смыслъ имѣетъ ихъ манія боготворить человѣка, главная заслуга котораго — то, что онъ писалъ о массѣ вещей, извѣстныхъ ему только по имени, и къ тому же писалъ такимъ страннымъ и темнымъ языкомъ, какимъ не писалъ еще никто другой? Кто признаетъ непогрѣшимость одного человѣка, ео ipso становится неспособнымъ учить другихъ; кто отказывается отъ своего разума, рано или поздно подвергнетъ опалѣ свободную критику. Члены фаланстеры не будутъ-де дѣлать ошибокъ, если станутъ хозяевами положенія. Но пусть они, наконецъ, снизойдутъ до разсужденій, пусть слѣдуютъ извѣстному методу и дадутъ намъ не откровеніе, а доказательства; мы охотно выслушаемъ ихъ. Пусть они организуютъ промышленность, земледѣліе, торговлю: пусть сдѣлаютъ трудъ привлекательнымъ, пусть сдѣлаютъ почетными самыя низкія функціи и они могутъ быть увѣрены въ нашемъ одобреніи и сочувствіи. А главное, пусть бросятъ свой иллюминизмъ, который дѣлаетъ ихъ похожими на шарлатановъ или кретиновъ скорѣе, нежели на вѣрующихъ и апостоловъ.

*) Частное владѣніе вовсе не препятствуетъ крупной культурѣ и единству эксплуатаціи. Я ничего не сказалъ въ своей книгѣ о невыгодахъ парцелляціи, потому что считаю безполезнымъ въ сотый разъ повторять то, что всѣ отлично знаютъ. Но удивляюсь, какъ это экономисты, такъ хорошо освѣтившіе всѣ недостатки мелкой культуры, не замѣтили, что причина ихъ коренится цѣликомъ въ собственности, не поняли, что ихъ проектъ земельной мобилизаціи есть первый шагъ къ отмѣнѣ собственности.

ЦАБ "Автограф"

4) Такъ какъ всякій человѣческій трудъ необходимо вытекаетъ изъ коллективной силы, всякая собственность тоже должна быть коллективной и нераздѣльной; точнѣе—трудъ уничтожаетъ собственность.

5) Такъ какъ каждая рабочая способность и дарованіе, точно такъ же какъ каждое орудіе труда, представляетъ собой накопленный капиталъ, коллективную собственность, то всякое неравенство въ положеніи и имуществѣ, вводимое подъ предлогомъ неравенства талантовъ, несправедливость и воровство.

6) Необходимыя условія торговли—свобода сторонъ и эквивалентность обмѣненныхъ продуктовъ; а такъ какъ стоимость выражается суммой потраченнаго на продуктъ времени и издержекъ, свобода же неприкосновенна, то всѣ работники должны получать одинаковую заработную плату, какъ одинаковы также права ихъ и обязанности.

7) Продукты покупаются только за продукты; разъ условіемъ обмѣна является эквивалентность продуктовъ, прибыль не возможна и не справедлива. Попробуйте соблюдать этотъ элементарнѣйшій принципъ (политической) экономіи, и изъ нашей среды исчезнутъ пауперизмъ и роскошь, гнетъ, порокъ и преступленіе вмѣстѣ съ голодомъ.

8) Люди ассоціированы между собой въ силу физическаго и математическаго закона производства еще прежде, нежели приходятъ къ этому сознательнымъ путемъ; равенство условій, стало быть, является требованіемъ справедливости, т.-е. общественнаго права, права въ такомъ смыслѣ; только уваженіе, дружба, благодарность, восхищеніе подпадаютъ подъ категорію *пропорціональнаго* или *равномѣрнаго* (équitable) права.

9) Единственно возможной, справедливой и истинной формой общественнаго устройства является свободная ассоціація, свобода, ограничивающаяся соблюденіемъ равенства въ средствахъ производства и эквивалентности въ обмѣнѣ.

10) Политика есть наука о свободѣ; управленіе человѣка человѣкомъ, какъ бы оно не называлось, есть гнетъ; самое совершенное общество представляетъ изъ себя союзъ порядка и анархіи.

Наступилъ конецъ древней цивилизаціи; земля должна обновиться подъ лучами новаго солнца. Пусть пройдетъ одно поколѣніе, пусть умрутъ въ пустынѣ старые грѣшники; ихъ кости не будутъ покоиться въ святой землѣ. Юноша, васъ возмущаетъ испорченность нашего недостойнаго вѣка, въ васъ горитъ пламя справедливости; если вамъ дорога родина, если васъ воодушевляетъ благо человѣчества, дерзайте же и возьмитесь за дѣло свободы. Сбросьте свой отжившій эгоизмъ, погрузитесь въ народную волну зарождающагося равенства; душа ваша воспрянетъ здѣсь къ новой жизни, почерпнетъ неслыханныя силы; вашъ ослабѣвшій духъ снова найдетъ свою неукротимую энергію; ваше сердце, быть можетъ, уже помятое жизнью, снова расцвѣтетъ цвѣтомъ молодости. Все измѣнится въ вашихъ просвѣтленныхъ глазахъ; новыя чувства вызовутъ въ васъ новыя идеи; религія, мораль, поэзія, искусство, языкъ является вамъ въ другомъ, болѣе величественномъ и красивомъ видѣ. И твердый въ своей новой вѣрѣ, энтузіастъ, но не слѣпой, а разсуждающій энтузіастъ, вы будете привѣтствовать зарю всеобщаго возрожденія.

А вы, печальныя жертвы возмутительнаго законодательства, вы, которыхъ злой свѣтъ грабитъ и оскорбляетъ, вы, чей трудъ всегда былъ безплоднымъ, а отдыхъ безнадежнымъ,—утѣшьтесь, ваши слезы сочтены. Отцы сѣяли въ горѣ и печали, сыновья пожнутъ въ радости и счастьи.

О Богъ свободы! Богъ равенства! Богъ, вложившій въ мое сердце чувство справедливости, которое жило въ немъ уже до того времени, какъ я понялъ его разумомъ,—услышь мою горячую мольбу! Ты внушилъ мнѣ все то, что я написалъ въ этой книгѣ. Ты направилъ мою

ЦАБ "Автограф"

мысль, ты указалъ мнѣ дорогу, чтобы я могъ возвѣстить истину передъ слугой и господиномъ. Я говорилъ по мѣрѣ силъ моихъ и таланта, которые ты вложилъ въ меня; теперь дѣло за тобой, ты долженъ завершить свою работу. Ты знаешь, стремлюсь ли я къ своей пользѣ или къ твоей славѣ, о Богъ свободы! Ахъ, пусть исчезнетъ память обо мнѣ, но человѣчество будетъ свободно; пусть я увижу въ своей тьмѣ народъ наконецъ просвѣщенный; пусть благородные учителя просвѣщаютъ его и безкорыстныя сердца ведутъ его. Сократи, если возможно, время нашего испытанія; уничтожь высокомѣріе и алчность; сокруши идолопоклонство передъ славой, которое держитъ насъ въ уничиженіи; покажи малымъ симъ, что въ лонѣ свободы нѣтъ болѣе мѣста героямъ и великимъ людямъ. Всели въ душу сильнаго и богатаго, въ душу того, чье имя мои уста никогда не произнесутъ передъ тобой, ужасъ передъ его хищничествомъ; пусть онъ первый потребуетъ, чтобъ ему дали возможность загладить все, пусть скорое раскаяніе будетъ ему единственнымъ оправданіемъ и прощеніемъ. Тогда большіе и малые, ученые и темные, богатые и бѣдные—всѣ соединятся въ невыразимомъ братствѣ; и всѣ вмѣстѣ, при звукахъ новаго гимна, воздвигнутъ алтарь тебѣ, Богъ свободы и равенства!

ЦАБ "Автограф"